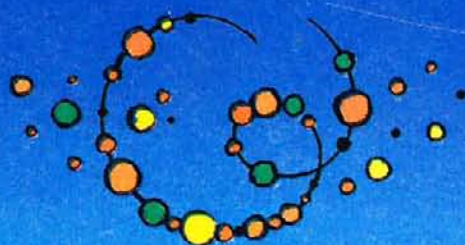
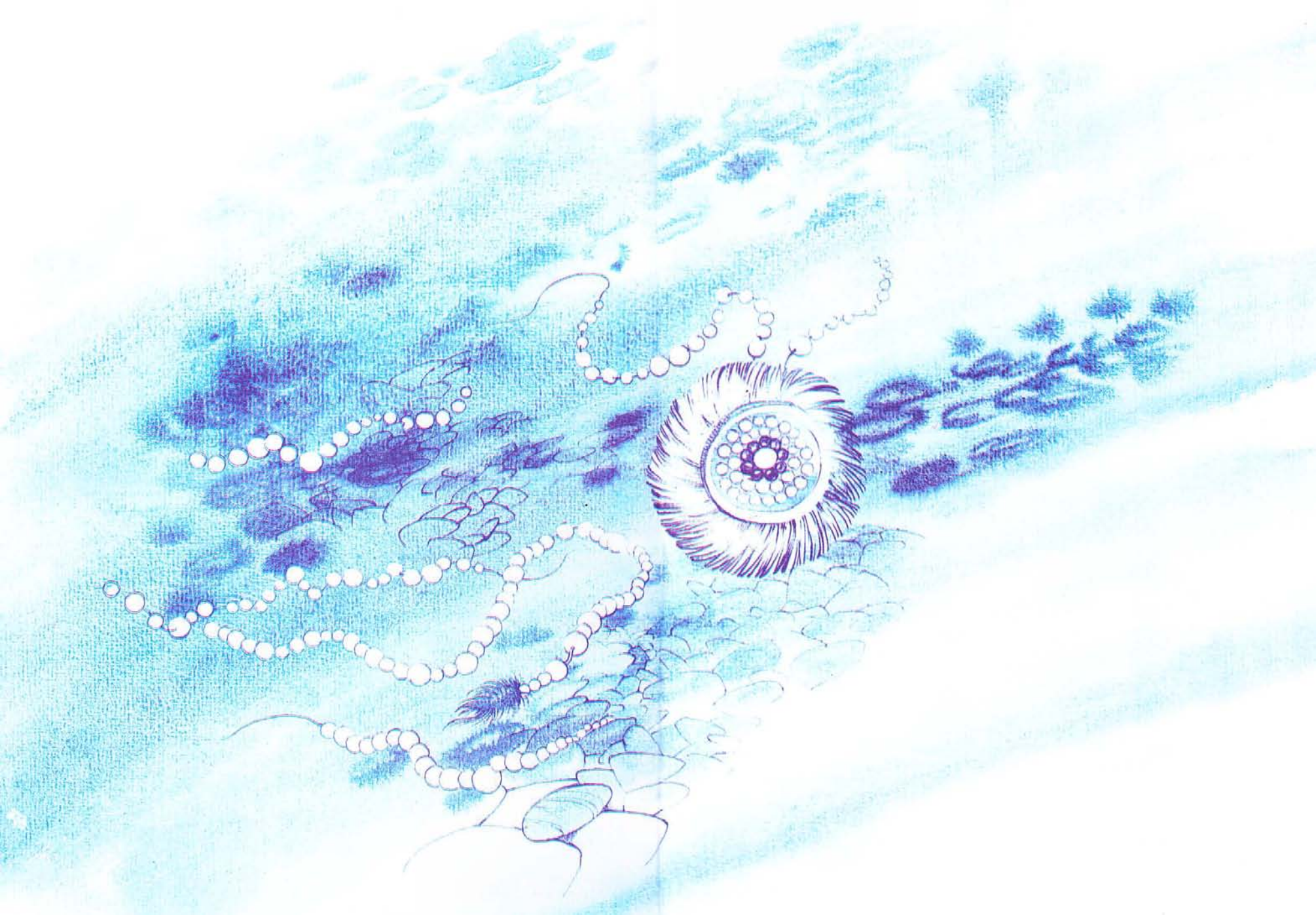

Чина Моторова

ЗВЕЗДАНЬ
БИСЕР

Магадан 2005

Чина Моторова
(Зинаида Самсоновичко)

ЗВЕЗДАНЬИ

БИСЕР

Эвенские сказки и были
Веселые истории

Магадан 2005

Издание Магаданской областной писательской организации СП России

Книга издана при финансовой поддержке администрации Магаданской области, администрации Омсукчанского района и благотворительного фонда “Омолон”.

*Магаданская писательская организация благодарит
Магаданскую областную универсальную научную библиотеку
имени А. С. Пушкина за помощь в работе
над художественным оформлением книги.*

Художник В. А. Борисова.

Моторова, Чина

М85 Звездный бисер: Эвен. сказки и были. Веселые истории / Чина Моторова (Зинаида Самсо-
ненко) ; предисл. В. Данилушкина ; худож. В. Борисова. – Магадан : МАОБТИ, 2005. –
208 с. : ил. 4

В первой книге эвенской сказительницы представлены авторские сказки, отражающие верования, обычаи и быт эвенского народа. Помимо сказок, в сборник вошли комические истории, которые жанрово близки анекдотам.

Для семейного чтения.

84(2Рос=Эвы)–44

© З. И. Самсоненко, текст, 2005
© В. А. Борисова, оформление, 2005
© Магаданская писательская организация, 2005
© В. И. Данилушкин, предисловие, 2005
© ОАО «МАОБТИ», 2005

СКАЗКИ ЧИНЫ

В детстве ее звали Чина. Это имя часто повторяется и в сказках Зинаиды Владимировны – Зиной, Зинаидой издавна зовут ее на русский манер. Ее отец, Владимир Петрович Моторов, был морским капитаном, водил суда каботажного плавания с грузами для национальных поселков Эвенского района. Семья была большая, Чина – младшенькая из восьмерых детей.

Самые значительные праздники, которые помнятся Чине – это когда, окончив многонедельный труд, отец возвращался домой: весь поселок несколько дней гулял, как одна семья. Такую атмосферу всеобщей радости, когда, набегавшись со сверстниками, спишь вповалку, не чуя ни своих, ни чужих рук и ног, одним живым клубком, теперь не повторить. Детство, какое бы ни было, – наш золотой век, и тот, кто занимается художественным творчеством, особенно созданием сказок, это чувствует, черпая из той поры, как из сокровенного родника.

По мужу она Самсоненко, живет сегодня в древнем, по местным меркам, рыбном поселке Ола, в часе езды от областного центра. Взрослые дети, хозяйство. Их дом легко отличить от других – по белым стенам, расписанным оленями. Летом во дворе ставят юрту. Очень удобно в хозяйстве. Чина умеет охотиться и рыбачить, не говоря уж о чисто женской работе, которая жестко обозначена в неписаном уставе кочевника. В школьные и последующие годы Зинаида занималась спортом: волейболом, стрельбой по мишеням, бегом на лыжах. В школе долго держала первенство по стрельбе, а по лыжам первое и третье места. Да и сейчас не против сходить в спортзал и поиграть в волейбол.

Переехав из центральной Колымы, из Омсукчана, на побережье Охотского моря, ближе к городу, она загорелась желанием освоить автомобиль, сдала экзамены, наездила всласть, но все-таки почувствовала, что это не ее стихия. А вот завершить заветное дело, отложенное на долгие годы: подготовить к изданию рукопись книги эвенских сказок – этого душа просит. Зинаида Владимировна очень жалеет, что не осуществилась ее мечта о литературной учебе, не удалось и познать эвенский язык. Была весомая причина: в течение 12 лет пришлось ухаживать за тяжело больной мамой, и все же, все же...

Рано потеряв родителей, Чина переехала к дяде, Машанову Прокопию Павловичу, нежность и уважение к которому хранит по сей день. В молодости он был каюром, возил на собачках почту из Омсукчана в Меренгу, потом пас оленье стадо. Умер в 84 года, а эвенские сказки, которые дядя рассказывал по-русски, живы в ее сердце. Эти сказки, записанные, когда Чине было 25 лет, не просто хранились в черновиках, а жили, ожидая своего часа, обрастали подробностями, деталями. Так живет в раковине песчинка, с годами превращаясь в жемчужину. Чине потребовалось достичь возраста сказочницы, возраста мудрости, чтобы чистые впечатления детства слились в единый сплав с жизненными наблюдениями, обрели философскую глубину.

За плечами Зинаиды Владимировны большой жизненный опыт: ей довелось работать зоотехником, быть главой администрации поселка Меренга, директором Дома культуры. Люди ее поколения помнят коллективизацию в оленеводстве. На ее глазах и обратный процесс «пошел»: ликвидировали поселок оленеводов, прива-

тизировали оленей, что означало разрушение быта и уклада жизни эвенов. И все же она верит, что когда-нибудь оленеводство возродится. Оленей можно завезти из Якутии. Своим долгом она считает сохранение национальной культуры эвенского народа.

Благодаря стараниям ученых: этнографов, фольклористов, – в последние десятилетия миру открывалась неведомая ранее жизнь, материальная и духовная культура. Край «белого безмолвия», как еще недавно называли Север, обретает свой голос. Сказки, легенды и поверья северян приносят новые краски в палитру жизни планеты.

Для читателей, знакомых с произведениями северных писателей, родившихся и выросших в иной, не северной среде, будет непривычен общий настрой книги. В сказочных миниатюрах Чины есть изначальность. Ее герои не напрягаются, не проявляют героизм, покоряя Север. Отнюдь не супермены, они живут в единении с природой и чуть ли не каждую травинку знают «в лицо». Чина называет мамой лиственницу, посаженную на могиле матери, есть нечто неуловимое и родное в силуэте кроны, изгибе ласковых хвойных лап. В сказках действуют муравей и ягодка, нерпа и радуга, луна усыновляет ребенка и вступает в контакт с людьми, очеловечиваются и получают право голоса ручьи, реки, море, горы. В другой сказке дружат заяц и олень, вместе обороняются от волков.

Эти сказки необычайно добрые, в них конфликты разрешаются по-женски. Злой шаман может перевоспитаться, а благодаря самопожертвованию девушки жестокий человек, не имеющий сердца, обретает способность к сочувствию, на склоне лет осознает такие ценности жизни, как воспитание внуков. Здесь великан вовсе не убивает слабого, но мудрого человека, а принимается учиться у него уму-разуму. Или вот: в результате задуманных стариками спортивных состязаний мир воцаряется между двумя северными народами – эвенами и коряками.

Есть на берегу таежного озера три камушка. Брось их в воду – и обеспечишь себе безбедную жизнь. Кажется, знакомое начало. Такое бывало и в русских сказках – упование на чудо. Но финал другой. Праздность быстро надоедает зайцу, и он кладет камушки на место. Вот и охотник предпочитает безделью жизнь, полную опасности и труда, и лишь сын богача остается нежиться на шкурах и в итоге лопается от переедания. Недаром сказано: климат определяет национальный характер. Есть на юге теплая земля, где снимают и два, и три урожая в год. Есть традиция средней полосы России – вкалывать круглыми сутками в страду, а зимой расслабляться.

Труд в северной тундре требует всего человека, без остатка. Нет тебе ни отпуска, ни выходных, надобно работать с самого раннего возраста до глубокой старости не для того, чтобы обогатиться, а чтобы просто выжить. Труд тяжелый, рутинный, не поддающийся никакой механизации, никакому ускорению. Умение извлекать из него радость – это особенность северного народа. Об этом многие сказки. Вот, к примеру: три старушки, пережившие своих детей, просто не могут, чтобы ни о ком не заботиться. Поставили на перекрестье маршрутов свои юрочки, и одна находит удовольствие в выделывании шкур, другая в шитье одежды, третья – мастерица по кухонному делу. Кто бы ни проезжал мимо, заходит на огонек. Бабушки потчуют гостей, лечат приболевших, обогревают их, выслушивают, что тоже важно.

У северян предметы обихода делятся на мужские и женские – например, ножи. Так и эти сказки – прежде всего женские, выражающие философию и бытие женской души, в кочевой ее жизни. Женщина-эвенка в любое время могла заменить мужчину в стаде, на охоте и рыбалке. Муж уважал свою жену за выносливость, терпение, с каким она преодолевала тяготы жизни. Но была и сугубо женская работа, связанная с умением вдеть нитку в иголку, расшить бисером одежду, а прежде выделывать шкуры. Героиня сказки иронизирует по поводу мужчин, не приспособленных для таких тонкостей. Применяемый для женского рукоделья бисер становится

ся звездами на небе, радугой. Значительная часть книги о том, о чем никогда не устанет болеть женское сердце – о замужестве, свадьбе, материнстве, показанных во всем многообразии переживаний. Приведены образцы материнской самоотверженности. В одной из сказок мать, отправившуюся с мужем рыбачить в море, застаёт шторм, и чтобы не оставлять младенца одного, она превращается в нерпу, плывет из перевернувшейся рыбацкой лодки, спасает младенца. Отец, видимо, гибнет, но это за пределами миниатюры.

Предыдущему поколению читателей известны книги, посвященные фольклору народа, живущего на огромном пространстве морского побережья, тундры и тайги Магаданской области. Этих книг так немного: в 1987 году Магаданское книжное издательство выпустило сборник К.А. Новиковой, крупного специалиста по эвенскому фольклору, «Эвенские сказки, предания и легенды», а ранее выходило аналогичное издание. В 1977 году вышла повесть в новеллах Марии Амамич «Не провожайте с тоской улетающих птиц», в литературной записи Станислава Рыжова. В других регионах выходили произведения устного народного творчества чукчей, эскимосов, эвенов, стихи, авторская проза. Спустя годы новая, волнующая встреча.

...Разожгите свой очаг, садитесь поближе к сказочнице Чине, слушайте ее негромкий и неповторимый голос:

– Запомни, внучек, тебе это в жизни пригодится. Все, что нас окружает – природа. Она наша мать, а мы ее дети. Человек должен поклоняться природе, одаривать ее. Нельзя жечь на огне кости, рога, иначе будешь болеть. Нельзя мучить птицу, животного, рыбу, это грех. Нельзя громко радоваться удаче, иначе вспугнешь ее. Нельзя убивать медведя, он хозяин тундры. Почитай своих родителей, уважай стариков.

Книга З.В. Самсоненко открывает новые грани жизни. В ней не повторяются уже известные эвенские сюжеты. Нет той сухой академичности, которая свойственна произведениям, записанным учеными-фольклористами, а есть энергия, музыка текста. Эта книга, как принято теперь говорить, «авторская». Притом, что автор – незаурядный, литературно одаренный человек. Общеизвестно, что люди Севера – художники по сути, и как знать, какие им еще суждено открыть для всех нас глубины человеческого духа.

Пока книга готовилась к печати, сказки Чины становились известны читателям и слушателям: публиковались в магаданских газетах, звучали по местному телеканалу в Эвенске, туда Зинаиде Владимировне удалось съездить после большого перерыва, окунуться в детство. Кстати, телевидение – для нее не диво, фактом биографии стало участие в 1999 году в игре «Поле чудес». Там она представила российскому зрителю эвенский танец.

С успехом выступила сказительница в декабре 2004 года на семинаре начинающих литераторов «Колыма – XXI век», по итогам которого несколько сказок опубликовано в молодежном издании «Светотени». Читатели детского журнала «Сибирячок», выходящего в Иркутске, тоже познакомились с произведениями северянки. В этом сибирском городе проводился конкурс имени Г.Х. Андерсена «Счастье в гусяном пере», посвященный 200-летию сказочника. Подборка сказок Самсоненко заняла в творческом состязании второе место. Книгу уже ждут в Петропавловске-Камчатском, куда Чина посылала свои произведения на конкурс сказок о лососе, а также в Хабаровске, в Якутске.

Стоило мне в мае 2004 года заикнуться о рукописи эвенских сказок, как последовало уверенное: «Присылайте, мы издадим, в Саха тоже есть эвены, им будет интересно». Разговор происходил в купе поезда, который уносил делегатов XII съезда Союза писателей России из Орла в Москву. Народный поэт Якутии Наталья Харлампьева, являющаяся одновременно председателем правления Союза писателей Якутии и главным редактором ежедневной республиканской правительственной газеты после того, как ей были высланы электронной почтой образцы сказок ольчанки, подтвердила свое приглашение.

Чина организовала у себя в поселке Ола детский театр «Хэде», занимается с

детьми 1–7 классов. Репертуар строится на фольклоре народов Севера. Дети и поют, и танцуют. Выступали в поселках Гадля, Клепка, в районном и областном центре. Для многих юных зрителей это было откровением. А однажды кто-то из школьников крикнул в неподдельном восторге: «Индейцы!».

«Надо, видимо, в книге сказать, кто мы такие, откуда ведем свой род, – делилась мыслями Зинаида Владимировна. – Говорят, эвены с Алтая пришли. Я там бывала». Конечно, невозможно вместить в одну книгу и то, и другое, и третье, но все же минимальные пояснения нужны.

Есть у меня историко-этнографический справочник «Народы мира», 1988 года издания. Там обо всех понемногу сказано: и об индейцах, и о русских, и о чукчах, и об Алтае – давшем название группе языков. А вот и интересующая нас статья: «ЭВЕНЫ – эвэн (самоназв.), тунгусы, реже ламуты (прежнее назв.), живут на севере Сибири, в нек-рых р-нах Магаданской и Камчатской обл., в Охотском районе Хабаровского края и в сев.-вост. р-нах Якутской АССР (к вост. от Лены). Числ. 13 тыс. чел. Относятся к байкальскому варианту континентальной расы большой монголоидной расы. Говорят на эвенском яз. тунгусо-манчжурской группы алтайской семьи. По происхождению и культуре представляют собой сев.-вост. ветвь эвенков. Антропологич. и этнографич. особенности Э. обусловлены их давними тесными связями с юкагирами, а отчасти также с коряками и чукчами. К приходу русских (сер. 17 в.) большинство Э. кочевало на Охотском побережье и к западу от него – в отрогах Верхоянского хребта. В течение 17–19 вв. расселились почти по всей сев.-вост. части Якутии, на Чукотке и Камчатке. В процессе расселения ассимилировали значительное число юкагиров.

Осн. традиц. занятия – оленеводство и охота, а у береговых Э. – рыболовство и мор. зверобойный промысел. Жилищем служили цилиндрич.-конич. юрты и конич. чумы.

Традиц. одежда (мужская и женская) – меховой или ровдужный кафтан, борта которого не сходились на груди, поэтому дополнением к кафтану служил нагрудник. Одежда украшалась бахромой, вышивкой бисером и пр.

С 19 в. обращены в православие, но сохраняли разл. формы дохрист. верований (шаманство и др.)».

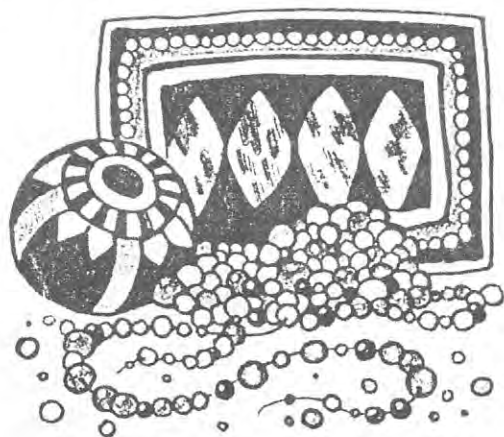
С предметами домашней утвари эвенов можно познакомиться в домашнем музее З. Самсоненко в поселке Ола.

...Из 250 прозаических миниатюр сборника Чины 50 в корне отличаются от основного массива текста. Это комические рассказы. Герой одного из циклов – Кузьмич – реальный чудаков по жизни, с кровью и плотью. Есть еще два цикла рассказов – о первом знакомстве тундровиков с цивилизацией – трактором, мавзолеем, зоопарком. Первое, что приходит на ум – анекдоты о чукчах (кто только их сочиняет?), но у рассказчицы Чины это гораздо интереснее, энергичнее, тут тебе и комедия характеров, и комедия положений.

Все это вселяет надежду, что первая книга Чины – у нее не последняя.

Владимир ДАНИЛУШКИН,
член Союза писателей России

ЗВЕНСКИЕ

СКАЗКИ

ЗЫБЛЫ

МЕДВЕДЬ — ДРУГ

Вродил однажды по лесу медведь, учуял аппетитный запах и пошел на него. Приблизился к кустам кедрового стланика, раздвинул их, видит: сидит женщина и что-то месит, раскатывает, кладет на огонь. Немного погодя приходит мужчина, и они с удовольствием что-то едят с огня. Это были лепешки. Медведь стащил одну. Понравилась. Дай-ка тоже постряпаю! Нашел посудину, положил в нее землю, добавил воды и стал месить. Замесив землю, дождался, когда женщина отлучится к ручью, положил стряпню на очаг, но никакого вкусного запаха не ощутил. Попробовал земляные лепешки и выплюнул.

На другой день муж той женщины ушел в соседнее стойбище, к родственникам, а хозяйка опять пекла, и запах стряпни разносился по всему лесу. Медведь выскочил из кустов, испугал женщину, но, увидев, что зверь стоит с протянутой лапой, она успокоилась, дала ему большую лепешку, смазанную жиром. Четвероногому лакомке так понравилось угощение, что он долго мотал головой, благодарил хозяйку, давая понять, что готов ей послужить. И правда, стал хорошим помощником: носил воду, собирал дрова, шишки. Както наломал сучьев, понес, а навстречу муж женщины — возвращается из гос-

тей, с ружьем наготове. Хорошо, что жена успела крикнуть:

— Не убивай нашего помощника!

Медведь подружился и с хозяином, стал незаменимым в семье: ни охота, ни рыбалка, ни заготовка дров, ни сбор ягод без него не обходятся. Своими огромными лапами он неуклюже ласкал детей охотника, нянчил их, катал на себе, это нравилось малышам. Зимой, как и все его сородичи, медведь погружался в спячку. Охотник устроил ему теплое зимовье, сам с семьей зимовал тут же, возле берлоги. Если из-за сильных метелей нельзя было добыть дров, семейство забиралось в логово, под теплый бок зверя, дети зарывались в его длинную шерсть. Весной медведь просыпался, и для семьи охотника наступали счастливые дни.

Шли годы, медведь старел, дряхлел, однажды он ушел далеко в чащу и не вернулся. Долго звали его люди, заглядывали под каждый кустик, манили свежими лепешками, но не отозвался он.

Зимними вечерами, сидя у костра, семейство поминало добрым словом четвероногого друга, скрасившего трудную жизнь.

ЛОСЬ И ОЛЕНЬ

Встретились на лесной поляне олень и лось.

— О мой старший брат, — сказал олень, — ты могуч и прекрасен!

— А ты когда вырастешь? — спросил лось.

— Я уже взрослый и останусь таким, — ответил олень. — Давай дружить.

— Давай, — согласился лось. Он водил оленя по топким болотам, по нехоженным местам. Прокладывал тропу, а олень за ним. Однажды сам лось завяз.

— Друг мой, олень, я тону! — крикнул лось.

Олень толкал, тянул лося, но вытащить не смог, силенок маловато.

— Я сейчас приведу своих сородичей, — сказал олень. — Ты держись! — побежал в ближайшее стадо и крикнул: — Сородичи-олени! Мой друг тонет в болоте, помогите ему!

Олени бросились на помощь, разматали рогами и копытами болотную жижу. Лось встал на твердое место, выбрался из болота и поблагодарил всех за помощь, особенно друга-оленья. Птицы разнесли на весь лес весть о необыкновенной дружбе. Так и повелось: если друзья нарывались на стаю волков, лось прятался в кустах, а олень заманивал хищников в кусты. И тогда лось топтал преследователей тяжелыми копытами, колол мощными рогами.

Однажды олень заболел, лег на полянке и сказал:

— Лось, братишка, я умираю.

Лось побежал вглубь леса, насобирал целебных трав, принес, дал больному, стал вылизывать большим шершавым языком его шерсть. Вскоре олень поправился, и вновь друзья были вместе.

ШАМАН КЫЧУ

или-были два шамана: добрый и злой. Злой шаман сеял страх, собирал пастухов, насылал на них порчу. А добрый шаман Кычу жил в отдаленном стойбище, делил с людьми радости и горести, если надо, шаманил, чтобы изгнать болезни, послать охотникам удачу.

Прознал злой шаман о Кычу, решил погубить его, вышел в тундру, позвал пургу, чтобы помогла ему в недобром замысле.

— Я погублю Кычу, — сказала пурга, налетела на юрту доброго шамана, порвала в клочья, разбросала, а самого унесла и бросила связанного далеко в тундре. Лежит Кычу, замерзает. Прибежали звери, не дали погибнуть хорошему человеку, согрели своим дыха-

нием, а лису послали за пастухами. Примчались оленеводы, увезли Кычу в стойбище, напоили горячим чаем, накормили.

Узнал злой шаман, что Кычу выжил, всю ночь злобно плясал вокруг костра, стучал в бубен, вызывая духов. Вышел злой дух Буямб, пообещал:

— Я погублю белого шамана!

А Кычу тем временем вызвал добрых духов, их собралось так много, что когда появился злой дух Буямб, то не решился с ними тягаться и улетел восвояси.

Еще пуще разозлился злой шаман, поклялся страшной клятвой, что погубит Кычу во что бы то ни стало, вызвав на поединок:

— Вон, Кычу, видишь залив, под тонкой коркой льда? Давай по нему бегать. Кто провалится, тот утонет. А вместе не жить нам на одной земле.

Стали шаманы носиться по заливу, весь лед переломали, лишь тонкую полосу не тронули. Побежал по ней Кычу, лед выдержал. Побежал злой и толстый шаман, продавил лед и пошел ко дну.

Хорошо стало без него жителям стойбища. Теперь у них был один белый шаман Кычу, который часто вызывал добрых духов, и те не оставляли людей без помощи в их трудной жизни.

ПОЧЕМУ У КУЛИКА ДЛИННЫЙ НОС

ил в тундре маленький шустрый кулик с коротким клювом. Однажды он сел на бугорок, принялся рыть ямку. Вдруг кто-то схватил его за клюв, стал тянуть. Это была мышка:

— Что это ты, кулик, мою норкурываешь?

— Ой, ой, — закричал кулик, — отпусти меня!

Но мышка крепко держала птицу

за клюв, и тот становился все длиннее и длиннее. Еле вырвался кулик, полетел на озеро. Увидел в озерной воде отражение своего изуродованного клюва и пожаловался утке, которая кормилась тут же мелкой озерной живностью. А той новый клюв кулика даже понравился.

— Я бы тоже такой хотела, — крикнула утка.

— Пойди на холмик, где мышка живет, она тебе клюв вытянет, — предложил кулик.

— Нет, — не согласилась утка. — Мне пора улетать. Лучше в следующий раз.

— А что же мне-то делать с таким уродливым клювом? — еще больше огорчился кулик. Проголодавшись, он принялся разрывать ил в поисках червей и с радостью понял, что теперь добывать пищу легче. Стал ухаживать за своим клювом: чистил его, подтачивал о камень и гордо задирал вверх. Когда снова встретил утку, удивился:

— Что же ты не сходила к мышке?

— Да занята была, — ответила утка. — Утят надо выводить.

Кулик посочувствовал утке, и снова они расстались, до новой встречи. И на следующий раз у нее клюв оставался прежним, ничуть не длиннее.

— Ну, когда же ты пойдешь к мышке, на холмик? — укорил кулик.

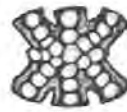
— Некогда мне, — отмахнулась утка. — Утят летать учу. Понимаешь?

— Вот жизнь у тебя! Вечно в хлопотах, даже клюв обновить некогда.

— Если честно, я привыкла к своему клюву, и другого мне не надо, — призналась утка.

— Жаль, — сказал кулик. — С новым тебе было бы лучше.

Оставшийся с длинным клювом кулик всякий раз, когда видит утку, угораздит ее сходить к мышке на холмик. Утка все не идет, хотя наотрез отказывается. Так и живут рядом утка и кулик, две водоплавающие птицы.

или-были на берегу моря муж с женой, и родился у них сын. Родители часто оставляли его одного на берегу, отправляясь на рыбалку в море. Малыш, пока они рыбаčili, крепко спал.

Случилось так, что поднялся сильный шторм, мать с отцом поняли, что не выплывут на своей лодчонке. Женщина стала просить морского духа, чтобы превратил ее в нерпу, потому что у нее дома остался маленький сын, его надо кормить и оберегать, чтобы не погиб.

Превратившись в нерпу, она легко доплыла до берега, а доползти до юрты, на лапах, никак не может. Стала она плакать о сыне, и морской ветер пожалел ее и ребенка, залетел в юрту, подхватил малыша, принес маме. Обрадовалась нерпа, вырыла лунку в песке, обложила морской капустой и поместила в нее сыночка, словно в колыбельку.

Когда сын стал взрослым мужчиной, он так же, как в детстве, любил свою мать-нерпу, сделал для нее маленькую бухточку, чтобы она могла там жить, приносил каждый день свежую рыбу, а когда женился, добрая невестка стала заботиться о свекрови, как о родной матери.

Вот и внуки появились. Нерпа-бабушка нянчила их, катала на спине по бухточке, приносила из глубины яркие камешки. Внуки росли и очень любили свою бабушку.

Как-то раз шел по берегу незнакомый охотник, увидел нерпу и стал колотить ее палкой. Закричала нерпа. Прибежали сын с невесткой, прогнали злого охотника. Залечили раны маме-нерпе.

Много прошло лет, нерпа совсем состарилась и уплыла в море в последний раз. Все семейство с тоской провожало ее.

Давно нет в бухточке нерпы, но заботливые дети и внуки каждый раз приносят на берег, в память о ней, свежую рыбу.

ЗОЛОТОЙ БУБЕН

Веселый парень Акимка любил играть на бубне и петь песни. Хотя бубен — инструмент шаманов, а Аким — не шаман, но он мастер делать бубны. Только смастерит, шаман забирает инструмент себе, а однажды предложил Акиму:

— Иди к морским людям и принеси мне бубен из рыбьей кожи, чтобы сверкал чешуей, как солнце!

Пошел Аким к морским людям и не только принес бубен-солнце, но и при-

вел в свою юрту жену-красавицу, которую взял у морских людей. Увидел шаман жену Акима и решил ее отобрать. Даже про золотой бубен забыл.

Как-то Аким ушел на долгую охоту, оставив жену одну. Она чувствовала, что шаман может быть опасен, но не очень тревожилась, поскольку обладала даром перевоплощения. Едва слышит морская красавица шаги возле юрты — превращается то в торбаса, то в шкурку, то в камлейку. Заглянет шаман в юрту, никого не обнаружит и уйдет. Но не сдастся, хочет выведать

секрет морской красавицы. Раз подкрался он к юрте Акима и заглядывает в щелку, что дальше будет. Стоило ему громко затопать, Нанэ превратилась в красивый малахай. Вошел шаман в юрту, схватил малахай и закричал:

— Выходи из него, Нанэ, выходи! — бросил малахай в огонь, Нанэ закричала от боли и предстала в человеческом обличье. — Ха-ха-ха, — засмеялся шаман. — Теперь ты моя!

Льет Нанэ горючие слезы, а муж все не возвращается. Белочка узнала о горе, постигшем Нанэ, побежала разыскивать Акима. Нашла и все рассказала. Аким схватил золотой бубен и побежал в стойбище. Он крикнул шаману:

— Отдай мне Нанэ, иначе золотой бубен сожжет тебя! — направил лучи золотого бубна на шамана, и тот сгорел.

Забежал Аким в юрту и увидел свою Нанэ, живую и невредимую. Позвал он пастухов, и все стали веселиться. Настала ночь, Аким подбросил в небо свой бубен, и всем стало светло в тундре.

Люди называли светящийся бубен луной.

ЛУНА

Ехали в тундре на оленях муж с женой и нечаянно обронили ребенка. Лежит младенец на снегу и плачет. Ночь настала, услышала плач луна, вышла из-за туч, протянула свои лучи и подняла меховой сверток к себе. Смотрит, а это хорошенькая маленькая девочка. Хотела вернуть ее родителям, но передумала и оставила у себя.

Назвала малышку Луней. Баловала ее пуще родной матери. Захочет ребенок сладкого, мама-луна протянет лучи к поляне, соберет разных ягод и даст: «Кушай на здоровье!» Ни к чему не приучала девочку, лишь одевала в серебристые одежды, вплетала в черные косы звездочки, катала на тучах и радовалась ее веселому смеху.

Минуло десять зим. Луна решила вернуть Луню людям, спустила на землю, и та вошла в юрту к родителям. Обрадовались отец с матерью, что их девочка жива-здорова да пригожа. Живет балованная Луня у родителей, понемногу осваивается среди людей. Как-то мама говорит ей:

- Доченька, принеси воды, дров.
- Я не умею.
- Ну, тогда собери ягод в лесу.
- А как их собирать?

Ничего Луня не знала, не умела. Вечером выглянула луна и огорчилась, что у ее любимицы ничего не получается. Спустилась на землю, вошла в юрту и сказала:

– Простите меня, что не научила вашу дочь ничему, теперь-то я вижу, как это плохо. А ты, Луня, слушайся родителей, овладевай премудростью жизни человека. – И поднялась опять к себе на небо.

Луня научилась шить, разделявать рыбу, готовить пищу. Луна наблюдала за ней и радовалась каждому успеху воспитанницы. Выросла Луня, стала красавицей и умелой хозяйкой. Настала пора замужества, нашелся хороший парень. Свадьбу решили сыграть, когда выйдет на небо полная луна. Так и сделали.

– Мама-луна, я выхожу замуж, – сказала Луня, обратив лицо к небу.

– Желаю вам счастья, – отозвалась луна.

Долго и счастливо жила Луня с мужем, в окружении множества детей. Луна баюкала темными ночами названных внуков, чтобы они сладко спали.

Много лет спустя умерла Луня и ее дети. Но остались правнуки, для которых луна по-прежнему молода и бессмертна.

ТРИ КАМНЯ У ОЗЕРА

Сидел как-то под деревом заяц и подслушал болтовню двух ворон: – Далеко в тундре есть озеро, на берегу три камня. Бросишь их в воду, станешь богатым.

– Нам это ни к чему, – рассудила старая ворона.

Заяц помчался к озеру, бросил в воду три камня и всякую нужду забыл. Только тем и занят, что лежит и ест, так раскормился, что ходить не может. В конце концов, надоело зайцу такое счастье: лучше уж бегать, щипать траву, чем ползать, как червяк. Пошел к озеру, выбросил три камня на берег и стал прежним зайцем: грызет корни, убегает от лисьей погони, но доволен жизнью. Все бы ничего, да попал в петлю.

– Отпусти меня, – просит охотника. – Лучше пойди к озеру, брось в воду три камня – разбогатеешь.

Охотник, не мешкая, освободил зайца и быстрее к озеру – бросить в воду три камня. Бросил, разбогател – перестал охотиться, день-деньской проводил на мягких шкурах, пока не надоело ему валяться, подобно бревну. Пошел, вынул три камня из озера, положил на берег. Опять стал удачным охотником, ходил на зверя, рискуя жизнью, голодал, замерзал, но был доволен судьбой, наслаждаясь после тяжелого дня отдыхом у костра.

Тем временем собаки поймали зайца, притащили к сыну богача.

– Сейчас мы его зажарим, – сказал тот.

А заяц не растерялся, предлагает:
— Отпусти меня, не пожалеешь. Сходи к озеру, брось в воду три камня — станешь таким богатым, что тебе и не снилось. Я уже пробовал, дело верное.

Богач отпустил зайца и бегом к озеру. Бросил в воду три камня, стал богаче прежнего. Целыми днями ест и лежит, распотязивается.

«Вот дураки, — думает про охотника и зайца, — как это можно отказаться от такого счастья!».

Ест, лежит, нежится. Все толще и толще становится. В конце концов лопнул. А заяц носится по лесу, не тужит. Охотник тоже своим трудом добывает пропитание. Иногда и тот, и другой вспоминают лопнувшего богача. Поделом бездельнику!

СОВЕСТЛИВЫЙ БУРУНДУК

Хили-были соседи: бурундук с белочкой. Белочка, добрая и хорошая хозяйка, вдоволь насобираала ягод, шишек, засушила грибов. Бурундук тоже заготовил припасы на зиму. Делать в ту пору было нечего, разве что ждать снега, вот и решил бурундук сходить в гости к белочке.

Добрая хозяйюшка кормит гостя, подаст шишки и ягоды, а ему все мало. Пришлось ей наведаться к дальним грибным кладовым.

А бурундук, знай себе, пихает еду за щеки. Стоит белочке выбежать из дома, прячет угощение в укромное местечко — и опять за стол. Гостеприимная хозяйка выкладывает и выкладывает запасы, а хитрый бурундук все у нее выуживает.

— Ну, хватит, — говорит наконец. — Пора и честь знать.

— Не обижайся, но у меня больше ничего нет, — смутилась белочка.

Наступила ночь. Бурундук перетаскил припрятанное в свою норку. У него и так было всего вдоволь, а белочка из-за его жадности осталась без припасов, вместе с тремя бельчатами встретила холода пустыми кладовыми. Приходилось целые дни проводить ей в поисках пропитания. Присела она как-то на ветке от усталости и слышит:

— По-мо-ги-те!

Спрыгнула вниз и увидела, что бурундук попал в петлю, перегрызла ее, освободила друга.

— Спасибо тебе, белочка, за спасение. А как ты с детками поживаешь?

— Плохо. Запасы давно кончились, кормить бельчат нечем.

Стыдно стало бурундуку, и он предложил:

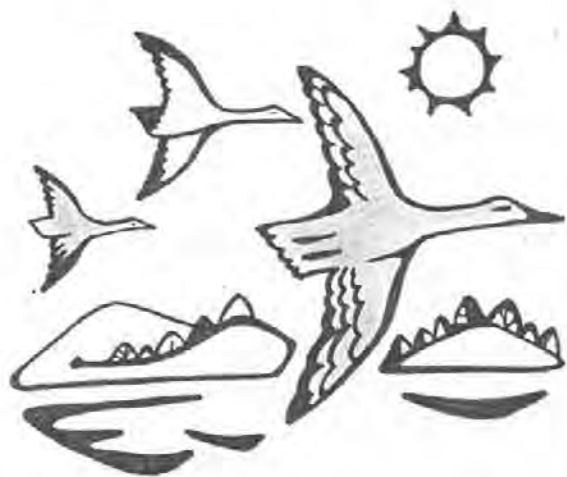
— Пойдем ко мне жить, у меня столько ягод и грибов, что одному не осилить.

Перешла белочка с бельчатами жить в норку к бурундуку. Прибралась, навела порядок, стало тепло, уютно. Весело они зажили и не заметили, как зима прошла. Порадовались первым теплым лучам солнца. Белочка поблагодарила бурундука за помощь и ушла с бельчатами в свое дупло.

С тех пор зимой белочка и бурундук помогают друг другу, делятся запасами. Часто можно видеть их вместе, сидящими на одном дереве.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ПОДСНЕЖНИК

В одном стойбище все девушки были хороши собой и мастерицы мять шкуры, шить одежду, готовить пищу. Они мечтали найти свое счастье и каждую весну уходили далеко в тундру искать первый подснежник, самый красивый цветок. После него распускаются тысячи других, а до него — ни одного. Кто найдет первый цветок, тот будет счастливым. Год за

годом не удавалось найти заветный цветок, хотя каждая девушка в конце концов выходила замуж, обзаводилась детьми.

У одного старого пастуха не было детей, кроме маленькой дочери, которая помогала ему управляться с оленями в стойбище богача. Однажды отец заболел и умер, оставив Дарью сиротой. Парни подшучивали над ней: мол, не женское это дело — пасти оленей, находиться при стаде, под открытым небом — в пургу, в мороз, в дождь. А куда деваться, если нет родных?

Настала ее двадцатая весна, таял снег, вот-вот распускаются подснежники. Трудно жилось Дарье. Обидней всего, что никто не хочет замечать ее молодости и красоты. Села она как-то на кочку и заплакала. Слезы покатились по щекам, упали на землю, и вдруг слышалось: «Динь-динь-динь!» Это за-

звенел самый первый подснежник. Едва он распустился, белый, нежный, сразу же расцвели тысячи других его братьев и сестер.

— Сорви меня, Дарья, — попросил первый подснежник. — Я хочу, чтобы ты была счастлива.

Дарья осторожно сорвала цветок и вдруг очутилась на берегу моря. Осмотрелась в незнакомой местности, послушала, как шумит прибой. Видит: в ее сторону идет парень.

Это был охотник, он подарил Дарье соболей. Стали они жить в богатой, покрытой шкурами юрте. Море кормило их. Когда муж уходил на рыбалку, оно шептало:

— Жди! Жди! Жди!

Подросли сыновья, тоже стали уходить в море. Дарья говорила своим невесткам:

— Ждите! Ждите! Ждите!

ГОРНОСТАЙ-ХУДОЖНИК

Все звери знали, что горноста́й хорошо рисует. Старая ворона как-то предложила ему:

— Ты на-р-рисуй на той сопке большого медведя!

— У меня нет уголька, — ответил горноста́й.

— Я принесу тебе уголек из потухшего костра, — сказала ворона.

Нарисовал горностай на заснеженной сопке огромного медведя, видно его издалека. Люди тундры переполошились, опасались подойти поближе. А на другой сопке предстал огромный волк.

— Ой! Люди, помогите, — закричали олени. — Такое чудовище съест нас всех, да еще мало ему покажется.

Видимо, в тундру пожаловали злые духи! Чтобы их задобрить, люди закололи самого лучшего оленя и отнесли мясо на деревянном блюде в тундру. Но великаны так и не исчезли. Напуганные люди жались по юртам. День и ночь пел под бубен шаман, не в силах прогнать злых духов, поселившихся на сопке.

К счастью, прилетела в стойбище ворона:

— Угостите меня, я кое-что расскажу! — Накормили люди вещь птицу, и она всем открыла глаза: — Этого большого медведя и огромного волка нарисовал углем на снегу горностай.

Изумились люди, осмелели. Побежали они на сопку и затоптали теперь уже не страшные художества. Поставили ловушки, переловили всех горностаев, привязали к хвостикам горящие угли. Попался и горностай-художник. Больно жег его уголек, а когда истлел, так и остался висеть на кончике хвоста черным пятнышком.

ДЕВУШКА-РЫБА

Пошла одна девушка по имени Кэтчэ по воду и увидела рыбу кету.

— Ах, какая у тебя красивая блестящая одежда! Вот бы мне такую!

— На, примерь, — сказала кета, скинула нарядную влажную шкуру, подала девушке. Надела та рыбий наряд и сама стала рыбой.

— Ну вот, — обрадовалась кета. — Теперь есть моему сыночку невеста.

— Отпусти меня, — просит девушка кету.

— Не-е-е-ет! Моему сыну нужна хорошая жена!

Как горевала мать Кэтчэ, когда девушка не вернулась в юрту. Наверное, утонула! А ее парень, Чандр, не поверил, что произошло непоправимое, пришел на берег реки и позвал:

— Кэтчэ, где ты, моя Кэтчэ?

Услышала Кэтчэ голос любимого, вынырнула из воды, отозвалась:

— Я здесь!

— Что случилось с тобой?

Девушка рассказала, как примеряла кетовый наряд и сама стала рыбой.

— Чем тебе помочь?

— Иди к моей бабушке, она живет вон за теми синими горами, расскажи, как было дело, она поможет.

Добрался Чандр до бабушки Кэтчэ, та выслушала его, дала совет:

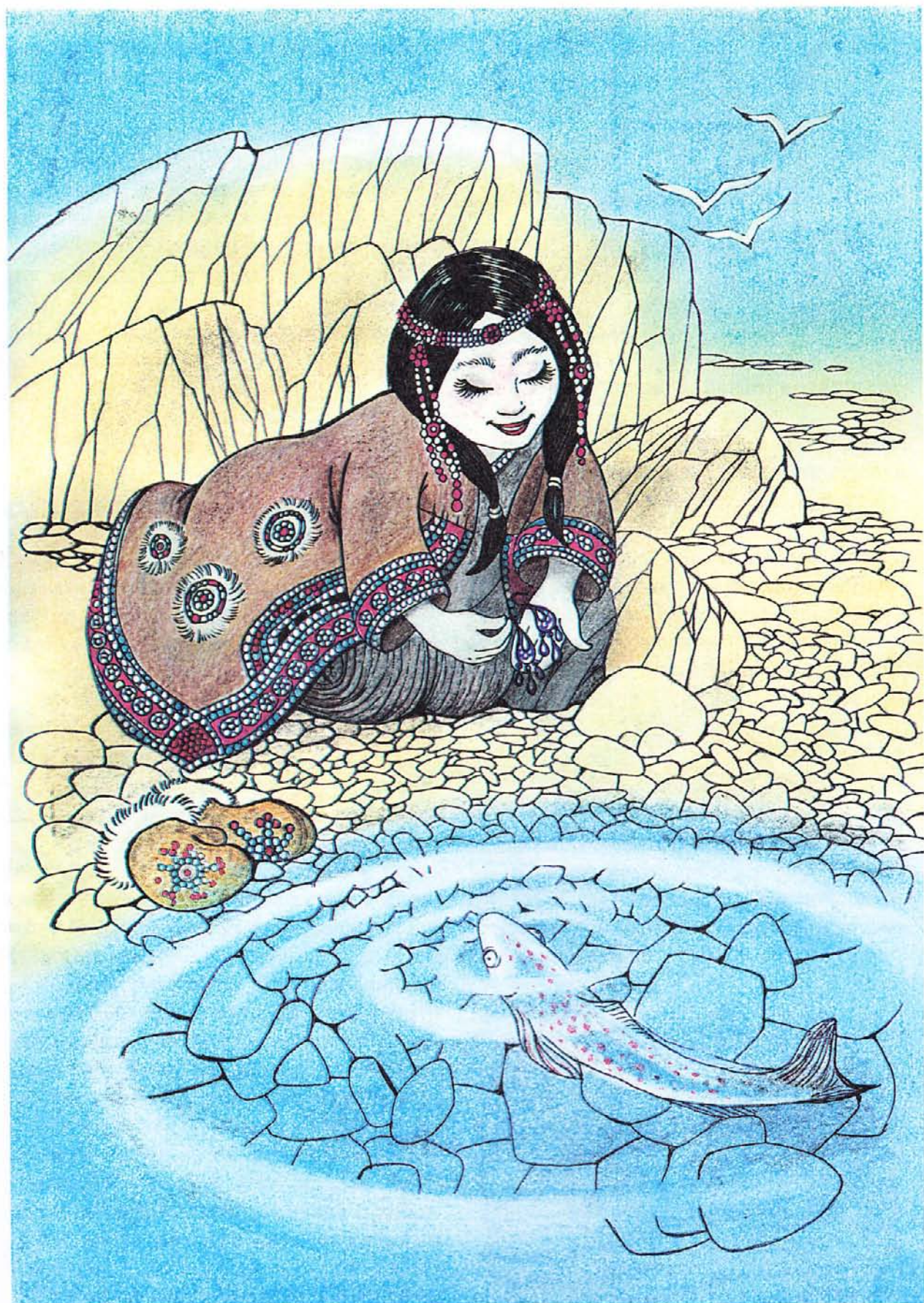
— Ты поможешь Кэтчэ, если напижешь на нитку снежинки. Сделать это нужно весной, когда они засверкают под солнечными лучами. Сошьешь из снежинок камлейку и набросишь на Кэтчэ.

За зиму Чандр научился держать иглу в пальцах, вдвигать в нее нитку и даже шить. Трудно давалось рукоделье. «Как только женщины все успевают по дому?» — не переставал он удивляться.

И вот наступила весна, засверкал под солнечными лучами снег. Попробовал парень нанизывать снежинки, но они таяли от тепла рук. Отчаялся было Чандр, но прилетела сорока и посоветовала:

— Опустит ладони в холодную воду, остуди, тогда снежинки перестанут таять.

Чандр так и сделал. Едва снежинки начинали таять, студил руки в ледяной воде. Наконец, сшил нежную камлейку, принес на берег реки и позвал Кэтчэ. Увидела девушка снежный наряд и сказала:

— Жди меня, я скоро вернусь. — Поплыла к рыбе и говорит: — Я согласна стать женой твоего сына, но хочу надеть вон тот свадебный наряд, который лежит на берегу.

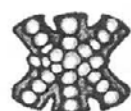
Обрадовалась рыба:

— Иди, иди, примерь!

Скинула девушка рыбью кожу, вышла из воды. В этот момент из-за кустов выскочил Чандр и накинул на Кэтчэ сверкающую камлейку из снежинок, чтобы девушка не превратилась в рыбу.

Привел Чандр невесту к ее матери, та очень обрадовалась. Вскоре молодые поженились.

СОБАКА И ПАСТУХ

Жила на свете дикая собака. Она была добрее волка и умнее лисы, не боялась огня и с интересом наблюдала за жизнью стойбища. Ее тянуло к людям, но она не решалась подойти первой, чтобы найти среди них друга.

Бежала как-то собака по тундре и наткнулась на тяжелораненного человека, видимо, помятого медведем. Собака приняласьлизыватькровоточащие раны и делала это до тех пор, пока они не затянулись. Затем несколько дней она лежала, прижавшись к человеку, согревала его теплом своего тела, отпугивала рычанием пробегающих поблизости зверей.

Человек очнулся и понял, кому обязан спасением. Достал из сумки-мунгурки сушеную рыбу, протянул четвероному другу. Собака привязалась к человеку и была рада, что нашла, наконец-то, друга. Стала она ходить с человеком на охоту, подгоняла к стаду отбившихся оленей. Она любила человека и в часы отдыха у костра преданно смотрела на него своими умными глазами.

Человека звали Нелкан, а собаку он назвал Мукала, кормил ее и ласкал.

Только вот однажды богач, хозяин стада, велел:

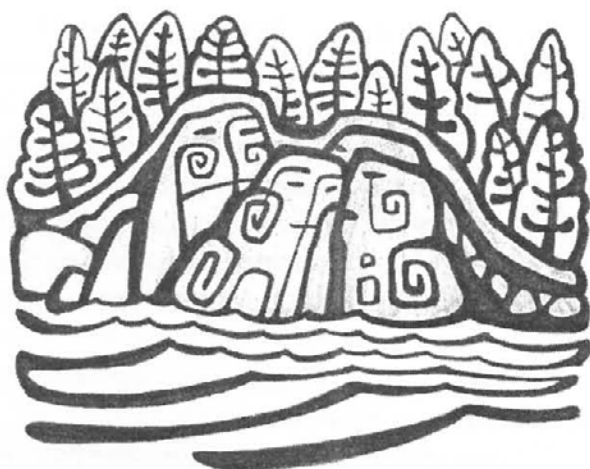
— Убей собаку, иначе выгоню тебя.

— Да она же охраняет твоих оленей и никогда их не тронет, даже если будет голодать.

Пригляделся богач: а ведь точно, собака очень умная, и захотел забрать себе. Решил для начала задобрить ее то лаской, то лакомством. Не тут-то было: Мукала никого к себе не подпускала, кроме Нелкана — друга и хозяина.

СКАЛЫ-СЕСТРЫ

Пошла одна женщина за дровами и не вернулась в юрту. Ждали ее, ждали три малые дочери да отправились на поиски. Встретили зайца, спрашивают:

— Заяц, заяц, ты не видел нашу маму?

— Нет, не видел, — отвечает заяц.

Бегут девочки дальше, видят лося, спрашивают:

— Лось, лось, ты не видел нашу маму?

— Нет, — ответил лось. — Спросите-ка лучше у гуся.

— Гусь, гусек, ты не видел нашу маму?

— Видел, — говорит гусь. — Ее украл морской дух. Вон в том пресном море живет.

Побежали девочки к пресному морю, просят:

— Морской дух, морской дух, отдавай нашу маму!

— Не отдам, самому нужна.

Услышала мать родные голоса, закричала:

— Доченьки, не заходите в море, а то окаменеете!

Заплакали девочки, их слезы ручьями полились в пресное море, и стало оно соленым. А морской дух и не подумал смириться. Сестры взялись за руки, шагнули в воду и окаменели по колено. Шагнули еще раз и окаменели по пояс. Зашли глубже и окаменели до самой макушки.

Стоят теперь в море три каменные сестры. Мать превратилась в морские волны, чтобы разбить гранит и освободить дочерей. Стонет она, убивается, но изменить ничего не может.

— Мамочка, зато теперь мы всегда вместе!

МАМА-МОРОШКА

На лесной полянке росла морошка, много-много кустиков. Мама-морошка заботливо следила за детьми. Если шел сильный дождь, велела:

— Морошечки, поднимите листочки, прикройте головушки.

Те послушно тянули свои листочки

вверх. Если наступала жара, мама-морошка звала:

— Морошечки, доченьки, пойдите к ручейку.

Попив водички, молодые зеленые ягодки играли и веселились на полянке.

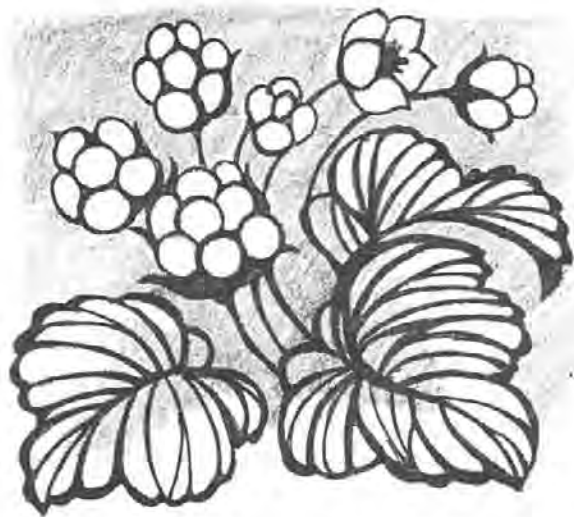
— И когда только наберутся ума, — говорила мама-морошка, ласково глядя на них.

Пришла осень, и морошечки стали оранжевыми. Мама-морошка оглядела семейство, не остался ли кто зеленым.

— Ну, слава Богу, все вызрели.

Пришли на полянку девочки и собрали всю морошку в туесок.

— До чего же вкусная, красивая и сладкая ягода, — радовались они.

ТОРБАСА ПОМИРИЛИСЬ

или-были торбаса, правый и левый. Случилось, что заспорили они, какой из них нужнее. Слушал, слушал хозяин да выбросил спорщиков на улицу. Подхватил их ветер и раскидал в разные стороны. Утром хозяин проснулся, хотел, было, торбаса надеть, а их нет. Вспомнил, как повыбрасывал их. Вот что значит поступить необдуманно! Попросил жену отыскать обувь. Жена, как ни искала торбаса, нашла только один.

— Ну, с одним куда не пойдешь, другой нужен.

Пошла на поиски собака, вырыла второй из-под снега.

— Вот теперь хоть куда, обе ноги обуты.

Поняли тут торбаса, что порознь никому не нужны, и перестали ссориться.

КРАСАВЕЦ МУХОМОР

Н прежде мухомор был таким же красивым, как теперь: красная головка с белыми крапинками издали виднелась в кустах. Он был съедобным грибом. Однажды маленький олененок Ки подбежал к мухомору, чтобы съесть. Жалко стало себя мухомору, он и воскликнул:

— Чтоб ты подавился!

— К-а-ак это по-да-вился? — спросил малыш. Из его больших глаз на шляпку гриба выкатились горькие жгучие слезы.

— Что же ты плачешь, — подсадовал мухомор. — Из-за твоих слез я стану горьким! Ну, перестань, перестань плакать, — говорил он.

И в самом деле, от слез мухомор стал горьким и несъедобным. Стоит в лесу нарядный, красивый, да толку с него...

ЛИСТВЕННИЦА-ЛИСТВЯНКА

Пошли весной девушки стойбища собирать подснежники. Веселились, пели песни и храбрились:

— Нет никакого злого духа, ничего мы не боимся!

Услышал злой дух, что над ним смеются, разозлился и решил превратить всех девушек в лиственницы. Так и сделал.

Шевелили девушки-лиственницы ветками, грустили по дому, по родителям. Одна лиственница-листвянка, самая смелая и отчаянная из подруг, сказала:

— Девушки, пойдемте-ка погуляем, пока злой дух спит.

Подхватили девушки свои зеленые платья и помчались кто куда. Лиственница-листвянка забралась на самую высокую гору и крикнула:

— Я все отсюда вижу!

Проснулся злой дух и так заорал, что все девушки замерли, кто где был. К несчастью, они разбрелись одна от другой так далеко, что не смогли дотянуться ветвями и обняться. А смелая лиственница-листвянка навсегда осталась на вершине горы. Чтобы удержаться на высоте, поглубже запустила корни в землю и услышала разговор подземных ручейков:

— Если девушки-лиственницы вырастут очень большими — так, что дотя-

нутя макушками до неба, то вернут себе человеческий облик.

Лиственница-листвянка крикнула сверху подружкам:

— Скорее растите, дотроньтесь до неба, и снова станете девушками.

Деревья принялись расти, вытянулись выше горы, выше своей смелой подружки, дотронулись верхушками до неба и превратились в девушек. А лиственница-листвянка не растет. Побежали к ней девушки, стали поливать водой, но это не помогло.

— Не старайтесь, я останусь такой навсегда. Лучше позовите мою маму.

Вернулись девушки в стойбище, рассказали, что с ними стряслось. Пришла мать, обняла дерево, погоревала, поплакала и вернулась в стойбище.

От материнской ласки распушилась лиственница-листвянка, стала давать семена. Ветер разнес их во все стороны. Куда ни глянь, высится теперь лиственничный лес, а на вершине горы так и стоит лиственница-листвянка, под сильными ветрами и лютыми морозами.

ХАЯНИ

одной женщины рос добрый, хороший мальчик по имени Хаяни. Пошел он в лес за дровами и заблудился. Бредет, а навстречу злая росомаха:

— Вот я тебя, мальчик, съем! Не все мне за мелкими мышками гоняться.

Испугался мальчик, кинулся бежать от росомахи, а она за ним. Хорошо еще, трава, кусты, кочки мешают зверю, за шерсть цепляются, под лапы подворачиваются. Но росомаха не отстает, где проползет, а где поверху перескочит, кричит:

— Все равно ты от меня не уйдешь!

Подбежал тем временем Хаяни к карликовой березке, просит:

— Березка-красавица, спаси меня от росомахи!

Березка переплелась с подружками, не пройти росомахе, с трудом продирается сквозь заросли, мальчика достать не может. Цепкие ветки хватают росомаху за хвост, царапают морду, всю шкуру порвали. Разозлилась она:

— Я все равно съем тебя, Хаяни! — и скрылась.

Спасенный мальчик поблагодарил зеленых подружек и отправился домой.

Случился однажды в лесу пожар. Звери, птицы кинулись прочь от огня, а березка не смогла. Не оставил ее в беде Хаяни, стал носить воду из ручья, обливает ветки, сам сильно обгорел, но спас зеленого друга. Потом поставил в березняке юрту, и никакой зверь ему теперь не страшен под защитой кустарника.

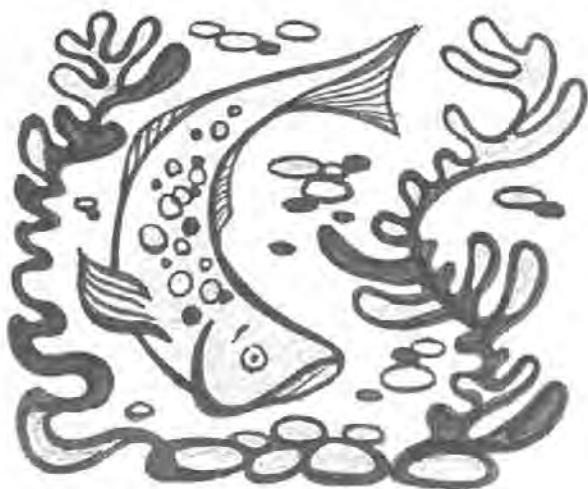
ПЕСНИ АЯЧАН

аячан часто приходила на берег реки, пела песни, слушала мелодию воды. В той реке жил водяной дух, он полюбил песни девушки, просил:

— Спой еще, — и Аячан пела.

Водяной дух был добрым, в его владениях вода была чистая и прозрачная, обильно водилась рыба. Полюбила девушка водяного духа, а матери сообщить об этом не решалась.

— Твои подруги все повыходили замуж, — как-то сказала мать. — Тебе тоже пора.

— Я не хочу замуж, — возразила Аячан.

— Ничего, хорошего жениха найдем, захочешь.

Вечером Аячан побежала к реке, стала звать:

— Водяной дух, меня хотят выдать замуж, но я люблю тебя!

— И я тебя тоже!

Прыгнула девушка в воду и стала женой водяного духа. Бежит река, журчит — поет прекрасные песни Аячан. Прислушиваются люди, говорят:

— Как хороша эта древняя песня реки!

МЭЛЭНИ

Наступила весна, и морские люди вышли на берег моря, посмотреть, как ломается сплошной лед, как льдины уносит в открытое море. Вдруг на одной из них показалась человеческая фигурка, а вскоре льдину прибило к берегу, с нее сошла красивая девушка, со светлыми волосами и лучистыми глазами. Она сказала, что прислана к морским людям отцом, а зовут ее Мэлэни.

— Он узнал, что у вас есть обидчик, злой хозяин Ноли, из-за него народ живет плохо. Я постараюсь сделать его добрым человеком.

В знак благодарности люди склонили перед Мэлэни головы. Не одно юношеское сердце забилося быстрее.

Скоро приехал Ноли, увидел Мэлэни и сказал:

— Ты будешь моей женой!

— Но я не хочу быть женой злого человека.

Не дослушав, Ноли так дернул девушку за руку, что та упала. Из лучистых глаз Мэлэни полились слезы, да

так обильно, что образовался ручеек.

— Ручеек, ручеек, скажи отцу, что Ноли меня обижает!

Побежал ручеек к отцу Мэлэни и вернулся с ответом:

— Если хочешь, чтобы морские люди зажили хорошо, ты должна терпеть все обиды.

— Хорошо, я исполню волю моего отца и выйду замуж.

Мэлэни отдала злему Ноли всю свою любовь и нежность. С каждым годом он становился добрее и добрее. Хорошо зажили люди побережья. Только лучистые глаза Мэлэни тускнели от тоски по родному краю. Однажды она не

выдержала, попросилась домой.

— Это невозможно. Я не смогу без тебя жить, — возразил Ноли.

— Тогда мы должны вместе умереть.

Взобрались Ноли и Мэлэни на высокую скалу и прыгнули вниз, превратившись в белокрылых чаек.

Парят над морем две чайки, и одна из них часто спрашивает:

— К-а-а-ак, к-а-ак вы поживаете?

Люди знают, что это Мэлэни, машут ей рукой, часто вспоминают, какая это была чудесная девушка, и жалеют, что теперь ее нет с ними.

ГОРА АХ

Гора Ах самая высокая в округе.
— Ах! Какая красивая эта гора Ах, — говорят люди.

Зимой на ее плечах лежит снег, и когда она сердится, огромные лавины устремляются к подножью, сокрушая все на своем пути. Но такое бывает очень редко, ведь гора Ах очень добрая.

Однажды весной гора чихнула, и комочек снега покатился вниз по влажному склону. Он рос в размерах, стал большим круглым комом, величиной с дом, и остановился у самого стойбища. Больше всех ему обрадовались дети:

— Это гора Ах прислала нам подарок! — проделали в шаре проходы и прятались там от ветра.

Весной, когда тает снег, с гор стекает много воды. Тогда гора Ах старается направить потоки так, чтобы не смыло жилища. Она наблюдает сверху, как оживает лес, распускаются цветочки, поют птицы.

На вершине горы и летом не бывает тепла, поэтому там не растут деревья, лишь мох покрывает камни. Летом дети забираются на вершину, бегают и резвятся, и горе Ах становится щекотно. Она тихонько хихикает, не решаясь рассмеяться во весь голос — иначе может начаться камнепад.

Осенью Ах грустит. Идут проливные дожди, и никто не ходит на гору, некому восхищаться ее красотой. Но наступает зима, и вновь гора одевается в сверкающий наряд.

— До чего же красива эта гора Ах!

СТЛАНИК-ХВАСТУН

Расхвастался кедровый стланик: я, мол, нужнее всех в тундре.
— Как это? — удивилась голубика.

— Да, я, а вы, ягоды, кому нужны!

Обиделись ягоды, не стало их в тундре. Пришел медведь, ободрал со стланика все шишки, а затем и ветки стал ломать от огорчения. Испугался стланик, что медведь его уничтожит, заплакал смоляными слезами:

— Морощечка-красавица, голубичка-сестричка, шикша-подружка, возвращайтесь в тундру. Плохо без вас.

Пожалели ягоды хвастуна, вернулись. Ожила тундра, запестрела разноцветными красками: синими, красными, черными. Пришел медведь, нарвал ягод и наелся, доволен. От радости застрекотала на всю округу кедровка.

— Все мы, живущие в тундре, нужны друг другу, каждый по-своему, — сказали ягоды стланику. — Никогда не хвастайся, что ты лучше других.

ВОТ ТАК ДУРАК!

Встал бестолковый Нючи на лыжи, пошел на реку, поймал большую рыбу. Нес ее, нес, надоело, бросил под деревом: на обратном пути заберу. Подстрелил двух куропаток, оставил под кустом. Бежит на лыжах, разогнался, жарко ему стало, снял малахай, закинул на ветки.

В это время шел по тундре дурак, видит: под деревом рыба валяется, чуть дальше две убитые куропатки. Прошел еще немного, заметил малахай. Взял все, что оставил Нючи, принес в стойбище и стал рассказывать людям, что нашел это добро в тундре. Посмеялись люди над дураком, не поверили.

Тем временем возвращался Нючи, хотел подобрать все, что разбросал на пути, но ничего не нашел.

— Кто же взял мои вещи? — недоумевал Нючи, придя в стойбище.

— Я взял. Эх, Нючи, Нючи, вы все меня считаете дураком, а я никогда не бросаю вещи, где попало, ты же, умный, разбрасываешь.

Стало бестолковому Нючи стыдно

перед дураком. С тех пор он прибирает свои вещи.

ЗВЕЗДНЫЙ КОВЕР

шла в одном стойбище добрая одинокая женщина, тетушка Гуна. Она хранила у себя в мунгурке блестящий, светящийся бисер – желтый, зеленый, красный, синий. Вечером этот бисер озарял ее бедную юрту.

В ту давнюю пору ночи в тундре были темные. Когда луна скрывалась за тучами, пастухам становилось трудно искать оленей, а звезд тогда еще не было. И решила добрая тетушка Гуна пришить свой блестящий, светящийся бисер к небу.

Взяла она нитку с иголкой, бисер, пошла на самую высокую гору и стала вышивать на небе узоры. Вышила Млечный путь, Большую и Малую Медведицу. Закончила вышивку и залюбовалась своей работой: от того, что тетушка Гуна вкладывала в работу тепло своего сердца, бисер засиял еще ярче. Удивились люди такой необычно светлой ночи, выбрались из юрт. Счастливые и радостные, стали танцевать «Хэде». И называли светящийся в ночном небе бисер звездами.

Так добрая женщина сделала для людей доброе дело. Каждый вечер с той поры звездный ковер, вышитый тетушкой Гуной, светит нам в пути.

МЕСЯЦ-ПОБЕДИТЕЛЬ

ил в горах черный ворон, большой и сильный. Не только птицы и звери, но и люди боялись его. Была на то причина: он уносил в свое гнездо девушек. Все стойбища облетал: не спрятал ли кто дочь?

Родители горько плакали, и никто не мог одолеть ворона-великана. Лишь одна женщина уберегла дочь, превратив ее в олененка, чтобы днем та паслась в тундре, а ночью возвращалась в юрту, в человеческом облике. Но ворон добрался и до этой семьи, подслушал разговор матери с дочкой.

– Хорошо, что мой брат, шаман, помог тебя спрятать, – обмолвилась мать.

Понял ворон, что от него утаили девушку, стал клювом расшатывать юрту и кричать:

– Отдай мне девушку! Отдай мне девушку!

Испугалась девушка за свою мать, выбежала к ворону, дала схватить себя и унести на мощных крыльях в гнездо. Заплакала женщина, решила спасти дочь. Бредет по тундре, одна-одиношенька. Знать бы, куда. Как раз луна появилась из-за туч. Женщина обратилась к ней:

– Луна бледнолицая, не видала ль мою милую доченьку? Ее ворон забрал.

– Видела, – отвечает луна. – Но в одиночку ее не спасти. Хочешь, помогу?

– Помоги, луна яркая.

– Через две недели я стану месяцем и упаду тебе в руки. Возьми меня, звезды покажут путь к гнезду ворона. Когда увидишь великана, брось месяц – как нож, он отсечет голову злодею.

Делать нечего, стала женщина ждать назначенного срока. Когда увидела в небе тонкий острый месяц, похожий на женский нож, протянула руки. Месяц опустился ей в ладони. Звезды показали направление. Долго

шла мать по тундре, наконец, видит большое гнездо, на краю его стоят связанные девушки, загораживают ворона от ветра своими телами.

— Эй, ворон-великан, выходи, я пришла за своей дочерью!

Услышал ворон да как закричит:

— А, старая! Смерти захотела? — выскочил из гнезда, огромный, лохматый, глаза вытаращил, хотел своим видом запугать женщину и обратить в бегство. Но мать не растерялась, схватила острый месяц и метнула в ворона, попала прямо в шею. Упала отсеченная голова великана, закончился его век.

Подбежала женщина к гнезду, развязала всех девушек, и те, радостные, бросились по домам.

А вот и ее дочь, нежная, как олененок! Заплакала мать от радости. Вернулись они вдвоем в юрту, стали себе жить-поживать.

ПОДАРКИ МОЛОДЫМ

или в одном стойбище люди, дружные были, почти не ссорились, а добычу делили поровну. Зимой сыграли свадьбу пастуха Каляна и девушки Ульяны. Весь день люди стойбища танцевали «Хэде», веселились. Потом ели мясо, костный мозг, пили крепкий чай. А что не радоваться, ведь хорошая девушка стала женой молодого пастуха.

Утром поднялось солнце, чтобы поздравить прекрасную пару. Оно сделало молодым хороший подарок: наполнило их сердца теплом и отзывчивостью. Вечером засверкали звезды, и от них разгорелся в душах огонек любви. Вот и луна показалась в небе, ей тоже захотелось взглянуть на молодых. Ульяна и Калян понравились луне, она подарила новой семье самое главное — счастье.

С тех пор повелось: как только взой-

дет луна, все влюбленные улыбаются ей и верят в свое счастье.

МИКОС И УЛЬЯНА

одарил охотник Микос своей невесте Ульяне бусы. Надела их красавица, стала еще краше. Бусы на шее так и переливаются разными цветами.

Ушел Микос на охоту, чтобы добыть пушнину и отдать за Ульяну выкуп. Ждет не дождется невеста жениха, шьет ему торбаса, меховую одежду. Прошло время, многие охотники вернулись домой, а Микоса нет. Ульяна много раз бегала за стойбище, в тундру, чтобы встретить суженого, но он все задерживался. Что же случилось? Пошла Ульяна к подруге — чайку попить, поговорить. А в юрте у подруги сидит шаманская дочь и спрашивает:

— Здравствуй, Ульяна. Все жениха ждешь?

— Жду!

Села Ульяна чай пить. Увидела шаманская дочь ее бусы и пристала с просьбой:

— Отдай!

— Не отдам. Это подарок Микоса.

— Ну ладно, скажу отцу, он отберет. — И выскочила, злая, умчалась в свою юрту. Вскоре приходит разгневанный шаман и говорит:

— Ну-ка, Ульяна, отдавай свои бусы! Их будет носить моя дочь!

— Не отдам.

— Ах, так! Превратись-ка тогда в куропатку! — и стал стучать в бубен, ходить кругами, твердить заклинания. Вот и превратилась Ульяна в куропатку, а красные бусы остались у нее на шее. Полетела она в тундру, обливаясь слезами.

Микос вернулся с богатой добычей. Навстречу ему подруга Ульяны:

— Нет твоей невесты. Злой шаман превратил ее в куропатку. И все из-за бус.

Опустил голову Микос, но не сдался:
— Все равно найду ее.

Лето прошло, зима наступила, а Микос никак не может отыскать в лесу невесту. Наконец, однажды увидел куропатку с бусами, позвал:

— Ульяна! Ульяна!

Та замерла, смотрит на жениха.

— Как мне тебя спасти? — спрашивает Микос.

— Если не побоишься злого шамана, спасешь. Укради его малахай, накрой меня, и стану я прежней Ульяной.

Вернулся Микос в стойбище. Увидел его шаман, рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Где же твоя невеста?

— Я хочу жениться на твоей дочери, — сказал Микос.

Обрадовался шаман, позвал дочь, вдвоем принялись угощать Микоса. Спать уложил на мягкие шкуры. Дождася охотник, когда все уснут, схватил малахай шамана и во весь дух помчался к своей куропатке. Прибежал, накрыл ее, и лесная птица превратилась в девушку-красавицу. Сняла Ульяна с шеи бусы, порвала их, разбросала бусинки, каждая из них превратилась в оленя. Хорошо зажили Микос с Ульяной. Никогда не обижали людей стойбища. И те платили им уважением и любовью.

ДУРНАЯ СЛАВА

Бежал заяц по болоту да завяз в трясине.

— Ой, ой, ой! Помогите! Тону!

Подошел к болоту олень, подцепил рогами зайчишку и выбросил на сухое место.

— Спасибо тебе, олень! — сказал заяц. — Давай дружить.

— Давай, — согласился олень.

— А что ты любишь кушать? — поинтересовался заяц.

— Больше всего грибы.

— Пойдем, я покажу, где их много.

С тех пор оленя с зайцем водой не разольешь.

Бегал как-то косой по лесу, устал и вздремнул под кусточком. Подкралась к нему лиса да как вцепится! Чудом вырвался и убежал заяц, только осталась на спине рана от лисьих зубов. Увидел ее олень и сталлизывать. Скоро рана затянулась и зажила.

Друзья не расставались ни зимой, ни летом, поровну делили и радости, и печали. Когда нападали волки, олень от них убегал, держа зайца на спине. Если погоня была долгой и олень выбивался из сил, заяц прыгивал с его спины, и волки бросались за зайцем. А тот со свежими силами бежал легко, уводя хищников подальше от друга. Злые волки не могли догнать быстрого зайца, прекращали преследование. Потом друзья встречались в безопасном месте.

Однажды олень угодил в петлю, крепко запутался рогами.

— О-го-го! — заревел во весь голос. — Заяц-друг, помоги!

Услышал заяц, подоспел на помощь оленю. Но как зайцу развязать петлю? Стал он грызть ствол дерева, к которому была привязана ловушка. Перегрыз ствол, петля ослабла, и олень освободился.

— Спасибо тебе, пушистый! Что бы я делал без такого верного друга, как ты?

О дружбе зайца и оленя знали все звери в лесу. Вот и лиса прослышала, и захотелось ей поиграть с неразлучной парочкой.

— Олень, — говорит лиса, — возьми меня в друзья.

— Ладно, дружи с нами, — сказал олень, не зная лисьего коварства. Заяц был не в восторге от такого предложения, но олень его убедил: — Разве плохо иметь в лесу еще одного друга?

Заяц и олень стали доверять лисе, а без этого какая же дружба? Заяц без боязни бежал с рыжей в лес. А той толь-

ко того и надо. Съела она зайца. Сытая, довольная, бежит по лесу, а навстречу волчья стая.

— Ага, — зарычали волки, — вот нам и обед.

— Вы что, с ума спятили? Нашли, кого есть! Так ведь легко можно попортить мою роскошную пушистую шубку, — сказала лиса. — Лучше я приведу вам моего друга оленя. С него больше толку. — Прибежала она к оленю и говорит:

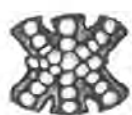
— Олешка, дружок, я нашла много отличных грибов. Пойдем, покажу, — и привела к голодной волчьей стае. Набросились волки на оленя, съели.

А лиса побежала по тундре, нахваливает саму себя:

— Как хорошо, что я такая хитрая. Пусть едят моих друзей, не жалко. Зато сама целой буду.

С той поры пошла о лисе дурная слава. Вороны, заведя ее, издали каркают, бурундуки свистят вслед, зайцы тотчас убегают без оглядки. Все знают, что плутовка может подвести в любую минуту, и не водят с ней дружбу.

ДОБРАЯ ХУРКАНЭ

Жила в одном стойбище умная, добрая девушка по имени Хурканэ, не красавица, сирота. Женихи обходили ее юрту стороной. Много времени она посвящала любимому оленю, доставшемуся от умерших родителей. Начало весны — это праздник рождения первого олененка, на который обычно съезжаются на лучших оленях жители стойбищ — торговать, выбирать невест и участвовать в оленьих гонках. На этот раз приехала на праздник и Хурканэ на своем олешке. Увидела ее красавица Нивани, богатая, но злая невеста из соседнего стойбища, и крикнула с презрением:

— А ты здесь зачем, со своим дохлым оленем?

Скромница Хурканэ только улыбалась в ответ. От людей ничего не скроешь — видят, какой у кого характер. Приглянулась им добрая, приветливая Хурканэ. А Нивани от злости из себя выходит. Вызвала она Хурканэ на гонки, и помчались две нарты, запряженные оленями, навстречу ветру. Олень Нивани вырвался далеко вперед. На половине пути она соскочила и быстро вырыла яму, чтобы олень Хурканэ застрял. Но тот проскочил мимо. Мчится Нивани впереди, оглянулась, а Хурканэ вот-вот нагонит. Свалила она дерево на тропу, но олень Хурканэ перепрыгнул через преграду. Разозлилась Нивани и крикнула:

— Пурга-подруженька, помоги, закружи, занеси снегом Хурканэ!

Налетела пурга на Хурканэ, закрутила поземку, дует в лицо и хочет занести снегом вместе с оленем. Но тает снег от горячего доброго сердца Хурканэ.

Вот-вот конец гонок. Нивани нахлестывает оленя. Разозлился олень, рванулся от боли и порвал упряжь. Почувствовав свободу, убежал от злой хозяйки, а сама она от злости превратилась в сугроб.

Хурканэ всю дорогу подбадривала оленя, пела ему песни, и олень пришел первым. Победительница получила главный приз — стальные иголки. Редкая, дорогая награда. Хурканэ стала настоящей мастерицей и обшивала все стойбище, а вскоре вышла замуж за хорошего парня.

Родились у них дети, и выросли помощниками отцу с матерью, опорой в старости.

УМНЫЙ СТАРИК

Жил на берегу моря, в старой юрте, одинокий старик, маленький, щуплый. Ловил в

море рыбу, тем и питался. Однажды к нему в гости пришел великан. Старик увидел его издали, испугался. А тот прямо к юрте:

– Эй, старик, дай поесть-попить!

– Сам возьми, ты же моложе.

– Почему это я моложе? Я больше тебя, значит старше!

А старик не соглашается:

– Мне больше лет, чем тебе!

– Не-ет, – заорал великан. – Если я выше тебя ростом, то и старше!

– Ладно, – говорит старик, – кто победит, тот и старше.

– Да я тебя одним пальцем придавлю, – распаляется великан.

– Меня зовут Апока, – и ухом не ведет старик.

– А меня Бана.

– Ну что ж, посмотрим, кто из нас умнее. Хоть это и женское дело, но и мужчина должен уметь нитку в иглоку вдеть. Так вот, кто из нас быстрее нитку вденет? – Старик быстро вдел нитку, да еще дырку зашил, а Бана так и не смог управиться с иглой своими неповоротливыми заскорузлыми пальцами.

– Да это не интересно, – говорит. – Вот что-нибудь по съедобной части сварганить, здесь я мастак.

– Ну, давай попробуем лепешки испечь. Интересно, у кого они получатся вкуснее и белее.

– Это я запросто, – уверяет Бана и, знай себе, сидит на солнышке. Апока, не мешкая, забежал в юрту, замесил тесто и спрятал в уголок. Затем вышел наружу и давай в посудине землю замешивать.

– Лепешки из земли и я могу испечь, – заметил Бана.

Старик замесил землю, внес в юрту и поменял посудыны: ту, что с землей, оставил, а с тестом взял. Мнет, мнет тесто и говорит:

– А ну-ка, Бана, посмотри, земля-то у меня побелела. – Напек старик лепешек, поели они с гостем, попили

чаю. – Теперь твоя очередь стряпать.

Положил Бана земли в посудину, добавил воды, стал месить, а тесто не белеет.

– Ну ладно, пеки свои черные лепешки, – сказал старик. Напек Бана земляных лепешек, так их даже пробовать не стали, выбросили.

– Ну, и хитрющий же ты старик, – сказал Бана. – Вот бы мне немного твоего ума. А то я хоть большой, да дурной.

– Если хочешь, поживи со мной, кое-чему научу, в жизни пригодится.

Остался Бана-великан со стариком жить. Соорудили большущую юрту, ее видно даже с другого берега моря. Бана носил дрова, своими большими руками ловил рыбу. Помогал старику во всем. Жили они дружно, весело, часто принимали гостей с другого берега. Бана стал старика дедушкой звать.

УМЕЛЫЙ КОРКОП

или в одном стойбище муж с женой, и был у них сынишка Коркоп. Мальчик рос ловким и смелым, ходил с отцом на охоту, помогал матери собирать дрова. Меньший брат Коркопа, Григу, был ленивым и неповоротливым. Родители баловали

его: лучший кусок мяса — ему, теплую расшитую одежду — тоже. Но мальчик не становился от этого лучше, ни за что не хотел братья.

Вскоре родилась сестричка, Домна. Коркоп очень любил девочку, нянчился с ней. Домна выросла красавицей, не ленилась помогать матери: мять шкуры, шить одежду для отца и братьев.

Как-то отец сам, хоть это не мужское занятие, разжег очаг в юрте, посадил детей вокруг огня и торжественно сказал:

— Мой отец оставил мне лук, копье и бусы-колокольчики. Лук я отдаю своему старшему сыну, Коркопу, копье второму сыну, Григу, а бусы-колокольчики дочери Домне.

Коркоп принял наследство с радостью, а Григу передал отцовский подарок старшему брату:

— Возьми, Коркоп, пригодится. Мне-то зачем это копье?

Вооруженный отцовскими луком и копьем, молодой охотник стал приносить еще больше дичи и пушнины, всему стойбищу хватало. Домна надела бусы-колокольчики, и они радостно зазвенели: «динь-динь-динь».

Умерли родители, Коркоп остался с братом и сестрой. Пошла как-то Домна по воду, и тут налетел вдруг ворон, схватил ее и унес за синие горы, в свое гнездо. Ждут братья, а ее все нет и нет. Пошел Коркоп искать сестру и увидел на земле колокольчик, оторвавшийся от бус, поднял. Колокольчик «динь-динь-динь» — рассказал, что ворон унес Домну за синие горы.

Отыскал охотник ворона, убил его, освободил сестру. Но на этом не ограничились испытания девушки. Однажды, когда Домна пошла в лес за ягодами, ее схватил волк и унес в темную пещеру. Ждали-ждали братья, нет сестры. Григу и говорит:

— Иди, брат Коркоп, посмотри, куда наша Домна запропастилась, а я полежу, подожду вас.

Ищет Коркоп сестренку, никак не может отыскать. Нашелся лишь колокольчик от бус: «динь-динь-динь» и показал пещеру. Убил Коркоп волка, вернул сестру. Остался у Домны один колокольчик. Проезжал как-то на оленях молодой пастух, остановился переночевать в юрте у братьев. Увидел Домну и полюбил ее. Домне он тоже понравился. Поженил их Коркоп, пожелал счастья. Оторвала Домна последний колокольчик от бус, бросила, и он превратился в оленье стадо.

А ленивый Григу, знай себе, спит да ест. Коркоп его кормит: как-никак, брат. Однажды поехал Григу по озеру кататься, а в лодку вода просачивается. Вычерпывать лень. Так и потонул вместе с лодкой.

Женился Коркоп на красивой, доброй девушке, растут у них сыновья и дочь, прекрасная, как луна.

ВОЛКИ-РАЗБОЙНИКИ

или в горах три брата-разбойника. Вечером они превращались в волков, и тогда несдобровать ни зверю, ни человеку, кто бы ни попался на пути. Днем братья принимали человеческое обличье, и все в округе несли им большие куски мяса, пушнину, шкуры в подношение.

В далеком стойбище жили три друга, женатые на красавицах. Пасли свои стада оленей, занимались охотой. О волках-разбойниках они слышали краем уха, но встречаться с ними не доводилось. И вот однажды друзья ушли на охоту, оставив жен с детьми присматривать за хозяйством. Тогда-то и налетели на стойбище волки-разбойники, загрызли всех оленей, а женщин унесли с собой. Вернулись друзья с добычей: в разоренных юртах ни души, лишь там и сям оленьи туши валяются, да волчьими следами все усеяно.

Нельзя этого прощать разбойникам,

решили друзья. Поставили петли, волки их перегрызли. Разбросали отравленное мясо, но приманка осталась не тронута. Волки хитры, а охотники еще хитрее: вырыли большую яму-ловушку. Накрыв ее ветками, друзья стали с шумом загонять в нее волков. Бегут серые, понимают, что настал их час, огрызаются, пытаются на бегу задеть охотников своими клычищами. Но друзья отстреливаются из луков и не подпускают к себе хищников. Поздним вечером изможденные волки попали все-таки в яму. Рычат, от злости землю грызут, выбраться не могут.

— Ну вот, пришла пора за все ваши злые дела ответ держать!

— Не убивайте, — взмолились волки. — Все вам отдадим: и оленей, и жен с детьми. — Уговорили. Привели к своему жилищу охотников, а сами ринулись бежать, только их и видели.

— Оставайтесь волками, — закричали им вслед охотники. — Не нужно нам таких злых людей!

Поселились друзья со своими женами и детьми в жилище волков. А братья-оборотни никогда больше не превращались в людей. С тех пор любой волк сторонится людей — знает, что охотник снимет с него шкуру.

ЛУНА-МАМА

Ехали по тундре на оленях пастухи. Вдруг налетела сильная пурга, к вою ветра присоединился волчий вой. Олени переполошились, побежали во весь дух. Вот тогда в суматохе потерялась люлька-бэбэ с крохотной девочкой. Какое горе для родителей! Заплакали они, а шаман сказал:

— Ветер унес вашу дочь к духам!

Лежит потерянная девочка в бэбэ и плачет, хоть и тепло ей в меховом гнездышке, да проголодалась, должно быть. Ночь настала, поднялась на небо луна, осматривает все уголки тундры и вдруг

видит на снегу люльку с младенцем. Жаль стало девочку, дай, думает, понежу бедняжку! И сбросила сверху теплую серебристую юрту. Днем за девочкой приглядывали белочки, бурундуки, ночью приходила мама-луна, качала бэбэ и пела лунные песни. Назвала девочку Муляндэ.

Выросла девочка красавицей. Одежда у Муляндэ меховая, черные волосы рассыпаны по плечам, красиво лежат на прозрачном серебристом плащике.

— Мама-луна, почему ты не возьмешь меня к себе, на небо? — спрашивает Муляндэ.

— Потому, что человеку положено жить на земле. Знаешь, сделаю-ка я тебя хозяйкой зимы!

И вот уже Муляндэ разъезжает на оленях и присыпает снегом землю. Скинет серебристый плащик, потряхнет им, и мигом поднимается пурга. Хорошей хозяйкой стала Муляндэ в тундре, всюду у нее порядок. Луна радуется: славная у меня дочь.

Бежал как-то в лесу молодой охотник на лыжах, встретил Муляндэ и влюбился в нее. Муляндэ тоже полюбила его, потеряла покой. Стали молодые люди встречаться, но опасались, как бы луна не узнала и не погубила их. Однажды Муляндэ не выдержала, упала перед луной на колени, взмолилась:

— Матушка-луна, прости меня, я не

хочу быть зимой, хочу стать человеком и выйти замуж за молодого охотника.

— Будь счастлива, доченька, — сказала луна. — Я знала, что ты когда-нибудь этого захочешь. — Сняла с дочери серебристый плащик, и стала Муляндэ обычной девушкой. Вышла замуж за молодого охотника, и все стали называть ее: наша Муляша.

Каждый вечер луна видит свою дочь и улыбается ей.

СВЯЩЕННЫЙ БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Плыл Хуркан на лодке по большой реке, услышал плач. Смотрел, смотрел по сторонам, ничего не разглядел, кроме скалы, которая высилась вдалеке, добрался до нее, решил заночевать. Развел костер, и вдруг рядом раздался тот же звук.

— Кто здесь?

— Это я, скала!

— А разве скалы могут плакать?

— Да! Могут!

— Что ж, — сказал Хуркан, — я тебя утром рассмотрю.

Настало утро. Сел Хуркан в лодку, отъехал и видит, что не скала вовсе это, а девушка стоит.

— Кто тебя замуровал?

— Дед мой постарался. Хотел, чтобы я вышла замуж за сына богача, а он такой безобразный! Я отказалась и теперь обречена быть скалой и лить по ночам слезы. Никто не берется освободить меня, боятся разгневать моего деда. Он способен превратить смельчака в камень.

— Я хочу помочь тебе, — сказал Хуркан.

— А ты не побоишься?

— Нет, не сомневайся, — ответил юноша.

— Зовут меня Улита, — вздохнула скала. — Смелость — это хорошо, но и помощь не помешает. Так вот, слушай. В стаде моего деда пасется белый олень,

никого к себе не подпускает, но тебе поможет. Однако придется пять зим приучать оленя к себе. Потом покажи мою шапочку, он прибежит и спасет меня.

Пошел Хуркан в стойбище к деду Улиты, стал пасти его стадо. Самый красивый, белый олень, с ветвистыми рогами и острыми копытами, сторонился людей и не подпускал к себе нового пастуха.

Вот и пятая зима наступила. Наконец, олень позволил Хуркану погладить себя. Парень давал ему кусочки сахара, приносил лепешки. Олень стал привыкать к пастуху, катал его на спине. Прошла пятая зима, Хуркан показал оленю шапочку хозяйки. Тот просиял от радости и говорит:

— Бежим скорее ее спасать. Жаль, раньше я не знал, где она.

Хуркан сел на оленя, и они помчались к скале. Олень узнал свою окаменевшую хозяйку издали, прибавил шагу, забежал на вершину и стал острыми копытами разбивать скалу. Каменные брызги летели во все стороны, олень долбил и долбил скалу до тех пор, пока из нее не вышла хозяйка. Усталый и счастливый, он лег у ее ног.

Хуркан увидел Улиту в человеческом облике и полюбил ее. Запрягли они белого оленя и уехали подальше от злого

деда. Стали жить вместе. С тех пор повелось в тундре беречь белого оленя, его считают священным.

БУБЕН ШАМАНКИ БАНЫ

В одном стойбище жила бедная женщина. В ее юрте не всегда водились мясо и жир. Была у нее одна радость — красавица дочь Домна, трудолюбивая, знающая себе цену. Многие сватались к ней и получали отказ. А нравился ей Ноли, пасший стадо богатого хозяина. Он слыл хорошим оленеводом и охотником. Не каждый мог столь ловко заарканить оленя или метнуть копьё дальше Ноли. В соревнованиях парень неизменно занимал первые места и получал призы. Мать гордилась сыном, и тот оберегал ее от невзгод. Из девушек ему нравилась Домна. Как-то он набрался решимости, пошел к ней свататься и получил согласие. Решили они весной поставить юрту и зажить своей семьей, а пока Ноли продолжал пасти хозяйское стадо на дальнем пастбище.

У богача был сын, ленивый, толстый, а туда же — посватался к красавице Домне. Ее отказ очень разозлил хозяина стада. Как это: такая беднячка дала согласие пастуху и отказала хозяйскому сыну? Он решил уломать Домну, мол, никуда не денется, со временем станет послушной женой толстяку-сыночку. А пастуха Ноли, чтобы не мешался, превратить в медведя.

За эти чары, по просьбе богача, взялась шаманка Бана: бегала вокруг костра, выкрикивала страшные заклинания и стучала в бубен, пугая дикими звуками всю округу. Несколько дней не унималась, потом приказала привести Домну.

— Твой жених превратился в медведя, а ты должна выйти за хозяйского сына!

Заплакала Домна, горькие слезы

покатились по щекам, она не хотела становиться женой ленивого толстяка.

— А-а-а! — заорала шаманка Бана. — Тогда будь оленихой!

Так в стаде прибавилась молодая, красивая важенка, с ветвистой короной рогов на голове. Печальный ее взгляд всегда был устремлен вдаль. Ночью она убегала далеко в тундру, искала Ноли, превращенного в медведя. Не найдя его, возвращалась под утро.

Годы прошли с тех пор, а тоска не оставляла сердца. Однажды весной олениха нечаянно подслушала разговор двух куропаток.

— Если кто-нибудь ночью проберется в юрту шаманки Баны и трижды стукнет в ее бубен, то сбудутся все его желания.

Обрадовалась олениха и стала выжидать удобного момента, чтобы зайти ночью к шаманке. Как-то Бана объелась мухоморами и захрапела на все стойбище. Олениха забежала в юрту, нашла бубен, трижды стукнула в него и воскликнула:

— Хочу стать девушкой Домной! Хочу видеть своего настоящего жениха, Ноли. Хочу, чтобы олени умчали нас за синие горы!

Только произнесла заветные слова, видит: несутся они с Ноли на оленях к синим горам. Прибыв на место, поставили юрту, чтобы жить. Первенца называли Харлам. С детства он отличался добротой, храбростью. Историю родителей и злой шаманки Баны мальчик знал, как и то, что если взять бубен шаманки и сжечь, то все заклинания потеряют силу, но затаил свое желание до тех пор, пока не вырос и не возмужал. И тогда заявил:

— Пойду я, дорогие родители, воевать со злом! Не хочу, чтобы люди превращались в оленей и медведей!

Стойбище шаманки хорошо охранялось. Когда Харлам подкрался поближе, на него налетела свора собак, готовая разорвать любого незваного гостя. Только Харлам разогнал их палкой, видит: бежит олень, вот-вот заколет рогами. Парень не стал убегать, а накинул аркан со словами:

— Слушай, олень, ведь ты, наверное, человек, заколдованный шаманкой!

— Да! А ты откуда знаешь?

— Я для того и рожден, чтобы все знать! Олень, будь другом, помоги пробраться в юрту шаманки и забрать бубен. Если его сжечь, то все заклинания спадут.

— Не попадешь ты к шаманке, — сказал олень. — Ее юрту охраняют три злых медведя, тоже заколдованные парни.

— Спасибо, олень! Думаю, я смогу найти с такой охраной общий язык. — Только Харлам подошел к юрте, из нее вываливаются три огромных медведя и бросаются навстречу. Но он их опередил:

— Друзья! Вы же люди, а не медведи! Я пришел вас спасти!

Звери послушно расступились. Вбежал Харлам в юрту шаманки, схватил бубен и бросил в огонь. И сразу вместо собак появились девушки, вместо оленя — красивый юноша, вместо медведей крепкие парни.

И вот уже сидит Харлам на почет-

ном месте, пьет со всеми спасенными крепкий чай, с сахаром вприкуску, и радостная улыбка не сходит с его добродушного лица.

Хорошо они зажили в родном стойбище, без злой шаманки Баны.

СМЕЛАЯ КЭТЧЭ

или на берегу моря рыбаки-эвены, ловили рыбу, промышляли морского зверя — нерпу. Все бы ничего, если бы не злой человек, который наводил на них страх, преследовал, не давал свободно передвигаться по тундре. Кого ни встретит на пути, убьет. Однажды пришел к рыбакам и велел:

— Завтра же приведите мне в жены девушку, иначе всем не поздоровится.

Заволновались рыбаки, обсуждая, кого отдать в жены злому человеку, а матери заплакали, ведь никто не хочет своей дочери злого мужа.

На краю стойбища жила девушка Кэтчэ, без отца и без матери. Она-то, сирота, ради спасения других, и решила пойти к злому человеку по собственной воле.

Шагает Кэтчэ, а злодей дожидается, сидит на скале и бросает вниз камни. Один из них попал в девушку, заставив заплакать от боли. Обидчик засмеялся, увидев ее слезы.

— А-а, — говорит, — давно тебя жду!

— Меня зовут Кэтчэ, а тебя как?

— Имя мое Хэлуян, но никто его не знает, потому что все меня боятся.

Пошла Кэтчэ с Хэлуяном в горы, споткнулась и полетела кувыркком по склону. Сильно ушиблась, руки расцарапала о кусты, но не услышала сочувственных слов, а лишь смех.

— Неужели тебе не жаль меня? — спросила Кэтчэ. — Почему ты такой злой?

— У меня нет сердца, потому мне и неведома жалость. Я могу обижать людей, без колебаний убивать их.

- А где же твое сердце?
- Оно осталось у шаманки.
- Как это случилось?

— Я был у нее лучшим пастухом, но однажды в пургу олени упали в пропасть, вот она и вырвала из моей груди сердце.

— Хэлуян, если ты прежде был добрым человеком, то нельзя тебе оставаться злым. Знать бы, как тебе помочь.

— Злая шаманка держит радугу, зажав под мышкой. Нужно рассмешить женщину так, чтобы она ослабила руку! Радуга вылетит и рассеет злую тьму. Шаманка боится этого и почти не спит.

Пошла Кэтчэ в стойбище шаманки, та и спрашивает:

— Что тебе, девка, надо?

— Хочу у тебя, бабушка, работать, — ответила Кэтчэ. Стала прибираться в юрте, мыть посуду, варить пищу, сушить шкуры. Год работает, два, а шаманка так ни разу и не уснула крепким сном.

Пошла тогда Кэтчэ за грибами, нарвала мухоморов, сварила, накормила злую шаманку. Та заснула, как убитая, а радугу под мышкой держит. Хотела Кэтчэ разогнуть ей руку, но не смогла и тогда принялась щекотать старухе пятки. Расхохоталась шаманка, ослабила руку. Вылетела добрая радуга и уничтожила зло.

Побежала Кэтчэ к своему мужу Хэлуяну. Издалека увидела его, споткнулась, упала и заплакала. Подбежал Хэлуян, вытер ей слезы, прижал к себе. Кэтчэ обрадовалась: не стало злого человека, вместо него — добрый, ласковый муж, с отзывчивым человеческим сердцем.

ОШИБКА СПИРИДОНА

ила-была в одном стойбище женщина, и была у нее дочь, умная, работающая. Звали ее Арэ. Хоть и бедно они жили, Арэ не

унывала: рыбу ловила, ягоды собирала, на пропитание хватало.

В этом же стойбище жил молодой, удалой охотник Спиридон. Ему пора было жениться, и каждая девушка стойбища надеялась, что выбор падет на нее, каждая втайне шила для парня что-нибудь из одежды.

Наступила осень, и Спиридон неожиданно для всех посватался к Арэ. Та ответила согласием. Не откладывая, Спиридон отправился на охоту, добыть пушнины, чтобы сыграть свадьбу. Уезжая, сказал Арэ:

— Жди меня, я скоро приеду, поставим свою юрту.

Уехал Спиридон на нартах, взяв с собой охотничью собаку Мукалу. В ожидании его Арэ принялась шить жениху рабочую и праздничную одежду. Спиридон добывал белку, лису, ему сопутствовала удача. Пора бы и возвращаться. Вечерами, у костра, охотник отводил душу, разговаривая с собакой:

— Вот, Мукала, еще немного, и поедем к Арэ, она нас с тобой ждет. — Собака понимающе повизгивала.

Решил напоследок Спиридон поохотиться за синими горами. Путь туда оказался долгим и лежал через незнакомое стойбище. Много народа попало навстречу.

— Что здесь такое? — спросил Спиридон.

— Через два дня богач оленевод отдает замуж свою дочь, Матрену, за того, кто победит в оленьих скачках. Давай, и ты участвуй.

— Нет, мне это ни к чему. Невеста у меня уже есть, ждет не дождется.

Один старичок посоветовал Спиридону не оставаться на состязание, как бы чего не вышло. Мукала тоже тащила его за полы назад, домой.

— Я только посмотрю, участвовать не буду, — колебался Спиридон. Многие принялись уговаривать его состязаться:

— Если победишь и не захочешь

жениться, получишь взамен другой приз, — эти слова убедили его.

Скачки начались через два дня. Олени Спиридона бежали легко, оставляя позади одни за другими нарты соперников. Спиридон пришел первым. Выводит тогда богач оленевод из юрты свою дочь Матрену, и к Спиридону. Увидела Матрена молодого, красивого парня и полюбила его. А Спиридон отказывается:

— Не нужна мне твоя дочь, у меня уже есть невеста, дай мне другой приз.

Разозлилась красавица:

— Как ты смеешь меня позорить? Женись на мне, ведь я и богатая, и красивая.

— Нет, не могу, — стоит на своем Спиридон.

Кликнул богач шаманку, велел превратить Спиридона в нож, а его собаку в ножны. Завыла шаманка, произнося заклинания, запрыгала вокруг костра, забила в бубен, и превратился Спиридон в нож, а его собака в ножны. Схватила Матрена нож, заложила в ножны и повесила себе на пояс. Решила она погубить невесту Спиридона, а его женить на себе. Оделась бедной пастушкой и пошла в то стойбище, где жила Арэ. Та приняла гостью радушно, накормила, напоила чаем, посадила на мягкие шкуры. Гостья и говорит:

— Где же твой жених, Арэ?

— Жду его с охоты.

— А вдруг он женился на другой?

— Быть того не может. Он вернется. Ведь мы любим друг друга.

Смотрит гостья на Арэ, думает: «За что только он любит ее, небогатую и некрасивую? А я, богатая и пригожая, не нужна». Разозлилась Матрена, схватила нож, замахнулась на Арэ, чтобы ее погубить. Однако нож вывернулся и поранил красавицу Матрену. Та с криком выбежала из юрты. Нож упал к ногам Арэ и превратился в Спиридо-

на. Обнялись они от радости. Спиридон рассказал, что с ним приключилось, как не послушался он старика и верную собаку Мукалу. Арэ говорит:

— Надо прислушиваться к тому, что нам советуют хорошие люди, они всегда желают добра.

Когда Матрена выскакивала из юрты, оторвались у нее ножны от пояса и превратились в Мукалу. Та долго гнала злодейку от стойбища.

Услышав лай Мукалы, Спиридон и Арэ вышли из юрты, чтобы встретить и приласкать верного друга.

ДВОЙНЯШКИ

одной женщины родилась двойня: мальчик и девочка. У эвенов такое событие редкость, и новорожденным радовались не только мать с отцом, но и вся округа: это добрый дух прислал близнецов!

По обычаю, когда дети подросли, им переименовали имена, данные при рождении, чтобы сбить с толку злого духа. Мальчика стали звать Апока, а девочку Аячан. Они были так похожи друг на друга, что мать с отцом путали их, особенно облаченных в меховую одежду. И это забавляло детей.

Выросли близнецы. Апока стал смелым охотником, Аячан — умелой хозяйкой, хорошей помощницей матери. Один пастух решил взять близняшку в жены, надеясь, что она родит ему двух сыновей зараз. Аячан знала, что он был хвастуном и трусом, и лишь искала случая, чтобы проучить его. Когда хвастун прислал свою мать к родителям Аячан — поговорить, чаю попить да на будущую невестку посмотреть — она побежала к брату и попросила:

— Братик, надень мою нарядную женскую одежду и иди в юрту. Там сидит гостья, ждет меня, но придешь ты. Не хочу я замуж за хвастуна!

Надел Апока одежду сестры, зашел

в юрту, поздоровался с гостьей. Никто его не узнал, даже мать родная:

— Аячан, поставь чашки, чай будем пить.

Мнимая Аячан вдруг разбила чашку. Мать подумала, что дочка волнуется, стала ее подбадривать:

— Доченька, покажи-ка тетушке Мангруни, как ты бисером вышиваешь!

Взяла Аячан иголку, а ниткой в ушко попасть не может. Удивилась мать: что это стряслось с дочерью? Стала Аячан посуду мыть, всю воду расплескала, на гостью брызнула. Посидела тетушка Мангруни, посмотрела, покачала головой и отправилась восвояси. Пришла домой и говорит сыну:

— Эта Аячан — неумеха. Не нужна тебе такая жена!

Аячан с Апокой рассказали матери, что поменялись одеждой, и вся семья долго смеялась над их проделкой.

Так Аячан отваживала всех недостойных женихов, пока сама не полюбила хорошего человека и не вышла за него замуж. Родила она двойняшек. Муж оберегал ее, помогал во всем. Апока тоже женился, и родились у него две девочки, а потом два мальчика. Люди уважали их, говоря:

— Род Аруевых приносит удачу.

ОСИКАТ-ЗВЕЗДОЧКА

До чего же красива Осикат — дочь богатого оленевода! Но горда, неприступна, ни с кем не разговаривает, лишь насмешничает. Парни побаиваются ее острого язычка, больше же всех достается неудачливым охотникам и пастухам. А удачливые пока не встречались. Поэтому и ходит гордячка в невестах, хотя девушки стойбища одна за другой выходят замуж. Осикат посмеялась и над Эченом, который был последним, кто признался ей в своем чувстве.

— Тоже мне, жених нашелся, — ска-

зала Осикат, намекая на бедность парня.

Несмотря на полученный отказ, Эчен по-прежнему любил ее, и гордячка наконец-то разглядела, сколько достоинств в этом скромном юноше: и ловок, и отважен. Осикат стала встречаться с ним, втайне от отца, который не хотел отдавать любимицу за кого попало. Узнав о встречах, отец запретил дочери и думать об Эчене, а того пригрозил выгнать из стойбища. Однако парень, набравшись смелости, попросил руки Осикат. Отец, было, рассердился, а потом придумал парню испытание:

— Я разрешу сыграть свадьбу, если ты, Эчен, нагреешь всю воду, что вытекает из горы в Таватуме.

Поняла Осикат, что ей никогда не быть замужем, и сказала любимому:

— Иди, я буду тебя ждать.

Пошел Эчен к горе, развел костер, стал греть в котле ключевую воду. Нагреет, выльет, нагреет, выльет, а холодная вода не убывает. Долго ждала девушка Эчена, не дождалась, улетела на небо и превратилась в звездочку. А парень до сих пор греет воду, и она горячим ручьем льется в долину.

Так злой отец разлучил свою дочь с любимым. Состарившись, он горько жалел об этом, ведь ему мечталось о внуках. Осикат до сих пор ждет Эчена, видит его сверху, но встретиться им не суждено.

ПОДРУЖИЛИСЬ

В давние времена коряки и эвены враждовали между собой. Корякам казалось, что эвены у них оленей воруют, отнимают лучшие пастбища, выловили всю рыбу. Никак не хотели мириться и знаться друг с другом.

Девушка из корякского стойбища, по имени Чеенат, однажды пошла по

воду и встретила на берегу реки эвена Пилимона. Молодые люди понравились друг другу, так что им уже не хотелось расставаться. Они взялись за руки, и солнце им засветило ярче, птицы громче запели, цветы стали краше. Каждую встречу они радовались один другому и всему, что их окружало. Прошло лето, тундра запестрела желто-красными красками, каждое расставание стало невыносимым.

— Чеенат, я пойду к твоим родителям, — сказал Пилимон.

— Нет, не ходи: мои сородичи узнают, что ты эвен, и убьют тебя.

— Как же тогда быть?

— Вот что, — сказала Чеенат. — Пригласи коряков в гости, на праздник первого олененка. В такой день никто не помнит обид.

Настала весна, а с ней праздник рождения первого олененка. Приехал Пилимон к корякам, пригласил их в гости. Те приняли приглашение.

Нахмурились эвены, увидев приехавших коряков, но те стали махать руками, выказывая дружелюбие. В такой день нельзя помнить зла, и эвены позвали коряков к своему огню. На празднике эвены и коряки соревновались в стрельбе, в борьбе, устроили гон-

ку на оленьих упряжках. Победителей приветствовали дружными возгласами, потешались над шутниками, дарили друг другу подарки.

Потом пили крепкий, душистый чай, ели жирное оленьё мясо, юколу, свежую рыбу. Старики вели тихие беседы о жизни, парни ухаживали за девушками. Вечером развели большой костер, встали в круг и, взявшись за руки, стали петь песни, танцевать.

И вот тогда Пилимон и Чеенат вышли в круг со словами:

— Пусть коряки и эвены помирятся навсегда! В знак дружбы мы сыграем сегодня нашу свадьбу! — Встали на колени перед старейшинами и попросили благословения. Старики со стороны невесты и со стороны жениха дали согласие.

Вот где радости было! Праздник вспыхнул с новой силой, собравшиеся были довольны таким поворотом событий. С тех пор коряки и эвены помирились и живут дружно.

СВАРЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Анэй была очень сварливой женщиной. Что ни сделает муж — все не по ней. Принесет рыбу, а жена ворчит, что мелкая, мог бы и покрупнее поймать. То дров мало собрал, то дичь плохая. Заела своего Гурия. Однажды, уйдя на охоту, он решил больше не возвращаться в свою юрту, стал жить в лесу.

Ждала Анэй мужа, ждала да так и не дождалась, принялась его бранить:

— Ах, он такой-сякой, куда-то запропастился, домой идти не думает, — ворчала она, ворчала, разозлилась вконец и выбросила наружу меховые носки-чижи. — Ищите хозяина! Вернетесь, когда найдете. — Затем повыбрасывала меховые сапоги-торбаса, верхнюю одежду, а еще посуду, чтобы все искали Гурия.

Вещи нашли хозяина и остались с ним, не захотели возвращаться к сварливой хозяйке. Анэй же по-прежнему шумит, теперь уже сердится не только на мужа, но и на вещи, отправленные ею на поиски. Больше выбрасывать нечего, перекинулся ее гнев на юрту:

— Ты могла бы их удержать! Уходи отсюда, не нужна мне такая!

Обиделась юрта и ушла к хозяину. Встретил ее Гурий и сказал:

— Смотри-ка, все убежали от такой сварливой хозяйки! Так ей и надо!

Осталась Анэй одна, не на кого больше ворчать, да и расхотелось. Пойду, — думает, — искать беглецов. Долго бродила по лесу и, наконец, далеко в лесу увидела юрту. Подошла к ней, откинула полог и говорит:

— Прости меня, муж, простите, вещи! Я была плохой, сварливой хозяйкой. Но я укоротила свой язык. Давай-те жить вместе. Плохо мне одной.

Обрадовался муж такой перемене. Зажили они на новом месте в мире и согласии.

ИГЛА-СКОРОШВЕЙКА

мерла у девочки мама, оставив в наследство иглу. У других костяные иглы, а у Бачинэ стальная, спорая в работе. Берегла ее сирота. Все знали, что мать Бачинэ выиграла иглу в соревновании, показав умение быстро разделять рыбу. Знала об этом и Нека. Пришла она к Бачинэ, чаю попить, поинтересовалась:

— Покажи мне свою иглу-скарошвейку.

— Вот она, — сказала Бачинэ. — Я как раз шапочку бисером украшаю.

Увидев прекрасные эвенские узоры, Нека потихоньку вытащила иглу и спрятала у себя в одежде. Посидела еще немного для вида, встала и говорит:

— Темно уже. Мне пора домой.

Но ни шагу не смогла сделать: игла

стала ее колоть. Ничего не оставалось Неке, как вернуть иглу хозяйке.

— Прости меня, я больше так не буду делать.

— Зачем ты ее взяла? — спросила Бачинэ.

— Я хотела всех обшивать, как ты, чтобы все меня хвалили.

— Ты же не умеешь шить, а без умения игла не поможет.

— Так научи меня, — попросила Нека.

— Приходи, буду учить, — согласилась Бачинэ и со временем научила подругу кроить, шить. Сделалась Нека настоящей мастерицей.

ДУХ ОГНЯ

Вернулся Эчэт с охоты, разжег очаг в юрте, дрова подкладывает и слушает, как они трещат. Вдруг слышится ему:

— Где ты был несколько дней?

— Кто это спрашивает?

— Это я, дух огня! Поговори со мной.

Эчэт рассказал духу, что ходил на охоту, лису-огневку видел, двух белок, следы сохатого. Снега очень много, и медведи рано залегли в берлоги. В лесу полно зайцев, куропаток. Подбросит Эчэт дров и снова разговаривает с духом огня, а тот, выказывая заинтере-

сованность, добродушно потрескивает. Когда прогорают дрова, дух огня засыпает. А когда проснется, помогает Эчэту: греет воду, сушит одежду, варит мясо, обогревает юрту. Эчэт бережно с ним обращается.

Случилось как-то, что один богач в соседнем стойбище топтал очаг и ругал огонь: плохо, мол, горит. Разгневался дух огня, загорелась тундра. Олени, звери спаслись бегством, а богач не смог, погиб. Увидел тогда Эчэт пожар, испугался, что дух огня все пожжет, побежал навстречу, упал на колени и взмолился:

— Дух огня, друг, не гневись, уймись! Что будут делать люди, если погибнет тундра?

Слезы Эчэта упали в пламя. Дух огня пожалел охотника, утих, стал маленьким и покладистым. Эчэт унес его в свою юрту, вышел к людям и сказал:

— Если вы не хотите когда-нибудь погибнуть от пожара, то берегите огонь, он наш друг, но может стать врагом, если его разгневать.

Сказав это, он вернулся в юрту, подкормил очаг дровами и долго разговаривал с духом огня.

— Ты, дух огня, настоящий друг, ты моя жизнь. Я никогда не стану злить тебя, буду обращаться с тобой бережно и детям своим накажу поступать так же.

ПАПА ПАПОРОТНИК

Пастухи любят теплый уголок Севера — Таватум. Даже зимой здесь не бывает холодно, у горячего источника, который пробивается из горы. На прогретой земле растут черемуха, клюква и даже папоротник.

У пастуха Апоки была любимая дочь Арэ. Каждый раз, пригоняя оленей с Таватума, он приносил ей цветы, ветки черемухи, а когда подарил папоротник, девушка очень обрадовалась, по-

садила диковинное растение возле юрты и попросила в следующий раз принести такое же. Ей хотелось увидеть цветы папоротника.

— Редко, очень редко он цветет, — сказал отец.

Много лет прошло с тех пор, а цветов так и не было. В очередной раз, возвращаясь с Таватума, отец, как обычно, хотел взять с собой папоротник и вдруг услышал:

— Не тронь. Ты и так все кусты переносил. Это я, дух леса, запрещаю тебе прикасаться к растениям. Иначе пеняй на себя.

Не удержался Апока, вырвал кустик, и сам стал папоротником. Ждала Арэ отца, ждала и ждать перестала, только однажды у юрты раздался его голос:

— Доченька, дух леса превратил меня в папоротник. Я очень по тебе соскучился и вот расцвел, чтобы посмотреть на тебя!

— Папочка, я буду помнить тебя всегда, — сказала Арэ.

Если вы увидите, что папоротник расцвел, знайте, что отец Арэ очень скучает по своей дочери.

БАБУШКА АЧИЙНАТ

Жила в Таватуме, недалеко от горячих ключей, бабушка Ачийнат. Возле ее юрты росли че-

ремуха и рябина, папоротник, жимолость, клюква. Она была целительницей и лечила этими растениями людей. Если живот болел, давала ягоды черемухи. Избавляла и от простуды, и многое могла. Если крутило руки и ноги, бабушка говорила:

— Прогрейте в горячих ключах, и все пройдет.

Состарилась Ачийнат, а передать свое искусство некому. И вот судьба послала ей помощницу. Дело было так. Одна девушка, Маринэ, пошла как-то зимой в лес, за дровами. Вдруг налетела пурга, подхватила ее, закружила и унесла. Вышла утром из юрты бабушка Ачийнат, видит: из снега торчит край одежды. Откопала, а это девушка, едва живая, перенесла ее в юрту, напоила горячим чаем, накормила, уложила в теплый меховой спальный мешок — кукуль. Придя в себя, Маринэ рассказала, что с ней произошло.

— Оставайся у меня жить, коль сирота. Будешь названной внучкой. Научу тебя исцелять людей, — предложила бабушка Ачийнат. Та и рада.

Живет Маринэ у целительницы, все видит и запоминает, учится. Хотела, было, осенью самостоятельно собрать ягоды рябины и черемухи, но ветки поднялись так, что стало невозможно до них дотянуться.

— Деревья еще не привыкли к тебе, — сказала бабушка. — Попробуем собирать вместе.

Тем временем у богача заболел единственный сын, Эрэн. Приглашенная к нему шаманка, как ни старалась, не излечила парня. Тогда отец послал за целебными ягодами, на берег Тавату-ма. Приехал к Ачийнат пастух, забрал все ягоды, а бабушка говорит:

— Надо уметь с ними обращаться, иначе больной не поправится.

Но пастух и слушать не стал, сел в упряжку, только его и видели. Ягоды не исцелили Эрэна. Тогда богач сам пожаловал к бабушке Ачийнат, просить помощи. Дала бабушка целебные яго-

ды, с добрыми напутствиями. Прошло несколько дней, и вот слышит Ачийнат звон колокольчиков и радостную песню незнакомого парня.

— Кто ты?

— Это я, Эрэн! — Сошел с нарт, подошел к бабушке, обнял ее руки: — Спасибо тебе, бабушка Ачийнат, что спасла. Теперь я жив-здоров, песни распеваю.

— Зайди, отдохни, попей чайку, — пригласила она.

Зашел Эрэн, увидел Маринэ, налюбоваться не может.

— Отдай, бабушка Ачийнат, свою внучку в жены.

— Твой отец не даст согласия.

— А я все равно женюсь! Маринэ, будешь моей женой?

— Я согласна. Но жить будем здесь, вместе с бабушкой.

Поставили молодые юрту в Таватуме и зажили в любви и согласии. Узнал отец, что Эрэн обзавелся семьей, не стал ругать сына, а привез вдоволь мяса, рыбы, жиру.

— Береги их, — велел бабушке и уехал, довольный выбором сына. Потом перекочевал поближе к молодым, чтобы заботиться о внуках, которых очень полюбил.

Смотрит бабушка Ачийнат на Эрэна с Маринэ, на их деток, радуется. Теперь и умереть можно: рябина с черемухой и все хозяйство целительницы будут под присмотром.

МЕСТЬ МЕДВЕДИЦЫ

Жил в густом лесу охотник Пача, промышлял зверя, птицу, ходил на лыжах в стойбища, обменивал пушнину на продукты. Все бы ничего, да без жены плохо, самому приходится управляться по хозяйству. Но Паче нужна была не просто женщина, а непременно охотница. Среди эвенков таких немало, однако все онигодились Паче разве что в бабушки.

Как-то на пути в далекое стойбище охотник увидел росомаху. Не успел прицелился, зверь упал замертво. Подошел к росомахе, слышит шорох, оглянулся: идет к нему девушка с ружьем. Так вот кто стрелял! Пача отступил от добычи и залюбовался, какая красивая, ловкая охотница. Помог ей довести добычу до юрты.

Собаки, издавуча учуяв людей, подняли лай. Из юрты вышел старик. Пача почтительно обнял руки старика. Тот пригласил его попить чаю, сказав:

— Когда Мотя, моя внучка, стреляет в белку, то попадает в глаз.

Наконец-то Пача нашел себе жену, какую хотел, и дед был доволен, что его любимица обретет опору в жизни.

Поженились Пача и Мотя, вместе ходили на охоту, а дед их всегда встречал с радостью. Умирая, он сказал:

— Без нужды не трогайте медведей, они здесь козлева.

Похоронили деда. Пача вырезал на перекладине могильной оградки двух птиц, чтобы душа улетила на небеса.

Пача с Мотей жили дружно, в достатке. Родился у них сын Ноли, затем дочь Нека. Как-то ушел Пача на охоту и не вернулся. Жена нашла его, растерзанного медведицей. Стала одна ходить на охоту, ловила лис, стреляла волков, птиц. Смелая была женщина. Юрту заново покрыла оленьими шкурами, а внутри застелила волчьими. Тепло и уютно в ней детям. Когда они подросли, переняли родительское ре-

месло. Однажды мать вернулась израненная, истекающая кровью, ползком добралась до юрты и сказала, умирая:

— Будьте осторожны, берегитесь серой медведицы!

Остались брат с сестрой сиротами. Ноли стал ходить на охоту, Нека хлопотала по хозяйству. Большая серая медведица вскоре напала и на парня. Тот растерялся, полез спасаться на дерево, а медведица за ним. Сорвался Ноли, упал, сломал ноги, медведица не тронула его. Сестра отыскивала брата, притащила в юрту, стала лечить травмами.

— Не умирай, братик! — причитала она. — Как я буду жить без тебя, совсем одна?

Ноли выжил, но стал калекой. Сестра радовалась, что выходила брата, однако ей пришлось стать в семье за главного, в одиночку ходить на охоту, чтобы содержать себя и брата. Однажды девушка встретила в лесу большую серую медведицу. Не убежала, а смело подняла ружье.

— Вот мы с тобой и встретились, — сказала медведица. — Я тебя загрызу. Если же ты убьешь меня, то твой брат выздоровеет.

— За что ты нас так ненавидишь? — спросила Нека.

— О! Это давняя история. Твой отец убил двух моих медвежат. Как я по ним ревела! С тех пор у меня нет детей. Тогда я стала мстить вашей семье. Это я загрызла твоего отца! Это я изранила твою мать! Это я столкнула с дерева твоего брата! А теперь и тебя загрызу. — И бросилась на Неку. Но смелая девушка выстрелом в упор остановила медведицу. Села возле туши и горько заплакала. Печальная, пошла домой. Видит: навстречу брат.

— Сестренка, смотри-ка, я выздоровел!

Нека сказала брату:

— Давай никогда не убивать детенышей. Звери любят их так же, как люди

своих детей. Серая медведица мстила нам за свое потомство.

— Клянемся не убивать зверенышей! — сказали они в один голос.

ДВЕ БАБУШКИ

вены — небольшой народ, вся жизнь у них в движении. Пастухи, охотники много ходят пешком, и женщины в выносливости не уступают мужчинам. Прогуляться в другое стойбище, за несколько километров, им не составляет труда.

Две пожилые эвенки дружили с детства. Жили в разных стойбищах, но друг к другу в гости хаживали частенько.

Однажды бабушка Домна надела расшитые бисером торбаса, искусно вышитый фартук, верхнюю одежду, украшенную узорами, шапочку из меха, перчатки и, захватив в подарок юколу и ягоды, отправилась навестить старую подругу. Шла быстро, в пути отдыхала всего два раза.

Еще издали собаки учуяли ее и залаяли. Бабушка Улита вышла из юрты посмотреть, кто идет, и узнала по походке свою подругу. Вернулась в юрту, чтобы приодеться, поставить чайник.

Надела Улита фартук с колокольчиками, шапочку, расшитую бисером, чтобы уважить гостью. Нарядной стала, и бубенчики радостно позванивали: «Динь-динь-динь». Вышла Улита, встретились подруги, обнялись и вошли в юрту. Закипел чайник. Хозяйка заварила чай, нарезала на маленьком низком столике свежей рыбы мальмы, достала лепешки, сахар. Пригласила Домну к столу. Поели всего помаленьку и стали пить вкусный, душистый чай. Эвенки любят чайку попить за беседой. Сидят старушки, беседуют, вспоминают молодость.

— Ой, — говорит Улита. — Помнишь, Домна, как поехала за своим Вачей

Аруевым, когда отец отказался отдать тебя ему замуж? Погнался он, чтобы тебя вернуть, да разве угонишься? Ты, как ветер, умчалась за Вачей. И вы до сих пор вместе. Это хорошо.

— А ты, — захихикала Домна, — мужчинам-охотникам не уступала. Не каждый попадет белке в глаз, а тебе не диво, знаменитой охотницей стала. А своего Балихача где встретила? На охотничьей тропе. Друг перед другом пушнину выкладывали, красовались. Помнишь?

— Да, — отвечает Улита, — веселое было время. Хорошо нам жилось. Жаль, что Балихач в ледяную воду провалился, простыл и умер. А все не одна — дети и внуки рядом.

Потом о родне поговорили, о погоде, за разговорами второй чайник опорожнили.

— Ой, спасибо, Улита, побегу-ка я домой, а то старик волноваться будет, — засуетилась Домна. Проворно вскочила на ноги. Улита дала ей две пачки чаю, мяса сушеного — гостинец, отказать нельзя, чтобы не обидеть хозяйку. А когда Улита вынула из мунгурки яркий платок, Домна даже всплакнула:

— Жду тебя на днях в гости. Я припасла тебе красивую фарфоровую чашку. Приходи!

— Обязательно приду, — ответила бабушка Улита. — Жди!

КАК ТОРБАСА ХОЗЯИНА ИСКАЛИ

ел пастух по весенней тундре, раскисли у него торбаса, снял их и повесил на дерево. Надел другие и продолжил путь. Висят торбаса на дереве день, два. Никто их не снимает. Говорит один другому:

— Давай спрыгнем с дерева, а то что-то хозяин не берет нас, потерял, что ли?

Спрыгнули и пошли искать хозяина. По сырой тундре двигались медленно: обходили ручьи, озера, чтобы не намокнуть еще раз.

— Давай-ка взлезем в гору, оглядимся, нет ли где нашего хозяина, — говорит один.

Три дня поднимались по склону, устали, легли отдохнуть. Утром окинули взглядом тундру, до самого края, но хозяина так и не увидели. Стали спускаться с вершины, а навстречу заяц.

— Куда это вы, торбаса, путь держите?

— Да вот, хозяина ищем.

— Давайте, я буду вашим хозяином.

Залез заяц лапами в торбаса, великоваты они оказались.

— Нет, не годишься ты нам, — сказали торбаса и потопали дальше.

Мимо мышка бежала, спросила:

— Торбаса, можно, я в вас переночую?

— Ночуй, жалко, что ли!

Переночевала мышка в торбасах и побежала дальше. А добрая белочка насыпала в них спелых шишек. Идут торбаса, орешки грызут, а навстречу медведь. Увидел торбаса, решил примерить, мол, зимой в них спать будет теплее! Стал натягивать на лапу, маловата обувка. Разозлился да как швырнет торба-

са! Летели они, летели — и упали у юрты пастуха. Лежат, не в силах подняться. А тут и снег пошел, припорошил их. Наконец, очнулись путешественники, отряхнули снег и говорят:

— Зима уже настала, а мы никак своего хозяина не найдем.

Вышел из юрты пастух, увидел торбаса и удивился:

— Ну и ну, как же вы здесь оказались? Ведь я вас далеко, в Таватуме, оставил. — Взял их, занес в юрту, обулся и пошел в стадо.

Так торбаса нашли своего хозяина, а он и не догадывается, что они его искали.

ЛИСТВЕННИЦА-МАМА

Девушки Чины умерла мама. Похоронив ее, дочь посадила на могилке маленькую лиственницу, часто приходила ухаживать за саженцем. С годами выросло большое красивое дерево, все больше напоминавшее очертаниями умершую. Когда Чине было плохо, она приходила на могилку и плакала.

Лиственница-мама ласкала Чину ветвями, утирала слезы и утешала. Как-то богач, на которого Чина работала, велел сшить за пять дней три кукуля. Мол, приехали иностранные купцы, спешно требуют кукули, а в обмен дают товар. Сказать-то легко: за пять дней, а как сделать? Работа большая. Опечаленная Чина пришла на могилку.

— Что случилось, доченька? — спрашивает ее лиственница.

Девушка рассказала, какое непосильное получила задание.

— Принеси мне оленьи шкуры, доченька, я их выделаю и сошью два кукуля, а себе оставь шкуры на один кукуль, сама сошьешь.

Принесла Чина лиственнице-маме оленьи шкуры, сама ушла шить, возвращается через три дня на могилку, а кукули готовые лежат.

— Спасибо, мама. — Взяла Чина кукули, отнесла богачу, а тот не дает продоху:

— Давай-ка сшей торбаса, пять пар.

Решила Чина сама управиться, но не уложилась в срок. Настало время предъявить работу, а три пары обуви еще не готовы. Побежала она на могилку:

— Мама, помоги мне, пожалуйста, сшить торбаса, еще три пары.

— Помогу, доченька.

Принесла Чина сшитые в срок торбаса богачу. Тот удивился и решил посмотреть, кто помогает бедной девчонке. Увязался ночью за Чиной и все узнал. Разозлился, стал вырывать дерево с корнем. Застонала лиственница-мама, зовет на помощь дочку. Услышала ее Чина, побежала на могилку, а там богач беснуется. Нарвала она веток стланика и стала хлестать злодея, пока тот не заорал:

— Чина, не бей, мне же больно!

— Ты извел мою мать непосильной работой, — приговаривала Чина, — а теперь хочешь лишить меня и памяти о ней! Вот тебе!

Еле вырвался богач, а ночью снялся со стадом, перекочевал в другое место. Проснулась Чина, вышла из юрты, а вокруг никого. Как же жить-то теперь? Пошла она на могилку матери, лиственница стала ее утешать:

— Чина, доченька, ты еще будешь счастлива.

— С тобой, мама, мне ничего не страшно, — ответила Чина, обнимая лиственницу.

Через какое-то время девушка вышла замуж, родились у нее дети, они оберегали лиственницу: знали, что это их бабушка.

КРАСАВИЦА КЛЮ

Привез эвен Нуклин из чужого далекого стойбища корячку жену. Звали ее Ключ. Она была хорошей хозяйкой и необыкновенной красавицей, любила смотреться в чистые лужицы, любуясь собой.

— Ах, какая я красивая, во всем стойбище никому не сравниться со мной.

Выглянуло солнышко из-за туч, и стало ему обидно за людей, что не накажут хвастунью, зашло оно за тучи, не появляется на небе. Вечер настал, показалась луна. Муж говорит Ключ:

— Полюбуйся, какая луна красивая!

— Что мне луна, если от моей красоты померкло солнце.

Обиделась луна, скрылась за горой, совсем темно стало на земле. Ни солнце, ни луна с тех пор не появлялись на небе, да и звезды пригасили свет.

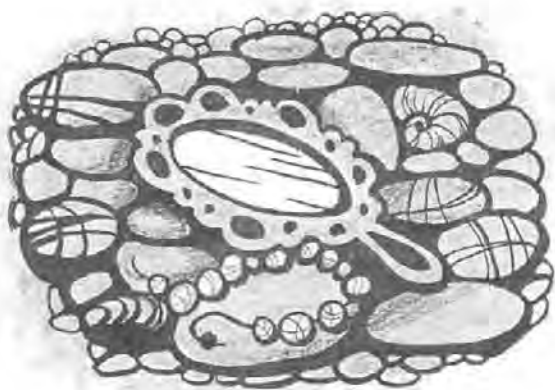
— Ой, как жаль, — говорит Ключ. — Жаль, никто не видит в темноте моей красоты.

Надоело Нуклину хвастовство жены, выгнал он Ключ из юрты, сказав:

— Из-за тебя ни солнце, ни луна не появляются. Вон какая темень. Не нужна мне такая жена.

Идет Ключ, плачет, а никто ее не жалеет. Поняла она, наконец, что напрасно обидела солнце и луну. Но, быть может, все еще можно исправить? Забралась на высокую гору, стала просить:

— Солнышко яркое, прости меня, появись на небе, освети тундру. Не мо-

жем мы жить в темноте. Пожалей наших детей!

Услыхало солнышко, улыбнулось и появилось на небе. Светло стало, тепло. Птицы запели, цветы распустились, люди обрадовались, стали танцевать.

Наступила ночь. Клю поднялась на высокую гору, стала просить:

— Луна-красавица, поднимись на небо, освети нашу тундру!

Услыхала луна, взошла на небо, залила тундру серебряным светом. Радостно зажились людям при солнце и луне. А красавица Клю стала старше и умнее и теперь говорит детям:

— Дети мои, никогда не хвастайте своей красотой, не обижайте этим людей. Смотрите, чтобы с вами не случилось того, что стряслось однажды со мной!

МУДРЫЙ ОРЕЛ

Уда однажды Мули через реку и, сбита течением, стала тонуть. Мимо пролетал орел, увидел девушку в беде, подхватил ее и принес в гнездо. Большое оно, теплое, в нем три орленка. Поблагодарила девушка своего спасителя, а тот предложил:

— Поживи здесь, помоги птенцов поднять на крыло. Одному мне трудно управляться, а орлицу убили охотни-

ки. Я тебя не обижу, а когда мои дети вырастут, верну в стойбище.

Согласилась Мули. Играла с орлятами, поила их, пела им песни. Птенцы полюбили ее, ложась спать, укрывали крыльями. Мудрый орел научил девушку собирать целебные травы, излечивать болезни. Когда орлята возмужали, он сдержал слово:

— Мули, садись мне на спину, отнесу тебя к людям. — Летят они, вдруг слышат плач. Снизилась, Мули спросила у пастухов, убитых горем:

— Кто вас обидел?

— Огромный волк повадился таскать из нашего стада оленей, почти всех порезал. Осталось два олененка, и тех, думаем, не убережем.

— Друг-орел, надо помочь людям, — сказала Мули. Набрала больших камней и села на спину птицы.

Сверху волк виден, как на ладони. Мули стала бросать в него камнями. Один попал в голову серого, и зверь упал мертвым.

Прилетели они в стойбище, бросили шкуру обидчика к ногам людей.

— Теперь не будет есть оленей.

Села Мули на орла, продолжила путь. Летит и слышит вдруг звуки бубна, тревожную песню шамана. Велела орлу опуститься, заглянула в юрту.

— Что случилось?

Оказалось, у пастуха умирает дочь. Стала Мули поить больную травами, та и ожила.

— Будь нам второй дочерью, Мули, — обрадовался пастух.

— Спасибо, но мне пора.

Летят они с орлом дальше и видят, что люди упали в пропасть. Стали выносить их из провала, всех спасли.

Много еще добра сделала людям Мули при помощи орла. Куда бы ни прилетала, они радовались:

— Это наша Мули, девушка, несущая радость.

ОТЧИМ

Женился охотник на одинокой женщине, у которой была дочь — маленькая Мангруни. Отчим невзлюбил падчерицу, попрекал каждым куском, а когда у него родился сын, сказал жене:

— Отведи девочку в тундру, пусть живет, как хочет.

Мать взяла дочку за руку, пошла с ней далеко в голую тундру и сказала, не сдерживая слез:

— Доченька, мой муж не хочет, чтобы ты жила с нами, поэтому я оставляю тебя здесь.

Оставшись одна-одинешенька, девочка побрела, куда глаза глядят. Шла она, шла, забралась на какой-то холмик и провалилась в медвежью берлогу.

— Кто это? — зарычал медведь.

— Это я, Мангруни. Добрый медведь, разреши мне погреться у тебя.

— Грейся, не жалко.

Девочка рассказала, что злой отчим попрекал ее каждым куском мяса и в конце концов выгнал из дома.

— Эх, неохота мне вылезать из тепла, да придется, чтобы проучить такого нехорошего человека.

Вылезли медведь с девочкой из берлоги, принялись вдвоем рыть большую яму, когда закончили, медведь отправился в стойбище.

Выманил зверь охотника из юрты. Тот схватил ружье и стал преследовать хозяина тайги, убегающего к ловушке. Да и угодил в яму — такую глубокую, что выбраться без чьей-либо помощи невозможно. Медведь прорычал ему:

— Знай, как обижать девочку!

Несколько дней охотник провел в яме, промерз, оголодал. Мангруни пожалела отчима, вытащила из ямы, спасла от гибели.

Вернулся он в свою юрту. Жена накормила его, напоила. Когда отогрелся, пришел в себя, говорит ей:

— Иди в тундру, найди Мангруни.

Обрадовалась мать, побежала по его следу, нашла дочь и привела в юрту. Та нянчилась с братишкой, сделалась незаменимой помощницей матери. Отчим после медвежьей науки стал заботливым и ласковым с Мангруни.

— Какая хорошая у нас дочь, — говорил он.

МЕХОВАЯ ЛАПКА

Бежала лиса по лесу, нашла меховую рукавичку, думает: кому бы ее подарить? Постучала в норку к мышке.

— Мышка, мышка, возьми рукавичку в подарок!

Выглянула мышка из норки, а лиса хватить ее и съела. Летит куропатка. Лиса к ней:

— Куропатка, куропатка возьми рукавичку в подарок!

Стала куропатка мерить рукавичку, лиса бросилась на нее и съела. Бежит рыжая и думает: «Какая я хитрая, всех обманываю. Они мне верят, а мне того и надо». Дальше бежит, довольная собой. И вдруг клац — угодила лапой в капкан. Плачет на весь лес, а никто не хочет прийти ей на помощь. Перегрызла лапку, освободилась от капкана, да на трех далеко не убежишь. Привязала вместо лапы рукавицу, заковыляла. Так и хромот с тех пор.

Не делай зла другим, иначе никто тебе не поможет в беде.

НАРТЫ

Нашли звери зимой нарты и стали кататься с горы. Такая им радость, подняли визг до небес! Проснулся от шума медведь, тоже захотел покататься. Сел на нарты и раздавил их. Взялись звери его ругать:

— Спал бы, ты, медведь, в своей берлоге, не лез, куда не следует.

Обиделся медведь, залег в берлогу и с той поры спит всю зиму.

ЛИСА-ВООБРАЖАЛА

Много украшений досталось Веренди от бабушек: бусы, серьги, кольца. Это девичье богатство она, как обычно, сняла вечером, положила на низенький столик. А ночью в юрту залезла лиса, сгребла все добро и скорее в лес. Днем решила примерить, надела серьги, бусы, развоображалась, стала кружиться на полянке и петь веселые песни.

Утром девушка проснулась, а столик пуст. Отец девушки собрал людей стойбища и сказал:

— Кто взял украшения моей дочери? Верните!

Но все молчали, никто не ведал, где украшения. Несколько дней проплакала Веренди, пока не случилось вот что.

Шел по лесу охотник Цибин и вдруг услышал непонятную веселую песенку. Раздвинул кусты, а там лиса ходит по полянке, танцует, веселится, украшениями позвякивает. Вот это номер! Застрелил лису, принес в стойбище, а там настоящее столпотворение. Шум, гам, люди с ног сбились в поисках. Подошел Цибин к девушке:

— Выйдешь, красавица, за меня замуж?

— Выйду, если найдешь украшения, гордость нашего рода!

Вытащил охотник из мунгурки лису, протянул девушке. Увидела Веренди,

что на рыжей ее серебро навешано, обрадовалась, а люди облегченно вздохнули.

— Простите меня, сородичи, что плохо о вас подумала, — сказала Веренди. — Мы с Цибином приглашаем вас на свадьбу.

На свадьбе веселилось все стойбище. С тех пор в юрте охотника и висит шкура рыжей лисы, напоминая о счастливой встрече с Веренди.

ЛЬДИНКА

Весной на море поломало лед и отнесло течением. Лишь одна льдина осталась у кромки берега. Вынырнула нерпчка, увидела льдину, обрадовалась, стала с ней играть. Нырнет, а льдина старается уплыть подальше. Снова вынырнет нерпчка, догоняет льдину. Иногда малышка лежит на льдине, и течение далеко относит их от берега. Тогда выплывает мама-нерпа, зовет дочку, а та просит:

— Мама, помоги мне подогнать льдину к берегу!

Очень подружилась нерпчка с льдиной. Но дни становились длиннее, солнце грело жарче, и льдина таяла, постепенно превращаясь в крохотную льдинку. Опечалилась нерпчка, говорит ей:

— Без тебя мне будет скучно!

— Не печалься, — успокаивает льдинка. — Мы с тобой встретимся зимой.

Я вновь стану тогда большой льдиной и долго не растаю.

Нерпочка плыла рядом с льдинкой, никак не хотела с ней расставаться.

— Ну, а теперь прощай, — сказала ледяная подружка и растаяла, только вода колыхнулась.

ЧУДО-ТУМАН

Мудрый старый ворон как-то сказал туману, лежащему на горе: — Можешь прикинуться каким-нибудь зверем?

— Могу, — ответил туман. — Собрался в клубок и превратился в огромное черное страшилище.

— А теперь пойдем людей поугае-ем, — предложил ворон.

Когда они прилетели в стойбище и показались людям, те попадали от страха. Лишь один парень взял большую ветку и разогнал туман. Люди облегченно вздохнули:

— Спаситель ты наш!

А ворон все не уgomонится, опять подначивает:

— Туман, а туман, давай еще кого-нибудь поугае-ем!

Увидели волков, погнались за ними. Волки припустили что было сил от огромного неведомого зверя. Бежали, пока не рухнули от изнеможения.

— Ха-ха-ха, — веселится ворон, довольный собой. — А давай-ка поката-емся вон на том лосе!

Туман сгустился, стал большим тяжелым шаром, опустился на спину сохатого.

— Кто это сел на меня? — грозно спрашивает гигант.

— Это я, туман.

— А ну-ка слезай!

Туман как приклеился. Сбросил его лось, стал рогами рвать в клочья, копытами топтать.

— Так ему и надо, — кричит ворон. Туман рассердился, стиснул предателя, стал душить.

— Кар-кар, помогите, — завопил ворон, кое-как выскользнул из объятий тумана и взгромоздился на высокое дерево. А туман медленно растекся по долинам, оврагам и распадкам, заботливо покрывая землю теплым, дымчатым одеялом.

С тех пор они с вороном в ссоре, даже не разговаривают друг с другом.

ПАРЕНЬ-ВУЛКАН

Невзлюбила злая шаманка Ханькана, парня из соседнего стойбища. Он выделялся среди сверстников смелостью и ловкостью. Был хорош собой, и девушки на него заглядывались. Ни одна не выйдет замуж за Ханькана, решила шаманка. Надо от него избавиться. Надела шаманский пояс с головами зверушек, зубами волков, клыками медведя, накинула на шею волчьи хвосты, нахлобучила шапку, закрывающую лицо, и заголосила гортанным страшным голосом. Люди в округе попрятались по юртам и со страхом ждали, что будет дальше.

Развела шаманка костер, схватила бубен и с утра до вечера заклинала:

— Превратись, Ханькан, в гору! Превратись, Ханькан, в гору!

Перестаралась шаманка, превратила парня в вулкан. Стал он извергать раскаленные камни, а затем и лаву. Устремился огненный поток к юрте шаманки. Испугалась она, схватила бубен и к реке. А лава за ней, по берегу растекается, через реку устремилась, вода закипела, вся долина наполнилась паром, а лава не останавливается. Тогда шаманка превратилась в зайца и припустила бежать изо всех сил, а огненная лава не отстает. Обернулась шаманка птицей, взлетела, выше, выше поднимается.

— Ну, теперь никто не догонит!

Как бы не так! Выглянуло солнце и огненными лучами спалило птицу,

Погибла злая шаманка, а Ханькан опять стал парнем. Женился и поставил юрту там, где был вулкан — земля на том месте до сих пор теплая.

ХОЛОДНЫЙ И ГОРЯЧИЙ РУЧЬИ

Текли рядом два ручья. Один холодный, с пресной водой, другой — горячий, целебный. Горячий и говорит холодному:

— А ведь я нужнее тебя! Я один такой на всю округу. И люди, и звери знают про меня, издалека приходят ноги подлечить, желудок.

— Ну и оставайся один, коль ты так, — сказал холодный ручей и скользнул глубоко под землю.

Без холодного ручья пожухла трава, деревья стали сохнуть. Птицы и люди от жажды мучаются, ищут питьевую воду. Никто не идет к горячему ручью, не до него. Какое там лечение, тут бы с жизнью не расстаться.

— Почему я стал никому не нужен? — удивляется горячий ручей. Стал он звать: — Студеный братец, вернись, мне плохо без тебя.

Вышел холодный ручей наружу, журчит по камням. Ожили деревья, налилась соком, зазеленела тундра, запели птицы. Напившись чистой воды, олени погрузились в горячий источник лечить ноги, сбитые об острые камни.

— Ах, какая чудесная вода, какой из нее получается чай, — говорили люди, приходя к холодному ручью, чтобы наполнить большие чайники. Попив чайку с дороги, отправлялись к горячему ручью — погреть свои косточки.

— Теперь я понимаю, что и ты, и я — оба мы нужны, — сказал однажды горячий ручей холодному.

Больше они не ссорились.

ЭЛРИКА И АРЭ

Пошла Элрика к морю и увидела: в волне, возле берега, качается красивая медуза. Взяла ее в ладони, а та как уколёт в палец! Скривилась красавица от боли, да так и осталась сморщенной образиной. Парни стали обходить ее стороной.

Сидит страхолудина на морском берегу, плачет по утерянной красоте. Из воды вынырнула морская звездочка:

— Подними меня, Элрика, я прикоснусь лучиком к твоему лицу, и красота вернется.

Так девушка и сделала. Радостная, вернулась в стойбище, и все удивились, что стала она краше прежнего.

Жила в том же стойбище недобрая женщина, Арэ — всем желала зла, детей била, а мужа ругала. Наверное, потому, что не была хороша собой. Когда Арэ узнала, что Элрика расцвела необыкновенной красотой, сразу прибежала к ней, вызнать причину перемены. Девушка не стала таиться, рассказала о случившемся. Арэ решила последовать ее примеру, побежала к морю, схватила медузу и, получив от нее ожог, стала еще безобразней и злее прежнего.

Морская звездочка к ней не выплыла.

Вернулась Арэ к мужу, а тот и говорит:

— Мало того, что ты злая, сварливая, так еще и уродиной стала. Не нужна мне такая жена! — и выгнал ее.

Вернулась Арэ на берег моря и принялась плакать. Лила слезы, рыдала, пока не превратилась в морскую капусту.

Ее муж женился на доброй женщине, которая уважала его, а детям стала заботливой мамой.

ПОДАРКИ ЗАЙЧИКА

Маленький зайчик нашел голубой круглый камешек, с черными крапинками, часто играл с ним, а если куда-то бежал, запихивал за щеку. Увидела это сорока и говорит:

— Косой, дай поддержать твой камешек!

— Что ж не дать, не жалко. — Дал, а сорока унесла камешек на дерево, в гнездо. Зайчонок расстроился, но виду не показал. Через какое-то время нашел он у речки перламутровую ракушку, сверкавшую в солнечных лучах. В нее можно было смотреться, как в зеркало.

— Дай мне посмотреться, — попросила сорока.

— На, посмотрись!

Сорока схватила ракушку и утащила в гнездо. Несколько раз на дню любовалась своим отражением и захлебывалась от восхищения: какая она, оказывается, красавица.

Тем временем зайчик обнаружил под кустом петлю и стал весело прыгать через нее.

— Можно, я попрыгаю вместе с тобой? — просится сорока.

— Прыгай, если хочется.

Только она изготовилась прыгнуть, заяц затащил петлю:

— Ну-ка, возврати мне камешек и ракушку!

— Сходи сам возьми!

— Я на дерево не залезу.

Принесла сорока камешек и ракушку, грустно вздыхая: жалко было расставаться с такими сокровищами. Заяц, став взрослым, отдал безделушки сороке. Радостная, она стрекотала об этом на весь лес. Да сих пор лежат в ее гнезде голубой камешек и перламутровая ракушка.

ЧИНА — ЛЮБИМИЦА РАДУГИ

Маленькая Чина рано осиротела. Отец погиб на охоте, в схватке с медведем, мать умерла от болезни. Жила Чина одна на белом свете, не зная ни ласки, ни заботы, а когда подросла, стала работать на богача оленевода. Обшивала всю его семью, мыла шкуры, носила в юрту воду, дрова. Тяжелый труд не озлобил Чину, она оставалась доброй девушкой. И красотой ее природа не обделила. А все-таки трудно одной, сиротской доле не позавидуешь. Как-то пошла она к реке, села на берегу, не удержалась, заплакала:

— Будь жива мама, обняла бы, приласкала.

Вдруг чувствует чьи-то теплые, нежные объятия.

— Мама, мамочка, это ты? Как я по тебе соскучилась!

— Не-е-ет! Это я, радуга, полюбила тебя за доброту.

— Спасибо, радуга, ты напомнила мне маму.

Радуга вернула девушке радость жизни. Чем бы теперь ни занималась Чина, она пела за работой, и от песни делалось легче на душе. Она стала умелой хозяйкой, первой красавицей стойбища и очень нравилась одному парню, сыну оленевода. Чина пока не думала о замужестве, и навязчивость юноши

ей не нравилась. Не постучалась еще в ее сердце любовь.

Прибежала Чина на берег, в слезах стала звать радугу:

— Радуга-мама, помоги мне!

Явилась радуга, обняла названную дочь. Узнала она, что сын богача пытается взять Чину замуж насильно.

— Я его не люблю, — сказала девушка.

— Пойдем со мной, я покажу тебе весь мир. — И перекинула радуга семицветный мост через моря и горы. Идет Чина по мосту, видит сверху, как живут люди в других землях, как расцветают невиданные цветы, как склоня-

ются необыкновенные деревья под тяжестью растущих на них крупных ягод. Идет, всему удивляется. Видит и красивых, сильных парней, но ни один из них не трогает ее сердца.

— Мама-радуга, я, наверное, никогда не полюблю.

— Полюбишь, придет твое время.

Загрустила Чина по родным краям, и радуга вернула ее в стойбище. Шагает Чина по лесу в меховой нарядной одежде, вышитой бисером, отделанной серебряными пластинками, поет песню, радуется снегу, сугробам, снежинкам, вспоминает, как радуга на прощанье сказала:

— Эвены не любят золото, а любят серебро. Если тебе парень подарит серебряное колечко, выходи за него замуж!

Вдруг навстречу молодой охотник, сильный, рослый.

— Какая ты красивая, — говорит.

Засмуцалась Чина, прикрылась варежкой. Дрогнуло ее сердечко. Познакомились они с парнем. Коркопий подарил ей серебряное колечко, и Чина решилась выйти за него. Поставили они юрту и зажили дружно.

Радуга оберегала молодую семью. Когда родились дети, считала себя бабушкой. Качала названных внучат в радужной колыбельке.

СНЕЖНЫЙ КОМ

Большой снежный ком восседал на ветке дерева. Оттуда было видно все. Вон дерутся два зайца. Так смешно стало, что упал с ветки на драчунишек. Те испугались да шмыг в разные стороны. А снежный ком, пыхтя, полез на дерево, еле-еле вскарабкался.

Снова обозревает окрестности. Вот бежит раненая белочка, ее настигает лиса.

Упал ком на белочку, укрыл, а лиса так и не поняла, куда подевалась добыча, вильнула рыжим хвостом и помчалась дальше, мышковать. Белочка поблагодарила спасителя и помогла ему вновь взобраться на ветку.

Пошел снег, и ком стал большим, как сугроб.

Видит: олень убегает от волка. Тот нагоняет его.

Ком как прыгнет на хищника, тот еле выбрался из снега, а олень уже далеко, не догнать.

Настала весна. Отяжелел снежный ком, состарился, нет прежней удалости. Зверям стало жаль его:

— Сколько добра он нам сделал!

— Ничего, — успокоил их снежный ком. — Зимой я опять буду с вами.

МЕДВЕДЬ КЫН

Кын был большим, лохматым и сильным медведем. Много троп исходил, не одно поколение медвежат воспитал. Бывало, молодые мишки так раздерутся, что их рев разносится на весь лес. Кын мирит их: жалейте друг друга!

Он любил тундру, где родился, жил и состарился. За много лет, хотя повидал в жизни всякое, не озлобился, стал еще добрее. Даже рыбу ловил слабую, немощную, а молодую щадил. Зайцы, волки, лисы, птицы не боялись его, знали: Кын не причинит зла.

Вот уже совсем состарился медведь, тяжело захворал. Белки приносили ему орешки, зайцы — целебные травы, птицы — воду в клювиках. Так и попра-

вился он, благодаря общим заботам.

Пошел однажды Кын на прогулку, а там медвежата возятся — визг, писк. Попросили, чтобы дедушка покатал. Посадил Кын медвежат на спину, таскает по поляне. Вот радости-то!

А тут, откуда ни возьмись, злые люди с ружьями. Началась пальба, стреляют в медвежат. Встал Кын на задние лапы, заслонил собой малышей, велел убежать.

Долго гремели выстрелы, страшный

рев разносился по всему лесу, это ревел от боли Кын. Убив зверя, люди увидели, какой он старей:

— Шкура совсем плохая. Никуда не годится, — и пошли себе дальше.

Собрались все звери, вырыли огромную яму, похоронили погибшего под могучим тополем. И помнят его до сих пор.

ТРИ СЕСТРЫ

Было у матушки Зимы три дочери — Метелица, Пурга и Вьюга. Послушные, работающие, сновали они по лесу, укрывали землю толстым покрывалом, утепляли снегом корни деревьев, присыпали берлоги медведей.

Как-то встретился им охотник Чандр. Приглянулся он сестрам, и каждая постаралась завлечь парня. Пурга заметала дороги, Метелица кружила вихрем, Вьюга выла вдогонку. Но для Чандра никого не существовало кроме милой Аячан, которую он любил. Когда парень понял, что из-за козней сестер он заблудился, ему вспомнилась любимая девушка, ее горячие ладошки, теплое дыхание, нежность губ, и эти воспоминания согрели его, любовь сохранила ему жизнь.

Отступили сестры, жалея о том, что Чандр никому из них не достанется, тяжело вздохнули и разлетелись в разные стороны.

Они и поныне одиноки, поскольку ни у одной не бьется в груди горячее сердце.

НЕНУЖНОЕ ЗОЛОТО

В далеком северном краю живет маленький народ — эвены. Жизнь научила их не роптать, быть собранными, трудолюбивыми. Издавна они пасли оленей, ходили на охоту, ры-

бачили. Эвены берегли угожья, пользовались лишь тем, что бегало, плавало и росло, и потому оленей, зверья, рыбы хватало всем.

Их стада разбредались далеко по северной земле, олени зимой выкапывали ягель из-под снега, яркие искры летели из-под копыт, падали и, канув в землю, превращались в золото. Оленей в то время было очень много, и золота скопилось немало. Кто же думал, что оно принесет зло?

Эвены не знали, что под их ногами лежат сокровища: зачем им золото? Но пришли другие люди и стали выкапывать его из земли. Оленей в тундре побавилось. И чем больше добывалось золота, тем меньше становилось оленей, ведь каждый вкладывал в золотые искры частицы сердца, а как проживешь без сердца?

Грустные и раздосадованные, ходят эвены: нет оленей, нет и жизни. А золото — зачем оно им?

Вышел в тундру самый древний старик, крикнул:

— Где вы, олени, вернитесь, родные, к нам!

Но только эхо отозвалось ему. Увидел пастух на земле самородок, поднял его и забросил подальше.

— Не пужно мне золото, — сказал он. — Верните моих любимых оленей! — Сел и горько заплакал.

ЧАЙКА КА

На невысокой скале морского берега свила гнездо и выводила птенцов белокрылая чайка Ка. Жила мирно, ни с кем не ссорилась. Другие, драчливые чайки любили ее за кроткий нрав, хотя и удивлялись чрезмерной доброте. Когда Ка состарилась, она перестала выводить птенцов, лишь сидела на гнезде, греясь на солнышке. Питалась мелкой рыбешкой, выброшенной на берег волной.

Однажды во время отлива маленькая нерпа не успела отплыть на глубину и застряла на мели. Налетели на нерпочку чайки, стали ее клевать. Ка увидела это, разогнала обидчиц. Они подчинились, ведь Ка в стае все уважали. Напрягаясь изо всех сил, Ка тащила нерпочку за лапы, кое-как стянула с мели. Та пискнула от радости и уплыла в глубину.

Ка старалась помочь всем, кто попал в беду. Спасла отставшего от стаи кижуча, с мелководья утянула его в море. Кижуч благодарно махнул хвостом.

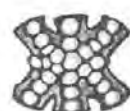
Как-то раз пришли рыбаки, поставили сети. Ка плавала по морю и поймалась в сеть, пытаясь вырваться, выбилась из сил и стала звать на помощь. Услышал ее кижуч, приплыл и помог

освободиться. Нерпочка посадила обесиленную птицу на спину и довезла до берега.

— Спасибо, друзья! Если бы не вы, я бы погибла.

Совсем немощной стала Ка, с трудом добывала пищу. Нерпочка выросла большая, красивая, она никогда не забывала угостить рыбкой чайку. Однажды принесла рыбку, а Ка нет и нет. Горько стало нерпе — будто осиротела.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

 или в далекой заснеженной тундре семь сестер, красивые, нарядные. У старшей был красный наряд, у второй сестры оранжевый, у третьей — желтый, у четвертой — зеленый, у пятой — голубой, у шестой — синий, а у седьмой — фиолетовый. Когда их увидел молодой охотник Хеуни, у него глаза разбежались: какую из семи выбрать в жены? Все хороши. День за днем думал парень о сестрах, месяцы прошли, годы пролетели, а он все не может решить, кого любит больше.

Обиделись сестры, взялись за руки и полетели на небо. Летом они становятся радугой, а зимой превращаются в северное сияние, обожают танцевать в ночном темном небе. Разноцветными

сполохами озаряют всю тундру. Люди выбегают из юрт и любят, оторваться не могут, на этот прекрасный танец света.

Старик Хеуни так и не женился и всегда с нетерпением ждет северного сияния, вспоминая семерых сестер.

ЗАЙЧИК И МЫШКА

 егал зайчишка по лесу, устал, прилег под куст отдохнуть. Вдруг под брюшком зашевелилась земля, зайчик подпрыгнул от неожиданности, глядь, а это мышка показалась на поверхности, прорыла из норки ход наружу.

— Эй, мышка, не мешай мне спать, — сказал раздосадованный заяц.

— Зайчик, давай дружить!

— Что-о? Какой от тебя толк? Ты еще трусливее меня! — лег на пригретое место и уснул. Пробежала мимо лиса, увидела спящего зайца и решила его съесть. Но тут ей в хвост впилась мышка.

— Ой-ой, — завопила лиса. — Кто меня так больно кусает? — Зайчик все это видел.

Мышка отцепилась от лисьего хвоста и вернулась к зайчику. Понял косо́й, кто его спас, стал дружить с мыш-

кой: сажал ее себе на спину и мчал так, что у той дух захватывало. Однажды грызуныя попала в капкан, еле выбралась, лишившись хвостика. Жалко ей себя стало, села, заплакала. Прибежал заяц, узнал о беде и говорит:

— Знаешь, мышка, у меня вообще никогда не было хвоста, не считая этого огрызка, а ничего страшного, живу себе. Так что не печалься.

— Ох, оба мы теперь бесхвостые, — ответила мышка сквозь слезы.

НУКА И АНЭЙ

ил в одном стойбище злой шаман. Люди боялись попадаться ему на глаза, ведь он мог накликасть болезни, вызвать пургу, превратить человека в зверя. Целыми днями, зная себе, ходит по стойбищу, высматривая, что бы такое присвоить. Если ему что-нибудь понравится — отдай, хочешь не хочешь.

Поехал зимой шаман в соседнее стойбище и заметил красивую девушку, Анэй. Загорелось ему жениться. Родители не хотели отдавать Анэй за старика, да как перечить шаману? И решила Анэй бежать из стойбища. Далеко ушла, заблудилась, простыла, обморозила руки и ноги. Еле живую нашли.

— Кто вылечит мою невесту, — объявил шаман, — тот получит стадо оленей.

— А сам-то что, не можешь выгнать хворь? Какой же ты после этого повелитель духов? — удивлялись люди. Никто из них не верил, что шаман сдержит слово и отдаст врачевателю оленей.

Жил в стойбище дед, воспитывал внука по имени Нука, обучал охотничьему ремеслу, а также врачеванию травами. Нука решил выходить девушку, положил ей на раны медвежий жир, обернул мягкими беличьими шкурками, поил Анэй настоями целеб-

ных трав. Долго тянулась болезнь, а когда Анэй пошла на поправку, то поняла, что любит своего спасителя.

— Эй, Нука, ты закончил лечение? — спросил шаман.

— Не совсем, — слукавил парень. Они с Анэй решили бежать из стойбища, и только собрались, заскочил в юрту шаман, как ударит бубном, одного и другую, по голове! Превратил обоих в камни: утопить в реке — никто не догадается, как спасти их.

— А могли бы: надо лишь бросить камни в огонь, — задумчиво прошептал шаман. Подслушала его мышка и побежала в стойбище, все рассказала деду Нуки.

Дед встал на лыжи, поспешил на помощь. Шаман как раз отправился на реку присмотреть место, где удобнее утопить камни. Дед забежал в его юрту, бросил в огонь оба камня. Один превратился в Нуку, другой — в Анэй. Тот было радости! А шаман уже возвращается, слышен скрип его шагов по снегу. Незванные гости спрятались за полог, ждут. Вернулся шаман, наклонился над очагом, чтобы руки согреть. Выскочил из-за полога Нука, толкнул его в очаг, мигом обьяло шамана пламя. Так он и сгорел.

Вскоре Нука и Анэй поженились и зажили в мире и согласии.

КОЧКА, ПЕНЬ И МУХОМОР

или в лесу друзья — старый пень, кочка и мухомор. Любили они повеселиться, подшутить над детьми, когда те далеко забредали в лес одни, без взрослых. Идут ребятки, собирают грибы и ягоды, вдруг выбегает мухомор и давай вокруг детей кружить. Те и забывают, зачем в лес пришли. Вместе с мухомором хоро- вод водят, смеются. Устанут — пенек тут как тут. Сядут ребятки, а он их запугивать принимается:

— Не уходите, дети, одни далеко от дома, а то корни деревьев схватят вас и не отпустят.

При этих словах его подружка — кочка принимается хватать детей за ноги. Те вырываются и с визгом несутся в сторону дома. А кочка, пень и мухомор с хохотом и уханьем кричат вдогонку:

— Смотрите, не заблудитесь!

Дети прибегают домой и наперебой рассказывают родителям об увиденном. Те им и напоминают:

— Мы же вам наказывали не забредать далеко, чтобы не заблудиться. Когда вы только поумнеете!

А пень, кочка и мухомор опять ищут случая поугатать ребят.

ЗЛОСТЬ ШАМАНА

Домны были бедные родители, поневоле им пришлось отдать девушку замуж за богатого злого шамана. При расставании Домна плакала и уехала с мужем Такэ в его стойбище.

Прошло время, родился у них мальчик Гурий. Шаман часто обижал жену, сына да и всех, кто оказывался рядом. Люди из страха объезжали стороной его стойбище. Гурий не походил на отца, добротой удался в мать, помогал пастухам, охотился, мужал. Пришла ему пора жениться. Положил шаман в нарты подарки, взял сына, поехал по стойбищам, на красивых оленях с колокольчиками. Люди с почестями принимали их, усаживали на мягкие шкуры, подавали жирное мясо, крепкий чай. А вот девушки шаману не нравились:

— Нет в нашей округе для моего сына достойной пары!

Решил он отложить поиски до следующего года, чтобы обследовать самые дальние стойбища. Отправил сына домой, а сам продолжил поездку. Кроме женитьбы и других дел хватает.

Началась пурга, да так сильно замело, что Гурий заблудился и стал на ночевку, пережидая непогоду у костра. Оленей привязал к дереву. Перепуганные воем пурги, они сорвались с привязи и убежали. Оставшись один, Гурий долго плутал по лесу, пока не наткнулся на незнакомое стойбище. Вошел в крайнюю юрту. Приветила его женщина, накормила, чем могла, напоила чаем из трав.

— Скоро вернется моя дочь, Ульяна, она ушла за дровами, — делилась хозяйка. — Муж умер, вдвоем живем. Юрта вон в дырах, нет в доме мужской руки. На беднячке никто не хочет жениться. А дочь у меня хоть не красавица, но хозяйка хорошая.

В это время вошла Ульяна с дровами. Увидев Гурия, засмушалась. Девушка понравилась парню, он решил на ней жениться.

— А как твои родители, согласны будут? — спросила Ульяна.

— Да я сирота, нет у меня родственников, — схитрил Гурий.

— Что ж, живите дружно, — сказала мать, — я буду помогать, нянчить ваших деток.

Молодые поставили юрту, завели хозяйство. Гурий охотился, иногда помогал пастухам, люди его уважали.

Когда шаман Такэ приехал в свое стойбище, сына там не оказалось. Подождет, подождет и отправился на поиски. Нашел Гурия, велел возвращаться домой. Тот возразил:

— Отец, познакомься с моей женой.

— Как ты посмел жениться без моего разрешения! Вы никогда не будете вместе! Я превращу вас в ручьи.

Люди в ужасе жались друг к другу, глядя на шамана, который три дня и три ночи плясал у костра, стучал в бубен и выкрикивал заклинания. Никто не посмел перечить Такэ.

И вот побежали по тундре два ручья, Гурий и Ульяна. Вернулся шаман домой, жена спрашивает:

— Где наш сын?

— Я превратил Гурия и его жену, Ульяну, в ручьи. Они никогда не будут вместе!

Поспешила мать, с трудом нашла в тундре родные ручьи, села между ними и горько заплакала. От этих горючих слез сама превратилась в соленый ручей.

Шаман догадался, что жена отправилась искать сына, и устремился в погоню. Приехал на место, а там не два, а три ручья бегут по тундре. Понял он, что остался совсем один, никому не нужный. Принялся шаманить, чтобы вернуть семью, да без толку.

Отчаявшись, шаман бросил бубен в огонь. В тот же миг исчезли ручьи, а вместо них явились жена, сын и невестка. Вместе с бубном сгорела злость Такэ. Он перестал шаманить, обижать людей, помогал им, когда к нему обращались за помощью.

РУЖЬЕ-ХВАСТУНИШКА

 вены говорят, что хвастуны встречаются не только среди людей, но и среди вещей. У одного охотника были ружье, нож и топорик, первые помощники и дома, и на охоте. И

вот однажды ружье с гордостью заявило:

— Меня хозяин любит больше, чем вас. — Нож и топорик скромно промолчали. А ружье все распаляется: — Что мне хозяин? Без него могу зверя завалить. Эй, нож, топор, идем, посмотрите, что такое меткая стрельба!

Вышли они на поляну. Ружье увидело медведя и давай в него палить. Заряды летят то вверх, то в сторону, а в цель попасть никак не получается, не то, что в руках у хозяина. Схватил медведь ружье и об дерево прикладом хрясть, только щепки во все стороны полетели.

Нож и топорик собрали обломки, принесли в юрту. Вечером хозяин увидел покалеченное ружье, удивился: как это оно сломалось? Ладно, дело поправимое. Взял топорик и нож, пошел в лес, вырубил деревце, обтесал ножом. Вот и новый приклад готов. Прикрепил стволы, ружье стало как новенькое.

С тех пор оно никогда не хвасталось. Ведь и топор, и нож не меньше нужны тундровику.

ЛЕДЯНОЙ ШАРИК

 ри снежинки-подружки порхали над лесом, уселись на горячий нос маленького волчонка и тут же размякли. Звереныш махнул головой, они упали голубым ледяным шариком, который покатился вниз по склону и застрял в снегу. Мимо бежала белочка, увидела шарик, хотела съесть, но тот взмолился:

— Белочка, пушистенъкая, помоги мне, толкни, я покачусь дальше, к моей маме-реке!

Хотела белочка помочь, да заметила лису, испугалась, заскочила на вершину лиственницы.

Бежит по лесу мышка, увидела шарик, подумала, ягодка. Шарик расска-

зал свою историю, и добрая мышка принялась толкать его с горки. Вдруг сорока летит. Мышка испугалась и убежала. Смотрит сорока: бусинка блестящая лежит, надо ее в гнездо утащить. Схватила шарик лапкой и полетела над рекой, на другой берег. Но не удержала находку. Шарик выпал, встретился с матерью-рекой. А весной, когда все растаяло, открылся радостный и веселый путь к морю.

ВОРОНА

Сидели на дереве глухарь с совой, по-стариковски переговаривались, тут и сорока к ним присоседилась, принялась рассказывать о своих детях и внуках.

— Эх, жаль, что мы постарели, — вздохнул глухарь.

Услыхала их самка мудрого ворона, засмеялась:

— Кар-кар-кар. Вам ли говорить о старости? Мне уже триста лет, и вы рядом со мной — молодежь. Ох, какая же я была в юности! Ножки прямые, шейка высокая, перышки блестящие! На грудь белый цветок приколю — красота! Ну, до чего же я была красавица, налюбоваться, бывало, собой не могу. В каждую лужицу, как в зеркало, смотрюсь. И кто только ко мне не набивался в женихи! И смелый ворон Кан, и отважный Уко, и добрый Ваг, никого мне не надо было. Подружилась с веселой кукушкой Валу, которая подкидывала свои яйца в чужие гнезда. Пока мы с ней веселились, песни распевали, пролетели годы. Давно уж нет подружки Валу, а ее сородичи, кукушки, так же передают яйца на чужое попечение. И я одна куку, без семьи, без детей. Это вам, глухарь, сова и сорока, хорошо: набьются в ваши гнезда дети, внуки, тепло вам, весело.

— Ой, — захлопотали птицы, — завтра же гости прилетают, надо в доме

порядок навести, — и разлетелись по гнездам.

ЗОЛОТАЯ РОСОМАХА

Жила-была старая Эни с дочкой Некой и сыном Мули, молодым охотником. Явился однажды к ним богач оленевод и велел парню поймать золотую росомуху. Мули ушел в тайгу, долго не возвращался. Сестра и мать очень горевали: в юрте, без мужской руки, стало холодно и голодно. Собралась Нека, сказала матери:

— Пойду брата искать!

Трудно Эни одной, и то ладно, что хоть соседи помогают. Эни очень тоскует по детям. Заплакала, было, да так горько, что слезы брызнули из глаз, покатались хрусталинками. Собрала их старая, сделала дочери бусы, а самую крупную слезинку для сына нанизала на нитку.

Идет Нека по тайге, зовет брата, молчит суровая тайга. Вдруг видит яму, в ней Мули, а рядом золотая росомуха. Хотела Нека помочь брату, да сама в яму свалилась.

Учуяло беду сердце матери, не усидела она в юрте, вышла за стойбище, увидела летящую куропатку, просит:

— Куропатка, милая, снеси моим детям эти бусы-хрусталинки! Они помогут в беде.

Пожалела куропатка старуху, взяла бусы-хрусталинки и полетела искать

пропавших. Нашла, отдала. Надела Нека себе бусы, а Мули бусинку, и оказались брат с сестрой возле родного стойбища. Золотая росомаха везет их на нартах. Увидели мать, обрадовались, обнялись. Эни сказала детям:

— Никогда не снимайте хрусталинки, они отведут от вас беду.

Мули отдал богачу золотую росомаху и вернулся к матери и сестре. Стало в их юрте тепло и сытно. Мать радовалась, глядя на своих помощников.

Богач хотел подчинить себе золотую росомаху, но та не признавала ничьей власти. Рассердился богач, стал бросать в нее горящие головешки. Вспыхнула шерсть, обгорели бока, только спинка осталась золотой. Тут обидчику и конец пришел: разозлилась росомаха и разорвала его, а сама с тех пор такая по тайге и бежит: вся черная, а спинка золотая.

ЛЮБОПЫТНЫЕ ЛЫЖИ

Всю зиму лыжи стоят возле юрты и слышат разговоры хозяев и гостей. Раз приехали незнакомые люди и долго рассказывали о теплой далекой стране, где деревья стоят круглый год в зеленом наряде. Захотелось лыжам побывать в тех краях.

Вышел хозяин из юрты, а лыж и след простыл. Скользят они по снегу через сопки и горы, через реки и леса, ищут жаркую страну.

Настала весна, вскрылись реки. Пришлось лыжам реку переплывать. Подхватила путешественников река, понесла неведомо куда. Так и приплыли в чужую страну. Выбрались на берег, чтобы продолжить путь, но без снега не смогли сделать и шага. Жара настала, совсем худо северянам: высыхаться стали. Принялись они зверей расспрашивать:

— Скоро зима настанет? Долго еще терпеть?

— Ни-ког-да!

— Неужели не придется больше скользить по снегу? — расстроились лыжи. На их счастье, наткнулись на них путешественники, очень удивились: откуда они здесь, нечего им тут делать, и взяли бедняжек с собой. Увезли на Север, а там уже метет пурга, валил снег, лютует мороз.

— У-р-ра! Наконец-то мы дома! — обрадовались лыжи, отыскивали юрту хозяина, встали на свое место, как ни в чем не бывало. Удивился хозяин: где же они были?

На следующий день лыжи побежали на горку, стали катать на себе белок, зайцев и куропаток. Рассказывали им, как побывали в жаркой стране, где нет зимы. Только им не верили.

МЕДВЕДЬ И МАЛЬЧИК

Маленький Ноли гонялся за красивой бабочкой. Та все летела и летела, дальше и дальше, а Ноли бежал и бежал. Когда опомнился и не увидел своей юрты, понял, что заблудился. Захныкал:

— Мама, где ты?

Увидел мальчика заяц, пожалел:

— Эй, Ноли, давай-ка я отведу тебя домой!

Только отправились в дорогу, выскочила из кустов лиса, зайцу стало не до мальчика: самому бы унести ноги. Опять остался один Ноли и расплакался. Увидел его лосенок, подошел и говорит:

— Не плачь, я проведу тебя домой!

Ноли утер слезы, обнял лосенка, и они двинулись в путь. Но вот беда: заметил вдруг лосенок волка, испугался и припустил что было сил. Сел Ноли под куст, зарыдал на весь лес. Страшно ему, ведь ночь наступает.

Совсем стемнело. Ревет мальчик, а по соседству, под большим кустом, крепко спал медведь. Проснулся он, подошел к Ноли, говорит:

— Горе мое, как ты мне надоел своим ревом. Полежать спокойно старику не даешь! Ладно, садись на спину, отвезу тебя к маме, да не уходи впредь так далеко от дома.

Привез медведь мальчика к юрте, а сам пошел досыпать. Тем временем родители искали сына, всю тайгу излазили. Пришли домой, а Ноли уже в юрте, чай пьет, старших дожидается. И сказал отец:

— Запомни, сынок, если медведя не обижать, то он никогда не принесет зла.

Когда Ноли вырос, он ни разу не охотился на медведя, считал его своим другом.

ЗАЯЦ-ЗАДАВАКА

А ежал заяц на поляне, вверх глаза паялил. Глядь, по небу облако плывет.

— Эй, облако, возьми меня с собой!

Облако спустилось на землю, усадило зайца на себя, стало катать по небу. Расхорохорился заяц и давай сверху обзывать зверей:

— Эй ты, медведь косолапый! Эгей, волк — зубы щелк! Мышка — замухрышка!

Обиделись на него звери: проучить бы как следует задаваку, да как его достать? Вдруг подул ветер, рассеял облако — зайчишка и полетел вниз кувырком. Хвост у него раньше был длинный-длинный, им он и зацепился за верхушку дерева. Стал заяц звать на помощь — никто не откликнулся. Одна лишь ворона подлетела, принялась ему хвост клевать, так и откромсала, чуть не под корень. Упал куцехвостый, прямо на муравейник. Муравьи его кусают, приговаривают:

— Никогда не дразнись и не задавайся!

Вскочил заяц да бежать. Глядь, а хвоста нет.

— Ладно еще, хоть голова цела!

С тех пор зайцы все бесхвостые. Так, маленький огрызок, не считается.

КРАСАВИЦА МЕДУЗА

Нежная, прозрачная медуза, как большая живая снежинка, плавала в море. Жители побережья смотрят на нее, не налюбуются. Однажды веселая морская волна баловалась с медузой и нечаянно выбросила красавицу на берег. Испугалась та, беспомощно распростерлась на песке, а волна ослабела — как ни старается, не может медузу достать и отнести обратно в море. Когда бедняжке стало совсем плохо, появился краб-отшельник, ловко подцепил ее клешней и столкнул в воду.

— Спасибо, — сказала медуза. Она впервые обратила внимание, что краб такой красивый, глаза у него добрые, хотя раньше подсмеивалась над его неуклюжестью. Волна так обрадовалась спасению медузы, что с удовольствием покатала краба на своем гребне.

Теперь медуза при встрече всегда первая здоровается с крабом, и он добродушно машет ей своей клешней.

МЕСЯЦ-НЯНЬКА

У одной женщины был маленький беспокойный ребенок. По ночам он часто плакал, никому не давая спать. Вот и решила мать ненадолго выставить люльку-бэбэ из юрты и крепко уснула в тишине. Тем време-

нем выглянул из-за туч месяц, видит: в бэбэ плачет маленький ребенок. Жалко стало месяцу малыша, взял он младенца к себе, стал баюкать. Мальчик успокоился и уснул.

Рано утром мать выглянула из юрты, а сына нет. Принялась искать, очень испугалась за ребенка и что муж разгневадается. В лесу еще было темно. Светил месяц. Подняла мать голову: вот он, ее младенец, у месяца в колыбельке.

— Месяц, месяц, верни мне сыночка!

Тот опустил бэбэ с ребенком, мать взяла младенца на руки, занесла в юрту.

Ночью он опять громко заплакал. Тут мать услышала голос, месяц ей говорит:

— Веренди, дай мне твоего сыночка покачать, я буду это делать каждую ночь, до утра.

Женщина согласилась. Так месяц стал нянькой: баюкая мальчика, пел о том, что видел сверху — о прекрасной земле, тайге, зверях, птицах. Малыш крепко спал и никогда больше не беспокоил взрослых.

Так и рос Хелуян, мужал. Месяц наблюдал за ним, помогал в трудную минуту.

— Спасибо, месяц, ты настоящий друг, — благодарил Хелуян.

Прошло время, он стал хорошим охотником, женился, обзавелся детьми, потом и внуками. Вся семья радовалась, когда видела месяц на небе. А месяцу нравилось, что его любят и ждут. Он щедро одаривал своих друзей: женщин посудой, иголками, бисером, мужчин — ружьями, патронами, топориками, ножами, а детей — игрушками и сладостями.

Печально ему было видеть, как старятся и уходят друзья, но оставались их дети, внуки, правнуки. И для них он освещал тундру своим серебряным светом.

СЕРЫЙ ВОРОН

лучилось, что в семье ворона родился серый птенец. Родители огорчились, приняв его за сына куропатки, и прогнали. Не признали серого черные сородичи, не захотели с ним водиться.

Трудно пришлось вороненку: один остался. Однажды, уставший, измученный, уснул он так крепко, что упал с дерева. Мимо пробежала лиса, схватила его, притащила в нору и бросила лисятам:

— Вот вам еда, — а сама опять отправилась на охоту.

Лисята схватили серого ворона, только перья во все стороны полетели. Вырвался он, выскочил из норы и, добежав до дерева, кое-как взобрался наверх. Сел на сук и горько заплакал, ошипанный, без единого пера, дрожа от холода.

Увидели его черные вороны, окружили и спрашивают:

— Что ты за птица?

— Я тоже ворон, только серый.

— Ха-ха-ха! Какой же ты серый? Хоть бы одно перышко показал!

Рассказал бедняга, что с ним произошло, как он храбро дрался с лисятами.

Старый, мудрый ворон сказал:

— Нас много. Давайте, каждый подарит ему по перу. Пусть станет черным вороном!

Так и сделали. Ошипанная птица получила новенькое оперение. Все вороны довольно закаркали и приняли новичка в свою стаю.

Молодые воронихи стали перышки чистить, поглядывая на красивого, сильного ровесника в черном щегольском наряде.

Говорят, он жив и сейчас и при случае любит рассказывать юным воронятам свою историю.

НЕЛКАН — НУЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Хил в одном стойбище веселый беззаботный человек Нелкан: не охотник, не пастух — ничем не занимался он по хозяйству. Зато умел рассказывать сказки, петь такие красивые песни, что заслушаешься. В юрте его было тепло и сытно: каждый, кто желал послушать Нелкана, нес ему какое мог угощение. Долгими зимними вечерами весельчак развлекал и смешил людей, скрашивая их трудную жизнь. Одну из его историй запомнил мой дед Коркопий, когда был еще маленьким.

... Давным давно воспитывался у бедных родственников мальчик-сирота Гераул. Когда вырос, стал умелым рыбаком: зимой и летом столько добывал рыбы, что кормил родственников, помогал бедным. На реке Алики — там, где впадает она в море, — в тихих местах ставил плетенные из прутьев ловушки — морды. Рыба в них заплывала, а наружу выбраться не могла.

Девушкам нравился смелый и удачливый рыбак. Старый шаман завидовал молодости Гераула, и, когда тот посватался к Дарье, превратил его от злости в морского зверя ларгу. Родственники не знали о печальной судьбе парня: думали, утонул.

Дарья, которая едва не вышла за Гераула замуж, часто бегала к морю и просила:

— Море широкое, море глубокое, отдай мне моего жениха!

В один из дней подплыла к берегу ларга и говорит ей:

— Не узнаешь, Дарья? Это я, Гераул. Злой шаман заколдовал меня. Однако ночью я способен становиться человеком и мог бы проводить время с тобой. Давай уйдем от людей подальше, будем жить вдвоем.

Так они и сделали. Ночью Гераул-ларга приплывал к берегу, принимал

человеческий облик и заходил в юрту к Дарье. Она ожидала уже ребенка, со дня на день тот должен был появиться на свет. Как-то ночью пошла она к морю, покрытому льдом, чтобы встретить мужа. Большие зеленые, синие глыбы льда обозначали кромку берега. Приплыла ларга, вылезла на берег, но встретиться супругам не довелось: выскочили охотники, подстерегавшие морского зверя, и убили ларгу. Дарья горько оплакивала мужа.

На следующий день родилась у нее девочка, с глазами цвета морской вол-

ны. Вернулась Дарья в стойбище, стала растить дочку. Потеряв Гераула, о замужестве больше не помышляла.

Новорожденную назвала Кэтчэ. Все любили добрую зеленоглазую девочку. Выросла Кэтчэ красавицей, стала умелой хозяйкой. Много парней сваталось к ней, но все получали отказ. Мать не торопила дочь с выбором.

Кэтчэ любила сидеть на берегу моря и петь грустные песни, которые сама же и сочиняла. Казалось, она ждет кого-то. И вот весной приехал издалека молодой парень, привез много рыбы. Все стойбище сбегалось посмотреть на незнакомца, а он добродушно улыбался и раздавал свой улов.

– Откуда ты? – спросили старики.

– Живу на другом берегу моря, приехал взять замуж девушку из ваших. А зовут меня Хуркан.

Девушки стойбища принялись прихорашиваться: рыбак им приглянулся. Но Хуркан уже сделал выбор: как увидел Кэтчэ, так и влюбился. Поняла и она, что дождалась того, о ком мечтала.

Поженились Кэтчэ и Хуркан, детей нарожали, на радость старухе-матери. Только со временем загрустил Хуркан по родному дому, надумал увезти семью туда, где провел детство. Дарья же решила не трогаться с места, дожидать век одна. Когда Кэтчэ с семейством собралась в дорогу, мать попросила не забывать сородичей, поднялась на скалу и долго смотрела вслед уплывающей лодке.

– Прощайте! Живите счастливо! – промолвила она и бросилась со скалы в море.

...Услышав эту сказку, все жалели и ларгу, и Дарью. Старики-эвены удивлялись, качая головами: откуда Нелкан это знает, но слушали, не перебивая. А когда сказка заканчивалась плохо, упрекали:

– Что же ты, Нелкан, не мог хороший конец придумать?

– Какая разница, хороший или плохой конец у сказки, – возражал Нелкан, – главное, чтобы люди, слушая ее, учились дружить, любить, делать добро.

И старики соглашались, покуривая свои древние трубки.

ВЕСЕЛЫЕ ДРУЗЬЯ

Много лет дружат пенек, кочка и мухомор. Летом им весело, а зимой скучновато. Пенек далеко в глубине леса торчит, кочка на болоте живет, а мухомор под кустом красуется. И вот решили друзья не разлу-

чаться. Перебралась кочка к пеньку, мухомор рядом поселился. Настала зима, и всех троих накрыло снежное одеяло. Вместе веселее. Рассказывают они друг другу сказки, смеются на весь лес. Звери и птицы с опаской смотрят на большой сугроб, из которого слышатся порой странные звуки.

Но не вечно же лежать снегу, со временем звери и птицы узнали о трех друзьях, перестали их пугаться. Летом лесные жители заняты делом: воспитывают детей, накапливают на зиму припасы. А когда настает зима, они приходят к сугробу послушать веселые сказки.

КРАБ-ЖЕНИХ

ил в море большой одинокий краб. Решил он посвататься к морской звезде:

– Звезда-звездочка, выходи за меня замуж!

– Что ты, краб, я вообще не имею дел с мужчинами!

Видит краб: медуза плывет. Он к ней:

– Медуза, красавица, выходи за меня замуж!

– Ой, – воскликнула медуза, – да ты на себя посмотри: страшный, неуклюжий. Не-ет, мне нужен красивый, нежный муж. – И поплыла своей дорогой.

Бежит краб дальше и встречает ракушку:

– Ракушечка, перламутровая душечка, стань моей женой!

– Я? Очень нужно, чтобы ты меня потом съел! – И захлопнула створки.

– Эх, – вздохнул краб, – никому я не нравлюсь, а так хочется о ком-нибудь заботиться, кого-то любить.

Тут он увидел небольшую крабовую самочку, приосанился – и к ней:

– Крабочка, милая, почему вы одна прогуливаетесь? Можно, я вас прово-

жу? — Крабочка застеснялась, хотела убежать, но краб нежно обхватил ее своей могучей клешней и ласково сказал: — Не бойся, красавица, я тебя не обижу!

Подружились они, а там и поженились. Все морские жители радовались, глядя на красивую пару.

КАПРИЗНАЯ НЕВЕСТА

одного шамана была красивая, но злая дочь Нека, вдобавок очень капризная. С утра до вечера она ныла и требовала от отца то серьги, то чернобурку, то серебряный пояс. Устал шаман и решил побыстрее выдать Неку замуж, чтоб с глаз долой. Предложил ее в жены самому бедному пастуху. «Ох, и намучаюсь я с ней», — подумал Чандр и отказался. Разозлился шаман и превратил парня в медведя.

— Эй, Такэ, — сказал один старик, — неужели ты не можешь покамлать, чтобы нрав у твоей дочери изменился?

Шаман промолчал, подумав, что бубен вряд ли тут сгодится, ведь он предназначен приносить зло и сеять страх. А впрочем, отчего бы не попробовать? Несколько суток напролет стучал Такэ в бубен и пел шаманские песни. Но дочь не поддавалась чарам. Отчаявшись, он заявил:

— Кто возьмет мою дочь в жены, тому отдам самых лучших оленей и в придачу легкие нарты. Нарты будут стоять возле дерева в лесу.

— Эх, — вздыхали парни, — хороши нарты, а невеста никуда не годится.

Совсем измаялся шаман со своей дочерью и однажды закричал в сердцах:

— Да пусть бы тебя хоть медведь забрал в жены!

В тот же миг с ревом вваливается в юрту лесной хозяин, хватает Неку и уносит в лес. Погоревал шаман, что

медведь съел его дочку, и успокоился.

На самом деле случилось вот что. Медведь утащил Неку в глубь леса, в юрту, и превратился зверь в парня, Чандра.

— Ох, — вздохнула Нека. — Хорошо, что ты человек, а не медведь!

Хотела покапризничать, а Чандр слушать не стал, ушел: живи, как знаешь, одна. Долго плакала Нека, но делать нечего, развела костер, приготовила поесть. Убежать бы к отцу, но не знает дороги. Так и прожила целый год, сама о себе заботясь. Многому научилась по хозяйству. Часто вспоминала отца и корила себя за то, что житья ему не давала. Вспоминала и парня-медведя. А однажды, возвращаясь из лесу с дровами, встретила его в прежнем медвежьем облике. С плачем подбежала, стала обнимать:

— Чандр, останься со мной, будь моим мужем.

Опять медведь превратился в парня. Говорит, все это время наблюдал за Некой, а она не замечала.

— Я рад, что ты многому научилась. С первого взгляда полюбил я тебя, жаль, долго пришлось ждать, пока ты обо мне вспомнишь.

Побежал он в лес, взял нарты, обещанные шаманом, запряг оленей, посадил Неку и повез в стойбище. Залаяли собаки, услышав звон колокольчиков, выбежали из юрт люди посмотреть на богатых гостей. Чандр подъехал к юрте старого шамана. Вышел тот, увидел Неку и чуть с ума не сошел от радости. Рассказала Нека, что с ней приключилось, познакомила с мужем.

— Прости меня, Чандр, — сказал шаман. — Пусть мой бубен никогда больше не приносит зла. — И давай петь и плясать. — Бубен, бубен мой, звени и добро, добро неси!

Всем стойбищем справляли свадьбу Чандра и Неки. До утра танцевали у костра веселый, прекрасный танец «Хэде».

ЗВЕЗДОЧКА-ОГОНЕК

 о чего холодно бывает зимой в дырявой юрте, где нет ни дров, ни еды, как у бабушки Лины с внуком Пачей.

— Эх, бабушка, как хорошо в соседских юртах, где тепло и есть мясо!

— Не печалься, все у тебя будет, только расти быстрее.

Долгими вечерами в других юртах горели жирники, было светло, а Пача, лежа на шкуре, видел звездочку на небе, потому что юрта была дырявая.

— Бабушка, пойду-ка я на сопку, попрошу звездочку, пусть посветит в нашей юрте. — И пошел.

Когда он добрался до вершины, звездочка возьми и упади ему в ладонь. Пача зажал ее в кулачок и скорее к бабушке. Осветила звездочка юрту, со светом стала излучать и тепло.

— Ой, — обрадовалась бабушка. — Какой ты, Пача, у меня молодец.

Шел мимо богач-оленовод, удивился, что из бедняцкой юрты пробивается свет. Заглянул в прореху, видит: лежит на столике звездочка, от нее светло, бабушка с внуком сидят, довольные. Заскочил он в юрту:

— Это моя звездочка! — Схватил и обжегся. Убежал домой за рукавицами, но они не помогли, мигом прогорели. Тогда он принес котелок, но звездочка прожгла и его.

— Не трогай меня, — говорит. — Я не твоя, а Пачи! — Ушел богач ни с чем.

С тех пор каждый вечер соседи звали бабушку Лину с Пачей, угощали их и слушали бабушкины сказки. От принесенной звездочки в юртах становилось тепло и светло. Хорошо зажили бабушка с внуком.

Через много лет их не стало, и звездочка снова улетела на небо. Теперь она большая звезда, светит в ночи, указывая дорогу путникам.

ХВАСТЛИВАЯ ЧАШКА

 венские женщины любят посуду, берегут ее, особенно красивые расписные фарфоровые чашки с блюдами. При переезде обматывают фарфор тряпицами и кладут в специальные деревянные футляры, чтобы не побился. И вот как-то одна из таких чашек громко, чтобы слышала вся посуда, заявила:

— Я важнее и красивее всех вас. Меня берегут. Что взять с чумазого котла, закопченного черного чайника или мятой алюминиевой кружки? Вас так не любят, как меня.

Кружка загадочно улыбнулась и ответила:

— Зато твой век короткий — не то, что у нас! Ты в любую минуту можешь разбиться, а мы все: котелок, чайник и я — много лет служим своим хозяевам. И долго еще будем им нужны.

— Ха-ха-ха, — засмеялась хвастунья, упала со столика и разбилась.

— Ну вот, — сказала кружка, — ты теперь никому не нужна!

Хозяйка собрала осколки чашки и выбросила на улицу.

ОХ, УЖ ЭТА ЛИСА!

 ружили медведь с волком, и стало им скучно. Волк и говорит: — Медведь, а медведь, давай возьмем в друзья лису!

Медведь отвечает:

— Ну ее, очень уж хитрая, будет нас обманывать!

— Мы найдем хорошую лису!

— Ну, если так, давай искать хорошую лису, — согласился медведь.

Видят, бежит по лесу рыжая, приятели к ней:

— Лиса, а лиса, давай дружить!

— А что это такое?

— Как бы тебе объяснить? Будем

помогать друг другу. Вместе ходить на охоту.

— Нет, мне это не нравится, — вильнула хвостом и убежала.

— Плохая лиса, — огорчился волк.

Еще одну огневку встретили, но та и слушать их не стала.

— Дружить с вами? Тоже мне радость! Мою шкурку на голове носят, а ваши шкуры под ноги бросают.

Опечалились друзья. Вдруг слышат, кто-то под кустом охает. Смотрят, а это лисонька.

— Что с тобой, красавица?

— Помогите, меня охотники поранили, чудом спаслась.

Принесли ее в пещеру, где сами жили, принялись ухаживать. Радуются: наконец-то нашли себе друга.

— Хорошая лиса, — говорит медведь.

— Очень, — соглашается волк.

А лиса себе на уме, притворяется умирающей.

— Ох, волк, дружок, принеси-ка мне водички! А ты, мишенька, добудь покусать.

Медведь с волком ходят на задних лапах перед лисой, а она, знай себе, лежит, охает. Лето прошло, осень настала, зима на пороге, а плутовка никак не поправится. Медведь с волком исхудали, сами недоедают — все лисе носят.

И вот ушел однажды медведь в лес и больше не вернулся. Надоела и волку такая дружба, решил сбежать от лисы, говорит ей:

— Лисонька-подружка, пойду я, изловлю для тебя зайчонка!

— Сходи, волк, сходи, дружок, а то я проголодалась.

Ждет лиса волка, от голода изнывает, а серого нет как нет. Отправилась на поиски. Волк увидел ее да как рванет наутек! «Ну ладно, — думает лиса, — надо медведя поискать». А медведь, знай себе, спит в берлоге, не найдешь под снегом. Заплакала лиса горькими слезами:

— Бросили меня одну, а еще друзья называются.

Обленилась она вконец, совсем разучилась пищу добывать. Но куда денешься: надо, не всегда же удастся обзавестись такими глупыми друзьями.

ДАРЬЯ-ОХОТНИЦА

По всей тундре знали Дарью — красавицу, охотницу, рукодельницу. А жених под стать ей пока не встретился. Родители у Дарьи были зажиточные, имели стадо оленей. За стадом следило несколько пастухов. Дарья иногда им помогала, парни ее за это уважали.

Любила девушка заснеженный зимний лес и азартную охоту. Решила однажды отправиться за добычей, запрягла оленей и помчалась за далекие синие горы. Вдруг треснул полоз у нарт. Слезла Дарья, чтобы починить, а олени, испугавшись неведомо чего, понеслись, что есть духу. Как пожалела девушка, что не взяла с собой опытную собаку Унупу! Та бы ни за что ее не бросила, да и веселей вдвоем.

Идет Дарья по лесу, одна-одинешенька — ни ружья, ни пищи, все утащили с нартами пугливые олени. Промерзла, тянет в дремоту. Отдохну немного, — думает. Села под деревом, и сон сморил ее.

Вечерело, когда с охоты возвращался Аким. Вдруг его собака зло залаяла. Наверное, росомаха, подумал охотник. Подкрался к дереву, но увидел под ветвями не зверя, а спящую девушку. Растормошил ее, привел в свою юрту. Растопил очаг, чаем угощает, вареным мясом, вяленой рыбой. Видно, что парень хороший охотник: вся юрта увешана шкурками лис, белок, росомах. И человек душевный: легко с ним. Сидя у огня, Дарья и не заметила, как рассказала Акиму свою историю.

— Не тревожься, отдохни, на днях поедем к твоим родителям.

Так и сделали. Подъезжают к стойбищу, слышат: люди плачут. Зашел Аким в юрту, спрашивает:

— Что за беда у вас?

— Дочка наша, Дарья, пропала. Олени с нартами вернулись без нее!

А Дарья тут как тут:

— Папа, мамочка! Я приехала к вам со своим будущим мужем, Акимом. Он меня спас от смерти!

То-то радости родителям: сбывается их мечта понянить внуков. Аким и шкурки — калым за невесту — не забыл захватить. Не откладывая, сыграли свадьбу. Отец Дарьи забил самых жирных оленей, раздал жителям стойбища. Вечером развели костер, веселились, танцевали до утра, желали молодым счастья.

Со временем Аким привез в стойбище жены и своих родителей, стали жить вместе.

ТРИ ЛИСЫ

На севере, в тундре и тайге, живут разные звери и птицы, обо всех за один раз не расскажешь. Послушайте историю о лисах. Встретились как-то на полянке три лисы: рыженькая сиводушка, чернобурка и крестовка. Посмотрели друг на друга:

кто красивее? Рыженькая не удержалась, воскликнула:

— Ах, подружки, неважно вы выглядите! Тебя, — показала лапой на чернобурку, — наверное, в костре жгли. А в тебя, — захихикала, глядя на крестовку, — горящие угли бросали. Да разве вы лисы? Уродины! То ли дело — я! И рыженькая, и пушистенка, мою шкурку носит и стар, и млад, а ваши на что годятся?

— Не скажи, рыжуха, — возразила чернобурка. — Коль уж наша участь такая — в капканы попадать, пусть не мы, а наши шкуры этот спор продолжат.

Вскоре после этой встречи все трое попались охотникам. Из рыжей сиводушки сразу шапку сшили. Чернобурка и крестовка — лисы редкие, шкурки их несколько зим собирают, чтобы потом в дело пустить.

Возле стоянки Никучан почти каждую весну эвены проводят праздник. Пастухи и оленеводы приезжают товарами меняться, словом перекинуться и повеселиться. Вот и Хаей приехала с мужем, в новой рыжей шапке. Подошла к женщинам похвастаться обновой. Но тут как раз прибыла молодая охотница Нивани, красуясь в накидке из шести крестовок. Гордо прошлась в своем наряде, вызвав завистливые взгляды тундровичек. А вот и Мули — в клубах снежной пыли — примчалась на своих олешках, затормозила. Тоже охотница, еще какая: не каждый мужчина с ней потягается. Сошла с упряжки, и все ахнули от вида ее камлейки из двенадцати чернобурок.

Девчата окружили Нивани с Мули, убеждаясь на ощупь, что глаза им не лгут. Шапка из рыженькой лисы опечалилась: как же так получилось, что уродины перещеголяли ее, вон как богато смотрятся наряды из их шкур, все от них в восхищении. Тяжело вздыхала сиводушка от досады, да что толку, все равно никто не обращает на нее внимания.

После этого случая рыжие лисы-сиводушки стали завидовать своим товаркам, чьи шкурки, оказывается, ценятся выше. Одна, самая завистливая, решила покрыть шерсть копотью, подобралась к костру, однако в чернобурку ей не удалось превратиться: от яркого пламени стала огненно рыжей — огневкой. Оглядела себя и воскликнула:

— Вот теперь я красивее всех! — Распушила хвост и умчалась по своим делам.

КРАСНЫЕ КАМНИ

Коряки — народ со смуглой кожей, узколикие, задиристые и воинственные, не то, что эвены — круглолицые, работающие и спокойные. Коряки испокон веку теснили эвенов, и те были вынуждены обороняться, недоумевая, чего их соседям надо, ведь и земли много, и зверья, и рыбы, каждому хватит. А раздоры до добра не доводят. Старики-эвены часто совет держали, как помирить два народа. Старейшина Гулахан однажды предложил вот что:

— Молодых парней нужно обучать ловкости: в стрельбе, беге, борьбе. И когда они наберутся умения, вызвать коряков на поединок, с условием: если победим мы, эвены, то заключим мир на веки вечные.

— А если вдруг победят коряки? — спросил кто-то.

— Этого нельзя допустить. Мы, и только мы должны победить, а иначе, рано или поздно, полягут оба народа, — сказал старейшина.

Стали молодые парни упражняться, многого достигли, и первым среди них был внук Гулахана, Нелкан. Дедставлял его подниматься бегом на гору, и Нелкан стал настоящим богатырем.

Пошел слух, что коряки вновь идут войной на эвенов. Дед решил предупредить

их, предложив помериться силой, избежав кровопролития. Коряки хоть и воинственный народ, но понятливый. Выставили пять самых крепких парней против пятерки эвенов. Вначале состязались в стрельбе из лука, и никто не добился победы. Равными оказались и соперники-борцы.

— Ну, а теперь, — сказал Гулахан, — посмотрим, кто быстрее всех достигнет вершины.

Десять парней встали у подножия горы и по сигналу принялись карабкаться вверх. Испытание было самым трудным. Постепенно соперники Нелкана остались позади. Разозлился один из зрителей-коряков и стал стрелять в ловкого эвена. Вдох неодобрения вырвался у всех: и эвенов, и коряков, а Гулахан сказал:

— Пусть застрелит моего внука, если сможет попасть.

Нелкан легко прыгал с камня на камень, поднимаясь по склону, стрелы летели мимо. Вот и вершина горы, припорошенная весенним снегом, — до нее рукой подать. И вдруг стрела угодила Нелкану в ногу. Юноша упал, кровь залила свежий снег.

— Ха-ха-ха, — засмеялся стрелок. — Вот мы и победили!

Но Нелкан, преодолевая боль, поднялся на ноги и добрал до вершины, оставляя на камнях кровавые следы.

Возглас радости вырвался у зрителей. Победе радовались и эвены, и коряки. Нелкан вытащил из ноги стрелу, хромая, спустился к подножию горы. Гулахан заботливо смазал внуку рану целебной мазью, посыпал пеплом, перевязал, и боль прошла.

Три дня длился праздник примирения. Молодые коряки заглядывались на спокойных красивых эвенок, разодетых в праздничные наряды, расшитые бисером и серебром, сверкавшие на солнце. Длинные волосы девушек были заплетены в косы и украшены бусами. Молодым эвенкам нравились веселые и задорные корячки, красовавшиеся в одежде, отделанной мехом и кисточками. Много было сыграно в те дни свадеб, эвены и коряки не только подружились, но и породнились.

Так Гулахан с Нелканом сумели помирить два народа, и по сей день они живут дружно.

ОЗЕРО АЛИКИ

Приближалась весна, а с ней праздник рождения олененка, а значит большой торг, где можно выменять все, что нужно для жизни, приглядеть невесту. Девушки торопились с рукоделием: расшивали свою одежду бисером. Готовили и подарки для парней: кисеты, перчатки, вкладывая в работу мечту о замужестве. Родители стремились купить серебряные украшения, чтобы их дочери выглядели богаче и наряднее всех.

Весной заканчивалась пора охоты, поэтому охотники торопились добыть как можно больше пушнины: кому на торг, а кто-то готовил выкуп за невесту. Те, кто оставался в стойбищах, готовились к состязаниям.

Отовсюду эвены съезжались на праздник к озеру Алики. Оно лежало между сопками, которые защищали водоем от ветра. Большое, глубокое, оно сла-

вилось крупным жирным хариусом.

Настал праздник, по всей долине слышался храп оленей и звон колокольчиков — то съезжались на торг охотники и оленеводы. Вот уже около пяти десятков юрт окружило озеро. Люди знакомятся друг с другом, предлагают товар, а молодые парни смело смотрят на застенчивых красивых девчат.

Старейшина объявил на завтра соревнования по борьбе, бегу, гонкам на оленях, лову рыбы. Затем пригласил всех к дереву, на которое каждый приезжий повязывал красную, синюю или зеленую ленточку со своими пожеланиями. Дерево исполнения желаний пестрело праздничным разноцветьем, оно гордилось собой и так низко опускало ветки, что даже дети могли привязать свою ленточку.

Утром первыми на лед вышли борцы. Зрители окружили их плотным кольцом. Сбросив кухлянки, парни остались по пояс голыми. Их упругие ноги и мускулистые руки вызвали одобрение. Тот, кто сильнее, хватал соперника и бросал на снег. И тогда со всех сторон неслись крики, повторяемые лесным эхом, и смех. Звери и птицы с удивлением наблюдали за происходящим на озере. Парни боролись упорно, никто не хотел уступать сопернику. Победитель получал хороший подарок, но и побежденного не обходили вниманием.

При награждении парням завязывали глаза, и каждый получал от девушки перчатки и кисет. Сняв повязки, парни ходили от юрты к юрте, разгадывая, какая из девушек преподнесла подарок, так и знакомились.

Прошли соревнования по бегу, гонкам на оленях, парням оставалось показать умение ловить рыбу. Они выдолбили лунки во льду, опустили морды — снасти, плетенные из веток: рыба без опаски в них входит, а выбраться не может.

Хариусов наловили много, наброса-

ли на лед, девушкам предстояло приготовить из них рыбную строганину.

На следующий день развели костер, и девушки стали показывать, какие они искусные хозяйки. Выставили свое рукоделие, затем каждая должна была приготовить строганину из десяти мерзлых рыбин, сделать копчѣ (пожарить муку, заварить ее кипятком) и угостить присутствующих. Нарядные девушки порхали, как бабочки, руки их так и мелькали. Матери переживали за дочерей, при заминке подсказывали им, а отцы подбадривали топотом ног. Возбужденные и радостные, девушки закончили работу и ждали оценки. Старухи довольно прищелкивали языками, нахваливая молодых хозяек. Парни подносили знакомым девушкам кто шкуру лисы, кто росوماхи, а то и живого оленя дарили.

После соревнований началось общее веселье. Озябнув, старики разошлись по юртам согреваться чаем, дети от усталости завалились спать, а молодежь пела и плясала вокруг костра до утра. Многие парни увезут в свои стойбища молодых жен.

Закончился праздник. Вышел старейшина и пожелал всем хорошей дороги, удачи. Опустело озеро Алики до следующего праздника.

Дерево желаний махало отъезжающим своими веточками в разноцветных лентах. До встречи!

ЛЮБОВЬ ШАМАНКИ

Матакэ — еще не старая, но уже не молодая женщина, злая, хотя и красивая, — была не совсем опытной шаманкой. Очень любила нарядную одежду, расшитую серебром, ее начищенные украшения так и сверкали на солнце. Но когда Матакэ шаманила, надевала обноски. Молодежь ее боялась, зрелые мужчины не обращали на нее внимания, старики же не

признавали Матакэ за шаманку и не уважали. Богатство и шаманское призвание достались ей от родителей, от них она унаследовала ненависть к людям, особенно к тем, кто женился или выходил замуж. Но как бы там ни было, Матакэ оставалась женщиной, ее сердце просило любви. Не удивительно, что однажды она влюбилась в Молоту, проходу ему не давала: мол, женись на мне, разбогатеешь. Молота же любил скромницу Хетани.

— Ты злая и черствая, а мне нужна жена добрая, заботливая, — отказал он Матакэ наотрез. Та совсем потеряла разум и обратилась к Хетани с предложением:

— Отдай мне Молоту. Я щедро тебе заплачу.

— Он мой жених, и я его люблю, — смело ответила Хетани.

Шаманка решила погубить Молоту, накликала пургу, велела ей унести парня как можно дальше, за синие горы, бросить на съедение волкам. Выполнила ее повеление пурга. Заплакала, загоревала Хетани. А шаманка радуется: ни мне, ни тебе жених не достанется!

Но прошло время, и сердце Матакэ стало разрываться от тоски по парню, которого она все-таки любила. Помучилась шаманка и отправилась на поиски. Поднявшаяся пурга подхватывала крики шаманки:

— Ду-хи, где мне найти Мо-ло-ту-у-у?

— У-у, — завывал ветер. Пропала, сгинула бесследно шаманка Матакэ, но пурга и сейчас пытается поведать нам историю ее несчастной любви.

— У-у, — голосит она.

РАДУГА

Маленький бурундучок, как и все звери, радовался после летнего дождя солнцу, лесу, птичьему щебетанию. Сел на пенек и вздохнул:

вот бы сверху посмотреть на эту красоту! Услышала радуга и расстелила перед самым его носом свою семицветную дорожку. Прошел по ней бурундучок из конца в конец, восхитился: сверху все видно.

Вернувшись домой, рассказал об увиденном горностаю. Утром друзья проснулись и побежали к радуге, а навстречу лисичка:

- Куда это вы так спешите?
- По радуге пройтись!
- Ой! Возьмите меня с собой!
- Пойдем, — согласились друзья.

Бегут, весело переговариваются. Откуда ни возьмись, волчонок:

- Куда это вы торопитесь?
- На семицветный мост! — говорит горностаю.

— Возьмите меня с собой, я маму потерял, — сказал волчок и заплакал.

— Идем, жалко, что ли, — ответили друзья. Вскоре они добежали до радуги и стали подниматься по цветным дорожкам.

Сверху далеко было видно. Блестели внизу деревья после дождя, цветы тянули к небу свои головки. В долине, возле юрты, бегали дети, играли и смеялись, а неподалеку от них бодались два олененка. Вдруг волчонок увидел свою мать и принялся звать:

— Мама, мама, я здесь!

Слышит волчица голос сыночка, заглядывает под кусты — никак не может найти. Подняла голову, а волчонок на радуге.

— Сынок, смотри, не упади! — кричит она. — Возвращайся домой!

Сверху, с радуги, друзья заметили медвежонка, которого купала в реке медведица, а тот ревел, не хотел мыться.

Собрались они крикнуть, пристыдить малыша, но тут радуга говорит им:

— Пора вам по домам, да и мне тоже.

Сошли друзья на землю, помахали радуге на прощание:

— Возвращайся, не забывай нас!

СОРОКА ПО ИМЕНИ ГАР

ве девушки-эвенки, Гедани и Гарпани, дружили с детства, их родители тоже были неразлучны. Вечерами обе семьи собирались в одной юрте, вели разговоры, вспоминали своих родных, рассказывали смешные истории. И конечно, делились заботами: взрослеют дочери, скоро им замуж выходить, пора приданое готовить. Девушкам вдвоем не было скучно. Они выделывали шкуры, носили воду, дрова, всякий раз соревнуясь, кто быстрее это сделает.

— Дружите, не ссорьтесь, — наставляли их родители. Вот уж и на парней стали подружки заглядываться, шептаться о сокровенном.

Зимой к Аруевым пригнали свое стадо родственники из далекого стойбища. У них были взрослые сыновья, парни еще холостые, их приезд вызвал настоящий переполох среди девушек. Каждая теперь принаряжалась, была причесана и весела. Старшего сына звали Гурий, среднего Хуркан, а младшего Нуклин. Родители надеялись для каждого найти здесь невесту, чтобы жить одним стойбищем.

Гедани и Гарпани приглянулся Хуркан, но ни одна не открывала свою тайну подружке. Хуркан обратил внимание на Гедани, ему нравились ее черные длинные косы и легкая походка. Гедани стала тайком встречаться с ним. Хуркан каждый раз дарил девушке веточку можжевельника.

В конце концов они открылись родителям, получили согласие. Свадьбу назначили на осень. Гарпани извелась от зависти к подруге и решила сгубить ее. Позвала она Гедани на речку, уложила минуту и столкнула подружку в воду. Когда та утонула, Гарпани примчалась к ее родителям и со слезами сообщила им печальную весть.

Мать и отец Гедани побежали к реке. Гарпани следом. Вновь увидев злодей-

ку, река зашумела и стала гнать волны. Не скоро она успокоилась.

Потеряв невесту, Хуркан попечалился, но что поделаешь, решил жениться на ее подруге. Радостная Гарпани носилась по стойбищу, приглашала всех на свадьбу. Собрались гости, но когда началось застолье, тут Хуркан и сказал:

— Пойдемте на речку, попросим прощения у Гедани.

Старики его не поняли:

— Но ведь девушка утонула!

— Она меня услышит, — заверил Хуркан.

Когда все, кто был на свадьбе, пришли на берег, жених бросил в воду ветки можжевельника. Вдруг выплыла рыбка и говорит:

— Хуркан, моя подруга толкнула меня в воду. Я утонула и стала рыбой! Но если Гарпани отдаст мне свой свадебный наряд, я верну прежний облик.

Устыдилась Гарпани, да и люди на нее осерчали, нехотя отдала свой свадебный наряд рыбе. Накинула Гедани его на себя и снова стала девушкой. А Гарпани от злости оборотилась сорокой.

Поженились Хуркан с Гедани, завели детей. Бывает, прилетает к их юрте сорока и громко стрекочет:

— Гар-гар-гар! — будто имя свое хочет выговорить.

Выходит тогда Гедани с детьми, объясняет им:

— Видите сороку? Это моя бывшая подруга Гарпани. Не делайте людям зла, чтобы не превратиться в глупую трескучую птицу.

ДЫМЧАТЫЙ ПЕСЕЦ

Поспорила однажды лиса-огневка с рыжим песцом, кто из них выше прыгнет, а прыгать нужно через костер.

— Куда тебе тягаться со мной, — вос-

кликнула лисица, — я сильнее и умнее тебя. Если выиграю я, будешь кормить меня всю зиму.

— А если случится, выиграю я, — отвечает песец, — всю зиму будешь, лисичка-сестричка, возить меня на себе.

— Разве красиво так поступать? А еще мужчина, — возмущается лиса. Конечно, она лукавила, твердо веря в свою победу.

Лиса первая прыгнула через костер, попала в огонь и обгорела.

— Ой-ой, горю, — закричала она песцу, — горю, туши меня скорей.

— Да тушить-то нечего. Все, что могло, уже сгорело. Посмотри на себя, — сказал песец.

— Ох, во что превратился мой наряд, — огорчилась лиса, увидев, какой черной она стала. Но тут же наплась: — Я теперь наверняка проживу долго, никто меня не подстрелит, кто позарится на такую шкурку. Одно жаль: придется возить тебя на себе всю зиму. Давай же, прыгай скорей — твоя очередь!

Песец разбежался и прыгнул — так высоко, что огонь его не достал, лишь дымком задело.

— Я победил, — сказал он лисе. — Вози меня теперь, как договаривались!

Но лиса, увидев песца, залилась радостным смехом:

— Ой, умора, ты же стал серым, как мышь!

Песец в растерянности огляделся.

— Ну, прощай, красавец, — сказала лиса. — Не тягайся со мной, я теперь чернобурка.

— Прощай. Только и я не серый, а дымчатый.

На том они и расстались.

ЛЕНИВЫЕ ДЕТИ

Вдалеком стойбище жили муж с женой, и было у них два сына. Старший, Нука, учился у отца

всему, что должен уметь мужчина, да еще братика Харлама нянчил. Младшего родители баловали. Лучшую одежду — ему, жирные куски мяса — тоже. От такой чрезмерной заботы он рос ленивым, толстым, все лежал да спал.

Харлам подрос, да так ничему и не научился, и лени у него не поубавилось. Родители пытались его усовестить: мол, если не будешь трудиться, превратишься в ворона и станешь питаться падалью.

Возмужали сыновья, пора их женить: матери уже трудно одной справляться с хозяйством, нужны помощницы.

В другом стойбище жили с родителями две сестры. Старшая, Аячан, помогала матери, а младшенькая, Нивани, проводила день за днем с подружками в забавах. Минуло десять зим, Аячан берется уже кроить одежду, старается вышивать. А Нивани, знай, резвится на улице, домой не дозовешься, а уж о том, чтобы помогать матери, и речи нет. Растут девчата, хорошеют. Отец наставляет Нивани:

— Пора тебе, дочка, угомониться с беготней. Надо учиться у мамы женской работе, помогать ей.

Но та и слушать не хочет. Однажды приходит с улицы и заявляет:

— Мама, я замуж хочу!

— Кто тебя такую возьмет? — отвечает мать. — Ты же ничего не умеешь делать, да и не хочешь.

— На нашей Нивани только ворон и женится! — горько засмеялся отец. — А среди парней желающего не сыщешь.

— Как гулять, так зовут, а как замуж — никому не нужна! — зарыдала Нивани.

Тем временем отправились Нука с отцом невесту выбирать. Приехали они к юрте, где жили сестры. Встретили их радушно, посадили на мягкие шкуры, угощают мясом и рыбой. Вышли Аячан и Нивани в нарядных одеждах к гостям, стали матери помогать. Нука присматривается к сестрам, видит: Нивани неуклюжа, а Аячан управляется с женской работой ловко и быстро. Она-то ему и понравилась. Сел с ней в сторонке — разговаривают, смеются. Обидно стало Нивани — выбежала из юрты и с досады превратилась в ворону.

Нука привез Аячан в свое стойбище, поставил отдельную юрту и счастливо зажил с молодой женой.

— Отец, а когда же я женюсь? — глядя на молодоженов, спрашивает Харлам.

— Начинай с этого дня учиться всему, что должен делать мужчина, — отвечает отец. — А когда научишься, поговорим.

— Не буду учиться, не буду, — закричал Харлам и тотчас превратился в самца вороны.

— Хар-хар-хар, — прокричал он, желая выговорить свое имя и полетел в тундру. Там они встретились с Нивани и стали жить вместе.

— Ни-ни, — пыталась назваться ворона.

— Хар-хар, — вторил ей Харлам.

Но люди не понимали их и прогоняли от жилищ.

ПЕРЧАТКА НЮРКАНИ

Ехал на верховом олене молодой охотник Кабата и увидел на снегу женскую перчатку, расшитую бисером и окантованную красным сукном. «Вот по ней-то я и буду искать

себе невесту, — решил Кабата. — Должно быть, искусная рукодельница». В какое стойбище ни заедет он, нет у девушек второй такой перчатки. Некоторые пытались примерить ее, но не смогли натянуть. Осталось дальнейшее стойбище. В него Кабата собрался заехать позже, а прежде поохотиться. Только прицелился в куропатку, та и говорит:

— Езжай, Кабата, в стойбище, там твоя невеста лежит больная.

Оторопел парень, но послушался куропатку, направился в стойбище. Остановился у одной из юрт, слышит плач. Вошел, спрашивает:

— В чем дело, что за горе?

— Наша дочь, Нюркани, сильно заболела, — отвечает старик. — Послали

за шаманом, ждем не дождемся. Ехала Нюркани, потеряла перчатку, обморозила руку. Кому она такая нужна?

— Вернуть бы перчатку, — сказала мать. — Дочка бы выздоровела.

Видит парень: лежит на шкурах девушка. Красивая, черные косы на плечах, лицо пригожее. На одной руке перчатка, а другая кисть черная, обмороженная. Достал он найденную перчатку, надел на руку Нюркани. Девушка открыла глаза, ожила. Увидела Кабату, улыбнулась парню.

— Ой, — обрадовалась мать. — Дочка наша выздоровела! Это ее гость спас!

Встала Нюркани и весело запела:

— Откуда ты, красивый парень?

Понравился ты моей семье. Коль ты принес вторую перчатку, то должен жениться на мне!

Кабата взял за руку Нюркани:

— Наконец-то я нашел невесту!

Сыграли свадьбу. В память о счастливой встрече Нюркани подвесила свои перчатки в изголовье, под пологом. До сих пор их сохраняют дети, внуки и правнуки Нюркани и Кабаты.

ДОБРЫЙ ВОЛК

ил на свете злой и хитрый шаман, только то и делал, что обманывал людей и богател. А под старость лет решил жениться.

У одного бедного эвена была красивая, работающая дочь Киндаку. Отец просил за нее большой выкуп, какой никто не мог дать, хотя девушка нравилась многим. Ее ровесницы давно уже были замужем, а Киндаку оставалась одинокой, иногда горько плакала, но пойти против воли отца не смела.

Тем временем шаман принес бедному эвену выкуп — в два раза больше, чем тот требовал, и получил согласие на женитьбу. Но Киндаку не захотелось выходить замуж за злого старого шамана. Пошла она на могилку матери, стала плакать и просить:

— Мама, мамочка, выручай! Не хочу я жить со злым стариком!

И услышала голос матери:

— Доченька, родная, я тебе помогу!

Вернулась Киндаку в юрту, а там уже шаман сидит, свои корявые пальцы к ней тянет. Выбежала Киндаку, превратилась в зайца, а злой шаман в лису. Вот-вот лиса схватит зайца. Тогда Киндаку стала куропаткой и взмыла в небо, а шаман — орлом за ней. Обернулась Киндаку мышкой, а шаман коршуном. Схватил коршун мышку, запустил в нее когти и сказал:

— Если ты, Киндаку, не станешь моей женой, я тебя съем!

Та согласилась и превратилась опять в девушку, а коршун в шамана. Заболела с того дня Киндаку, ведь у нее все бока были ободраны. Чем только шаман ни заклинал ее болезни, не помогало. Тогда он вернул ее отцу, а выкуп забрал:

— Не нужна мне, — говорит, — такая жена.

Опечалился отец: что же ему делать с больной дочерью? И решила Киндаку уйти из юрты подальше, замерзнуть в тундре. Далеко забралась, выбилась из сил, упала на снег. Засыпая, почувствовала вдруг горячее дыхание, смотрит, а это волк. «Вот и смерть моя пришла», — думает Киндаку. Но волк положил возле нее пучок можжевельника и говорит:

— Съешь это и поправишься. — А сам исчез в кустах.

Можжевельник был сухой, Киндаку заедала его снегом. Съев ветку, почувствовала облегчение, поднялась на ноги и пошла. Но тут разыгралась пурга, в двух шагах ничего не видать. Брела Киндаку, брела наугад да наткнулась на юрту. Вошла в нее, видит: бабушка лежит, очаг еле тлеет.

— Бабушка, — просит Киндаку, — разреши мне погреться в твоей юрте.

— Грейся, не жалко. Только ты, внученька, подложи побольше дров в огонь,

что-то я мерзну. — Когда очаг разгорелся, она продолжила: — Знаешь, Киндаку, ведь я шаманка, только совсем старая стала. Живу одна, часто болею. Это я позвала пургу и попросила привести ко мне кого-нибудь, чтобы похоронить, когда умру. Я так рада тебе! Не бойся, не обижу. Поухаживаешь за мной, потом я подарю тебе оленей.

Живет Киндаку у старушки, хорошо им вместе.

Однажды шаманка кликнула старшего пастуха и говорит:

— Это моя внучка, Киндаку. Если я умру, стадо ей перейдет.

Киндаку ухаживала за бабушкой-шаманкой, пока та не умерла от старости. Похоронила ее, поплакала, домой засобиравшись. Приехала к отцу на верховом олене, да еще стадо с собой пригнала. Обрадовался отец.

Со временем Киндаку стала приглядываться к Этыкану — смелому, работающему пастуху. Она ему тоже нравилась.

Дошел до шамана слух, что его бывшая невеста выздоровела, решил он вернуть Киндаку, но когда приехал в стойбище, на его пути встал Этыкан и смело сказал:

— Не отдам тебе Киндаку: я люблю ее!

— Ах ты, голодранец, — закричал шаман. — Да я тебя сейчас превращу-у-у...

Не успел договорить, как парень поднял и метнул в него копье. Пробило копье бубен, тут шаману и смерть пришла. Этыкан женился на Киндаку, и стали они жить дружно, помогая беднякам. Отец Киндаку не мог нарадоваться на зятя. Этыкан иногда приносил жене кустики можжевельника, которые напоминали о волке, спасшем ее. Однажды Этыкан признался:

— Не волк это был, а я. Добрая шаманка меня послала, чтобы спасти тебя.

— А я догадывалась об этом, — сказала Киндаку и обняла мужа.

СПРЯТАННЫЕ КРЫЛЬЯ

алеко в тундре жили два брата. Дулган был уже взрослым, а Гераул – подростком. Отец у них утонул, а мать недавно умерла. Старший брат ходил на охоту, добывал мясо, дичь, приносил шкуры зверей. Младший оставался дома, хлопотал по хозяйству. Ничего у него не получалось: придет Дулган с охоты – еда не сварена, в юрте не прибрано, шкуры пропадают. Старший все сам сделает, а брата отругает: мол, пора приучаться быть хозяином своим рукам.

Раз Дулган ушел на охоту, а Гераул с ведерком на озеро, воды набрать для чая. Выскользнуло ведро из рук и утонуло в озере. Сел Гераул на бережок и горько заплакал:

– Мама, почему ты умерла так рано? Плохо мне без тебя!

Мимо пролетали две птицы, услышали причитания Гераула, опустились на берег и превратились в девушек, а крылья отложили в сторонку.

– Что ты плачешь? – Гераул рассказал о своей беде. – Мы сестры. Будем прилетать помогать тебе, но ты не говори об этом брату.

Вернулся Дулган с охоты, а его поджидает горячий обед, в юрте все прибрано, шкуры выделаны. Удивился старший брат, но ничего не сказал. Так повторялось несколько дней, и Дулган не выдержал, спросил Гераула:

– Кто-то тебе помогает. Кто? – Младший все рассказал. Дулган и говорит ему:

– Когда птицы снова прилетят, ты у старшей спрячь крылья, пусть останется с нами жить.

Младший так и сделал. Прилетели сестры, помогли по хозяйству и собрались улетать, а старшая крыльев не найдет. Догадалась, в чем дело, попросила Гераула вернуть их, но тот будто и знать не знает, о чем речь. Дулган вернулся с охоты раньше обычного, ви-

дит: в юрте сидит девушка и слезы льет. Он и говорит ей:

– Не плачь, красавица, будь моей женой.

Но Нека никак не успокоится и просит вернуть крылья. Несколько дней прилетала к ней птица-сестра, звала Неку домой, но куда той без крыльев – так и осталась жить со старшим братом. Прошло немного времени, сестра Неки, Намнядян, опять прилетела, сняла крылья и вошла в юрту. Гераул взял и спрятал ее крылья. Пришлось и младшей остаться жить с братьями. Когда она выросла, вышла замуж за Гераула.

Сестры рассказали, что их заколдовал шаман. Он хотел обеих взять в жены, но родители воспротивились. Шаман сгубил их, а сестер превратил в птиц: шаманские чары спадают, если на вас женятся два брата.

Выслушав жен, братья достали спрятанные крылья и сожгли их.

ЦВЕТЫ РАДОСТИ

Все знали, что стланик – зазнайка и хвастун. Однажды он заявил: – Я самый полезный. Потому и расту повсюду: и на поляне, и на горе. А есть растения, которые никому не нужны. Вот, например, цветы – что с них проку?

Могучий мудрый тополь попытался вразумить хвастуна:

– Все растения нужны. Мы – тополя, произрастаем у реки, потому что любим влагу, стройные лиственницы-красавицы расселились по лесу, карликовая березка растет на полянках. А вот цветы встретишь повсюду, даже на скале, хотя они очень хрупкие, нежные, живут всего одно лето. Нам, деревьям и кустарникам, приходится заслонять их от ветра, ведь без цветов мир будет серым, грустным – не нарядным.

Услышав добрые слова, цветы собрались на полянке, сплелись в разноцветном хороводе и запели такие звонкие песни, что деревья от радости захлопали листочками и в такт закивали кронами. Одуванчики сказали:

— Тополю, мы готовы расцеловать тебя! — И как воздушный поцелуй, послали тополю тысячи своих зонтиков.

— Ой, какие они нежные, пушистые, — восхитился он. Легко пошевелил ветвями, и зонтики скользнули на землю, чтобы на будущий год прорасти. Наступит лето, и вновь поляны, и лес, и скалы запестреют цветами, на радость всем.

ПРО БЕЛОЧКУ И ЗАЯЧЬЕ СПАСИБО

В густом зеленом лесу жила-была белочка. Сама из себя красавица: рыженькая, хвост пушистый и мягкий. В большом дереве она обустроила дупло, в нем было тепло и сухо. Приближалась осень, все больше в зелени появлялось желтых и красных листьев. Пора готовиться к зиме.

Белочка была хозяйственная и трудолюбивая: без устали заготавливала грибы, сушила их на ветках. Однажды пробежал мимо зайчонок, увидел на ветке гриб, захотел достать его, но не дотянулся. Белочка говорит ему:

— Зайчик, попроси: тетенька, дай, пожалуйста, гриб, — и я с радостью дам.

Зайчонок был невоспитанный и огрызнулся:

— Ничего я не буду просить! Пойду, скажу папе, он и достанет.

Пришел с папой. Прыгал, прыгал отец, но достать гриб с ветки не смог. Заплакал зайчонок на весь лес:

— Хочу гриб! Хочу гриб!

Прибежала на крик мама-зайчиха, прыг-прыг за грибом, тоже не достала. А белочка свое:

— Пусть ваш сынок попросит, как положено, я и дам ему гриб!

Заяц-упрямец и слышать не хочет, твердит:

— Не буду у белки просить, я этот гриб сам на ветке нашел. Хочу его съесть!

Мать с отцом принялись его увещевать:

— Будь вежливым, сынок, попроси грибок у тетеньки.

А белка скрылась в дупле, ждет, чем дело кончится. Зайчонок ничего не оставалось, как подойти к дереву и попросить:

— Тетенька, дай мне, пожалуйста, грибочек.

Услышала белочка, прыгнула на ветку, выбрала самый большой гриб и протянула малышу.

— Спасибо, — поблагодарил он. Папа с мамой улыбнулись, топорща усы — рады были за сына. А белочка на прощанье сказала:

— Приходи еще. Помни: будь со всеми вежливым.

Зайка потом еще не раз прибежал к белочке, и она угощала его грибами. Все в лесу восхищались: какой он воспитанный.

НА ЛЬДИНЕ

или-были девочка и мальчик, семи лет. Их юрты стояли рядом, и дети любили играть друг с другом, а родители радовались, глядя на малышей: вот вырастут и поженятся!

— Будь, Хaeй, женой моей, — хихикал Балихач.

— Балихач-лихач, догоняй меня, — в тон ему говорила девчушка и бросалась наутек.

Так они и жили: играли, резвились, иногда дрались, громко плакали и мирились.

Как-то весной побежали дети к

реке — посмотреть, как вода ломает лед. Увидели возле у берега большую льдину. Балихач и говорит:

— Эй, Хаей, давай покатаемся!

Друзья забегались и не заметили, как их льдину отнесло от берега, потащило вниз по реке. Шум от ледохода стоял такой, что никто не слышал испуганных криков. Они были уже далеко от родных мест, когда волна подхватила и выбросила девочку на берег. А Балихач поплыл дальше. Наконец, и его заметили с берега.

— Как бы не снесло в море. Ребенок ведь, — засуетились люди. Изловчившись, подтянули льдину на мелководье и спасли мальчика.

— Как тебя зовут? — спросили спасенного.

— Балихач.

Так попал малыш в семью Хэлуяна. Приемный подрастал, научился рыбацкому делу, помогал старшим. Старики благодарили доброго духа, пославшего под закат жизни сына. Уже начали заглядываться на него девчата, но он сторонился их — не мог забыть Хаей.

А что же с девочкой стало? Когда волной выбросило ее на берег, она долго лежала и плакала. Вдруг, откуда ни возмись, собака: подбежала к Хаей и принялась облизывать ей лицо. Девочка открыла глаза и увидела перед собой охотника. Тот взял ее на руки и принес в юрту:

— Радуйся, жена, река подарила нам дочь, вместо погибшей Мэлэни.

Хозяйка передела девочку, накормила и выспросила, как зовут. Она осталась жить в юрте Хуркана. Своего спасителя называла отцом, а его жену мамой, хотя тосковала по своим настоящим родителям. Часто вспоминала Балихача: где он, жив ли?

Выросла Хаей, стала умелой хозяйкой, по дому управлялась сама, мать разве что иногда обед сварит. Зачастили к ним охотники, но Хаей не поднимала на них глаз: никто не пришелся ей по душе.

В Таватуме должен был пройти праздник рождения первого олененка. Эвены с дочерьми и сыновьями устремились к теплым источникам. Хаей тоже туда подалась с приемными родителями. Отец вез много пушнины на обмен, да и дочь-красавицу взял на люди.

Много народу понаехало на праздник. Старики обнимались, радуясь встрече, парни высматривали себе невест, девушки улыбались им, держась на расстоянии. Вот прошли состязания по бегу, борьбе, гонкам. Молодежь два дня веселилась у костра, когда вдалеке раздался лай, и скоро в стан ворвались две собачьи упряжки.

— Здорово, Хэлуян, — приветствовали старики новых гостей. — Что это ты нынче припозднился?

— Пурга застала в дороге, пришлось задержаться.

— Сын-то у тебя мужчиной стал. Может, найдет здесь себе невесту? — говорили старики за чаем.

— Да, — соглашался Хэлуян, — пора Балихачу жениться.

А тот, перекусив с дороги, побежал веселиться с молодежью. При виде его девчата у костра оживились, стали еще задорнее петь и плясать. И вдруг он увидел Хаей. Девушка ему очень понравилась. Балихач от нее ни на шаг не отходит. Познакомились, Хаей по-

дарила парню перчатки – она узнала Балихача, а тот ее нет. Набравшись решимости, юноша предложил:

– Хаей, будь моей женой! Ни одна из девушек не нравилась мне, как ты. Разве что в детстве была подружка, но она погибла.

– Балихач-лихач, да это же я!

То-то было радости! После восклицаний и расспросов Балихач взял Хаей за руку и повел к отцу – Хэлуяну. Старики сидели в юрте, пили чай. Был здесь и охотник Хуркан, отец Хаей, они тихо разговаривали. Балихач бросился к Хэлуяну:

– Отец, это же та самая Хаей, с которой мы плыли на льдине. Я хочу на ней жениться.

Родители молодых были не против, так что тут же и свадьбу сыграли.

СЛОНЕНОК ДЕТСТВА

На побережье Охотского моря на скале изображен слоненок. Откуда он здесь? Об этом поведал дед Амагачан.

– Когда я был маленьким, – рассказывал он, – к нам приезжали американцы и привозили на обмен свои товары: иголки, бусы, ружья, патроны, гребешки, посуду, а увозили пушнину. Американец Джон часто останавливался жить в нашей юрте. И вот од-

нажды он привез мне яркую, красивую книжку с рисунками животных. Мы с мальчишками от души смеялись над необыкновенными забавными зверями. Неужели и впрямь есть такие на свете? Один походил на длинную веревку, другой на полосатую лошадь. На берегу лежало зеленое бревно с пастью. Даже взрослые с любопытством разглядывали картинки. А бабки ахали от удивления, разглядывая деревья, на которых росли большие круглые мячики.

– Ой-ой, – говорили они, перелистнув страницу, – посмотрите: что это за олень без рогов, с двумя холмиками на спине? Бедняжка, – сокрушались они, глядя на существо с длинной-предлинной шеей. – Это оно, наверное, в петлю попало и так тянуло шею, тянуло, пока не вытянуло.

Днем дети листали и листали мою книжку, а вечерами взрослые опять ее разглядывали и удивлялись, силились понять, зачем нужны такие странные и страшные звери. Мне же в книге очень нравилось большое, ушастое существо, у которого вместо носа была длинная трубка. Один русский дяденька сказал, что это слоненок. Иногда я видел такого же слоненка в пролетающих облаках. Ночью, во сне, он часто приходил ко мне, и мы играли вместе. Я вырезал его из дерева, лепил из глины, и добрый слоненок всегда был при мне.

К весне мы перекочевали из тундры ближе к морю. Поставили юрты, разобрали вещи. Я стал искать свою книгу, но нигде не находил. Сел на берегу и заплакал: слоненок, где ты? Несколько дней на море грохотал шторм. Мы сидели в юрте и вспоминали картинки из книжки.

Когда море уgomонилось, я вышел на берег и стал бросать камни в воду. Как же я удивился, когда увидел на скале, на другом берегу залива, своего друга слоненка. Это шторм сделал мне

подарок. Каждое утро я приветствовал слоненка:

— Здравствуй, друг! — Он приветливо махал в ответ своим хоботом.

Я прожил целую жизнь, стал стариком, но каждый год по возможности приезжаю на берег — увидеть друга, вспомнить детство.

...Прошли годы, умер старый Ама-гачан. Загрустил слоненок. Опустил хобот и уши: сколько лет не видать друга!

— Ама-га-чан, Ама-га-чан, друг мой, — разносило горное эхо. — Где ты?

Жаль, что у старика не было детей, а то бы и они полюбили слоненка.

ГЛУПАЯ НЕРПА

Жила на морском берегу лисица. Случилось однажды, в сильный отлив бегала она по осушенному морскому дну: где рыбешку найдет, где с крабом повоюет. Забежала на островок, прилегла и задремала на солнышке. Начался прилив. Когда рыжая проснулась, вода отрезала островок от берега и все прибывала. К счастью, мимо проплывала нерпа. Лиса ей и говорит:

— Нерпочка, лупоглазенькая моя, скажи, почему ты плаваешь одна?

— Не одна я: нас, сестер, много.

— Сколько? Давайте, я вас пересчитаю! Позови всех, пусть построятся в ряд, от островка до берега.

Кликнула нерпа сородичей. Те выстроились в ряд, только головы торчат из воды. А прилив подступает к лисьим лапам, скоро скроет островок. Лисица прыгнула на голову нерпочки и стала громко считать ее сестер по носикам, переступая с головы на голову. Счета толком она не знала, но чего не сделаешь ради собственного спасения!

— Один, два три, четыре, пять, — пересчитывала она нерпичьи носики концом своего хвоста, который понем-

ногу слипался от соли. — Шестнадцать, тридцать, двадцать! — Нерпочки хихикали: до чего смешно прыгает лиса по их головам. Вот уже и берег, а лиса знай свое:

— Сорок, восемнадцать, двадцать шесть. — Прыгнула лиса на голову последней нерпы, а с нее на берег.

— Сколько, сколько нас? — не выдержали нерпы.

— Много, — ответила лиса.

— А точнее?

— Всего пять.

— Ка-ак пять? — удивилась нерпочка.

Но у лисы другие заботы: стряхивает с хвоста соль, а она не стряхивается. Так и бегаёт по тундре рыжая плутовка, хвостик от соли белый. Радует-ся, что перехитрила нерп.

ЛЮБОПЫТНАЯ НЕЗАБУДКА

Маленькая голубоглазая незабудка собралась отправиться в странствие. Спела на прощание птичкам, рассказала сказку зайчикам, помахала деревьям своей головкой. Увидела мышку и говорит:

— До чего же ты, мышка, красивенькая, мякоськая, глазки у тебя как бу-синки!

Понравились мышке ласковые слова, никто ее прежде так не привечал. Она схватила незабудку и утащила в норку, пусть воркует. Без солнца и

свежего воздуха незабудка привяла. Однажды мышка убежала наверх и долго не возвращалась. Незабудка стала бродить по проходам, вдруг слышит: кто-то землю роет. Оказалось, заяц. Она к нему:

— Зайчик, серенький, заberi меня отсюда!

Посадил серый ее на спину и прыг-скок на поляну, где незабудка выросла. Весь лес взялся ее выхаживать: деревья огородили от ветра, птички носили воду в клювиках, жуки взрыхляли землю. От доброты и ласки расцвела незабудка краше прежнего.

— Знаете, друзья, — призналась она, — путешествовать, конечно, хорошо, но где еще найдешь таких друзей, как вы!

НЕУМЕХА

Пастух Чераул постоянно ругал жену:

— Какая ты нерасторопная, ничего толком не умеешь делать. Дети без присмотра, юрта не прибрана. Когда только научишься, чему положено? У других жены все успевают. Вон я: в стаде целыми днями, за оленями бегаю, даже чаю попить некогда! А ты, знай себе, лежишь в тепле!

Слушала, слушала Нерига мужа и говорит:

— Хорошо, оленей пойду пасти завтра я, а ты тут оставайся, с детьми.

— Подумаешь! Справлюсь не хуже тебя.

Уходя, Нерига наказала мужу:

— Свари мясо, испеки лепешки, накорми детей, выделай шкуры, приберишься в юрте, принеси воды, насобирай дров, да не забывай за детьми приглядывать.

— Ничего, управлюсь, — небрежно ответил Чераул. — Оленей, смотри, не растеряй. — Когда жена ушла, он попил чаю, подремал на шкурах, вот, думает, работа непыльная: лежи, грейся, всех делов-то — дровишки в очаг подкладывай.

Пришла Нерига в стадо, кликнула собак, накормила их, и те послушно разбежались охранять оленей. Разожгла костер, проверила стадо, убедилась, что все в порядке. Пособирила шишек, ягод. Попила чаю у костра, сварила мясо, поела. Проверила стадо: все олени на месте. И почему только муж так устает, всем недоволен, всегда ворчит. Чего уж проще: не упускай стадо из виду, не забывай о собаках-помощниках, и все у тебя будет в порядке.

Вот и время обеда приближается, стал Чераул варить мясо, лепешки стряпать. Сварить-то сварил, а лепешки расплзлись, подгорели, кое-как полусырыми накормил детей. Принялся выделывать шкуры, но с непривычки онемели руки. В юрте прибраться не успел, а уж вечер наступает. Дети опять проголодались, есть просят. Чераул сбегал к реке, по воду, глядь, дрова кончились. Пока собирал топливо, костер погас. Дети в голос ревут, голодные, а он только поставил на огонь котелок. Ну и доля женская — ни минуты покоя!

Рванул Чераул в стадо, просить у жены прощения:

— Ничего не успел за день, дети голодные ревут. Прости меня, пожалуйста. Возвращайся, иди к детям, а я с оленями останусь.

Поспешила Нерига в стойбище, быстро сварила ужин, накормила детей, спать их уложила, тут и муж вернулся. Накормила и его. Чераул ласково обнял ее, говорит:

— Прости меня, зря тебя обижал. Женский труд намного тяжелее.

— То-то, сам убедился.

С тех пор Чераул больше не ворчал на жену.

И то сказать, женщина-эвенка в любое время могла заменить мужчину в стаде, на охоте и рыбалке.

СВАДЕБНЫЙ НАРЯД

 зажиточного оленевода росло две дочери — Киндаку и Гедани. Киндаку была старше на две зимы, нерасторопная, с ленцой, она часто бросала начатое, не доводя до конца. Младшая, Гедани, напротив, была трудолюбива. Она любила вышивать, петь и нянчиться с малышами. Когда Киндаку минуло двенадцать зим, мать сказала отцу:

— Давай-ка забей жирных оленей, поезжай на торг, привезешь бисер для дочерей. Пусть начинают вышивать свадебные одежды, пора им готовиться к замужеству.

Вернулся отец с торга с бисером. Когда нес его в юрту, мешочек порвался и все содержимое высыпалось. Мать кликнула дочерей, заставила собирать бисер. Гедани собирает проворно, а старшая так себе. У младшей много бисера, а у Киндаку кот наплакал. С тем и разошлись.

— Ну вот, доченьки, начинайте готовить приданое.

Киндаку не торопится: бисера у нее мало, узоры получаются редкие и некрасивые. Сшила для жениха патрон-таш, а украшать не стала, даже бусинку на удачу поленилась пришить. Гедани же старается, всю душу в работу вкладывает да еще матери по хозяй-

ству успевает помогать. Через три зимы закончила свой наряд, а жениху сшила перчатки и кисет, богато украсила. Бабушки-соседки приходили в гости чаю попить, на ее рукоделье посмотреть.

Выросли сестры, замуж пора. Нерасторопная Киндаку стала красавицей, Гедани же славилась не красотой, а скромностью и добрым нравом. Посватался к Киндаку парень, родители дали согласие, назначили день свадьбы. Устыдилась Киндаку своего неказистого свадебного наряда. Украд одежду у младшей, в ней и вышла к жениху. Тот посмотрел на невесту с восхищением: какая она рукодельница.

Гедани увидела на сестре свой наряд и оторопела. Мать принялась ее уговаривать: не разоблачай, мол, сестру, не расстраивай свадьбу.

— Могла бы попросить, а не брать без спроса, — сказала Гедани. Еще бы не обидно: остаться без свадебного наряда.

Мать, как могла, успокаивала: мол, время еще есть, успеешь вышить. Как бы не так! Вскоре к Гедани посватался хороший парень, пастух. Заплакала рукодельница: как ей быть без свадебного наряда, да и бисер на исходе.

Откуда ни возьмись, налетели птички, наносили девушке лесных ягод — красных, синих, желтых, а те разом и превратились в бисер. Насвистывая

свои песенки, птицы взялись помогать Гедани вышивать одежду. Обрадованная девушка подпевала им. Вот и работе конец. Наряд получился богатым, не стыдно перед людьми. Через несколько дней сыграли свадьбу. Гедани надела свой новый наряд, серебряные украшения и выглядела просто красавицей. Бабушки одобрительно переговаривались:

— Хорошая жена достанется Нелкану.

Гедани простила сестру, и впредь они жили дружно.

ШКУРА БЕЛОГО ВОЛКА

Зимними вечерами, когда наступало время отдыха, почти все стойбище собиралось в юрте бабушки Элрики, послушать ее необыкновенные истории. Потрескивает очаг, колышутся тени, а бабушка сидит на шкурах и негромко, так, что разобрать ее речь можно лишь затаив дыхание, — рассказывает.

— Давно это произошло, я тогда еще молодой была. Ехал злой шаман Такэ на оленях и вдруг увидел белого волка. Олени рванулись бежать, волк за ними. Шаман испугался и принялся бросать зверю куски мяса, тот и отстал. Приехав в стойбище, Такэ взялся шаманить. Люди с тревогой смотрели на пляшущего шамана, ожидая худа. И не ошиблись: на другой день шаман собрал всех жителей стойбища и говорит:

— Каждый из вас должен отдать в мое стадо по оленю, иначе вызову злого духа — белого волка, и тогда всем не поздоровится.

Эвены верили в силу шамана и перечесть ему боялись. Кто сразу привел оленя, кто чуть позже. А вскоре пронесся слух, что в тундре появился белый волк. Люди переполошились. Кто не успел еще отдать шаману оленя, тут же поспешил сделать это.

Белый волк был смелым и быстрым, часто попадался людям на глаза. Убивать его боялись, верили, что это злой дух, вызванный шаманом. Такэ радовался слухам о звере, теперь он мог что угодно требовать у людей. Белый волк исчез так же неожиданно, как появился. Люди облегченно вздохнули, а шаман огорчился: чем теперь запугаешь людей?

Бабушка Элрика задумывается, встряхивает головой и продолжает:

— У моей сестры, Мангруни, был сын Семен — настоящий добытчик. В семье всего было в достатке: мяса, жира, шкур, дров. Живи и радуйся. Когда Семен женился и пошли дети, Мангруни нанчила внуков, пела им песни предков. Она наказывала сыну:

— Не убивай белого волка. Это злой дух, вызванный шаманом. Убьешь его — накличешь несчастье.

— Я никогда не встречал белого волка. Наверное, он издох, — отвечал сын.

— Может, и так. Но должно остаться потомство.

Год за годом Семен возвращался с охоты с мясом, пушниной, дичью. Однажды принес шкуру белого волка. Увидела ее мать, запричитала:

— Ой, ой, сынок, что ты наделал? Жди теперь беды.

— Прости, мать, что не удержался, очень уж красивая шкура.

К весне Мангруни захворала и умерла. Вскоре не стало детей и жены. Похоронив их, Семен остался совсем один. Сидел и горестно думал: «И зачем я только позарился на эту белую шкуру?». Взял и с досады бросил ее в огонь. Зачадила горелая шерсть на всю тундру. На запах сбегались волки со всей округи, зарычали, завывали на Семена:

— Эй, охотник! Зачем ты убил нашего вожака?

— Простите меня, простите, волки! Позарившись на шкуру, я лишился всего!

Постояли волки в угрюмом молчании и, не тронув Семена, скрылись в лесу.

Долго молчит бабушка Элрика, глядя на огонь, и напоследок роняет:

— Никогда не нарушайте запреты старых и мудрых людей!

ЛИСТВЕННИЦА И ТОПОЛЬ

Нека любила сидеть на полянке, под ветвистым тополем и стройной лиственницей. «Как они любят друг друга, — вздыхала девушка, — как обнимаются, сплетаясь ветвями, шепчутся ночи напролет».

Перекочевывая с семьей на другое место, Нека ласково говорила деревьям:

— До скорой встречи!

Однажды пришли чужие люди и стали разводить на поляне костер.

— Вот и дрова под боком, далеко не ходить, — сказали они и принялись спиливать лиственницу. Заплакала лиственница, протянула к тополю свои ветви. Обнял он подругу и крепко прижал к себе, но уберечь не смог. Покачнулась лиственница и рухнула. Примерились чужие люди и к тополю. Он же вздохнул облегченно: не мила жизнь без подруги, лучше сгореть вместе с ней.

Весной, когда семья вернулась с зимних пастбищ, приехала и Нека на верховом олене, побежала на поляну, навестить друзей. А их и нет. Девушка заплакала, слезинки упали на пенечки, и потянулись из них ростки. Нека заботилась о них, поливала побеги, пока не окрепли деревца. Прощаясь с юными лиственницей и тополем, девушка пожелала им:

— Растите сильными и красивыми!

Эти деревья видно теперь издалека.

ЧУМАЗАЯ КОМПАНИЯ

Сковорода, чайник, котелок и кружка жили с хозяевами далеко в тундре. Однажды сковорода говорит:

— Давно мои хозяева не ели жареной рыбы, все мясо да мясо. Пойду-ка я к береговым эвенам и попрошу рыбки.

Умный, серьезный чайник решил не отпускать подругу одну. Тут и котелок закричал, чтобы без него не вздумали ходить.

— И я с вами, — завопила кружка. Неожиданно за компанией увязался маленький женский ножичек:

— Я вас буду охранять!

Идут друзья по лесу, разговаривают. Выбежала из норки мышка, просит:

— Эй, сковородушка, прокати нас!

— Садитесь!

Уселись мышки в сковороду, пищат от радости. А сверху на них смотрят белки и птицы. И так всем нравится эта чудесная веселая компания! Увидел медведь мышек в сковороде, сам решил прокатиться. Сел и расплющил ее.

— Что-что-что ты наделал, — возмущенно пробурчал медведю чайник. Тот

со стыда убежал, ломая кусты. А сковородка плачет:

– Ай, ай, ай! Кому я теперь нужна, раздавленная!

Котелок горестно вздыхал, а кружка промямлила в ответ:

– Может, хозяин поправит тебя?

Решили все-таки дойти вначале до рыбачьей стоянки. Смелый чайник, подступив к юрте, позвал хозяина. Вышел рыбак, оглядел чумазую посуду и удивленно спросил:

– Откуда это вы путь держите?

– Из тундры, – ответил котелок. А чайник добавил:

– Мы хотели попросить немного рыбки для своих хозяев.

– Значит, у вас хорошие хозяева, раз вы проделали такой длинный путь, – сказал рыбак. – Придется поделиться рыбой.

– Спасибо, добрый рыбак, – пропищала кружка. – А не поможешь нашей сковородке? Медведь расплющил ее, она теперь только и делает, что плачет.

Взял рыбак молоток, обстучал сковородку на камне, выправил, а пока бил, нагар со сковородки ссыпался, стала она даже краше прежнего. Рыбак наполнил все посудины рыбой, и кухонная компания тронулась в обратный путь. Встретилась в дороге лиса, хотела съесть рыбку, а ножик как подскочит к ней, чик по лапе! Взвыла рыжая, убежала. А компания дальше – по траве, кочкам, кустам. Глядь, весь нагар стерся, стали посудины чистыми и блестящими. Измучились они, из сил выбились, пока добрались до стоянки оленеводов. Смотрят, а хозяев нет – откочевали. Утро вечера мудренее, решили путешественники и разбрелись спать.

Утром проснулись оттого, что кто-то поет веселую песню.

– Хозяева вернулись, – обрадовались друзья.

И правда: вот они. Осмотрел хозяин кухонную утварь и говорит жене:

– Почему это посуда у нас как новенькая? А рыба откуда? – А жена не знает, что ответить, руками разводит.

МУДРЫЙ ДЕД

К деду Хелуяну пришел в гости внук Ноли. Дедушка говорит ему:

– Ноли, внучок, насобирай дровишек!

– Что ты, дедушка, где я их найду? Обошелся Хелуян без помощи, разжег очаг и говорит:

– Внучек, возьми котелок, сбегай по воду.

– Дедушка, – чуть не плачет Ноли, – а вдруг я в воду упаду?

Дед сам сходил за водой, поставил чайник на огонь. Вот он и вскипел.

– Ноли, ты рядом сидишь, – обращается к внуку Хелуян. – Сними чайник с огня.

– Шутишь, дедушка? Я же руки обожгу.

– А ты рукавицы надень.

– Да они прожгутся, – отвечает внук, развалясь на шкурах.

Снял Хелуян чайник, украдкой налил себе чаю, а чайник за мешки спрятал, другой такой же, с холодной водой, поставил возле огня.

– Давай, внучек, будем чаевничать. Себе я уже налил, ты сам за собой поухаживай.

Ноли вскочил со шкур. Схватил кружку и к чайнику. А тот холодный. Захныкал Ноли:

– Дедушка, чаю хочу!

Хелуян и говорит:

– Мало ли чего хочешь. Не дожدهшься.

– Это почему же?

– Дров ты не принес, за водой не ходил, вот чайник на тебя и обиделся – не дает чаю.

– Я больше так не буду, – заплакал Ноли.

Дед незаметно поменял чайники и налил мальчику горячего чаю.

— До чего умный чайник, — сказал Ноли. — Все знает. Он что, и дома мне чаю не даст?

— Не даст, если не перестанешь лениться. От лени-то можно и штаны потерять. Девчата засмеют, стыдоба!

— Дедушка, я теперь буду помогать маме и отцу.

— Молодец, Ноли, расти трудолюбивым человеком, — погладил Хелуян внучонка по голове.

Бежит парнишка домой, штаны подерживает, боится потерять. С тех пор лени у него — как не бывало.

Так мудрый дедушка Хелуян приучил Ноли к труду.

ХАНЧАЛАН — СЫН ШАМАНА

Надумал шаман Тук женить сына Ханчалана, а невесту отыскать в дальних стойбищах: мол, какую выберу, на той и женится, в округе достойных нет. Собрала его жена в дорогу, и он уехал.

Ханчалан был добычливым охотником: метко стрелял, умело ставил петли, читал следы зверей и птиц. Всему научил его покойный дед, отец матери. Немало парней завидовало Ханчалану и стремилось помериться с ним силой. А однажды стали подначивать: мол, сразись с медведем, раз такой смелый.

— Нет, я не буду этого делать, чтобы не нарушать запретов предков, — сказал Ханчалан. — Убить его — грех, а ранишь, так он принесет людям немало горя.

— Ханчалан, ты трус! Трус! — В конце концов вывели парня из себя.

— Что ж, пойдемте, убедитесь, что мне хватит силы и смелости убить медведя!

Сели спорщики на оленей и поеха-

ли искать берлогу. Нашли ее вдалеке от стойбища, растревожили хозяина леса, и тот набросился на Ханчалана. Охотник выхватил нож и одновременно подбросил свой малахай, отвлекая внимание разъяренного зверя, ударил клинком. Раненый, но не ослабевший зверь зацепил Ханчалана, стал мять и ломать. В разгаре схватки все парни со страху умчались восвояси.

Тем временем мимо проезжал на собачках охотник Кабата. Собаки зарычали, вздыбив шерсть. Кабата подошел к кустам и осторожно раздвинул их. Его глазам предстал убитый медведь и раненый человек. Положив Ханчалана на нарты, Кабата повез его в свою юрту.

А сбежавшие с места поединка парни приехали к матери Ханчалана с горестной вестью: мол, погиб он в схватке с хозяином тундры. Запричитала женщина, снарядила пастухов, чтобы привезли тело парня. Приехали те, нашли тушу медведя, а охотник куда-то исчез. «Злой дух его забрал — за то, что убил хозяина тундры!» — решили они.

Кабата с женой занесли раненого в юрту, смазали раны жиром, перевязали, накормили и уложили спать. Несколько дней Ханчалан был в забытии, а когда очнулся, увидел возле себя красивую девушку.

— Как зовут тебя?

— Элрика, — смущенно сказала кра-

савица. Ухаживая за парнем, она успела полюбить его. Через несколько дней Ханчалан окреп настолько, что смог продолжить беседу с девушкой.

— Мой отец, шаман Тук, поехал в дальнее стойбище искать для меня невесту. Но мне никто не нужен кроме тебя. Давай поженимся.

Отец Элрики попытался вразумить спасенного парня, который, безусловно, нравился не только дочери, но и ему самому:

— Твой отец — шаман, и, если ты женишься без его согласия, он сгубит все наше стойбище. Иди, попроси у него разрешения.

Выздоровел Ханчалан, пришел домой. Увидев его, мать заплакала от радости.

Тем временем вернулся из поездки шаман и первым делом сообщил Ханчалану:

— Нашел я невесту, правда, староватую.

— Отец, у меня уже есть невеста, — и юноша рассказал, что произошло, пока отец путешествовал.

— Хорошо, мы одарим эту девушку за ее доброту, но женишься ты на богачке.

Ханчалан вернулся к Элрике, и они решили сбежать от шамана, подальше, чтобы не нашел. Тук объездил тундру, все искал беглецов. Ни звери, ни люди не открыли ему, где находятся молодые.

Прошло много лет, Тук состарился и уже больше не шаманил. Он часто вспоминал сына. О матери Ханчалана и говорить нечего, она ни на минуту не забывала его. Однажды ее тяжкие вздохи услышала ворона, пожалела стариков и проговорила, где находятся сын с невесткой. Сели старики на оленей и помчались к сыну.

Вот они и встретились. Ханчалан настороженно принял отца, но бывший шаман первым протянул руку, и они обнялись. Мать заплакала от радости.

Сын и отец не удержались от слез. Из юрты вышла невестка с внуками, болезненно встала в сторонке.

— Элрика, давай к нам. А вы, дети, бегом к бабушке и деду! — распорядился Ханчалан.

Элрика обняла свекровь, пригласила к огню. Старый Тук поставил юрту возле жилища молодых, из нее теперь часто доносятся смех и песни.

— Внуки мои дорогие, садитесь-ка на нарты, прокачу с ветерком! — зовет он.

— Дед, дед, а ты ведь раньше был злым? — спросил как-то старший внук.

— Был. Но ты знаешь, очень плохо быть злым. Сколько лет я потратил зря, сам себя наказал, живя без вас, мои дорогие внучата! Живите дружно и никого не обижайте, чтобы потом не жалеть о дурном поступке.

ДЫРЯВЫЙ КОТЕЛОК

 собираясь на перекочевку, Домна обнаружила среди кухонной утвари прохудившийся котелок. Помыла его и выставила под куст. Проснулся котелок, а хозяев нет: уехали, его бросили. Что же делать? Припустил вдогонку. Шел, шел, выбился из сил. А вот и озеро. Попил он водички и громко заплакал от своей ненужности, хотел даже в озеро броситься, утонуть, но тут поблизости оказалась добрая уточка. Вырыла она ямку около воды, как раз котелок поместился. Нанесла в него травки, мха, получилось удобное гнездышко. Там вывелись у нее утята.

— Здорово! — обрадовался котелок. — Теперь у меня есть друзья.

Перед сном он убаюкивал птенцов, напевая песни, которые когда-то слышал от своих хозяев. Птенчики слушались его, но как забыть о прежней жизни? Иногда котелку даже снилось, как он, молодой, звонкий, висит над

огнем: булькает вода, варится мясо, а люди греются.

— Эх, — вздыхал котелок и бережно прикрывал травкой серых утят. Утка не обижала его. Она любила разговаривать с котелком, и тот был рад, что кому-то приносит пользу.

Издавна повелось в тундре: прежде чем выбросить старые вещи, надо их отмыть. Бывает, что у них после этого иногда начинается вторая жизнь.

БАБУШКИ-ПОДРУЖКИ

Трудно в одиночку, без семьи и друзей, прожить в тундре. Овдовев, а потом лишившись детей, три пожилые тундровички решили жить вместе, заботиться друг о друге и привечать пастухов, что будут кочевать мимо. Поставили свои юрты на перекрестке оленьих маршрутов, и каждая занялась своим делом.

Бабушка Хеуни была мастерица выделывать шкуры: обезжиривала их, мяла, изготавливала ровдугу. Бабушка Губичан любила шить — кухлянки, махлахан, торбаса, перчатки, сумки, седла, и все украшала бисером. Третья бабушка, Чина, знала толк в кухонных делах: делала юколу, солила, коптила рыбу, варила уху, зимой потчевала гостей строганиной. Из муки пекла лепешки и готовила аппетитное копэчэ (жареную муку), заваривала кипятком и заправляла жиром.

Каждая из подруг делала свою часть работы. Жили бабушки в одной юрте, отдыхая вечером, любили поговорить, попеть песни. Они были рады каждому, кто заглянет на огонек, с интересом выслушивали новости.

Бабушки потчевали гостей всем, что у них было, а тех, кто приболел в дороге, лечили настоями трав. Охотники и оленеводы прибавляли ходу, когда видели вдали три гостеприимные юрты. Уезжая, гости одаривали хозяек, кто

чем может, благодарили за гостеприимство.

Давно нет в живых трех подружек, но люди до сих пор помнят их.

СЕРЕБРЯНАЯ ЛОЖЕЧКА

Маленькой Неке подарили серебряную ложечку. Девочке нравилось играть ею. Однажды малышка забыла подарок возле юрты. Пролетала мимо сорока, увидела блестящую вещицу, схватила и унесла в гнездо. Девочка узнала об этом и попросила:

— Сорока-белобока, отдай мне, пожалуйста, ложечку.

— Мне-е, мн-не ложечка самой нужна, — отвечает вздорная птица.

Заплакала Нека, услышал ее бурундучок, решил помочь. Пока сорока где-то летала, залез на дерево, забрал ложечку и вернул девочке. Прилетела сорока, обнаружила пропажу.

— Украли, украли! — закричала на весь лес. — Кто взял мою вещь, тому позор-рр!

Бурундучок возразил ей:

— Это я вернул ложечку настоящей хозяйке!

— Как ты посмел! — завопила сорока. А бурундучок шмыг в норку, только его и видели! Села сорока на ветку и давай трещать на весь лес. Выглянул бурундучок из норки, кричит ей:

— Не бери, сорока, чужого, не бери!

— Ты мне, полосатый, не указ, — стрекочет сорока. — Ох, добер-русь я до тебя!

ДИВНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

Аед Аким рассказывал нам сказку, похожую на быль.

В давние времена так было заведено, что приезжали к нам американцы, привозили на обмен посуду, иголки, бисер, ружья, украшения, а

увозили пушнину. К приходу корабля пастухи подгоняли свои стада к морю. И вот приглянулась одному американцу, Робу, эвеночка Маринэ. Он пытался ухаживать за ней, но девочка очень стеснялась и не выходила из юрты — не dorosла еще, чтоб заневеститься.

Прошло две зимы. Маринэ повзрослела, стала смелой и озорной девушкой. Опять приехали американцы, с ними и Роб. Увидела его Маринэ, тотчас вспыхнули у нее щеки, а сердечко, того и гляди, выскочит из груди. Не выдержала она такой пытки, убежала. Оторопел Роб, узнав в смелой, гордой красавице прежнюю робкую девочку, подарил большой платок и маленькое круглое зеркальце — вещь, в этих краях невиданную. Заглянула в него Маринэ, испугалась: кто это там? Хорошо, Роб рядом, не даст в обиду. Долго объяснял ей американец, в чем тут хитрость, а она все не хотела верить. Но потом Маринэ понравилось любоваться собой.

Через несколько дней Роб пришел к родителям девушки, принес подарки: отцу — ружье с патронами, матери — платок и бусы. Старики обрадовались, как дети. Роб завел разговор о женитьбе. Отец Маринэ сказал:

— Женись, но не вози ее от нас. Живи с нами!

Так и остался американец в стойбище. Научился разговаривать по-эвенски, помогал тестю. Маринэ никому не показывала зеркальце, прятала его.

Как-то приехала в гости родня из соседнего стойбища, бабушка с дедом.

Первой в юрту вошла бабушка, увидела зеркальце на столе, посмотрелась в него, испугалась и упала в обморок.

Зашел дед, видит: бабка лежит, глаза закатили, а рядом что-то красивое. Глянул он в зеркало, увидел в нем свое морщинистое лицо да как заорет:

— Ой, ой! Там черт сидит! — И бегом из юрты. Встревожили людей вопли старика, сбежались они отовсюду.

— Что, что случилось?

А дед никак в себя не придет, черта поминает. Собралась возле юрты Маринэ толпа. А тут и сама она возвращается из леса, с ягодами. Увидев народ, всполошилась, не случилось ли чего. Когда узнала, в чем дело, вздохнула с облегчением. Пришлось ей показать зеркальце людям и объяснить, что это такое. А они все равно пугаются:

— Ой! Кто там сидит? Это я?

Долго не расходились по юртам, передавая друг другу зеркальце и удивляясь.

— Вот, оказывается, я какой.

— А я какая красивая!

Постепенно они привыкли к зеркальцу, а девушки полюбили смотреться в него.

Маринэ с Робом жили в согласии. Жаль только, дети умирали от болезней. Выжил один сын, Василэ. В стойбище ему дали прозвище Американец. Так он и вырос — американец, никогда не знавший родины своего отца, женился, пасет оленей и любит свой суровый северный край.

ВЕРНАЯ ПОДРУГА

Красивые, стройные лиственницы кружили в хороводе на поляне, далеко разносился их веселый смех. Поблизости росла неказистая, корявая лиственница. Она всегда любовалась подружками. Красавицы ее не

обижали и часто звали повеселиться.

Однажды пришли плохие люди и хотели срубить подружек, но им преградила дорогу корявая лиственница и, как ни пытались чужаки подойти к красавицам, вставала на их пути.

Срубили ее люди, разожгли костер, чтобы варить обед. Дым с искрами летел в небо, и живые лиственницы махали на прощанье спасительнице своими ветвями.

— Спа-си-бо! — шептали они.

Уродиться красивой — еще не все. Куда важнее, чтобы тебя помнили, — быть доброй.

ЭТЭРГЭ-МУРАВЕЙ

 вены любят давать прозвища, и по каждому можно сразу понять, что собой представляет человек. Чандра прозвали муравьем. А дело было так.

Идет он по лесу со своей матерью, увидал муравейник и говорит:

— Смотри, мама, какие маленькие, а работают без устали!

— Бери с них пример. Если будешь трудиться, как они, проживешь достойно.

Чандр и раньше не ленился, а тут еще больше помогает матери, одиноким старикам: то дров насобирает, то воды принесет. Вот и прозвали его Этэргэ — Муравьем. Чандр гордился своим про-

звищем. Вырос парень, мать и говорит ему:

— Поезжай, сынок, найди себе невесту. Отправляйся один, ведь отец приболел.

Привез парень жену, Хетани — красивую, но ленивую. Сварит обед кое-как и валяется в юрте на шкурах. Огорчались свекор со свекровью, глядя на такую невестку. Мать состарилась и уже не могла трудиться по хозяйству. Надоело Этэргэ ходить голодным и грязным, отправился он на знакомую полянку, нашел муравейник, говорит:

— Этэргэшки, этэргэшки, я ваш большой друг! Помогите мне, пожалуйста, исправить мою жену. Стыдно мне за нее. — Муравьи внимательно выслушали его и согласились помочь.

— А что нам делать-то?

— Заползите к ней в одежду и кушайте, если захочет лечь.

Утром Хетани спрашивает мужа:

— Ты сегодня никуда не идешь, Этэргэ?

— Нет, надо рукоятку у топорика поменять.

Сидит себе, строгают, исподтишка наблюдает за женой. Вот она по привычке легла на шкуры. Да как вскочит!

— Ой, ой! Кто это меня кусает?

— Вши, наверное, — невозмутимо отвечает муж. — Ты, Хетани, возьми все вещи, проветри и перетряхни.

Хетани так и сделала. Очень устала с непривычки и только намерилась прилечь, муравьи опять вцепились в тело. Женщина чуть не плачет, не может понять, что за напасть одолела.

— Пора в юрте подстилку из веток поменять, посуду почистить, — продолжает свое Этэргэ. Хетани навела порядок в юрте, вымыла волосы, себя и мужа придела, сварила обед. Осмотрелась, и сама довольна: до того чисто везде, как-то даже непривычно. Пошла Хетани к родителям мужа, пригласила в свою юрту, стала угощать. Удивились

они порядку, который навела невестка. Хвалить не стали, у эвенков это не принято, но в душе были рады.

Все лето муравьи приходили кусать Хетани, пока та не привыкла добросовестно трудиться по дому. Уже и осень настала, пора откочевать на другую стоянку. Хетани призналась мужу, что ждет ребенка. Этэргэ замер от радости, переспросил, не ослышался ли. Были довольны известием и старики, как могли, оберегали невестку, и она любила их все больше.

Настал день отъезда: навьючены в дорогу олени, пора отправляться. Этэргэ подошел к муравейнику попрощаться.

— Спасибо, этэргэшки, спасибо, братья, — сказал он, — вы мне очень помогли.

— С кем ты там разговариваешь? — спросила жена.

— Со своими друзьями, муравьями. Я пожелал им доброй зимы.

Аргиш тронулся. Муравьи собрались на верхушке муравейника и долго махали лапками вслед своему большому другу, Этэргэ.

— Будь счастлив, не забывай нас!

ПОБЕДА БЕЛОГО ШАМАНА

Жил в далеком стойбище Болдухин с женой. Много лет у них не было детей, лишь под старость родился мальчик. Сын рос смелым, быстрым на ногу, старательным. Родители радовались наследнику, дали ему одно имя, затем другое, Ханкан, чтобы обмануть злого духа. Родители его не хвалили, но и не ругали, у эвенков это не принято. И главное, не баловали. Старик-отец старался побыстрее обучить мальчика всему, что необходимо для самостоятельной жизни. В свои двенадцать лет Ханкан многое умел. В душе родители радовались за него, но вслух об этом не говорили, чтобы не сглазить.

Однажды Ханкан шел по льду и провалился в воду. Еле выкарабкался, добрался до юрты и слег. Отец с матерью испугались за сына, послали за шаманом Кычу, но того не оказалось на месте. Плачут старики, не знают, что предпринять. А тут как раз проезжал через их стойбище злой шаман Тэкэ. Хоть люди не любили его, да Ханкана-то ведь надо как-то спасти, позвали, кого смогли. Тэкэ пришел и говорит:

— Огонь в юрте не разжигать, Ханкана горячим чаем не поить! Он молодой, выздоровеет, а я буду шаманить три дня.

На четвертый день, забрав несколько оленей, Тэкэ собрался в дорогу, на прощание наказал Болдухину:

— Теперь твой сын выздоровеет, — и только его и видели. А в это время въезжает в стойбище белый шаман Кычу. Он, конечно, узнал Тэкэ и понял, что хорошего ждать нечего. Зашел в юрту Болдухина и удивился, что в ней морозно, как на улице, Ханкан дрожит в ознобе. Белый шаман велел родителям:

— Если вы хотите, чтобы сын выздоровел, поймайте олениху, надоите молока и напоите им больного. Разожгите в юрте очаг, давайте парню горячий чай.

Старики замерли в растерянности: что делать, какому шаману верить? Поступили так, как велел Кычу. Поймали олениху, как раз начинался отел, подоили ее, напоили молоком сына, в юрте разожгли пожарче очаг. Ханкан сильно простыл и был уже при смерти.

Тем временем шаман Тэкэ отъехал недалеко от стойбища, поставил юрту, варит мясо, чаек попивает. Когда наелся, бросил в огонь остатки пищи и принялся вызывать злых духов. Прилетели они и сообщили, что Ханкан умер. Обрадовался Тэкэ, что Кычу не спас больного, и можно обвинить белого шамана в смерти человека.

Ханкан был жив, Кычу не давал злым духам забрать паренька, сам поил оленьим молоком, кормил из рук жирными кусочками мяса. Мать была по близости, готовая помочь, когда требуется. Запел шаман, застучал в бубен, попросил добрых духов спасти того, чья жизнь висела на волоске. Тут вернулся в стойбище злой шаман Тэкэ и объявил:

— Кычу виновен в смерти Ханкана! Вышел Кычу и говорит:

— Ханкан жив. Давай устроим поединок. Если ты победишь, больной умрет, а если победа достанется мне, то выживет! Условие такое. Вон залив, он уже очистился ото льда. Кто переплывет на другой берег, тот победит. На помощь разрешается звать птиц.

По зову Кычи слетелись куропатки, совы, глухари и даже орел. Тэкэ тоже кликал птиц, но помогать ему вызвались лишь три вороны.

Стойбище вышло посмотреть на поединок шаманов. Все замерли, затаили дыхание.

Шаманы поплыли через залив на бубнах. Кычу доплыл до середины залива и позвал птиц. Подхватили его птицы и перенесли на другой берег. Кликнул своих помощниц Тэкэ, прилетели вороны, схватили и понесли его, но быстро выбились из сил. Упал злой шаман с высоты в воду и утонул.

И люди, и птицы перевели дух, радуясь победе Кычу. Когда возвращались в стойбище, навстречу им выбежал бодрый, окрепший Ханкан.

По случаю выздоровления сына Болдухин устроил праздник, забил своих лучших оленей и раздал мясо жителям стойбища.

Мать с отцом не выпускали Ханкана из юрты, опасаясь, как бы злой дух не обнаружил его. Но белый шаман заверил всех, что злые духи утонули вместе с Тэкэ.

БРАЧНЫЙ НАРЯД КЕ И ТА

пустившись из родной реки в море, малек кеты Ке на четвертый год превратился в сильного красивого самца. Самочки тоже повзрослели, похорошели, и все ровесники стали сбиваться в стаю, чтобы вернуться на родину. Серебрясь на солнце своим нарядом, рыбы красовались друг перед другом силой и ловкостью. Ке познакомился с красавицей Та и отгонял от нее соперников. Вскоре все лососи нашли себе пару и направились к родной реке. Ке и Та, нежно соприкасаясь плавниками, плыли на север, мечтая о потомстве.

Когда лосось переходит из морской воды в пресную, отстоится в реке, он меняет серебряный наряд на цветной, брачный, похожий на осеннюю листву. Наша парочка тоже приделась в ярко-красные цвета. Ке оберегал Та, помогал пройти большие перекаты и мелкие пороги на пути к речным верховьям. Дошли брачные пары до тихих заводей, остановились для нереста. Отдохнув от долгого пути, занялись они делом: отложили икру, зарыли в речной песок. И остались на месте: умирать, чтобы их тела послужили кормом для мальков.

Так свершается жизненный круг, извечно, исполняя свое предназначение, сливают жизни Ке и Та, слагаясь в одно слово — кета.

ЗАЙЧИК-СЫНОК

тарейшина стойбища обошел вечером все юрты:

— Пора перегонять оленей на свежие пастбища. Утром двинемся.

И вот опустела поляна. Все юрты собраны во вьюки. Все, кроме одной: так и стоит себе. Заглянул в нее старейшина, спрашивает:

— Гулухан, едешь с нами?

— Нет, мы пока останемся, побудем возле сына, — отвечает Гулухан. — По-езжайте, мы с женой вас догоним.

В этой семье недавно умер ребенок, и отъезжающие не стали беспокоить безутешных родителей, оставили одних. Сидят Гулухан с Эдямой в юрте, молчат. Сходят на могилку мальчика и опять молчат. Без наследника темно и тоскливо в юрте.

Эдяма выставила на улицу люльку-бэбэ, чтобы выветрилась. А рядом, за кустами, зайчик, белка и мышка играли в прятки. Наткнулся заяц на люльку да и спрятался в ней. В тепле косою и не заметил, как уснул. Вечером Гу-

лухан занес бэбэ в юрту. Глядь: заяц.

— Жена, — говорит, — посмотри, кого нам духи послали.

Испугался, было, серый, но хозяева приласкали его, угостили лепешкой. Так и остался зайчишка жить с людьми: стучал лапками по столику, поводил ушами, искал спрятанные лепешки, радуя Гулухана с Эдямой.

Как-то ехал мимо шаман Кычу, увидел дымок над юртой, решил заглянуть в гости. Узнал он о беде хозяев и говорит:

— Жаль, что нет у вас олененка, я бы превратил его в мальчика.

— Ой, — воскликнула Эдяма. — Я сейчас. — И приносит бэбэ с зайчиком. — Вот у нас какой малыш.

Шаман Кычу накрыл люльку, чтобы заяц не убежал, и стал камлать. День

шаманит, заглянет в бэбэ, а там по-прежнему заяц, второй день твердит свои заклинания, все без толку. И на третий день зайчик не превратился в ребенка.

— Эх, — огорчился шаман. — Видно, силы мои иссякли, ничего не получается. — И упал без чувств. Когда очнулся, стыдно ему стало, глаз поднять не может. Эдяма тронула его за плечо и говорит:

— Спасибо, Кычу, что подарил нам сыночка!

Услышав это, вскочил шаман и радостно заплясал. А потом запел.

— Эта песня для твоего сына, чтобы был здоровым и счастливым, — сказал он Гулухану. Потом вышел из юрты, разжег костер и долго благодарил добрых духов за то, что помогли ему обрести прежнюю силу для добрых дел.

ЗАПРЕТЫ ПРЕДКОВ

А это было в разгаре, когда дед Халкачан пришел на берег реки. Присел на бугорок, посмотрел, как рыба в воде играет: самочки кеты выпрыгивают из воды и плашмя падают на водную гладь. Это они икру от пленки отбивают. На нерест рыба идет, однако. Видит: бежит по берегу маленький Аткан и веткой хлещет по воде. Дед Халкачан говорит ему:

— Внучок, не хлещи по воде. Ей же больно.

— Ну что ты, дедушка, выдумываешь.

Набегался Аткан, пришел в юрту, к бабушке, чаю попить. Вдруг очаг разволновался, взметнулся языками пламени. Аткан стал плевать на огонь.

— Что ты делаешь? Грех плевать на огонь! Проси у него прощения! — велела бабушка.

— Ничего он мне не сделает, — захихикал шалун.

Утром Аткан помог матери развести

огонь в очаге, хотел поставить чайник. Вдруг на мальчишке вспыхнула одежда. Выскочил он из юрты, побежал к реке. Но кромка воды стала удаляться от его ног.

— Ой, ой! Больно! Горю!

— А мне было не больно, когда ты хлестал меня веткой? — укоряет река. Аткан опустился на колени, взмолился:

— Прости меня, водица, облей, затуши одежду!

Прихлынула к нему река, обдала волной, загасила огонь.

— Спасибо, река, спасибо, полноводная, — говорит Аткан. — Никогда больше тебя не обижу! — Пришел он в юрту и обратился к огню: — Огонь-огонечек, прости, что обидел. Достаточно ты меня наказал, будем теперь друзьями.

— Аткан, — говорит огонь, — сходи к дедушке Халкачану, пусть расскажет тебе о запретах и оберегах эвенов. Запомни и никогда не нарушай их. Иначе удача покинет тебя.

Попил Аткан чайку и пошел уму-разуму учиться. Дед Халкачан раскурив трубку и принялся наставлять внука:

— Садись поудобнее, слушай внимательно. Запомни, внучек, что я скажу, тебе это в жизни пригодится. Все, что нас окружает, — природа. Она — наша мать, а мы ее дети. Не обижай ее, и она не сделает тебе зла. Запомни: нельзя жечь на огне кости, рога, иначе будешь болеть. Нельзя мучить птицу, животного, рыбу, это грех. Нельзя громко радоваться удаче, иначе испугнешь ее. Не наноси обиды медведю, он хозяин тундры. Почитай своих родителей и уважай их старость.

Аткан слушал, запоминал, а когда вырос, стал смелым, удачливым охотником. Своим детям, внукам, правнукам он передал мудрость предков, которая позволяла эвенам век за веком жить в согласии с природой так, чтобы не переводились зверь и птица, не превратился род человеческий.

СЕРЕБРЯНАЯ СТРЕЛА

В далеком стойбище родился ребенок с больными ножками, подрос, а ходить не ходит. Родители горевали, люди стойбища вроде бы сочувствовали им, но за глаза шептались, что Чераула, отца ребенка, наказали духи. Тот видел, что люди сторонятся его — возможно, из опаски, как бы болезнь не перекинулась на их детей.

В том же стойбище жил сирота Апока, острый на язык и смелый парень. Работал он пастухом у шамана. Однажды Апока сказал сородичам:

— За что вы осуждаете Чераула, что плохого он сделал? Смотрите, вон шаман обирает вас, сколько зла приносит, а разве дети его больны? Не там причину ищите.

Дошли до шамана слова пастуха, и решил он отправить дерзкого парня подальше, с глаз долой. Позвал Апоку и говорит:

— Вот тебе олень, поезжай к якутам и привези мне серебряную стрелу!

Что поделаешь: сел Апока на оленя и поехал на запад, где жили якуты. На весь Север они славились умением делать из серебра бусы, кольца, пояса, пряжки, которые украшали праздничный наряд не одной модницы-эвенки.

Когда Апока уехал, шаман вздохнул с облегчением: избавился от болтуна, ведь до якутских земель путь неблизкий, а опасностей в тайге столько, что попробуй добраться невредимым. Долго, очень долго ехал Апока, а когда достиг якутских пределов, незнакомые люди встретили его не слишком приветливо:

— Что тебе надобно, чужой человек?

— Я прибыл издалека. Мне нужна серебряная стрела.

— Мы чужакам ничего не делаем, даже не проси. Уезжай обратно!

Апока уж всякую надежду потерял, но тут один старый мастер предложил:

— Ты получишь стрелу, но за это должен отработать у меня три зимы!

Апоке ничего не оставалось делать, как согласиться. Он стал помогать деду и быстро вошел во вкус. Работа у мастера с подручным кипела, немало выполнили они заказов.

Апока понравился старику, и тот предложил:

— Ты ведь сирота? Оставайся, будешь нам с женой вместо сына.

— Нет, отец, меня ждут со стрелой. Что скажут обо мне люди, если не вернусь?

— Я дам тебе серебряную стрелу, отвези ее и возвращайся, мы будем ждать. Вот она. Только запомни, у этой стрелы три свойства: она способна сжечь плохого человека, вылечить больного, увеличить стадо оленей во много раз.

Поблагодарил Апока наставника и отправился в родные края. Обратный путь показался ему короче. В родном стойбище приезде Апоки все были рады, кроме шамана. Вовсе ни к чему ему серебряная стрела. Но деваться некуда, взял ее из рук парня — и тут же сгорел. Лишь кучка пепла осталась.

Обрадовались люди, что не стало злого шамана. Апока же тем временем наведаясь в юрту к Чераулу, провел серебряной стрелой по ногам больного ребенка — тот и выздоровел. Вскочил на ноги и помчался на поляну, играть с ребятней. Все рады были приветить Апоку, зазывали его в гости. А он сказал:

— Через два дня уезжаю в Якутию, к своему названному отцу, с собой заберу часть оленей из стада, которое пас у шамана. Остальных оставляю вам.

Взял стрелу, бросил в середину стада, и оно увеличилось в несколько раз. Отделив свою часть, он погнал оленей в Якутию, где прежде их не было. Не кто иной, как Апока положил начало якутскому оленеводству. Не верите, спросите у старых людей.

ОПОЗОРЕННЫЕ СЕДИНЫ

Несмотря на молодость, Хеуни был добычливым охотником: приносил столько пушнины, что даже опытные таежники не могли за ним угнаться. Им случалось возвращаться и без добычи. У Хеуни же не бывало осечек, ему везло всегда.

Однажды по стойбищу прополз слух, что кто-то обирает капканы и петли. Охотники негодовали: наверное, этим занимается человек из дальних мест, среди своих не может быть плохих людей! Нужно поймать вора и проучить его.

Как-то в юрту Хеуни заглянул в гости его дед, живущий рядом, и, поговорив со снохой о погоде, похвалив ее угощение, стал судачить о том, что волновало стойбище:

— Чужак появился в наших краях — опустошает петли, забирает добычу.

Тут послышался скрип снега: с охоты вернулся Хеуни. Как всегда, с добычей: принес росомаху.

— Видно, далеко ходишь? — спросил дед. — А не заметил, кто пушнину ворует?

— Нет.

В другой раз Хеуни принес лису чернобурку и зайца, а сам прихрамывал, был ранен в ногу стрелой. Рана оказалась легкой, но дед очень сокрушался, что его внука перепутали с медведем. Могли ведь и застрелить.

Вечером другого дня заявился на лыжах, подбитых камусом, охотник. Мать выглянула из юрты и поняла, что незнакомец чем-то разгневан. Однако пригласила его к очагу. Пока тот отряхивал снег с одежды, закипел чайник. Напоила хозяйка гостя чаем, стала выпрашивать, из каких он краев. Хеуни тем временем затаился в спальном мешке — похоже, испугался незнакомца. Гость обратил внимание, что старик выделяет лисью шкуру, приметную, с опаленным концом хвоста.

— Силен ты, дед, охотиться! Лисицу, видать, издалека принес?

— Куда мне! Есть у нас кому охотиться. Это мой внук Хеуни: два-три дня в лесу пропадает, всегда что-нибудь да принесет.

— Зато другим удача не улыбается, — сердито сказал гость. — Кто-то капканы и петли обирает, семьи обрекает на голод. Скоро торг, а везти нечего.

— Да, обидно, — посочувствовал дед.

— Зато у вас, вижу, пушнины вдоволь, да и мясо водится. А эта лиса откуда? — Охотник указал на чернобурку с подпаленным хвостом.

— У нас один добытчик. Хеуни несколько дней за ней гонялся, пока добыл.

— Это моя лиса, — возмутился охотник. — Ваш «добытчик» вытащил ее из моего капкана! Лиса была большая, тяжелая, не таскать же ее с собой. Я собирался еще две петли осмотреть, а на обратном пути забрать ее. Так и оставил в капкане мертвую, только поместил: прижег хвост. Когда же возвращался, вижу: кто-то убегает с моей лисой. Выстрелил вдогонку, ранил вора, но догнать не удалось — стар стал. По кровавым следам сюда и пришел. Где же ваш «добытчик»? Пусть всему стойбищу расскажет, какой он удачливый охотник!

Мать побледнела: никогда в их роду не было воров.

Хеуни затаил дыхание, да так и умер в спальном мешке — от стыда.

Похоронили парня. Мать по нему не заплакала: стыд перевесил утрату. Пушнину, что заготовил Хеуни, раздали охотникам.

После того мать стала прихварывать. А однажды ночью стойбище всполошилось: ярким огнем горела ее юрта. Выяснилось, что она сама обложила жилище ветками и подожгла. Спасти мать Хеуни и деда не удалось.

— Это не огонь погубил их, — говорили люди, — это они от стыда сгорели.

БЕЗЗВУЧНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК

ежали на столике скребок, наперсток, иголка и колокольчик. Колокольчик и говорит:

— Эй, друзья, и чего это вы такие грустные?

— Мы не грустные, мы усталые, — отвечает скребок, — я вон который день скребу шкуры, а иголка с наперстком шьют и шьют одежду.

— А я, — сказал колокольчик, — всегда веселый. — И гордо прошелся по столу.

— Это у тебя от безделья.

— Вы что, меня ленивым считаете? — возмутился колокольчик. — Вот подвесят меня на упряжку, тогда и наработаюсь, так наболтаюсь, что потом слова вымолвить не смогу. Работа у меня трудная, да звонкая.

— Болтун ты, — не выдержал наперсток. — Без твоего языка никому ты не нужен.

— Ну, мы это еще посмотрим, — не унимался колокольчик. — Смотрите, какой я веселый и звонкий. — И принялся прыгать: со стола на поленницу дров, с поленьев на чайник.

— Тиш, — прошипел горячий чайник. — Не греми над ухом!

Прыгал, прыгал колокольчик, всех оглушил.

— Да угомонишься ты наконец? — возмущалась домашняя утварь, а колокольчик, знай себе, прыгает. И допрыгался: так приложился к полену, что громко звякнул и отломил себе язычок.

Беззвучно заплакал, онемев: что за жизнь безъязыкая!

Собрался, было, хозяин подвесить колокольчик на упряжку, а тот не звенит. И помочь балаболу ничем нельзя. А семья готовилась уже к отъезду. Хозяйка сложила в сумку-мунгурку скребок, иголку и наперсток, а колокольчик под кустом оставила.

Помахали на прощание приятелю наперсток, иголка и скребок.

Остался колокольчик один, лежит под кустом и плачет. Увидела его сорока, польстилась на блестящую вещь, унесла и подвесила над своим гнездом. Так и висит он до сих пор. Хочется ему иной раз поделиться своей бедой, да языка-то нет.

ЖАЛОСТЛИВАЯ БЕЛОЧКА

Встойбище богатого оленевода Мактакэ пришла беда: люди умирали, один за другим, от болезней. Богач собрал семью и откочевал со стадом подальше от гиблого места.

Почти все из пятнадцати юрт стойбища опустели. Лишь в одной из них остался в живых мальчик Ноли, потерявший близких. Не то, что людей — собаки живой не было рядом. Что делать, малыш не знал. Голод погнал его прочь. Он брел наугад, куда глаза глядят, пока не наткнулся на шалаш. «Передохну, — думает, — а там видно будет». Сидит он, грустный, голодный, и вдруг к самым ногам скок белка, оставила шишку кедрового стланика, потом принесла еще одну. Удивился сирота, обрадовался. Погрыз орешков, повеселел. Белочка ему говорит:

— Помоги мне, Ноли: у меня бельчат утащила ворона, держит в гнезде.

Ноли залез на дерево, прогнал ворону, посадил бельчат в шапку, спустился на землю.

— Спасибо, Ноли, — сказала белочка. — Оставайся с нами жить.

Послушался мальчик, остался в шалаше, белочка принесла ему издалека уголек, чтобы разжег костер. Стал он самостоятельно жить, выучился рыбачить, охотиться. Поставил себе юрту. В тундре взрослеют рано. Далеко забредал Ноли, но людей не встречал. Белочка, когда он уходил охотиться, присматривала за жилищем. Однаж-

ды сирота отсутствовал так долго, что она забеспокоилась. И вдруг слышит звонкую песню. Глядь, идет по тропинке девушка, а рядом Ноли. Та поет, а он любит певуньей. Поняла белочка, что в юрте появилась хозяйка.

Вечером все собрались за маленьким столиком, пили чай. Ноли рассказал белке с бельчатами, что встретил Неку одну, далеко в лесу, она тоже сирота — никого из родных у нее не осталось.

— Теперь я с вами, — сказала Нека, — вместе жить веселее.

Прошло время, родился у молодых ребенок, называли его Чандром. Рос мальчуган славным, да вот ручки у него оставались крохотными. Печалились родители: какую работу столь маленькими ручками сделаешь, а им же не вечно на белом свете жить, кто кормить будет сына, когда их не станет?

Как-то пошла Нека по ягоды, бродит по лесу, собирает, и вдруг на ладонь ей прыг кузнечик:

— Слушай, — говорит, — если ты хочешь, чтобы твой сын стал здоровым, пусть белочка отдаст своего детеныша. Ноли должен его убить, покормите Чандра беличьим мясом — и ручки у него вырастут.

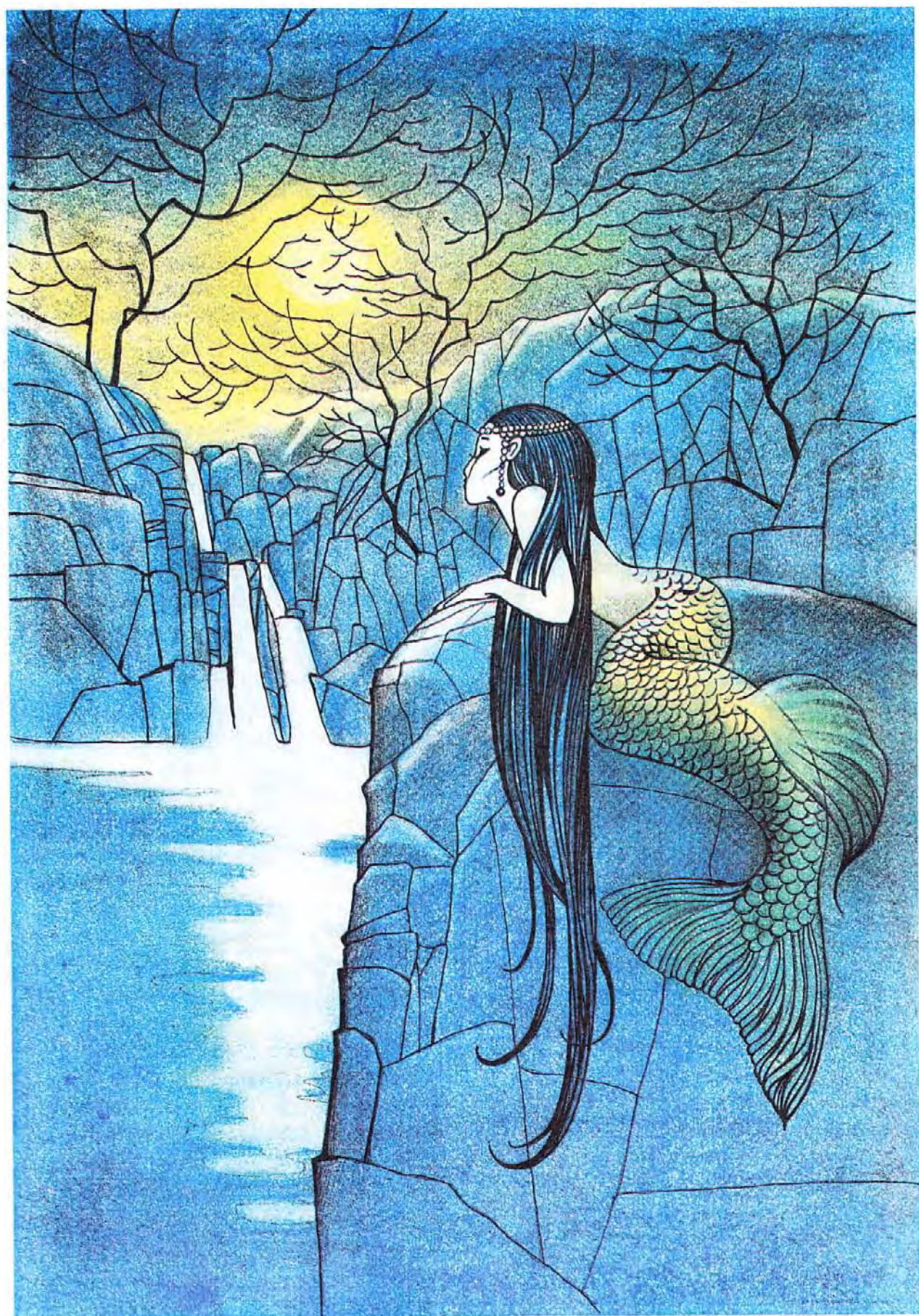
Вернулась Нека из лесу, плачет — остановиться не может.

— В чем дело? — спрашивает у нее Ноли. Она рассказала мужу о встрече с кузнечиком.

— Мы не можем так поступить с белочкой, она мне жизнь спасла, — опечалился Ноли. Два дня он не ходил на рыбалку и охоту, все сидит, молчит. И Неке жизнь не в радость. Только Чандр по-прежнему играет с бельчатами и громко смеется. Почувствовала белочка неладное, спрашивает у Ноли:

— Почему вы с Некой такие грустные?

Ноли не стал таиться, поведал ей, что сказал кузнечик. Заплакала белочка, похватила деток и скорее в дупло. Сидит с ними там и день, и два, а на

третий приходит к Ноли в слезах и говорит:

— Выбирай сам, кого из бельчат убьешь ради сына.

— Что ты, мы же друзья, как я могу пойти на такое?

— Спасибо тебе, — повеселела белочка. — Я постараюсь пособить Чандру. Приглядывайте тут за бельчатами, а я сбегая к дальней родственнице. Надеюсь, она сможет помочь.

Через несколько дней вернулась белочка с маленьким мухомором в лапках и говорит:

— Держите, вот что излечит вашего сына.

Чандр съел гриб, а перемен никаких: не выросли руки.

— Наберитесь терпения, — успокоила белочка. — Все будет хорошо. Я верю своей тетушке.

Дело к ночи, легли спать, а утром проснулись, слышат: кто-то дровишки колет. Выскочили Ноли с Некой из юрты, смотрят, а это Чандр топориком орудует, и руки у него какие должны быть: большие, сильные. То-то радости было! Бельчата и те скакали до изнеможения.

Тут и сказке конец.

ИЛЬЧАН — КРАСАВИЦА РЕКИ

Подружкам Хаей и Ильчан было по восемь зим. Однажды они бежали через реку по жердочке. Ильчан запнулась и, не удержавшись, бултых в воду! Несет ее течение, а по берегу следом бежит Хаей, да чем поможешь? Только и успела Ильчан крикнуть подружке:

— Я верю, ты спасешь меня, Хаей!

Время позднее, родители девочек пошли искать детей, нашли одну Хаей: плачет на берегу, не идет домой. Заплакали и родители Ильчан.

Прошли годы, Хаей не забыла подружку, всегда думала о ней, когда приходила к реке: то цветы бросит в воду, то ягоды.

— Эх, река, река, куда ты унесла мою Ильчан? — А в ответ лишь журчанье воды по камням. Прошло время. Хаей уже стала взрослой.

— Река, реченька, — спросила она однажды, — Ильчан напоследок крикнула, что я спасу ее, но как это сделать? Столько лет минуло, а я этого до сих пор не знаю.

И вдруг послышался голос Ильчан:

— Хаей, подруга, помнишь ли ты меня?

— Ильчан, Ильчан, где ты? — отозвалась Хаей.

Выглянула из воды рыбка и говорит:

— Видишь, Хаей: я не утонула, а стала рыбой.

— Почему же ты не давала о себе знать?

— Все эти годы я познавала реку, плавала из конца в конец, многое повидала. Только ты, Хаей, можешь меня спасти.

— Я бы рада, но как это сделать?

— А вот слушай. Долгое время я жила у стана рыбаков. В рыбацкой семье два сына, оба холостые: старший Коркопий и Харлам. Я полюбила Коркопия, и когда он приходит на рыбалку, подсовываю ему лучших рыб. Всем стойбищем они радуются улову. Однажды

я открылась возлюбленному. Он удивился и огорчился, что я девушка-рыба. Теперь и ему известно, что мое спасение зависит от тебя, Хаей. И вот я узнала, что рыбацкая семья едет сватать тебя за старшего из братьев. Не выходи за него, пожалей меня, подруга.

— Я постараюсь, — пообещала Хаей и побежала домой. А там уже гости. Глянула она на братьев и замерла: глаз не могла отвести от Харлама. Но родители решили отдать ее за Коркопия. Хаей была послушной дочерью и не посмела перечить. Уже назначен был и день свадьбы.

Ждала рыбка, ждала, не дождалась, поняла, что подруга выходит за Коркопия, заплакала, и река наполнилась ее слезами, всю ночь стонала и бушевала.

Вспомнила Хаей наказ подруги, набралась храбрости и сказала:

— Отец, не выдавай меня за Коркопия. Мне очень нравится Харлам.

Харламу Хаей тоже приглянулась. Их родители поначалу, было, растерялись, но в конце концов не стали чинить препятствия молодым: пусть будет так, как хотят. Обрадовалась Хаей, взяла за руку Коркопия и повела к реке. Зашумела река, подняла волны, вот-вот захлестнет Хаей с Коркопием. Поняла Хаей: рыбка сердится, не знает, чем дело закончилось, надо ее успокоить:

— Подруга моя, Ильчан, вот твой жених, выходи к нему.

Выпрыгнула рыбка на берег и превратилась в девушку. Побежала к родителям, взяв за руку своего парня. Обрадовались мать с отцом, что их Ильчан жива и согласились отдать ее Коркопию в жены.

СЫНОВЬЯ ПАМЯТЬ

Беда пришла в стойбище, болезнь скосила и взрослых, и детей, лишь трех подростков да малень-

кого Апоку оставила в живых. И отправились они в путь, к людям. Малыш плакал, и слезы застывали на его одежде. Мальчику не верилось, что мамы и папы больше нет на свете.

Добрались ребята до ближайшего стойбища, и богач-оленовод взял к себе на воспитание трех подростков: скоро они станут взрослыми и будут пасти ему оленей. Дело выгодное.

Маленького Апоку старшина отвел в юрту старого Губичана и его жены Мэлэни.

— Вот вам внучок. Обласкайте сироту.

— Проходи, малыш, — сказал Губичан, — покушай с нами, чайку попей. Давай знакомиться.

Бабушка Мэлэни показала Апоке, где он будет спать.

Мальчик рос послушным и сообразительным, но наивным. Хотя ему уже исполнилось девять зим, нет-нет да и спросит:

— Дедушка Губичан, а когда я увижу маму с папой? Моя мама такая красивая. Она надела мне на шею вот эту бусинку. А папа у меня смелый охотник, видишь: орлиное перо, это он принес.

— Ох, внучек, думаю, не скоро ты свидишься с папой и мамой, я увижу

их гораздо раньше тебя. А твое дело — расти, ума набираться. Придет время, женись, порадуй нас с бабушкой внучатами. Только не торопи тот день, когда я увидаю твоих родителей.

Губичан научил Апоку читать следы зверей, ставить петли. Старики радовались, что у них растет славный помощник.

Прошли годы, но Апока не забыл тот разговор с Губичаном и однажды сказал ему:

— Дедушка, когда ты пойдешь к моим родителям, отнеси им подарки. Маме передай бусинку, а отцу орлиное перо. Пусть знают, что я их помню.

Бабушка Мэлэни души не чаяла во внуке: шила Апоке красивую и удобную одежду из шкур и всякий раз за работой грустно напевала:

— Пришла незаметно старость, как птица, улетела юность, а жить надо. — А потом весело продолжала: — Хорошо, что у нас есть внук Апока, он не бросит нас, стариков, проводит в последний путь.

— Эх, старуха, старуха, и чего ты душу бередишь? — ворчал дед. — Не рано ли на тот свет засобиралась? А кто внуков будет поднимать?

Пролетело время, умер Губичан, и Апока, прощаясь с ним, положил на грудь старику голубую бусинку и орлиное перо.

Апока давно уже женился, у него подрастают дети, но он помнит бабушку с дедушкой, не забывает и о родителях. Всякий раз, когда вечером возвращается с охоты на широких лыжах, подбитых камусом, ему кажется, что среди звезд он видит мамину бусинку. А если где-нибудь над ним пролетает орел, Апоке верится, что в расправленных крыльях орла есть и перо, подаренное отцом.

И в мыслях он благодарит дедушку за то, что передал подарки родителям.

СОБАЧЬЯ ВЕРНОСТЬ

Гурия было три собаки: опытный, умудренный жизнью Челкан и еще две лаечки — молодой кобелек Мукала и его ровесница Унупа. Гурию приходилось брать с собой всех трех, чтобы Челкан обучал неопытных собак охотничьему делу. Тот в паре с Мукалой гонялся за дикими оленями и сохатыми. Унупа обожала искать пушного зверя: белку, лису, соболя. И ей было чему поучиться у Челкана.

Однажды лайки выгнали на лед реки лося и держали его до тех пор, пока на лыжах не прибежал Гурий. Застрелил он лося, привез в стойбище мясо, раздал сородичам.

Тем временем кто-то поднял медведя из берлоги, и тот больше не залег, стал шатуном. Вернулся Гурий на свою стоянку, а там все разбросано, порвано: еда, припасы, пушнина. Ясно: лесной хозяин побывал. Придется его убить, чтобы не натворил беды.

Разбросанное медведем Гурий оставил, как было: подбирать за медведем вещи нельзя, иначе зверь будет тебя преследовать, пока не вернет того, чем завладел.

Кликнул Гурий собак и велел искать. Вскоре лайки вышли на след шатуна. Челкан и Мукала хватали медведя за «штаны», не давали подняться в рост. Шатун, как ни старался, не мог достать собак и лишь грозно рычал и махал лапами. Гурий вскинул карабин, отозвал лаек, прицелился и выстрелил. Зверь заревел, рванулся навстречу и рухнул замертво.

Гурий уважительно приблизился и стал просить у медведя прощения:

— Не держи на меня зла, хозяин тундры! Не будь ты шатуном, я бы тебя не тронул. Прости и не преследуй меня! — Разделявать тушу он не стал, а засыпал снегом, приговаривая: — Спи, хозяин тундры, теперь никто тебя не

потревожит! — Встал на лыжи, позвал собачек и направился в стойбище. Когда приехал, рассказал матери: — Охота была нынче удачной, но всей пушницей завладел медведь. Я его убил.

Люди стойбища знали, что в тундре появился шатун, и облегченно вздохнули, узнав о его кончине. Старики посоветовались и решили:

— Надо помочь Гурию, он отвел от нас беду, а сам остался без добычи. — Каждый охотник принес Гурию по две шкурки, кто какие смог.

— Спасибо, спасибо, — благодарил тот. Наступала весна, и Гурий уже не успел бы насобирать пушнины для торга: у зверей начиналась линька.

Так жили эвены, помогая друг другу в трудную минуту. Ценили они и своих помощников — собак.

— Лайки — те же люди, — считали они, — только говорить не могут.

ПОБЕЖДЕННЫЙ СТРАХ

Было у Намнадян трое детей. Вечерами она усаживала их подле себя у очага, для беседы. Старшенькому говорила:

— Этыкан, ты крепкий и сильный, как тополек, что растет возле ручья. А ты, Дулган, непослушный и озорной, как олененок.

— А я какая, ну, какая? — спрашивала малышка Мули.

— Ты у меня розовенькая и красивая, как брусничка.

— Зачем ты так? — ворчал Аванник. — Не хвали детей, нехорошо это: услышит злой дух, всем нам не поздоровится.

— И духам иногда хочется услышать доброе слово, ведь у них есть слух. Может быть, от хороших слов они и сами станут лучше.

Дети тем временем засыпали под разговоры родителей: не о чем тревожиться: мама с папой обо всем позаботятся.

Решил как-то Аванник съездить всей семьей к родителям жены. На первой упряжке поместился сам со старшим сыном, на второй Намнадян с младшими детьми, на третью уложили мунгурки с вещами и едой. Выехали затемно, поскольку путь предстоял долгий: два дня ехать, с ночевками.

Первую ночь провели спокойно. Второй раз устроились на ночевку в лесочке. Дети принялись бегать, разминая ноги. Аванник развел костер, и тут вдруг огонь тревожно защелкал. Намнадян поставила на него чайник, а тот

неожиданно заурчал, громко, недовольно: «бр-уу, бр-уу». Муж с женой, как и все эвены, знающие язык огня, встревожились:

— Не к добру все это! — сказал Аванник. — Давай-ка, жена, скорее соберись, не до чая. Отрежь детям сушеного мяса, поедят в дороге.

Посадил он жену с малышами на первую упряжку, сам же со старшим сыном расположился на второй, закрепив на ней вещи и мешки с продуктами. Третья осталась пустой. Ее он привязал позади своей упряжки. Пospешно тронулись. Вдруг яркая луна показалась из-за туч, далеко осветила тундру. И тут раздался вой волков. Услышав его, олени резко прибавили ходу.

— Хек, хек, — закричала Намнадян, гоня их по тундре. Из лесочка выскочила наперерез волчья стая: шесть пар горящих глаз. Олени захрапели и рванулись, что было сил.

— Держитесь крепче, — крикнула мать детям. Те вцепились в нарты, жмурясь от летящего в лицо снега. Волки стали настигать беглецов, и тогда Аванник полоснул ножом по привязи, освободив оленя с пустыми нартами. Тот устремился в сторону и увел за собой серых хищников. Все ближе слышался лай собак: вот оно, стойбище. Спасены!

Аванник затормозил упряжку у юрты тестя. Вышел их встречать отец Намнадян и, увидев встревоженные лица, засуетился, бросился снимать детей с нарт, с трудом разжимая онемевшие детские руки; большой веткой стланика принялся стряхивать снег с одежды внуков, приговаривая:

— Все будет хорошо, я сейчас выгону из вас весь страх.

Бабушка тем временем развела огонь, нагрела чайник, достала вареного мяса. Накормив внучат, уложила спать.

Аванник долго сидел с тестем у огня, прислушиваясь к оленям, которые беспокойно ходили на привязи.

— Боюсь за детей, — признался он старику. — В их сердцах так и остался страх. А вдруг это на всю жизнь?

Старшему из сыновей, Этыкану, было тринадцать весен, а младшему, Дулгану, исполнилось десять зим. После пережитого той страшной ночью, как и опасался отец, мальчишки стали бояться ходить в лес, отлучаться от юрты. Дед переживал, глядя на внуков.

— Надо пойти к старухе Авдоке, — решил он, — пусть выгонит из детей страх, иначе как им жить — ни охотиться, ни оленей пасти. Стыд какой!

Понес он Авдоке мяса, сушеной рыбы. Та сказала:

— Приводи внуков, я займусь ими. — Проведя Этыкана с Дулганом в юрту, она развела очаг, бросила в него травы, стало дымно. Велела братьям обойти вокруг огня, погреть руки и покормить пламя кусочками пищи, чтобы задобрить его. Затем каждый из братьев уколол себе ножичком палец, как велела старуха. Закапала кровь.

— Страх, страх, покинь детей, — заклинала Авдока. — Огонь, огонь, поделись с ними смелостью! Добрые духи, помогите! — Она приложила к ранкам пепел и объявила: — Огонь и духи помогли: вы стали смелыми.

Прошли годы. Выросли братья, стали настоящими охотниками и пастухами. Семьи завели, детей у каждого — полная юрта. Хорошо им с бабушкой и дедом. Не отстала от братьев и Мули: в такую красавицу обратилась — где ни появится, люди глаз оторвать не могут.

Одряхла Авдока. Те, кого избавила она от недуга, часто ее навещают, приносят гостинцы и помогают ей по хозяйству.

ЗЕРНА БУРУНДУЧКА КУ

Как-то охотник Элекчан натолкнулся на трех оленей, отбившихся от стада. Посмотрел на метки, узнал, чьи олени, но хозяину вернуть не захотел, переметил их и оставил себе. Жена увидела прибавление в стаде, спросила:

— Чьи это, Элекчан?

— Теперь наши. Видишь, на ушах метки?

— Нехорошо присваивать чужое. Добрый дух отвернется от нас. Лучше верни оленей владельцу.

Не послушал. И вот опасения жены стали оправдываться. Родился сын и умер, за ним и другие его братья и сестры не выжили.

— Это из-за тех чужих оленей, —

причитала жена, — духи наказывают нас.

И охота у Элекчана не заладилась, теперь он часто приходил без добычи. Однажды не выдержал Элекчан, заплакал:

— Зачем я позарился на чужое добро?

Как ни задабривал он духов, не помогало. И тут опять родилась дочка, назвали ее Тэкчэ.

— Наконец-то смилостивились духи, дочка жива, — обрадовалась жена Элекчана. Но радость была преждевременной. Подросла Тэкчэ, а ходить никак не выучится. Взмолилась мать:

— Когда же духи перестанут нас наказывать?

Элекчан и голову повесил, жена с ним не разговаривает, дочкой занята.

Растет Тэкчэ. Любознательная стала, всем интересуется. Спрашивает:

— Мама, почему я не хожу? — Мать в слезы.

Случилось так, что охотничья собака притащила из лесу маленького, полуживого бурундучка. Увидела его девочка, пожалела, стала выхаживать. А назвала Ку. Отца она попросила отдать приемышу старые торбаса — пусть устроит себе жилье. Так и подружились они с Ку.

Подросла Тэкчэ, а ходить по-прежнему не может, передвигается полз-

ком. Родители и к шаманам обращались, да без толку.

Настала осень, бурундучок принялся делать запасы на зиму. Убежит в лес, вернется, за щеками полно орешков, высыплет в норку и опять в лес.

— Скоро откочевывать надо, — говорит отец. — Как же быть с бурундуком?

— Посадим его в бэбэ, пусть едет с нами, — предложила Тэкчэ.

Когда собрались ехать, выяснилось, что куда-то запропастился Ку. Поискали его, покликали да и тронулись в путь. Тэкчэ плакала, звала, но Ку не появился. И тут она вспомнила, что когда-то бурундук принес два больших зернышка и объяснил: если, дескать, потребуется помощь, съешь зернышко.

Вечерело, родители сделали остановку, чтобы заночевать. Поужинав, они уснули, а Тэкчэ не спалось. Ей хотелось вернуть своего Ку. Не помогут ли в этом зернышки? Съела она одно и вдруг легко встала на ноги. Больше того, мигом добежала до старой стоянки, стала кликать Ку. И тут же услышала ответный свист, бурундук, откуда ни возмись, прыгнул ей на руки и пропищал:

— Тэкчэ, как я рад, что ты выздоровела!

— Это тебе спасибо, твоему зернышку, — ответила девушка.

Долго сидели друзья, разговаривали до рассвета.

— Знаешь, Тэкчэ, я ведь тебе жениха присмотрел, — сообщил Ку. — Он живет в стойбище неподалеку. Пойдем, покажу.

Девушка бежала за другом, радуясь, что может двигаться с такой легкостью. Вот и стойбище. Ку показал Тэкчэ парня, который ловко ловил мавутом оленей. Пастух был глухонемым, и за него никто не хотел выходить замуж. Ку сказал:

— Тэкчэ, отдай парню второе зернышко, увидишь, что будет.

Съел пастух зернышко, смущенно взял Тэкчэ за руку и промолвил:

— Меня зовут Нука, я знаю много песен, хотя никогда не пел. Я обязательно спою о твоей красоте, о том, какая ты добрая. Хочу, чтобы ты всегда была со мной! — Повел девушку к своим родителям и сказал: — Тэкчэ меня спасла. Хочу на ней жениться!

Увидев его говорящим, родители были поражены. Потом до них дошел и смысл сказанного. Вскоре сыграли веселую свадьбу. На нее привезли и родителей Тэкчэ.

Невеста на свадьбе танцевала лучше всех, а жених повторял ей ласковые слова и никак не мог наговориться.

ПРИЕМНЫЕ РОДИТЕЛИ

Одно жил Балихач. Его семья часто сидела голодной в старенькой юрте, хотя трудился он без усталости. Зимой охотился, а с весны до осени рыбачил. Детей у него было шестеро, старшему двенадцать весен, младшенькой две осени. Летом дети собирали ягоды, шишки. Бывала на их столе и рыба. А вот зимой приходилось труднее: дни становились короткими, ночи холодными, и всегда хотелось есть. Старшего сына отец брал с собой: вдвоем удавалось больше добыть дичи и пушнины.

Как-то зимой мимо юрты Балихача проезжали на оленях муж с женой, зажиточные люди. Путь долгий, решили заночевать у бедняка. Из поклажи взяли мунгурку с мясом и вяленой рыбой. Вошли в юрту, осмотрелись: на них уставились шесть пар голодных детских глазенок.

Гостя, ее звали Нюркани, дала хозяйке мяса, чтобы та сварила и накормила детей. Только закипело, сняли мясо с огня, поделили и дали детям. Те наелись досыта, напились чаю и сели в сторонке, подальше от столика, стали разглядывать гостей. Приезжие поужинали с хозяевами и завели тихую беседу.

— Дети — это радость. Вырастут, помощниками станут, ничего, что сейчас трудновато приходится, — говорила гостям хозяйка, Хаей.

— Балихач, давай выйдем, поговорим, — предложил приезжий, Хуркан. Вышли, и он продолжил: — У тебя много детей, а мы с женой бездетны. Отдай нам за пару оленей ребенка. Всех тебе не прокормить.

Балихач подумал, позвал жену. Та выслушала его, помолчала и, наконец, решилась:

— Пусть берут брата с сестрой, Молоту и Амамич, вдвоем ребятишкам веселее будет. Обычай не запрещает отдавать детей растить добрым людям.

Нюркани даже не прилегла и с нетерпением ждала рассвета: она боялась выказать радость: сколько лет у нее не было детей, а тут сразу и дочка, и сын.

Вот и утро. Хаей разбудила малышек, стала собирать в дорогу. Поплакали немного сестренка с братом и успокоились. Нюркани суежилась, торопя мужа:

— Скорее, скорее, пока хозяева не передумали.

Отдали гости Балихачу двух оленей и уехали, только снег завихрился. Больше они сюда не возвращались.

Прошло время, выросли Молоту и Амамич. Их приемные родители не уставали благодарить духов за то, что не оставили под старость лет без помощников.

Оставшиеся у Балихача дети стали взрослыми, обзавелись семьями. Отец их постарел, но продолжал ходить на охоту, не мог без этого. Отправился и в очередной раз, несмотря на предчувствие. Забрав из ловушек лису и песца, он начал спускаться по склону, оступился и подвернул ногу. До стойбища далеко. Помощи ждать неоткуда. Пришлось лечь на лыжи и передвигаться, отталкиваясь руками. Когда силы были на исходе, случилось невероятное: откуда ни возьмись, появился мо-

лодой парень, привязал веревку к лыжам и потащил Балихача в стойбище. Это был Молоту, он узнал своего отца. Добрались. Вот и родительская юрта. Вышла из нее Хай, остановилась в нерешительности при виде незнакомого сильного парня:

— Мама, успокойся, с отцом ничего страшного. Давай занесем его в тепло, — предложил матери Молоту. Та и опешила:

— Сын вернулся!

Обрадовался и Балихач.

Погостив у родителей, Молоту засобирился в путь:

— Не корите себя, что отдали нас чужим людям. Всем бы нам не выжить в то голодное время. А теперь мы с сестрой живем хорошо, благодаря приемным отцу с матерью. Простите, но пора прощаться. Меня ждут дома. — Поклонился и отправился в путь.

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

Всю жизнь Харлам и Гурий спорили, кто кого превосходит в силе и ловкости. Состарились, силы уж не те, чтобы бегать и прыгать, но азарт остался. Хорошо бы его внукам передать. Летом, когда дни становились длинными, Харлам и Гурий, как и другие дедушки, любили на закате солнца сидеть у юрты, удобно устроившись на шкурах из оленьих лобиков, наблюдать, как резвится детвора. Мальчишки гоняются друг за другом, прыгают через нарты, бросают на дальность копье, мяч, набитый оленьим волосом.

— Мой-то, — толкает Харлам Гурия в бок, — самый сильный.

— Давай проверим, — возражает Гурий. — Эй, Чандр, Гераул, ребята, пойдите-ка сюда, покажите, кто из вас сильнее и ловчее. — И забросил мяч подальше. Парнишки помчались за ним, что было мочи. Гераул схватил мяч, Чандр стал отбирать, повалил при-

ятеля. Никто не хотел уступать. Старики не разнимали мальчишек, а спокойно ждали, чья возьмет. Чандр вырвал мяч и бросил в сторону юрты. Гераул побежал, перехватил и добросил мяч до стариков. Гераул схватил Чандра, и они стали толкаться.

— Хорошо, что оба такие ловкие, — похвалил дед Харлам. А Гурий настаивает:

— Мой, Чандр, сильнее.

— Тогда продолжим, — предлагает Харлам. — Ну-ка, ребята, сядьте лицом друг к другу. Упритесь ступнями и тяните палку, каждый на себя. Увидим, кто пересилит.

Мальчишки так и сделали. Чандр тянет палку в себе, Гераул не уступает. Детвора подбадривает их криками. Шум, гам. И вдруг оба заревели от изнеможения и досады.

— Оба сильны. Победила дружба, — успокаивают внуков старики.

Заканчивается долгий летний день, завтра будут новые игры. Маленькие эвены любят побегать и повеселиться, и в этом ничем не отличаются от детей других народов. Их игры — стрельба из лука, ловля оленьих рогов мавутом — испокон веков помогают мальчишкам вырастать ловкими и сильными мужчинами. Девочки, побросав кукол, набитых оленьей шерстью, бегают напе-

регонки с мальчиками, не отстают от них. Собаки тем временем утаскивают кукол и из любопытства разгрызают их. Увидев выпотрошенные волосяные внутренности, девочки ревут от обиды.

— Ну до чего же эти девчонки плаксы, — говорят мальчишки, однако охотно принимают подружек в свою компанию, вместе-то веселее.

ВЕСЕЛАЯ ПОСУДА

Поварешка была хороша собой: высокая, стройная, в широкой юбочке. Обычно она висела под потолком юрты, и сверху ей все было хорошо видно и слышно. Наступили белые ночи, посвежели и зазеленели лесные поляны и чащи. В юрте стало слишком жарко разводить огонь, и семья готовила еду на вольном воздухе, на костре. Вокруг него располагались чайник, котелок, сковородка, а кружки и поварешка висели выше, на жердочке. Однажды поварешка говорит:

— Друзья, поглядите: вон люди веселятся на бережку. Давайте и мы пойдем на какую-нибудь полянку, порезвимся.

— Давайте, давайте, — поддержали кружки, а серьезный чайник нахмурил носик и сказал:

— Далеко не пойдем, а то хозяева заругаются.

Поварешка и кружки спрыгнули с жердочки, направились на полянку, а за ними потянулась вся посуда. Разожгли костер, обступили его кольцом, которое становилось все шире и шире: собиралась посуда со всего стойбища.

— Пора бы и повеселиться, — предлагает поварешка. Ложки, сковорода, чайник принялись хоровод водить.

— Пых, пых, — запел, приплясывая, чайник.

— Бух, бух, — застучала сковорода.

— Бам, бам, — вторил ей котелок.

— Бряк, бряк, бряк, — веселились тарелки.

Такой устроили шум и гам! Поварешки прыгнули внутрь круга и стали кружиться, мелькая своими юбочками. Прибежали топор, скребок и нож, обиженно проскрежетали:

— А нас почему не позвали?

— Ой, ребята, не обижайтесь, присоединяйтесь, — нараспев проговорила запыхавшаяся поварешка. — Чувствуйте себя, как дома.

— Тюк, тюк, — затюкал топор.

— Хр, хр, — вторил скребок.

— Жик, жик, — подпевал ножичек. Топор подхватил поварешку, принялись вдвоем коленца выделывать, всем на удивление.

— Топорик, ну до чего ж ты веселый, — нахваливает поварешка.

— А как же не потанцевать с такой красавицей! — рассыпается тот в комплиментах.

На веселый шум сбежались звери, слетелись птицы, остолбенели от увиденного. Первой опомнилась ворона, говорит:

— Ладно, там, у речки, ваши хозяева веселятся, а вы что о себе возомнили?

— Еще немного поотдыхаем и опять за работу примемся, — ответил за всех чайник.

— Надо иногда и кости размять, —

заметил котелок. — Вам, птицам, этого не понять.

— Я тоже залезался, — говорит скребок. — Спину распрямляю.

И опять визг и писк до небес. Кажется, веселью не будет конца.

Воротились с вечеринки хозяева, хотели чаю попить, а посуда куда-то подевалась. Что думать, не знают. Прислушались: шум из лесочка доносится. Похоже, медведь сложил всю посуду в мунгурку и тащит через заросли. Подкрались они к полянке и обомлели, увидев необычное веселье. Посуда заметила хозяев, испуганно притихла. А те вовсе и не думают ругаться.

— Хорошо придумали! Давайте вместе хоровод водить, — говорят. Что тут было! Поднялся такой радостный гам, что даже медведь, который дремал в чащобе, продрал глаза и не утерпел, приковылял взглянуть, кто мешает спать. Посмотрел с бугорка и проворчал:

— До чего смешными бывают люди! Скачут, как ненормальные, да еще и в посуду стучат. А та и рада грохотать на весь лес, хоть уши затыкай.

Повеселились хозяева, собрали посуду и вернулись к юрте. Развели костер, вскипятили воду, заварили чай. И завели тихую беседу, которая растянулась на весь долгий летний вечер.

ЭХО — ДУХ ЗЕМЛИ

богача Этимы было столько оленей, что им, в конце концов, стало тесно пастись. Вот он и попросил малооленного Кирика дать попользоваться свободными пастбищами. Кирик с радостью уступил, зная, что Этима в долгу не останется, пополнит его стадо. Богач был доволен, ведь его многочисленные олешки отъедятся на нетронутых кормах, нагуляют жирок.

Кирик отдал хорошие пастбища, но

скрыл, что в том лесу водятся филины, а с недавнего времени поселилось эхо. Сам он не любил это шумное место, хотя и богатое оленьими лакомствами.

Этима перегнал оленей, те разбредались по ягельникам и грибным местам, наедались вдоволь и дремали, жирок у них завязывался. Пролетело короткое лето, ночи становились все темнее и длиннее. Пошла как-то Киндаку, девушка из стойбища Этимы, за водой и вдруг слышит, кто-то ее окликает:

— Киндаку, поговори со мной! — Девушка остановилась в растерянности.

— Не бойся, это я, дух земли — эхо. Давненько сюда никто не забредал, много лет приходится молчать, а так хочется поговорить. Когда-то Кирик пригонял свои стада, потом перестал появляться, опасаясь филинов, думает, здесь поселились злые духи. Позови меня, оклики!

— Эхо, — крикнула Киндаку.

— Эхо-о-о-о, — отдалось вдали.

— Меня зовут Киндаку, — крикнула девушка еще громче.

— Киндаку-аку-аку, — отозвалось над рекой.

— Спой мне песню, а я подпою, — попросило эхо.

Девушка запела звонким, сильным голосом, эхо подпевало, и обоим было весело и хорошо.

— Киндаку, приходи ко мне, я буду ждать, ждать, — сказала эхо на прощание.

В том лесу, в дупле, жил старый филин. Когда наступили темные ночи, он громко ухал, пугая людей и оленей. Прилетел как-то ночью в стойбище и завел свою песню:

— О-о-о-о! Кин-да-куу! Ах, ах, ах! Выходи-ди-ди!

Всю ночь, до утра, кричал, громко хлопал большими крыльями, никому не давал покоя. Люди сидели в юртах, дрожали от страха. Думали, это злые

духи. Когда рассвело, разгневанный богач прибежал в юрту, где жила Киндаку и закричал:

— Что у вас с филином, почему он звал тебя всю ночь? Уходи к нему, сейчас же!

Заплакали родители девушки, а что поделаешь? Одна надежда, что все еще образуется, когда-нибудь вернется дочка. Киндаку собрала вещи, родители проводили ее за стойбище. Мать утирала слезы, отец горестно молчал.

— Убил бы я этого филина, да духи обидятся, — сказал он. — Бед не оберешься.

Отойдя от стойбища подальше, Киндаку вспомнила про эхо.

— Эхо, ты здесь, да?

— Здесь, здесь. Иди сюда-а-а!

Дошла девушка до горы и увидела пещеру. Снова позвала:

— Эхо, где ты, отзовись?

— Поднимайся ввысь... ввысь...

Взобралась она по склону, вошла в пещеру, видит: костер горит, варится еда. Вокруг шкурами все застелено.

— Кто здесь живет, а?

— Я, я-а! — ответило эхо.

— Хорошо у тебя: тепло, сытно, не то, что в нашей дырявой юрте. — Киндаку попила чаю, поела, стала о себе рассказывать: — Родители у меня ста-

ренькие. Приданого нет, замуж никто не берет, кому нужна такая, как я, беднячка, притом и не красавица. А мне ведь уже девятнадцатое лето пошло.

— Поживи у меня, — отвечает эхо. — Я хоть наговорюсь с тобой. А то ведь столько лет молчать пришлось.

Живет Киндаку в пещере, шкуры вытряхивает, варит обед, песни поет. Эхо не нарадуется на домовитую гостью. Не сидится ей без дела: шьет, дрова собирает. Вышила кисет, перчатки и вдруг расплакалась.

— Что-о-о случилось-ось? — встревожилось эхо.

— Эхо, милое, спасибо тебе за все. Никогда мне не было так хорошо, как с тобой, но я должна вернуться к родителям. Трудно им без меня.

— Мне нравятся люди, которые чтят своих родителей, заботятся о них. Много с чем довелось мне столкнуться на своем веку, но ты, Киндаку, меня удивила: вместо того, чтобы жить в достатке, уходишь к отцу с матерью, где снова придется голодать. За доброту и отзывчивость я вознагражу тебя. Видишь стадо оленей? Оно твое. А при нем молодой парень, Хилкачан. Это твой будущий муж! Спасибо тебе, Киндаку, за заботу и ласку, за то, что стелила мне мягкие шкуры, выбивала их. Кормила меня, выслушивала, разговаривала со мной. Не забывай, навещай меня, я буду рада!

Поклонилась Киндаку и побежала к Хилкачану. Тот, увидев девушку, радостно помахал ей малахаем. Молодым людям казалось, что они давным-давно знают друг друга и встретились после долгой разлуки. Вышли они на речной берег и крикнули:

— Эхо! Хозяин земли! Благодарим тебя! Мы обязательно вернемся! Жди!

— О! А! И! — радостно вторило эхо счастливым влюбленным.

Забрав родителей, Киндаку с мужем поехали к собственному оленьему ста-

ду. Богач-оленеvod Этима, когда узнал обо всем, пришел в ярость:

— Моих оленей присвоила себе! Догнать их, забрать олешек!

Долетели его угрозы до эха, и решило оно наказать богача за жадность: превратилось в филина, залетело в юрту и стало громко ухать, выкрикивая имя Киндаку и хлопая крыльями.

— Это Киндаку превратилась в злого духа, — испугался богач. С рассветом собрал юрты и устремился подальше от страшного места.

Туда ему и дорога! Хилкачан и Киндаку зажили дружно, пастухов не обижали, достаток делили поровну. Эхо оберегало семью. Обзавелись молодые детьми, и те, когда подросли, часто выходили на берег реки и звали:

— Дедушка эхо, ты здесь?

— Здесь! Здесь!

— Ты не покинешь нас никогда?

— Да! Да!

ДУЛГАН — СЕРЕБРЯНЫЙ МАСТЕР

Редко кто заезжал в отдаленное стойбище старого Хуркана. Да не очень-то ему и хотелось принимать гостей, взваливать на себя лишние хлопоты, в его-то возрасте. Однако жизнь брала свое: две дочери на выданье, третья подрастает. Уже и приданое имелось, по три десятка оленей, и богатые свадебные наряды, и утварь, необходимая для жизни. Дело за женихами. И вот решил Хуркан подогнать свои стада поближе к другим стойбищам, чтобы дать знать, каким он может быть завидным тестем и какие у него замечательные дочки. Вскоре нашлись для старших дочерей богатые женихи. Сыграли свадьбы, молодые семьи поставили свои юрты.

А маленькая Эдяма с родителями живет, подрастает.

— Папа, — как-то спросила она, — а

якуты далеко от нас кочуют? Где их земли?

— Далеко, очень далеко, — ответил отец. — А тебе-то зачем?

— Мне дедушка рассказывал: встречаются среди якутов такие парни — руки у них серебряные, сами в серебро одеты и едят из серебряной посуды. Вот такого бы мне жениха, а другого

не хочу. А будешь насильно выдавать, в реке утоплюсь.

Отец, было, отмахнулся: думал, шутка. Но Эдяма не выбросила из головы свою затею, заговаривала о серебряном женихе все чаще. В конце концов, Хуркан решился поехать в Якутию, взглянуть на тамошних парней. Взял с собой соболиных шкурок побольше, для обмена на серебряные украшения. Якуты, как известно, очень охочи до собольего меха.

Много дней ехал Хуркан, пока не показались якутские юрты. Приняли его не очень ласково, но стоило показать собольи шкурки, стали наперебой зазывать чужака погостить. Обменял Хуркан шкурки на украшения и спрашивает:

— А где ваши серебряные мастера?

— Мы и есть мастера, — заулыбались парни.

— Почему же у вас руки не серебряные, а одежда и посуда как у всех?

— А какими они должны быть? — удивился Дулган. — Не веришь, отец, что мы и впрямь серебряных дел мас-

тера? Вот, посмотри: все можем делать — серьги, пряжки, пояса, подвески. За это и получили свое прозвание.

Приехал Хуркан домой, рассказал Эдяме, кого повидал на якутской земле. Парни как парни, ничего особенного.

А дочка и говорит:

— Хочу сама убедиться в твоих словах. Давай вместе съездим.

Сели они на верховых оленей, поехали к якутам. Хуркану дорога показалась короче, чем в первый раз. Когда добрались до якутского селения, «серебряные» парни как раз выходили из мастерской.

— Что, дед, опять за украшениями приехал? — спросил Дулган.

— Нет, дочь вот привез: не верит, что вы не серебряные.

— Ну, и чудной вы народ, эвены, в такую даль переться по пустяку.

Подошла Эдяма к мастерам, видит: парни вроде обычные. Хороши собой. А Дулган — лучше всех, в жизни таких не видала.

И Эдяма приглянулась серебряному мастеру. Понял отец, что дочь нашла, кого искала. Да она и не скрывала этого:

— Отец, я остаюсь здесь, езжай назад без меня.

Попробовал Хуркан уговорить Дулгана поехать с ними, к эвенам:

— У меня много оленей, будешь хозяином стада.

— Нет, отец, я серебряный мастер и люблю свою работу, а оленей пасти не умею. Если ты согласен отдать свою дочь за меня, переезжайте сюда!

Что оставалось делать Хуркану? Пригнал он свое стадо в Якутию. Дулган преподнес невесте серебряное кольцо, серьги и серебряный пояс. Сыграли свадьбу, стали жить да поживать. В Якутии еще прибавилось оленей. С тех пор и живут в тех землях эвены, занимаются оленеводством и никогда не променяют свое занятие на другое ремесло.

КЯМИ — ЗАБОТЛИВАЯ НЯНЬКА

Приближался июнь. Из моря в реки шли на нерест стаи лососей. Эвены с нетерпением ждут теплую пору, подгоняют стада ближе к побережью, чтобы ловить и сушить рыбу, заготавливать на зиму юколу для себя и собак.

Первыми на летнюю стоянку откочевали Хелкачан с женой Улитой и трехлетним сыном Баной. Добравшись до реки Вилиги, поставили они на берегу юрту, разожгли очаг. Подкрепившись, Хелкачан взял с собой собаку Олды и пошел осматривать реку: где какое течение, где пороги. Улита отправилась собирать сушняк, наказав другой лайке:

— Кями, охраняй, — и показала на спящего сынишку.

Кями лег рядом с малышом, а тот вскоре проснулся, принялся ползать по шкурам, постеленным на земляном полу, захотел выбраться наружу, но пес загородил собой вход. Бана хватал собаку за лапы, целовал в морду, таскал за уши. Потом сел на Кями, перевалился через собачье туловище и выкатился на волю.

Что оставалось делать псу? Подошел к столу, взял зубами тарелку с вареным мясом и принес Бане. Тот брал кусочки и с удовольствием жевал. Навесившись, встал на ноги и пошел от юрты. Кями за ним.

Мальчик услышал журчание речки и пошел, было, на звук, но Кями держал его за камлечку и не пускал. Малыш боролся с собакой, пока не выбился из сил. Наконец, уцепившись своего стража за щеки, вырвался и побежал прятаться за юртой. Кями молча лежал, наблюдая за подопечным. Вот Бана помчался в глубь леса. Кями — за ним, схватил за одежду и потащил к юрте. Малыш яростно отбивался, орал, но собака не уступала. Накувыр-

кавшись вволю, мальчик свалился от усталости и задремал.

Кями лежал рядом и думал: как было хорошо, когда Бана был еще маленьким, спокойно лежал, ползал, с ним было куда легче управляться.

Бана спал на траве, когда из лесу вышли люди. Кями встревожился, но узнав соседей по стойбищу, обрадовался. Это Гераул с женой, тоже на рыбалку приехали. Старик подошел, погладил Кями по лохматой голове, приговаривая:

— Хорошая чабака. Умная чабака.

Бабушка подняла малыша на руки, отнесла в юрту, да так бережно, что тот и не проснулся. Кями вздохнул и опять сел у входа. Между тем старики поставили юрту недалеко от юрты Хелкачана.

Первой вернулась из тайги Улита с вязанкой дров. Кями бросился навстречу, скуля от радости, запрыгал вокруг хозяйки. Улита, смеясь, унимала его:

— Ладно, ладно, вижу, устал ты нянчиться. Иди, отдыхай.

Проснулся Бана. Спокойно прошел мимо Кями, погрозил ему пальчиком. Кями не шевельнулся, только повел хвостом, ведь он на отдыхе. Улита с Баной на руках отправилась пить чай к соседям. Дед встретил их у входа, показывая пальцем на Кями, похвалил:

— Хорошая чабака. Любит он Бану.

Вернулся Хелкачан, принес свежей рыбы на уху. Женщины стали ее плавать, радуясь первому улову. Мужчины сидели в сторонке, курили. Олды, вернувшись с хозяином, и Кями бежали вокруг юрты, играли и радовались друг другу. Потом Кями поделился с Олды, как ему трудно стало справляться с Баной. Олды вздохнула и посочувствовала:

— Терпи, Кями, это твоя работа. Скоро Бана вырастет, и не надо будет таскать его за камлейку.

— Скорей бы, — устало зевнул Кями и скоро уснул. Во сне он повизгивал и перебирал лапами.

РОСОМАХА И ЛОСЬ

Молодая росомаха, наевшись мышей и закусив зайчонком, забралась на высокий ветвистый тополь. Улеглась на большом суку, задремала.

Было лето, зелень скрывала зверя от посторонних глаз, листья шептались с ветерком, птицы переговаривались друг с другом. Как тут не разнежиться!

Тем временем огромный лось пришел на берег реки, утолить жажду. Напившись, решил доставить себе еще одно удовольствие: почесать спину, и облюбовал для этого тополь, где сидела хищница.

Росомаха давно заметила сохатого и, пока он пил, приготовилась прыгнуть ему на загривок и перегрызть горло. Этой туши ей бы надолго хватило, не все же мышами питаться.

Лось подошел к тополию вплотную и привалился к стволу. Тополь закачался от его толчков. У росомехи шерсть встала дыбом. Она прыгнула на спину зверю и тут же шлепнулась на траву. Лось подцепил хищницу могучими рогами да к-а-к швырнет на тополь!

— Ой, — вскрикнула росомаха и вцепилась в ветки, затаила дыхание от испуга.

Лось грозно фыркал, роя землю копытами. Он был очень зол.

«Не упасть бы, только бы не упасть», — думала росомаха, спиной ощущая жаркое дыхание могучего животного. Осмотревшись и поняв, что ему больше ничто не угрожает, сохатый не спеша направился в глубь леса. Ветки под росомхой затрещали, и она сорвалась на землю.

Почесав ушибленный бок, проворчала:

— Домечталась, называется. Ладно. Будет мне наука.

И, недовольная собой, заковыляла своей дорогой.

ГУЛЬЧАН — УКРАДЕННАЯ НЕВЕСТА

Хорошо летом в тундре. И молодежи, и пожилым людям. Эвены — народ трудолюбивый, и даже старики не сидят без дела. То строгают вогнутым ножичком заготовку для лыж, то плетут из кожаных ремешков мавуты. Потом их для прочности слегка копят. Подкопченный мавут удержит рывок любого строптвого оленя. У бабушек летом свои дела: нянчат внуков, следят за очагом, моют посуду.

Отдыхая, любят старики поговорить, повспоминать прошедшие годы. Вот и сейчас сидят, беседуют. Глядь, к одному из них, Гурию, вышла из юрты жена, Гутьчан, что-то спросила и вернулась назад.

— Смотри-ка, твоя какая шустрая, — хихикнул Балихач.

— Дело прошлое, а ведь никто не знает, что я выкрал ее, — усмехнулся Гурий.

— И все годы молчал, — удивились старики.

— Много языком болтать — зла наживешь. Но какое зло от воспоминаний? Могу рассказать. Сколько воды утекло, сколько зим прошло, а Гутьчан со мной, — он закурил трубку, отделанную серебром. — В молодости пас я стада у богача оленевода Аткана. Как-то раз он взял меня с собой к якутам. Все ездили туда менять шкурки соболя на серебряные украшения. Приехали мы, когда якуты гуляли свадьбу. Весной было дело. Нас с Атканом тоже пригласили. Три шкурки соболя Аткан подарил невесте, а жениху свой расшитый бисером кисет.

Вечером молодежь веселилась у костра, я тоже пошел туда посмотреть. Встали молодые якуточки в круг, зазвенели колокольчиками, засверкали серебряными украшениями. Красавицы пели веселые песни, кружились в

быстром танце, порхали, словно птицы. У нас, эвенов, песни мелодичные и танцы не хуже — плавные, медленные. А здесь как замахали ручками, как затопали ножками, я и онемел от удивления. В жизни такого не видал. Вот там и приглядел Гутьчан.

Стали парни силой мериться, перед девушками красоваться, и я не отстаю. Гутьчан смотрит на меня, чувствую: от этих взглядов силы прибывает, и я выигрываю. Преподнесла она мне тогда вот эту трубочку, серебром отделанную. Не успела опомниться, я и предлагаю: выходи за меня замуж.

А она веселая, озорная. Глазами сверкает: мол, укради меня, Гурий, а то ведь родители не отдадут за чужака. Ночью я подогнал двух оленей, посадил на одного Гутьчан, на другого сел сам, повез девушку в родные края. Светало, когда мы проезжали мимо стада отца Гутьчан. Она предложила взять с собой отцовских оленей. Подошла к пастухам, те ее хорошо знали, отбили мы пять десятков голов и помчались, что есть духу.

В стойбище Атакана я не вернулся, там у меня ни родных, ни близких не было. Стали мы жить с Гутьчан. Она добрая и на радость умелая хозяйка. Потом к нам прибилося еще две семьи, у тех оленей поменьше. Соединили мы стада, стали выпасать их вместе, каждый знал своих оленей по меткам.

Два моих сына уже бегали вокруг

юрты, дочка лежала в бэбэ, когда случилось вот что. Загрустила моя Гульчан. Очень уж захотелось ей повидать родителей. Я ее понял. Конечно, надо ехать. Хотели мы отбить своих оленей, чтобы откочевать в Якутию, но другие пастухи решили составить нам компанию.

Долго мы кочевали. Наконец, подогнали стадо к стойбищу родителей Гульчан. Она с детьми пошла к своим старикам. Радостные возгласы долго раздавались из юрты. Потом из нее вышли крепкий старик, а с ним женщина, ему под стать. Я поклонился им. Тесть пригласил меня к очагу: будет разговор. Я немного испугался, но виду не подал.

Стали нас угощать: чаем поить, кормить жирным мясом, вяленой рыбой. Дед так и пронизывал меня взглядом, пытался понять, что я за человек. Тебе, говорит, повезло, что угнал оленей за перевал. Дальше я не стал за тобой гнаться. Надеялся, дочь сама вернется. Олени, что взяла с собой Гульчан — ее приданое. Я доволен: ты увеличил поголовье. Видно, хороший хозяин. Рад я за дочь. А мы ведь каждый день ее ждали, мать все глаза проглядела. Вот и вернулась наша Гульчан, внуков нам привезла. Спасибо тебе за них.

Наутро тесть показал свое стадо и отдал его мне, с тех пор мы с Гульчан живем здесь. Я никогда не обижал жену, с почтением относился к старости родителей, и они были довольны мной. Тесть многому меня научил: как сохранить стадо, обеспечить семью. Спасибо ему.

ГЛУХАРИНЫЕ ПЕСНИ

Закончился сезон зимней охоты. Чина вернулась в стойбище с пушниной, выделанные шкурки белок, соболей, лис развесила в юрте. А перед сном вышла послушать токо-

вание глухарей. Долго стояла, растревоженная голосами самцов. Утром, надев лыжи, решила взглянуть на этих красавчиков поближе. Глухарь — птица крупная, черная, глаза желтые, яркие. Красные брови, пышный хвост — не птица, а чудо природы.

Весной пернатые преображаются: чистят перышки, лапки, подтачивают клювики. Это пора любви, пора томления и нежности, прекрасных споров, состязаний и брачных игр.

Вот и глухари красоту навели, сидят на деревьях и соревнуются в распевках. Через несколько дней на току зазвонят такие рулады, что на них отзовутся все глухарки. Те тоже прихорашиваются, вон как перышки заблестели, и сердечки учащенно забились, просят любви.

Первыми начинают ток зрелые, опытные самцы.

— Тох, тох, тох, — запеваает самый старый из них. — Тох, тох, тох! Отзовись, моя подружка, на любовный вздох!

— Так, так, так, — вторит взрослый глухарь. — Так, так, так! Прилетай, моя глухарка, ведь любовь-то не пустяк!

— Ток, ток, ток, — вступает слабым голосом совсем молодой глухарь. — Ток, ток, ток! Где ты, где, моя милашка? Я твой милый, твой дружок!

Глухарки трепещут от любовных призывов, их сердечки готовы выпрыгнуть из горла. Завидев подружек, глухари тарахтят еще заливистей, перебивая друг друга и распушая перья. Самец при виде соперника встряхивает ярко-красными бровями и бросается в бой.

Чина знает: глухарь — птица осторожная, близко подойти к нему можно лишь в пору, когда он токует и, упоенный песней, не слышит ничего вокруг. Пропоеет и умолкнет, оглядится, прислушается, нет ли опасности. В такую минуту вдруг замечает глухарь замершую неподалеку Чину. Перья на его макушке встают дыбом, и он возмущенно машет крыльями:

— Кхто, кхто ты такая? Што, што тебе надо? Видишь, я занят!

Махнув на него рукой, Чина уходит. Глухарь провожает ее гордым взглядом: ружья нет, бояться нечего.

— Ток, тох, тѣх, — слышится отовсюду. После всех разборок каждый глухарь найдет себе подругу. Мама-глухарка выведет птенцов, будет растить их, оберегать. А потом ее детки разлетятся кто куда, сами станут взрослыми глухарями...

ПРАЗДНИК В ЮРТЕ

 едушка с бабушкой и отец ушли на речку рыбачить. Мама тем временем закончила дошивать малахай. А сама Нека прикрепила последнюю бусинку на перчатках. Полюбовавшись на готовые вещи, мама с дочкой повесили обновки на жердочку в юрте. Позвали Некиного братишку Чандра, и втроем отправились на реку, к месту лова. Помогли отцу с дедом вытянуть сеть, стали с бабушкой плас-
тать рыбу на юколу.

Когда юрта опустела, спрыгнул малахай с жердочки и сказал, обращаясь к вещам:

— Хозяева ушли на рыбалку и придут не скоро. Давайте веселиться! Вот посмотрите, до чего я красивый! Какая на мне опушка, голубые кружочки из бисера, яркие кисточки.

Новенькие перчатки соскочили с жердочки, оглядели себя:

— Чем не красавицы? Вон какой узор вышила Нека!

— А у нас тоже есть красная кайма, — сказали рукавицы. — Все мы хороши. Давайте веселиться.

Рукавицы захлопали: «хоп, хоп», торбаса затопали: «топ, топ», малахай засмеялся: «ха-ха-ха», женская шапочка вторила: «хи-хи-хи». Камлейка соскочила с вешалки и пустилась в пляс: «ох, ох, ох». Чижи — меховые носки —

запищали: «чи-чи-чи». Скачут все, веселятся, не унять. Вдруг слышат крик из сумки: «Выпустите меня!». Кое-как справились с завязками. Выбралась из сумки праздничная одежда, зазвенела колокольчиками, еще веселее стало в юрте. Проснулась посуда и давай шуметь-греметь от радости.

А тут как раз возвращаются с рыбалки хозяева. Детишки впереди бегут, слышат в юрте шум, гам, тарарам. Заглянули внутрь и перепугались.

— Папа! Мама! Там такое творится!

Отец шагнул в юрту и обомлел. С трудом разобрался, в чем дело.

— Друзья, — обратился он к домашней утвари, — вы мне детей чуть заиками не сделали.

Весельчаки уgomонились, вернулись на свои места. А малахай хвалится:

— Это я придумал повеселиться. Было так здорово!

— Молодец, — похвалила его хозяйка. — Хорошо, что дружишь с посудой.

— А почему они все плясали? — спросила у матери Нека. Та плечами пожала:

— Наверное, повеселиться захотели.

— Нет, — подсказала подоспевшая бабушка, — это потому, что они чистые, опрятные, ухоженные, нарядные. Если в юрте прибрано, чисто, вещам и их хозяйке всегда бывает радостно.

— Я этого не забуду, — сказала Нека. — Когда вырасту, буду такой же хорошей хозяйкой, как мама!

БУЛУЯН, СПАСШИЙСЯ НА ДЕРЕВЕ

 огатый оленевод Болдухин, средних лет, овдовев, взял в жены сироту Хетани, тихую и покорную девушку. Она трудилась без устали, управляясь по хозяйству, но стать второй матерью двум дочерям оленевода не смогла, как ни старалась. Девочки не признавали молодую мачеху, ста-

вили себя выше ее, кичились богатством отца. А тот не вмешивался в женские споры. Дочери росли ленивыми, не желали приучаться к женскому труду, даже свадебные наряды для них пришлось расшивать Хетани.

Наконец, Болдухин выдал дочерей замуж, оделив каждую хорошим приданым. Хозяйками те оказались плохими, мужья их поругивали, а то и поколачивали. Дочки приезжали, жаловались отцу, но тот отсылал их обратно:

— Надо было вовремя ума-разума набираться, а то на мачеху надеялись. Теперь сами выпутывайтесь!

Без падчериц Хетани ожила, почувствовав себя не работницей в богатом доме, а хозяйкой. Она впервые готовилась стать матерью: шила будущему малышу теплую мягкую одежду, собирала гнилушки, которые эвены используют вместо подгузников. Болдухин наконец-то разглядел в ней женщину, молодую и желанную, даже привез ей серебряные украшения. Сам-то он постарел и уже стал дедом: у старшей дочери родилось двое детей. Правда, у младшей не заладилось с материнством, и Болдухин дорого бы дал, чтобы помочь ей.

У Хетани родился сын. Немолодой отец радовался наследнику, назвал его Булуян.

Как-то ночью услышал Болдухин снаружи плач, вышел из юрты и увидел младшую дочь. Муж совсем извел ее укорами: мол, когда сын будет, помощник нужен. Вот она и решила обратиться к отцу: пусть отдадут ей в сыновья Булуяна. Вернувшись в юрту, Болдухин приказал:

— Хетани, там моя дочка. Отдай ей нашего сына. Мы еще родим.

— Он же маленький, — схитрила Хетани. — Чем твоя дочь его кормить будет? Вот рожу второго, Булуян подрастет, тогда сможем отдать его.

Втайне она решила бежать с первен-

цем, когда представится удобный случай.

Однажды весной, перед отелом, Болдухин уехал осмотреть дальнейшее стадо. Хетани поняла, что настал ее час, запрягла верхового оленя, на другого навьючила самое необходимое и привязала бэбэ для сына. Ехала всю ночь, на рассвете покормила ребенка, поменяла гнилушки и продолжила путь.

К вечеру беглянка сделала привал — развела костер, вскипятила чай, сварила мясо. Села с сыном у костра, привалилась спиной к стволу большого дерева. Всю ночь олени паслись на привязи рядом, а к утру вдруг встрепонулись. В кустах послышался шум. Это медведь проснулся от зимней спячки и искал, что поест. Олени рванулись, оторвались от привязи и убежали. Голодный зверь пошел на женщину, та, не помня себя от страха, вскарабкалась на дерево, держа в зубах бэбэ с сыном. Медведь встал на задние лапы, но не смог достать Хетани. Он свирепо рычал от голода, царапал и раскачивал дерево. Женщина знала, что взрослые медведи, в отличие от медвежат, не лазают по деревьям. Зверь все рычал, пена валилась из пасти, он тряс и тряс дерево. Хорошо, что оно было большим и мощным. Вцепившись в ветки изо всех сил, Хетани не переставала ругать себя: зачем только покинула стойбище, подвергла опасности сына.

Наконец, хозяин тайги ушел, но Хетани долго еще не решалась спус-

титься с дерева, хотя у нее занемели руки и ноги. Она не знала, что делать дальше. Вдруг раздался лай собаки. Вдалеке показался охотник, и женщина закричала ему:

— Помогите, помогите!

Первой подбежала к дереву собака, затем подошел охотник. Он принял бэбэ с малышом и помог Хетани слезть с дерева. Осмотрел ствол и сказал:

— Большой медведь был. Как тебя зовут, красавица? — Хетани назвала себя и сына. — А я Гаркин, пойдемте со мной.

Привел он Хетани к себе в юрту. Родители приняли гостью как родную, обласкали ребенка. Попив чаю и отогревшись в тепле у домашнего очага, Хетани поведала свою историю.

— Если хочешь, — предложил Гаркин, — оставайся, женой мне будешь, а Булуян сыном.

Хетани согласилась. Она не могла налюбоваться новым мужем: такой он молодой, сильный, ловкий. Сравнивала его с Волдухиным и хвалила себя: правильно, что сбежала от бессердечного старика. Родители Гаркина были рады и невестке, и внуку, поставили себе рядом юрту поменьше, охотно нянчили Булуяна, а затем и его сестренку, и братишку. Булуян рос смелым, шустрым мальчиком и скоро стал помогать отцу, ходить с ним на охоту.

Хетани полюбила новую семью и в ту сторону, где раньше жила, никогда больше не ездила.

ОРЕЛ — ДРУГ

ед Афоня, сколько себя помнил, жил возле реки. Он любил птиц, зверей и ни разу в жизни не выстрелил. Чераул — маленький внук Афони — не удержался, спросил однажды:

— Дедушка, почему ты никогда не ходишь на охоту?

— Орел — друг мне, а белки, зайцы, медведи, куропатки, совы — того больше: с ними вырос, они мне как семья. Было время, я и не ведал, что есть на свете люди.

— Как это? Расскажи!

— Хочешь знать? Садись поближе. — Афоня закурил трубку и начал свой рассказ: — Давно это случилось. Мой дед, Чувуткин, был таким, как ты, маленьким мальчиком. И тоже помогал родителям. Однажды пошел собирать дровишек для очага и увидел под кустом раненого орла — одно крыло перебито, а другим птица обороняется, не подпускает к себе. Мальчик привел отца. Чтобы спасти подранка, опытный таежник принялся успокаивать орла, подкармливать кусочками рыбы, медленно приближаясь к птице. Когда подошел вплотную, тихо сказал:

— Не бойся, повелитель птиц, не обидим. Подлечим, и снова будешь летать.

Раненый вздохнул и не стал сопротивляться, когда охотник и мальчик понесли его к юрте. Смазанная жиром рана затянулась, и скоро орел поправился, окреп, почувствовал прежнюю силу в крыльях. В благодарность он подарил мальчику три перышка: два белых и одно серое.

— Первое — чтобы ты стал смелым, второе придаст доброты, а если придет беда, сломай третье, чтобы я прилетел и спас тебя.

Прошли годы, Чувуткин вырос, и охотничья удача не покидала его. Добычей делился со всеми. Парень был что надо, многие девушки не отказались бы связать судьбу с таким завидным женихом, а Чувуткин остановил свой выбор на Мангруни — красавице с черными длинными косами. Та жила в соседнем стойбище. Скоро нежный смех красавицы зазвучал в юрте охотника, словно колокольчик. Родители Чувуткина нарадоваться не могли на такую ласковую невестку, а когда

родился сын Афоня, принялись нянчить младенца.

Но вдруг нагрянула беда: в стойбище один за другим стали умирать от неведомой болезни и взрослые, и дети. В живых остались двое — младенец Афоня и его отец, Чувыткин, да и тот потерял слишком много сил. Больной охотник наконец-то вспомнил о подарке орла, достал из сумки серое перо и сломал его. Вскоре прилетел орел.

— Друг мой, спаси моего малыша, — сказал Чувыткин и умер.

Орел подхватил клювом бэбэ с ребенком и унес в дальние края, поставил люльку под могучим тополем, чтобы дерево защищало мальчика от ветра и дождя. Поднявшись в небо, он созвал птиц и зверей:

— С нами будет жить сирота Афоня, давайте заменим ему отца с матерью.

Так повелось, что птицы приносили мальчику ягоды, белочки — шишки, куропатки выщелкивали орешки и давали малышу. Бурундуки снабжали гнилушками для подстилки. Медведь устроил шалашик, согнув ветки тополя. Стрижи отгоняли от мальчика комаров. Лисы учили ходить. Кулик приносил воду для питья. Зайцы спали с Афоней, согревая пушистыми шубками. Мальчик рос смышленным и шустрым, резвясь, боролся с медвежатами, таскал за хвост волка, бегал со зверями наперегонки. Орел зорко следил за тем, чтобы никто не обижал малыша.

Вечерами вокруг костра собиралась компания друзей. Мудрый ворон рассказывал о людях, которые живут в юртах, пасут оленей, ловят рыбу. Орел одобрительно кивал головой, но печалился, предвидя расставание. И вот настал момент, оно случилось.

— Друзья мои, — объявил он однажды, — наш воспитанник вырос, пора отпустить его к людям. Но Афоня будет приходить к нам в гости!

Звери у костра загладели, соглашались, что Афоне удобнее жить среди себе

подобных. Орел посадил юношу на спину и, пролетая над стойбищем, показал оленей, пастухов, женщин, резвящихся детей. Увидев красивую девушку, Афоня попросил опустить его на землю. Орел сел на поляну и сказал:

— Ступай к своим сородичам и не забывай нас.

Люди удивились чужаку, принялись расспрашивать, кто он такой, но не получили ответа, ведь Афоня не умел разговаривать, а лишь растерянно улыбался. Его подбодрили и приветили как гостя. Старейшина определил новичка в бездетную семью. Вскоре Афоня освоил человеческую речь, научился пасти оленей, ловить рыбу. Названные родители были довольны парнем и благодарили доброго духа за то, что подарил такого сына. Они хотели, чтобы Афоня стал охотником, но тот возражал:

— Я никогда не буду охотиться, ведь звери и птицы — мои братья и сестры.

Прошло время, Афоня женился на Нериге, родители которой жили у реки и занимались рыбной ловлей.

— Вот и вся сказка, — проговорил Афоня и принялся выбивать трубку. В это время в юрту вошла его жена Нерига.

— Сейчас допеку лепешки, — сказала она. — Готовьтесь чай пить.

За чаем беседа деда с внуком продолжилась.

— Скоро мы с тобой пойдем в лес, к моим друзьям, — пообещал Чераулу Афоня. — Они давно ждут нас, хотят с тобой познакомиться.

— Пусть не боятся меня, — сказал Чераул. — Я не буду их обижать. Никогда не стану охотником.

Дед с внуком вышли из юрты. Старик поднял голову и, увидев в небе орла, схватил Чераула за руку и побежал с ним вослед, будто хотел догнать птицу. Но вскоре запыхался и, махнув рукой, опустился на кочку.

— Наверное, я так состарился, что

орел не узнал меня, — печально проговорил он. — Хорошо бы встретиться с ним и поблагодарить за то, что вырастил меня. Не забывай, Чераул, что сделали для нашего рода звери и птицы.

НЕРПОЧКА ПО ИМЕНИ ПИ

Пришла весна, пригрело солнышко, утих ветер, который еще вчера трепал юрту на морском берегу.

— Теперь можно и на рыбалку сходить, — сказал Хеуни, глядя на залив, забитый льдами. Оделся, попил чаю, попрощался с сестрой и, пообещав матери вернуться к вечеру, побежал по льдинам. Отдалившись от берега на достаточное расстояние, Хеуни решил попытать рыбацкого счастья: выдолбил лунку, опустил в нее тонкий костяной крючок на леске, сплетенной из конского волоса. Место рыбак выбрал удачное: навага и корюшка ловились так, что не давали заскучать.

Хеуни изредка бросал взгляды на берег, видел издали свою юрту и думал, как порадует его приходу мама. Подул сильный ветер, унося лед в открытое море, и скоро юрта, да и сама береговая линия скрылись из глаз. Хеуни встревожился, но уж больно хорошо шла рыба, невозможно оторваться. Когда же, наконец, он собрался домой, обнаружил, что его давно уже несет на льдине в открытое море.

— Вот до чего жадность доводит! — подсадовал Хеуни, да что тут поделаешь? Одно остается: набраться терпения и ждать! Долго носило льдину по морю. И вот рыбак увидел маленькую нерпочку, обессиленную от ран, вытащил ее на лед, покормил свежей рыбкой, смазал раны жиром, который всегда держал при себе.

— Пи! Пи! — жалобно пищала нерпочка.

— Что ж, назову тебя Пи, вдвоем на льдине веселей.

Приплыла тут мама-нерпа, стала раскачивать и ломать льдину, чтобы забрать дочку. Хеуни испугался, как бы не утонуть. Нерпочка подала голос:

— Мама, не губи человека, он меня спас — смазал раны жиром и накормил рыбкой.

Успокоилась нерпа и говорит:

— Вон вдалеке, видишь, скалы? Я подгоню льдину туда. Найдешь там пещеру, а в ней множество вещей, выбери из них по одной для себя, матери и сестры, а остальное не трогай.

Когда льдина, подгоняемая нерпой, уткнулась в берег, Хеуни поднялся в скалы и отыскал пещеру. Внутри оказалось столько одежды и посуды, что у него глаза разбежались. Были в пещере иголки, скрепки, бисер, меха, оружие. Постоял Хеуни, подумал и выбрал себе лук со стрелами, для матери взял стальные иголки, а сестренке — бисер. Больше ни на что не позарился: ведь жадность не доводит до добра, на себе испытал. Нерпа ждала его и встретила с одобрением. Она погнала льдину, на которую вновь забрался Хеуни. Скоро показалась юрта, а рядом с ней он разглядел мать и сестренку.

Пи была довольна, что встретила друга, который ее спас, что нашла маму. Хеуни скормил ей последнюю рыбку.

— Ты отдал свою добычу, спасибо, — сказала мать нерпочки и быстро накидала на льдину корюшки и наваги.

А вот и берег. Сестренка рыбака, Гедани, с плачем бежит к Хеуни. Она уже не чаяла увидеть его живым. Следом за ней поспешает и мать. Соскочив на берег, Хеуни помахал на прощание своей новой подружке Пи, забрал рыбу и пошел с родными.

Мать сварила уху, вскипятила чай и принялась расспрашивать сына, где он задержался, почему не поспешил домой, едва поднялся ветер? Хеуни не хотелось говорить о печальном:

— Хватит вам, успокойтесь, ведь я жив. Не только рыбу, но и подарки вам добыл, — он отдал матери иголки, а Гедани бисер. Мать с сестрой не скрывали восхищения.

— Где ты все это взял?

— Нерпа постаралась. И мне достался подарок: лук со стрелами. Видите, какой красивый?

Стала мать шить дареными иголками одежду всем, кто пожелает. Даже с

другого берега к ней приезжали обшиваться. Сестренка Гедани принялась украшать бисером свой свадебный наряд. А лук со стрелами пригодился Хеуни для охоты, неизменно принося ему удачу.

Мама-нерпа с дочкой часто наведывались к Хеуни и приносили рыбу. Маленькая Пи радостно пищала, когда Хеуни ласкал ее, глядя по голове.

Много лет продолжалась эта дружба. До сих пор потомки Хеуни с почтением относятся к нерпам, никогда не охотятся на них.

ЛОДОЧКА ДЕДА ХАНАРА

 ед Ханар промышлял рыбалкой. Река, на берегу которой он жил, была неширокой, но такой глубины, что без лодки никак не обойтись. Лодку Ханар изготовил еще в молодости: свалил тополь, выдолбил внутри, поставил распорки, обтесал снаружи, и долбленка получилась легкой и проч-

ной. Всякий раз, переплывая реку, Ханар вытаскивал лодку на берег.

Случилось однажды, что семилетний внук рыбака Гулахан решил покататься, легко столкнул дедушкину долбленку в воду, отплыл от берега, но не справился с веслами. Река подхватила лодку и понесла.

Мальчик стал звать дедушку и маму, но родные его не услышали — стремительное течение отнесло уже лодку с мальчиком за речную излучину. Только пес Остычан видел, что произошло, и помчался по берегу вслед с громким лаем.

Лодочка плыла и плыла. Гулахан устал плакать и уснул. Прошла ночь. Мальчик проспал до полудня, а к вечеру суденышко застряло в зарослях и село на мель. К нему, поднимая брызги, с визгом бросился с берега Остычан. Мальчик опять переночевал в лодке, а утром пошел с собакой, куда глаза глядят. Было тепло, ягоды и кедровые орешки уже поспели, и Гулахану было чем питаться.

Друзья шли долго, выбились из сил, наконец, увидели дымок. Мальчик обрадовался спасению. Поспешив, путники добрались до одинокой юрты. Залаяли собаки, из юрты вышла старушка, уняла их, пригляделась.

— Чей ты, малыш?

Собаки едва не набросились на Остычана, но пес сообразил спрятаться в чужой юрте. Бабушка напоила мальчика чаем, накормила, стала выспрашивать, как он оказался в этих краях и где его родные. Вернулся с рыбалки дед, с богатой добычей. Узнав о госте, обрадовался и предложил Гулахану: живи с нами, пусть и собака твоя остается, всем места хватит, а как сообщить твоим родителям, мы не знаем. Силы не те, чтобы пускаться в дальний путь.

Так и остался Гулахан у дедушки Хуркана. Остычан подружился с собаками. Хуркан стал брать мальчика с

собой на рыбалку, а иногда на охоту, учил его, наставлял. Бабушка, бывало, водила Гулахана на берег, благодарила реку за внука и кормила ее кусочками мяса и лепешками. К зиме старушка сшила мальчику теплую одежду, дед сделал ему лыжи, обшитые камусом. Ожили старики: есть теперь, о ком заботиться, кому радоваться.

Хорошо Гулахану на новом месте, но не забывает он и родных:

— Моя мама — красивая, добрая. У нее черные косы и серебряные серьги в ушах. Когда я подерусь с мальчишками, она обнимает меня. Говорит: кто не ссорится, тот не мирится. А еще у меня есть дедушка Ханар, в его лодке я приплыл сюда. Отца нет. Он ушел на охоту и не вернулся. Вот и меня потеряли. Мама, наверное, все бежит на речку и плачет, и дедушке не весело: сидит один в юрте у очага.

У Хуркана часто останавливаются на отдых пастухи. Новостей привезут, заботами поделаются, об охоте, рыбалке потолкуют. Поживут два-три дня, оставят старикам мяса, шкур — и дальше в дорогу. Однажды подарили молодого белолобого оленя, и тот прижился у стариков.

Как-то на исходе лета, когда Гулахан со стариками заготавливали на зиму ягоды и сушили юколу, заехал к ним переночевать шаман Пачча. Гулахана не было в юрте, когда шла беседа с гостем. Тот, узнав от Хуркана, как появился в их семье внук, сообщил:

— Дед Ханар умер. А мать Гулахана вышла замуж, и у нее растут сын и маленькая дочка. Надо сказать об этом парню.

— Если узнает, уйдет от нас, — встревожился Хуркан. — Как мы без него?

На следующий день Пачча уехал в дальнее стойбище. Старики совсем пригорюнились, но не стали скрывать от Гулахана новость.

— Дедушка, бабуля, не волнуйтесь. Я только побываю у матери и вернусь.

Гулахан запряг оленя, взял с собой Остычана и поспешил вверх по реке. Мать, увидев возмужавшего сына, обрадовалась. Рад был и отчим. Несколько дней пролетели, как один. Обласкал Гулахан мать и отчима, понынчился с братиком и сестренкой и засобирался:

— Перевезу-ка я сюда бабушку с дедом, пусть нянчатся с малышами. Им это понравится. А я мужчина — мое дело на охоту ходить, с отчимом на пару.

Так он и сделал. Зажили все большой дружной семьей. А отчима Гулахан со временем стал отцом называть.

ЛЮБОВЬ ИЛЬЧАН

Однажды маленькая Нерига прибежала к своей бабушке Ильчан в гости. И, как повелось, вначале по хозяйству помогла: дров насобирала, воды принесла, шкуры вытряхнула, а потом в юрту прошла: чай пить, сказки слушать.

— Бабушка, какая же ты старенькая, неужели и я такой буду?

— Будешь, никуда не денешься. И кожа на руках дряблой станет, и лицо покроют морщины. Но это случится еще не скоро, не переживай.

— Бабушка, мне ведь почти тринадцать лет, не успеешь оглянуться — и замуж пора. Скажи, что лучше: по любви жениха выбирать? Или пусть отец выберет?

— Когда любишь, дни как птицы летят. А не любишь — долго тянутся, и жизнь пустой кажется.

— А ты как выходила? Расскажи.

Бабушка Ильчан придвинулась к огню. Не мигая, смотрела на угли — молодость свою там разглядеть пыталась, что ли?

— Мой отец был зажиточным оленеводом, — начала она. — Я у него единственная дочь. Нравилось мне по молодости и с оленями управляться, но охоту я любила больше. Дома почти не сидела. Все умела по хозяйству, но женские дела меня мало интересовали. Парнем бы мне родиться! Хотя я и так росла смелой, своевольной, не всегда и отцу подчинялась. Он на одно надеялся: отдаст замуж, и я уймусь. Муж об этом позаботится. А пока пусть дочка волей насытится.

Я и жила, как хотелось. Зимой охотилась, привозила много пушнины. Мне пошла восемнадцатая весна, когда я встретила в тайге Губичана. Он тоже охотился. Красивый, молодой. Мы полюбили друг друга. Птицы пели для нас, звезды светили нам, снег сверкал. Мы были счастливы. Я поехала сказать родителям, что собираюсь замуж. Губичан оставался в своей юрте до конца охотничьего сезона.

Мчалась я домой, как на крыльях. Вот и отец — встречает меня радостный. С чего бы? Неужели узнал о Губичане? Нет: оказывается, нашел мне богатого жениха, и через две недели назначена свадьба. Меня и слушать не стал. Ночью я собралась бежать, выскользнула из юрты, но отец поймал меня за косы и вернул назад. Через день я повторила попытку, и опять неудачно, сгрел меня отец за косы да еще избил плетью.

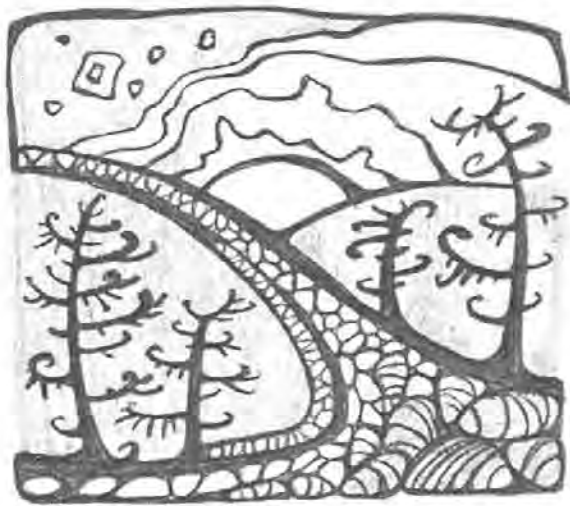
— Послушай меня, отец, — говорю ему, — я люблю Губичана и все равно буду с ним, ты же меня знаешь.

В третий раз он поймал меня, привязал к дереву мавутом. Так и стояла я

два дня — не нашлось смельчака, который бы решился меня освободить. Наконец, мама меня развязала. Плача, затащила в юрту, смазала ссадины, оставшиеся от побоев.

— Сжался надо мной, доченька. Сделай, как велит отец, а то он тебя изувечит.

— Вы с отцом так меня любите? Зачем измываетесь надо мной? Все равно я сбегу к Губичану.

— Пусть бежит, — вспыхнул отец. — Выслежу и убью обоих, чтобы не пал позор на наш род.

Побитая, с вырванными волосами, с синяками, я все-таки убежала к Губичану. Он уже собирался отъезжать. Увидел меня и ужаснулся:

— Кто посмел обидеть тебя, моя красавица?

Я бросилась к любимому и горько заплакала. Губичан меня обнял, но я отвела его руки: надо спешить, иначе отец найдет и убьет обоих. Не медля, мы пустились в путь — знай, нахлестывали оленей и совсем забыли об осторожности. Когда ехали по льду озера, не заметили на пути полынью. Губичан ушел под воду вместе с оленем. Я спешила и бросилась к любимому, но он, собрав последние силы, вытолкнул меня из воды, велел ползти от края, пока не выберусь на твердый лед. О себе Губичан не думал: одежда у него

намокла, отяжелела, снова он ушел под воду и уже не выплыл. Его олень, ломая раз за разом тонкую кромку, не смог выбраться и тоже утонул.

Я отползла от полыньи и заплакала. За что мне такое горе? Мой олень стоял на берегу с поклажей. Я развела костер, обсушилась и тут вдруг увидела у себя на шее амулет-оберег Губичана — он подарил мне его, когда мы познакомились. Вот чему я обязана спасением, — поняла я и подумала, что подаренный оберег будет и впредь хранить меня от бед. Я обрезала косы и бросила их любимому, в озеро.

Он утраты сердце мое зачерствело, вся я стала как деревянная. Приехала в незнакомое стойбище, нанялась к богатому оленеводу пасти стадо, а в свободное время охотилась. Назвалась Губичаном, все принимали меня за парня. Богач со временем понял: выгодней посылать меня на охоту, нежели держать при стаде. К людям меня не тянуло, я жила сама по себе, на парней не обращала внимания. И всегда носила на шее амулет. Однажды провалилась в яму-ловушку для сохатого, поранила руку и не смогла выбраться. Когда совсем обессилела, забылась сном, и тогда ко мне подошел мой Губичан, взял за руку и вытащил из ямы. Я открыла глаза: и впрямь надо мной стоит парень. Только не он — не Губичан, а Назар. Парень привез меня в юрту родителей, я назвалась Губичаном. Меня одолевал кашель, дыхание было хриплым — видимо, я простыла, пока сидела в яме.

— Надо парнишку растереть, — сказала мать Назара, — сначала снегом, потом жиром. И обязательно укутать, напоить горячим настоем из стланика.

Пришлось признаться ей, что на самом деле я не парень, а девушка. И мать Назара выпроводила мужчин из юрты. Пока она растирала меня, я рассказала о произошедшем и впала в забытие. Очнулась через несколько дней

и услышала, как мать ласково выговаривает сыну:

— И когда же ты, Назарка, женишься?

— Ты же знаешь: никак не встречу хорошую девушку, чтобы по душе пришлась.

— Есть такая, приглядишься-ка к госте.

Назар посмотрел на меня, сначала удивленно, а потом с радостью. Так и сладилось. Родители Назара приняли меня как дочь, пожелали нам счастья и много детей. Мое сердце оттаяло от тепла, внимания, нежности. Я опять полюбила и была рада этому. Мы с Назаром жили дружно, у нас было пятеро детей, одного из сыновей я назвала Губичаном. Думала: пусть память о первой любви будет с нами. Амулет-оберег я подарила сыну.

Так что, Нерига, выходи замуж только по любви. Я счастлива, что испытала ее дважды.

РЫЖЕЕ ПЯТНО

В молодости Амача с одного броска мог поймать оленя мавутом и удерживать его. Сильный и ловкий, он год за годом батрачил на богатого оленевода, состарился, а ничем, кроме старой юрты, не разжился. Его жена, рукодельница Хетани, славилась умением расшивать бисером седла, одежду, ей нравилось радовать людей, которые обращались за помощью. Жили супруги в мире и согласии, но не было у них того счастья, которое приносят дети. Это очень тяготило Хетани, и Амаче часто приходилось успокаивать её. Дожили супруги до старости и удалились из стойбища, поселились у реки.

Неподалеку от их одинокой юрты устроила свою норку зайчиха, нянчила пятерых маленьких зайчат. Бежала мимо лиса, учуяла под корягами манящий заячий запах и залегла, выжидая

удобного момента. Только зайчиха от-
правилась травку пощипать, рыжая тут
как тут: давай землю рыть, захотелось
ей до зайчат добраться. Увидела это
мать-зайчиха, набросилась на лисицу,
забарабанила лапами по затылку раз-
бойницы. Та замотала головой и убе-
жала, однако нейдет ей — залегла
поблизости.

Зайчиха решила перепрятать потом-
ство в другое логово. Только выводок
показался на поверхности, лиса объя-
вилась, будто никуда не уходила. Се-
мейство бросилось наутек, разбойница
следом. Зайчиха с зайчатами шмыг в
юрту Амачи — лиса только зубами от
досады щелкнула. Сидевшая в юрте
бабушка Хетани перепугалась, было,
но, разглядев гостей, успокоилась.

— Живи, мы не обидим, — говорит
зайчихе, а сама вне себя от радости. —
Амача, у нас полная юрта детей.

Дед погладил зайчат по пушистым
спинкам:

— Пусть живут.

Зайчиха с семейством осталась жить
в юрте. Днем выводок убежал кормить-
ся, а Хетани с Амачей расходились по
делам: то на рыбалку, то за ягодами.

А лисе все нейдет, мечтает пола-
комиться зайчатиной. Побежала она к
медведю, говорит:

— Косолапый, а ведь в юрте у стари-
ков живет зайчиха с зайчатами. Они
уже подросли — сытный обед будет!

Пришли они с медведем к юрте,
никого не застали: ни хозяев, ни их
постояльцев. Рассердился медведь и
завалил юрту, а сам с лисой удалился.
На другой день вернулись они: юрта
стоит, а в ней опять никого. Снова по-
валил ее косолапый.

— Что за напасть, — возвратившись,
сокрушался Амача, — с чего это мед-
ведь взялся пакостить? И лиса от него
не отстает. Уж не зайчатины ли им
захотелось?

— Надо их проучить, — говорит зай-
чиха. — Схожу-ка я за своей подругой —
росомахой Рыжее Пятно.

Отправилась в путь. Бежит по лесу,
а где подруга, не знает, расспрашива-
ет:

— Белки, белочки, вы не видели
Рыжее Пятно?

— Нет, не видели.

— А вы, куропатки?

— Спроси лучше ворона, он уж точ-
но видел росомаху!

Отыскала зайчиха ворона, спраши-
вает:

— Ворон, ворон, Черное Перо, не
видел ли ты мою подружку, Рыжее
Пятно?

— Не видел, но могу поискать. Что
ты мне за это дашь?

— Дед Амача наловит тебе рыбы,
прилетай, накормим до отвала.

— Согласен. Что передать росомахе?

— Скажи, что ее ищет подруга, зай-
чиха.

Ворон вернулся через два дня.

— Рыжее Пятно скоро прибежит к
тебе!

Не успел договорить, а росомаха тут
как тут. То-то обрадовались подруги
встрече! А познакомились они вот как.
Однажды росомаха попала в петлю и
не могла освободиться. Зайчиха пробе-
жала мимо и говорит:

— Я тебе помогу, если пообещаешь
не есть меня.

— Не бойся, не трону, наоборот, помогать стану, когда понадобится.

Вот и настал такой случай. Выслушав зайчиху, Рыжее Пятно согласилась, что лису и медведя следует проучить. Пришли они к юрте Амачи.

— Дед, поставь в юрте петлю, а сам отправляйся с женой на рыбалку. Ты, зайчиха, сиди с зайчатами в юрте, а я спрячусь в кустах, — распорядилась росوماха. Так и сделали.

Первой прибежала лиса, глядит в юрту, а там зайчиха с выводком. Бросилась ловить, да угодила в петлю. Следом притопал и медведь, принялся расшатывать юрту. Выскочила из кустов росوماха, прыг косолапому на спину, и давай его зубами рвать. Взревел медведь от боли и в лес. А зайчата тем временем тягают лису за щеки, усы, таскают за хвост, колотят по носу. Вот и конец мне настал, — думает плутовка. Рыжее Пятно вытащила лису из юрты за хвост и объявила:

— Если ты, вражина, еще раз сюда заявишься, простишься с жизнью.

Лиса, вне себя от страха, помчалась в лес, друзья улюлюкали вслед. Медведь поджидал кумушку в чащобе, у поваленного дерева. Она подошла, побитая.

— Из-за тебя, рыжая, и мне досталось, — заорал медведь. — Посмотри: вся шкура в клочьях. — Сгреб лису да как швырнет в кусты. С тех пор и дружба у них врозь.

А в юрте пир горой. Прилетел ворон, накормили его рыбой до отвала. Стала росوماха прощаться.

— Береги своих деток, зайчиха, — сказала она. — Если понадобится, зови. — И скрылась в лесу.

Прошло лето, осень пролетела. Настала зима. Так и жили зайцы со стариками. Помогали, чем могли. Приносили прутки для очага. Бабушка Хеуни, занимаясь по хозяйству, часто пела, длинноухие принимались барабанить по столику и котелку, веселя стариков.

Как ни жаль, бабушка Хеуни все чаще прихварывала, а однажды слегла, долго болела и умерла. После того, как ее не стало, Амача тоже занемог и не вставал с постели. Зайцы носили прутья и подкладывали в огонь, чтобы в юрте было тепло, выкапывали ягоды из-под снега, выпрашивали орешки у белочки для дедушки. Зайчиха Длинные Уши, как прозвала ее росوماха, таскала с речки котелком воду. Постояльцы вшестером ухаживали за дедом Амачей.

Как-то заглянула к ним росوماха. Узнав о болезни старика, сбегала на реку, наловила рыбы, а зайчиха сварила больному уху.

И все же, как ни старались, выйти деда не удалось. Умер Амача не столько от болезни, сколько от тоски по своей Хетани. Проезжали мимо добрые люди, похоронили дедушку рядом с бабушкой, а их юрту так и оставили стоять, не тронули и вещи стариков.

Зайцы не разбежались, по-прежнему собирают и носят прутки. Много скопилось сушняка в юрте, да только разжечь очаг некому.

ПАЧА И ЕГО ДРУЗЬЯ

 тая волков напала на оленье стадо шамана Эмче и рассеяла его. Разгневанный хозяин послал пастухов собрать отколы оленей. Пошел искать животных и молодой пастух Пача. Бродил до вечера, устал и, попив воды из ручья, решил полежать под деревом, дать отдых утомленным ногам. Вдруг на него посыпались сверху капли. Пача вскочил: дождя вроде нет. Смотрит, а это куропатка плачет.

— Что случилось?

— Я учила своих детей летать, а тут, откуда ни возьмись, ворон. Схватил птенчиков и унес, лишь двое спрятались под корягой, пищат, никак не могут оттуда выбраться.

Пача раскидал ветки, освободил птенцов. Мать их обрадовалась, говорит:

— Спасибо тебе, добрый человек. Куда путь держишь?

— Волки распугали стадо шамана, иду искать отколы.

— Заночуй здесь. Разведи костер, завари чай, отдохни, — предлагает куропатка. — Утром мы с друзьями полетаем над тундрой, поищем оленей. Никуда не уходи, пока не вернемся.

Пача так и сделал: выспался, перекусил с утра и стал ждать куропатку. Та вернулась к вечеру, проведала птенцов и уселась на ветку дерева. Немного погодя прилетела ее подруга. Тоже ничем не смогла порадовать Пачу.

— Подождем Карика, — сказала куропатка. — Это куропач, наш друг, — объяснила она.

Карика ждали всю ночь. Он прилетел лишь под утро, раненый — в пути еле отбилсЯ от филина. Отдышался куропач и стал рассказывать:

— Далеко я был, много видел птиц и зверей. За тремя сопками важенка убитая лежит, волки ее уже объели. За семью сопками, на север отсюда, увидел оленей, а среди них один с белым лбом.

— Это Тосапу, Белый Лоб, — воскликнул Пача.

— Тосапу и другие самцы дрались с волками, — продолжал Карик. — Два хищника остались валяться, затоптанные. Я не стал дожидаться, чем дело закончится, поспешил сюда, да в пути филин на меня напал. Поэтому я задержался.

Пача смазал Карику крыло жиром и, не мешкая, помчался к отколу. Долго бежал, наконец, увидел с сопки пасущихся внизу оленей. Вон и Белый Лоб — вздрагивает ушами, чутко прислушивается к каждому шороху.

— Тосапу, Тосапу, — позвал Пача. Тот поднял голову и радостно устремился навстречу: узнал пастуха. Оле-

ни успокоились, увидев поблизости человека. Пача разжег костер, всю ночь олени жались к огню, которого боятся волки. Тут же были и куропатки, которые помогли Паче, со своими птенцами-подлетками. И для них свет костра служил защитой от филина. Белолобого оленя серые хищники так изранили, что пришлось его забить. Нажарил оленины Пача и в кои веки наелся мяса до отвала. Прилетел ворон, и ему достался кусок. Насытившись, мудрый ворон сказал:

— Много я повидал на своем веку. Видел и тех, кто батрачил на богачей и шаманов. Все умирали в нищете, ничего не получая в награду. Вы, люди, такие умные, почему же вы не отберете оленей у шаманов и богачей?

— Эвены боятся шаманов, — ответил Пача. — Те могут насылать на людей злых духов.

— Я тоже всего боюсь, но своего стараюсь добиться. Вот и ты, Пача, не отдавай шаману оленей. Они твои — это плата за труд твоего отца, деда, их бра-

тьев. Угони стадо в Якутию и живи там, ни в чем не нуждаясь.

— Недаром говорят, что ворон — птица мудрая, — рассудил Пача. — Правильно ты говоришь. Пригоню шаману Эмче оленей — и доброго слова от него не услышу. Лучше поступлю, как ты советуешь. — Пача обогнул с оленями

стойбище шамана и погнал их дальше. Куропатки помогали подгонять стадо, впереди летел ворон, показывал дорогу.

Пастухи, которых шаман Эмче отправил на поиски, так и не смогли собрать ему разрозненное стадо. Одних оленей задрали волки, другие ушли бродить по тундре, с дикими оленями. Шаман до того разозлился, что оседлал оленя и сам поехал искать остатки стада. Он был никудышным тундровиком и, когда ехал через болото, завяз и утонул. Его ездовой олень еле выбрался из топи и вернулся в стойбище. Люди облегченно вздохнули, но восторга выказывать не стали: нехорошо радоваться смерти.

Ворон и куропатки были верными помощниками Паче: помогали искать пастбища, перегонять на них оленей. Жили дружно. Не сразу до них дошла весть о гибели шамана Эмче.

— Видишь, к чему дело шло, — сказал ворон, сев Паче на плечо. — Правильно сделал, что послушал меня.

... Давно уже нет на свете куропаток-помощниц, у Пачи выросли дети, внуки. А ворон так и живет в стойбище Пачи. Все его уважают за мудрость, только вот и он состарился, передвигается чаще на спинах оленей, чем на собственных крыльях. Он-то и рассказал эту историю о Паче, моем прадедушке, которого тоже нет уже в живых.

НОЧНАЯ ШАМАНКА

Однажды шаман Такэ напился настоя мухоморов и забылся крепким сном, трое суток не приходил в себя. Без приглашения никто не смел зайти в его юрту, ведь если шаман не выходит, значит, общается с духами, и можно накликать беду на свою голову. А ночью в юрту шамана любопытная лиса залезла, схватила бубен и унесла в лес. Проснулся Такэ,

а бубна нет. Собрал все стойбище и давай распекать:

— Кто посмел войти в мою юрту и взять священный бубен? — Люди угрюмо молчали. — Если не вернете бубен, то всех превращу в кого придется: в зайца, в кедровку, а кого и в жука!

Жители стойбища испуганно переглядывались: кто же отважился взять запретную вещь? Похоже, никто. Но говорить об этом во всеуслышание не отваживались, боясь еще больше разгневать шамана. И вдруг неподалеку за деревьями раздались странные звуки. Кто-то закричал, стуча в бубен. Люди бросились к юрте шамана: решили, что бубен нашелся. Сам же Такэ не меньше остальных был удивлен и встревожен: не злой ли дух творит с ними злую шутку?

Не знал шаман, что это была лиса. Насвиставшись днем мышат, выпавшись вволю, она взяла бубен и принялась шаманить. Из зверей и птиц лишь ворон радовался суматохе: гул от ударов лисьих лап в бубен ему нравился. Он подкаркивал лисьим завыванием. Жители стойбища обмирали от страха. Откуда им было знать, что это лиса стучит «бум-бум-бум» и подвывает: «ва-у, ва-у», а ворон подхватывает: «хар-хар-хар». Кто способен на такой гвалт, если не злые духи?

Едва рассвело, люди разобрали юрты, навьючили оленей и поспешили в путь, чтобы откочевать в безопасное место. Так повторялось не раз: проживут два-три дня спокойно на одном месте, и опять их настигает пугающий бубен.

В эту пору ехал на своем оленшке в Таватум молодой парень по имени Эндэ — набрать целебной воды для бабушки Лины. Перед отъездом внука той приснился сон, что она переодевается из старой одежды в новую. Старушка так истолковала сон:

— Будет тебе, Эндэ, удача и большой прибыток.

Эндэ ничего не знал о переполохе в стойбище Такэ. Остановившись на ночевку, он, как обычно, развел костер, попил чаю, поужинал. Привязал оленя к дереву и улегся спать. Посреди ночи раздался дикий шум. Эндэ открыл глаза. Летняя ночь светла, и он решил своими глазами увидеть возмутителя спокойствия. Взяв лук со стрелами, подкрался к подозрительным кустам, откуда слышался грохот и завывания, раздвинул ветки. И глазам своим не поверил. Юноша подумал, было, что видит злого духа, но, приглядевшись, понял, что это лиса ходит по поляне с бубном, и ей подпевает ворон. Выпустив стрелу из лука, он сразил рыжую наповал, положил в сумку, туда же спрятал бубен.

Утром Эндэ продолжил путь. Вскоре набрел на стойбище. Никто не поспешил принять гостя. Люди бегали, как угорелые, паковали поклажу, спешно собирались кочевать.

— Что случилось? — спросил Эндэ у первого попавшегося.

— Неужто не слыхал? Который день нас преследуют злые духи, хотят погубить. А шаман Такэ лишился своего бубна и не может их усмирять. Тому, кто принесет бубен, обещал отдать тридцать оленей.

Эндэ нашел шамана Такэ, поприветствовал его. Шаман поинтересовался:

— Ты что, из далеких мест?

Парень рассказал о себе: кто такой, куда путь держит, и переспросил:

— Говорят, ты за свой бубен отдаешь тридцать оленей?

— Я бы и пятьдесят отдал, не жалко, лишь бы его вернуть. Без бубна я не шаман.

— Позови людей, я хочу сообщить нечто важное, — предложил Эндэ.

— Некогда нам. Ночью опять духи в бубен били, никак от нас не отстанут. Снова нужно переезжать, менять место.

— Может, этого и не понадобится, — сказал Эндэ, а когда по зову шамана собрались пастухи, предложил: — Люди добрые, готовьте пятьдесят оленей.

Он достал бубен, вытащил лису на всеобщее обозрение.

— Ой! — вырвался радостный возглас. — Нашелся бубен!

— Этой ночью я спал в лесу неподалеку отсюда, — рассказал Эндэ. — Я видел, как эта рыжая плутовка била в бубен, а ворон каркал в такт.

Такэ велел отдать Эндэ пятьдесят оленей. Бережно взял свой бубен и радостно ударил в него:

— Теперь нам не страшны злые духи!

Люди с облегчением вздохнули и разошлись ставить юрты. Наконец-то они смогут отдохнуть после бессонных ночей.

Такэ развел костер на поляне, надел шаманскую одежду, прыгнул через огонь два раза, нагрел над пламенем бубен, очищая его. А потом запел, прося добрых духов всюду сопровождать людей, помогать в трудную минуту.

Шаман бросал на угли кусочки пищи, задабривая дух огня, чтобы никогда не гасли в юртах очаги, чтобы зима была теплой, а люди здоровыми. В эту ночь все жители стойбища спали спокойно.

Эндэ попросил у шамана в помощь трех пастухов, чтобы перегнать подаренное стадо.

Через несколько дней он был дома: обнял бабушку и отдал ей целебную воду.

— Недаром я видела добрый сон, — обрадовалась старушка.

Вскоре Эндэ женился.

Шкурку лисы-шаманки он подарил жене. Со временем мех выгорел, облез, но шкурку и не думали выбрасывать, хранили — в память о том, как рыжая плутовка принесла семье достаток.

ТРИ ОРЕШКА

 Этыкан жил с бабушкой. Их юрта стояла у реки. Резвый мальчик любил играть на берегу, метать в воду камни, бегать, пугая криками чаек. Однажды он увидел, как от берега отплывает утка Кряква с выводком. Самый слабый из утят запутался в траве. Этыкан подбежал, схватил его:

— Мальчик, — просит мама-утка, — верни, пожалуйста, моего сыночка, я тебе еще пригожусь.

— Еще чего! Лучше отнесу бабушке, пусть мне супчик сварит.

Как ни уговаривала утка, как ни плакала, забрал упрямец птенца. Бабушка, увидев его, лишь руками всплеснула:

— Верни немедленно!

— Бабушка, — захныкал Этыкан, — сама говорила, кушать нечего, все рыба да рыба.

— Нет, нет, внучек, отнеси, мама его плачет, убивается. Разве не слышишь?

— Я здесь, я здесь, — жалобно крикала утка.

— Ладно, — согласился Этыкан, — верну утенка. — И понес малыша обратно.

— Спасибо, Этыкан, — сказала Кряква. — У меня в гнезде лежит орех, возьми его, расколи, и вы с бабушкой не будете бедствовать. Я принесла его из теплых краев, куда каждый год улетаю на зиму — чего там только нет! Следующей весной принесу тебе еще один орешек, станешь от него хорошим охотником. А со временем получишь и третий, чтобы всегда быть веселым, чтобы окружающие любили тебя так, как я люблю своих утят.

Вернулся Этыкан домой с орешком, рассказал бабушке об утином подарке. Расколол скорлупу, и случилось чудо: одежда мальчика и бабушки обновилась, и юрта стала как новенькая. Мясо, жир, чай, мука появились на столике. То-то было радости!

Бабушка с внуком пошли поблагодарить уточку и увидели, как та рыдает: утенок умер. Этыкан пожалел птенца, взял его на руки и заплакал. Утенок от упавших на него слезинок ожил и закричал.

— Твои слезы, Этыкан, были искренними, вот и случилось чудо! — сказала бабушка.

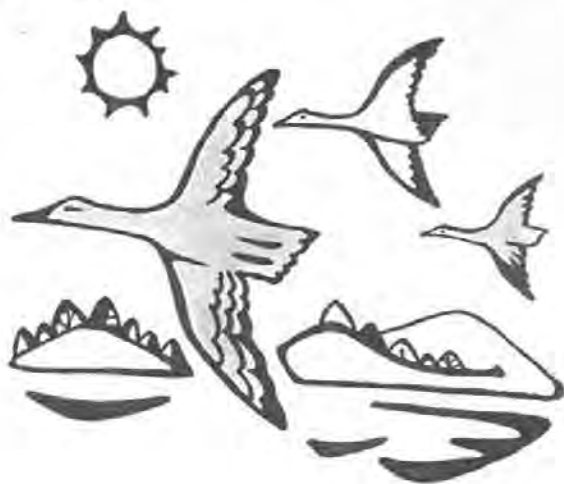
С тех пор мальчик часто прибежал поиграть с повзрослевшими утятами. Настала осень, и утиная семья улетела в теплые края. Для бабушки с внуком впервые настала сытая зима. С мясом, жиром, рыбой она пролетела быстрее обычного.

Вот и весна наступила, Кряква вернулась на Север. Села на юрту и позвала Этыкана. Тот вышел и получил в подарок второй орешек. Повзрослел Этыкан, стал охотником. Бабушка не хвалила внука, а тихо улыбалась и гладила по голове. Он приходил к гнезду утки и наблюдал за новыми птенцами: как они плавают в реке, как растут, учатся летать. Уточка постарела и однажды поняла, что может не долететь до теплых краев. Этыкан подбодрил ее:

— Не опускай крыльев, когда доберешься до теплых краев, расколешь волшебный орешек и снова станешь молодой!

— Нет, — вздохнула старая утка, — на нас орешек не действует.

Осенью Кряква вновь собралась в путь. Внук с бабушкой вышли ее провожать.

— Если, Этыкан, я не вернусь, третий орешек тебе принесет мой сын, Быстрое Крыло. Орешек-то еще найти нужно. Не так-то это просто, — сказала Кряква на прощание.

Люди провожали взглядом утиную стаю, пока та не скрылась за облаками.

Наступила зима. Этыкану сопутствовала охотничья удача: мясо, пушнина не переводились в юрте.

— Эх, — порой вздыхала бабушка, — жаль, родители твои погибли, а то бы порадовались, что у них такой сын. Быстро летит время. Пора бы тебе молодую хозяйку в юрту привести, хочется малышей понянчить.

— Вот закончится охотничий сезон, съезжу на праздник, привезу тебе помощницу.

Настала весна, стали возвращаться на родину перелетные птицы. А Кряквы нет как нет. С грустью вспоминает о ней Этыкан. Вон еще одна стая показалась в небе, а подруги все не видать. До ночи провозился Этыкан, собирая пушнину на торг. А рано утром услышал знакомый крик, вышел и увидел окровавленную Крякву. Занес в юрту, смазал рану жиром. Утка слабела на глазах. Прощаясь, велела не обижать детей, которые скоро прилетят гнездовать.

— Возьми, Этыкан, третий орешек, пусть сбудутся твои мечты, — сказала и умерла.

Перед тем, как поехать на торг, Этыкан расколол третий орешек. С праздника он вернулся не один. Бабушка вышла навстречу и обняла приехавшую с внуком девушку-невесту, повела в юрту, к очагу.

Вскоре у молодых родилась девочка, потом два мальчика. Бабушке нравилось их нянчить. Она водила внучат в лес, а однажды повела к гнезду утки и говорит:

— Птицы — наши большие друзья, никогда их не обижайте!

олгий путь проделал Умчен. Устал и решил отдохнуть в юрте, которую заметил на берегу реки, а подойдя поближе, понял, что стоянка брошена. Чтобы придать помещению жилой вид, Умчен выколотил шкуры, постелил ветки тальника на пол, вымыл посуду. Затем развел огонь и подложил в него можжевельника, а когда дым наполнил юрту, стал стучать палкой по деревянному каркасу, чтобы выгнать злых духов. Подвесил чайник над огнем и, не теряя понапрасну времени, сходил на перекат, поймал кетину для ухи.

Поев и попив чаю, Умчен расположился у огня поудобней, и перед его глазами прошло пережитое за последние дни. Вспомнилось родное стойбище. В одной из тридцати юрт жил он, пятнадцатилетний подросток, с матерью, отчимом и семилетней сестренкой, которая помогала матери управляться по хозяйству. Отчим славился умением делать нарты, лыжи, луки. В то время в хозяйстве не водилось гвоздей, и все соединения крепко-накрепко обвязывались ремнями. Умчен уже обладал для этого достаточной силой, и отчим был им доволен. Но особенно нравилось парню варить клей из рыбьей кожи, чтобы прикреплять камус на лыжи. Семья жила в достатке, поскольку работать они с отчимом любили, и заказов было много.

В ту пору коряки часто совершали набеги на эвенов. Однажды ночью перебили всех мужчин стойбища, а женщин и детей забрали с собой. Умчен спасся чудом и бродил теперь по тундре, в поисках матери и сестры, пока не набрел на брошенную юрту. Он задремал у очага, а проснулся от оглушительного рева. Схватив лук, парень выскочил из юрты и увидел сохатого, окруженного волчьей стаей. Один из волков уже запрыгнул на спину жерт-

вы и вырвал кусок мяса с шерстью. Лось не сдавался, рогами и копытами разбрасывал, топтал волков, те же упорно наседали со всех сторон. Умчен принялся стрелять в хищников, троих убил, двоих растоптал копытами лось. Двое убежали.

Лось подошел к охотнику и благодарно лизнул шершавым языком в лицо. Умчен обработал рану сохатого отваром стланика, засыпал пеплом и стал ухаживать за животным. Лось выздоровел и стал Умчену другом. Парень поделился с ним бедой.

— Я бывал в тех местах, где живут коряки, — сказал сохатый. — Садись, отвезу.

Через некоторое время они добрались до незнакомого стойбища. Умчен, прячась в кустах, разглядывал местность и вдруг заметил мать и сестру. Как их вызволить?

— Надо напоить коряков настоем из мухоморов, — посоветовал сохатый.

Насобирали грибов, сделали настой. Умчен порвал на себе одежду, вымазался сажей и пошел к стойбищу. Один из коряков поймал его мавутом и потащил к шаману. Тот спросил:

— Ты кто, ороч или чукча?

— Чукча, чукча.

— А что ты умеешь?

— Я могу делать крепкий настой из мухоморов.

— Это хорошо, — обрадовался шаман. — Сделай.

Принес Умчен свое зелье в стойбище. Развели коряки костер, стали пить настой. Один за другим дурели, орали дикими голосами, падали без чувств. Так все и заснуло. Умчен нашел мать и сестренку, посадил на лося, сел сам, и помчались они восвояси.

Обосновались неподалеку от родных мест. Умчен прославился на всю округу мастерством по дереву. Да и парень он был видный. Один из заказчиков, умный и богатый оленевод, отдал за него свою дочь Ульяну. Сам богач был

вдовцом и женился на матери Умчена, а сестра Нека вышла замуж за брата Ульяны. Так две семьи трижды породнились и зажили в мире и согласии.

Лось был общим любимцем. Он приносил Умчену нужные для работы деревья, помогал гнуть дуги нарт и носки лыж, с удовольствием катал на себе детей. Малыши любили лося и подкармливали его кусочками соли и сахара, а он облизывал им носы своим шершавым языком.

ЛЕБЕДИНОЕ ПЕРО

Как-то пошла Окча с бабушкой к озеру по ягоды. Собирали морошку, не пропускали и шикшу. Слышат: высоко в небе раздаются птичьи голоса. Подняли головы и увидели лебедей.

— Какие они красивые и гордые, — сказала Окча. — Неужели у кого-нибудь рука поднимется стрелять в них?

— Лебедь — птица священная. Убьешь лебедя — беду накличешь.

Пара лебедей пронеслась совсем низко над озером, и вдруг одна из птиц покачнулась и упала в воду, недалеко от берега.

— Ой, бабушка! Давай спасем! — воскликнула Окча.

Другой лебедь тем временем летал над ними с тревожными криками. Бабушка взяла сучковатую палку, зацепила за крыло и подтянула обессиленную птицу к берегу, а Окча помогла вытащить ее из воды. Длинную белую шею стягивала петля.

— Смотри, лебедушка попала в беду, а лебедь ее не бросает.

Когда сняли петлю, лебедушка тяжело вздохнула и уронила голову.

— Иди, Окча, зови отца на помощь, надо отнести птицу в юрту. Вдвоем нам не справиться.

Лебедушка, ее называли Лаской, поначалу шипела и махала крыльями,

потом присмирела, поняв, что ей не сделают дурного. Лебедь же не успокаивался, налетал на юрту:

— Отдайте, отдайте!

— Вынесем ему подругу, а то всю юрту разнесет, — сказал отец.

Так и сделали. Лебедь тотчас посел к лебедушке, обнял крылом, заглядывал ей в глаза, что-то ворковал на ухо.

Окча кормила и поила Ласку несколько дней, пока та не выздоровела. Улетая, лебедка дала девочке перо:

— Будешь выходить замуж, приколи к одежде.

Бабушка спрятала подарок в укромное место. Впервые они с внучкой заговорили о будущем. Свадебный наряд уже сшит, а украсить его нечем. Отец день и ночь работает на шамана, а заработать ничего не может.

— Не печалься, зато ты многому научилась, будешь хозяйкой, каких поискать, — утешала бабушка, довольная своей помощницей.

Однажды приехали к Окче богатые сваты, вместе с молодым парнем. Девушка испугалась: нет ли здесь насмешки, и спряталась от чужих глаз. Застыдилась своей бедняцкой одежды. Отец звал, искал дочку, но никак не мог найти. Отыскала ее Ласка с мужем-лебедом.

— Дай-ка мне перо, которое я тебе подарила, — сказала Ласка.

На помощь пришла бабушка, принесла перо. Лебедушка приколола его к одежде Окчи, и девушка стала — краше не бывает. Одежда ее расцветилась бисером, в ушах и на шее засверкали серебряные украшения. Кирик, так звали жениха, не мог слова вымолвить от изумления. Он подарил девушке серебряное колечко.

— Спасибо, — прошептала Окча. — И тебе спасибо, — обратилась она к Ласке.

— Это вас надо благодарить за мое спасение, — ответила птица и попросила друга лебедя: — Дай им тоже свое перо: будет подарок молодым — стадо оленей.

Сыграли свадьбу. Лебеди, погостив немного, засобирались в дорогу.

— Будьте счастливы, — пожелали они на прощание.

КОНЬ ЧОРИ

Наступило долгожданное северное лето. На закате жаркого дня звери и птицы собрались у речного омута. Шум, гам, хлопанье крыльев. Утки и гуси купались, глухарь полоскал горло, сова смотрелась в речное зеркало, любуясь своим отражением. Зайцы, бурундуки, напившись водички, шмыгали в траве, белки прыгали по деревьям. На ветках сидели вороны и наблюдали за всем происходящим. Вот лиса прибежала утолить жажду, но никто ее не испугался. И вдруг к водою подошел конь. Птицы и звери, на миг оторопев от неожиданности, бросились враспынную. А конь опустил голову и невозмутимо пил воду.

— Ты кто, ты кто? — возмущенно кудахтал глухарь.

— Я — конь.

— Что такое конь? Вроде оленя? Где твои рога? — вмешался ворон.

— Сроду не было. Мы, кони, рогов не носим.

— А что у тебя с шерстью? Постригся, что ли? — спросила сова.

— Какая уж есть, — вздохнул конь.

— Ну до чего ты смешной, — объявила сова, — ни медведем тебя не назовешь, ни оленем. — И как только такой уродился?

— Как все. От папы с мамой.

— Что за страшилище! — воскликнул заяц. — А вдруг он сейчас нас всех возьмет и съест!

— Не бойтесь, я мяса не ем, травой питаюсь.

Пригляделись звери: а ведь и впрямь конь безобиден и красив.

— Посмотрите, — повеселел заяц, — какие у него чудесные уши! Почти как у меня!

— Ой! — восхитилась лиса. — А хвост у него какой пушистый!

— И глаза большие, — заметила сова. А белочка поддакнула:

— Вон какой большой, а шкура нежная, гладенькая. С моей сравнится.

Тут вылезли на берег утки с гусями и давай потешаться:

— Хи-хи, га-га, вы что, коней никогда не видели? Мы на них насмотрелись, не зря в чужие края летаем.

Осмелели птицы, уселись коню на теплую спину. Ворон так освоился, что стал клевать с конской шкуры мух. Тут конь к-а-а-к махнет хвостом — и смел непрошенных гостей.

— До чего невоспитанное животное, — возмутился глухарь.

— Грубиян, — прокрикала утка.

— Невежа, — согласилась куропатка.

И опять у омута поднялся шум и гвалт.

— Извините, — молвил конь, мотая головой, — я не хотел никого обидеть.

Птицы и звери тут же забыли свои придирки и развеселились.

— Давайте назовем его Чори, — предложил глухарь.

— Согласен, — одобрил конь.

— А почему ты бродишь один? — поинтересовался ворон.

— Моих братьев и сестер разогнали волки, — объяснил Чори. — Иду их искать, так что не обессудьте, некогда мне. Прощайте. — И пошел дальше своей дорогой.

Тем временем бродил по тундре дикий олень Чал, с пятнадцатью важенками. Взобрался он на холм и вдруг увидел в долине странное животное. Рогов у животного не было, но кто его знает, все равно лучше подкрасться сзади.

Так олень и сделал: подкрался и поддел коня рогами.

— Ты чего дерешься?!

— Я защищаюсь.

— От кого? Волк я тебе, что ли? Мяса не ем, травой питаюсь. Нечего меня бояться. Я конь, зовут меня Чори.

К самцам подошли важенки и захоркали, разглядывая смешное животное без рогов и почти без шерсти.

— Не смейтесь, посмотрите, какие у меня сильные ноги, от волков обороняться, — сказал конь и показал, как может лягаться.

— Здорово! — сказал Чал. — Давай дружить.

— Давай.

Долго бродил конь с оленьим стадом по тундре, пока не встретили табун лошадей.

Увидев кобылиц, Чори заржал от радости, важенки испугались и бросились врассыпную.

— Как страшно он кричит! Что с ним случилось? — спрашивали они у Чала.

— От радости. Невест встретил.

Так подружились олени и кони. Когда на них нападали волки, олени кололи их рогами, а кони топтали копытами. Жили дружно, вместе растили потомство.

Оленята баловались с жеребятами, бегали взапуски, наперегонки, играли в пятнашки. До сих пор длится их дружба.

ЩЕНОК ПО ИМЕНИ КАРИК

 емейство ворон сидело на дереве и потешалось над маленьким щенком по имени Карик.

— Ну, до чего же люди смешные, так назвать собаку, — сказала одна из птиц, а другая добавила:

— Видно, людям нравится, как мы каркаем, поэтому и назвали. Кар-кар!

Щенок спал в юрте. Заслышав воронье карканье, он выскочил заспанный — думал, что это его кличут. Но кто?

— Кар-кар, — кричали вороны.

— Кар-кар, — вторили воронята.

Щенок поднял голову и принялся лаять то на ворон, то на воронят, а те, знай себе, дразнят Карика. Смелый вороненок Кан сел неподалеку от собачьей пасти и тоже подал голос:

— Кар-кар!

Щенок обиженно спросил:

— Почему вы дразните меня? Я не кар, а Карик.

— А нам какое дело? Как хотим, так и будем звать, не запретишь, — сказал Кан и нарочно повторил: — Кар-кар! — Карик набросился на вороненка, и они подрались. Но вражда их была недолгой.

Однажды задиристый Кан захотел напиться из ведра, сорвался — и бултых вниз головой! Хоть не утонул, но воды наглотался. Хорошо, что Карик подошел, вытащил за хвост. Придя в себя, вороненок сказал:

— Кар-кар-кар-Карик, давай дружить!

— Давай.

Прошло несколько месяцев, и вот уже Карика с Каном водой не разольешь. Но, говорят, дружба бедой проверяется. Настала весна, лед на реке подтаял, не всякого человека выдерживал. Хозяин Карика, Харлам, пошел по воду и провалился под лед. Барахтается, а выбраться — никак. Помощь нужна. Увидел это Кан, полетел в стойбище, позвал четвероногого друга:

— Беги, спасай хозяина, а то мне не по силам.

Карика лед выдержал. Подполз он к самой полынье, шею вытянул. Утопающий ухватился за собачий ошейник, и пес изо всех сил стал пятиться, Харлам ползком добрался до берега и скорее к юрте.

Жена с испугом взглянула на промокшую одежду мужа.

— Что, непонятно? Я чуть не утонул. Спасибо, Карик вытащил. Смотри, на льду соблюдай осторожность.

В заботах они и думать забыли о Карике, но он напомнил — и о себе, и о пернатом приятеле:

— Это ворон Кан привел меня к полынье, отблагодарить бы его!

С тех пор Кан повадился залетать в юрту, где его угощали мясом и рыбой. Зимой он грелся у очага. Долгими вечерами рассказывал людям, куда летал, что видел. Карик, слушая друга, настораживал одно ухо, другое у него не поднималось. «Эх, вот бы и мне полетать», — думал он, засыпая.

ВСТРЕЧА

 опал однажды старый волк в капкан. Взвыл от боли, заметался, а что толку: никак не освободится. Пришлось ковылять с капканом на лапе. Звери пытались ему помочь, да куда там: крепок замок, сделан на совесть, не отпускает жертву. День и ночь воеет волк страшным воем, заставляя содрогаться птиц и зверей. И тут молвил слово ворон:

— Иди-ка, Серый, к человеку!

— Как? Чтобы убил?

— Хуже все равно не будет! А люди порою добры бывают.

От боли Серый совсем обессилел. Куда деваться? Послушал мудрую птицу, двинулся к стойбищу. Приполз к ближайшей юрте, лег в кустах и заплакал:

— Ой-ой-вай-ай-ой-ай!

Вышла из юрты бабушка Хаей, огляделась: похоже, ребенок плачет, а не видать. Что уж и думать, не знает. Хорошо, пришел из лесу муж, Эликчан, дровишек притащил. Он-то и пошарил в кустах. Глядит, волк лежит, на задней лапе капкан болтается. Сел дед возле зверя и говорит:

— Что, Серый, не узнаешь? Снова нас с тобой судьба свела. Признал я тебя, один ты такой в округе — шести-палый.

Волк опустил голову на лапы, уши у него опали, слезинки сверкнули на глазах. Жалобно заскулил, как пес, прося о пощаде.

— Так и быть, помогу тебе, Серый, — сказал Эликчан, — но сначала выслушай меня.

— С кем это ты разговариваешь? — спросила Хаей.

— Да вот, волка уму-разуму учу.

Хаей подошла поближе, покачала головой и говорит:

— Бедолага, не побоялся просить помощи у человека, а ведь знает, что может жизнью поплатиться. Ладно, вы тут потолкуйте, а я займусь обедом.

Хаей ушла, а Эликчан продолжил беседу:

— Когда я был молодым, у меня было двадцать оленей, я их берег, охранял. Ты, Серый, в то время был еще совсем молодым, помнишь? За одно лето порезал всех олешек. Я из-за тебя ни с чем остался. Состарился, живя возле реки, так и пробавляюсь с тех пор то рыбой, то дичью. Вижу, ты тоже не стал моложе, а жить-то хочется?

Заскулил волк, хвост поджал:

— Эликчан, я ведь тогда был молодым, сильным, озорным. Помнишь? Кровь кипела в жилах, все мне было нипочем. Ни к кому жалости не испытывал. Теперь, видишь, силы не те, да и в капкан угодил. Ни удали прежней, ни сноровки. Прости меня за прошлое, помоги моему горю.

— Что поделаешь, так и быть, освобожу тебя от капкана, подлечим с Хаей твою лапу, а там живи, как знаешь.

Сказано — сделано. Подлечили старики волка, и остался он в стойбище, вместо собаки. Раз Серый прогнал от юрты медведя, в другой росوماху — кинулась та наутек, никак в толк не возьмет, чем помешала.

Стал волк на охоту бегать. То мяса принесет старикам, то птицу, а бывает, веток натаскает.

— Это он задранных оленей отрабатывает, — говорит Эликчан жене и, довольный, улыбается.

Не раз звали Серого в юрту, да он отказывался:

— Жарко у вас, а я прохладу люблю.

Как-то проходил мимо жилища стариков охотник Чандр, увидел волка, выстрелил на ходу, даже не остановился. Убить не убил, а ранил тяжело. Старики вышли на жалобные стоны волка, да что поделаешь, так и умер бедолага. Вечером вновь появился охотник Чандр. Эликчан попенял ему:

— Тебе не жалко нашего друга? Нам без него трудно придется.

— Серый нам был вместо собаки, — пояснила Хаей. — На охоту ходил, мясо приносил, дровишек натаскать не ленился.

Похоронили волка, а вскоре Чандр привел откуда-то молодого пса: вот, мол, Серому замена. Старики назвали пса Волком и полюбили за добрый нрав.

СИЛА ШАМАНОВ

В ту зиму выпало столько снега, что даже большие деревья казались низкими, а кусты и вовсе исчезли в сугробах. Звери и птицы с трудом добывали корм. Олени копыти-ли ягель, погружаясь в снежные ямы по самые рога. Недельные пурги с сильными ветрами выматывали людей, оставляли без пищи и дров. В юрты за-ползал холод. Дети прятались в спаль-ных мешках, старики цепенели в ожи-дании хорошей погоды.

И тогда великий шаман Урбан ре-шил созвать шаманов со всей округи, послал гонцов. Через три дня приеха-ли Кычу, Тэкэ, Чиба, Тук, Когань, Пачча, лишь Чогачан задержался. Со-брав гостей в большой юрте, Урбан из-ложил свой замысел:

— Поскольку оленей разогнали злые духи, надо их успокоить и задобрить. Одному мне это не под силу. Я и по-звал вас, чтобы объединиться против зла. Для начала надо заколоть жирно-го оленя, разделать его, развести боль-шой костер и бросать туда мясо, пока весь олень не сгорит.

И вот наступил великий день. Разо-девшись, шаманы принялись по очере-ди петь, приплясывая вокруг костра. Когда последний кусок мяса был отдан духу огня, Урбан сказал пастухам:

— Принесите охапку стланиковых веток.

Урбан выстроил из шаманов живой коридор, через который стали прохо-дить оленеводы с семьями, получая по спине удары ветками, очищенными дымом костра. Так шаманы выгоняли из людей всякую хворь и нечисть. Очи-стив над огнем бубны, шаманы приня-

лись бить в них и петь общую песню, обращаясь к добрым духам, чтобы те спустились с небес и помогли людям. Они так громко пели, сотрясая воздух звуками бубнов, что деревья осыпали с ветвей снег.

Пурга стала утихать, тучи рассея-лись, выглянуло солнце, засверкали под его лучами снежинки, утих ветер. Люди облегченно вздохнули.

Урбан забил несколько оленей из своего стада, раздал мясо каждому оби-тателю стойбища. Задымились очаги в юртах, запахло едой. Тут и там собаки с радостным повизгиванием глодали оленьи кости.

Вдруг послышался издали звук ко-локольчика и хорканье оленей. Это Чогачан пригнал в стойбище откол оле-ней. Люди высыпали из юрт, радостно приветствуя шамана. Ударив в бубен, он запел:

— Мы, люди тундры, должны жить дружно, только сообща можно победить беду!

Эвены слушали его и верили, что добрые духи надолго поселились в стой-бищах. Охотники отправились на охоту, пастухи погнали оленей на выпас, ста-рики и дети стали носить дрова и воду.

Шаманы, погостив в стойбище, за-собирались по домам.

— Надо нам всем держаться друг за друга, — наставлял их Урбан, — иначе злые духи погубят нас.

Шаманы разъехались, и впредь они держали связь между собой, следя за тем, чтобы соблюдались обычаи.

ЛЯГУШКА НА СЕВЕРЕ

Наступила северная осень. Утки, гуси, лебеди собирались в стаи, чтобы улететь в теплые края. Поднимаясь на крыло, делали круг над желтеющей тундрой, оглашая леса и болота прощальными кликами. Пели о

том, что будут грустить по родине, где появились на свет и узнали радость полета, о том, что только зимние холода принуждают их расставаться с Севером и проделывать долгий утомительный путь туда, где не замерзают реки и озера, а деревья никогда не сбрасывают свой убор, где и своих птиц и животных хватает.

Преодолев, в конце концов, неоглядное расстояние и прибыв на зимовку, птицы стали собираться на теплом озере, на островке, и вспоминать любимый край. Услыхала их задушевный разговор лягушка Ква, подсела к теплой компании и спросила:

— Неужели там красивее, чем здесь?

— Во много раз, — ответила за всех утка.

— Так почему же вы оттуда улетаете?

— Нас гонит снежная холодная зима, — пояснил гусь.

— Снег? Что это такое? Вы не выдумываете? — Лягушка никак не могла поверить, что где-то бывают холода. — Если в ваших краях так плохо, то почему вы грустите по ним?

— Да, это трудно понять, — согласился лебедь. — Там наша родина, потому и грустим. Каждую весну сердце рвется домой, и мы возвращаемся в тундру, едва растает снег.

— Друзья, возьмите меня, пожалуйста, с собой! Я хочу увидеть Север! А осенью вернусь с вами.

— Ну, если есть желание, за чем же дело стало? Готовься к путешествию.

Наступила пора, и птицы засобирались в дальний путь.

— Домой, домой, — радостно галдели они и разминали крылья, кружа над озером. Лягушка Ква тоже кричала, надрывая горлышко. Вдруг поняла, что у нее нет крыльев. Как же она попадет на Север? Поразмыслив, Ква обратилась к гусю, и тот согласился ей помочь. Она вскарабкалась птице на спину, и гусь, разбежавшись, оттолкнулся от

земли и в небе присоединился к своей стае. У лягушки кружилась голова, когда она смотрела с высоты на землю, и Ква изо всех сил сжимала гусиную шею своими нежными лапками. От этих усилий она уставала не меньше пернатых друзей, работавших крыльями.

— Ква-ква-атит, — просила путешественница гусей, когда ей становилось невмоготу. Птицы опускались для отдыха, лягушка разминала лапки, пересаживалась на лебедя, и опять в путь. День за днем они летели и летели на север. Вот уже показались родные птицам реки и леса, воздух стал холодным. Последний отрезок пути Ква проделала на утке, которая, описав круг над озером, опустилась на берег:

— Прилетели! — крикнула с облегчением.

Ква прыгнула в озеро. Вода была не слишком теплой, но вполне терпимой. Гостья принялась щипать водоросли, глотать червячков. По вкусу они были не хуже, чем в ее родном водоеме, на юге. Наевшись, лягушка выбралась на бережок и не удержалась от восклицания:

— Как здесь хорошо!

Тем временем прилетел ворон, опустился рядом со странным зеленым листком и клюнул его. И вдруг листок как подскочит, как закричит:

— Ты квалюган! Настоящий квалюган!

Ворон разинул клюв от изумления:

— Во-первых, не квалюган, а хулиган. А во-вторых, кто ты такая и откуда взялась?

— Я тебе не кто такая, а лягушка. Прилетела издалека, где всегда тепло.

— Ха-ха, хи-хи, — засмеялась подлетевшая сорока. — Прилетела, говоришь, да еще издалека? А где ж твои крылья?

— Крылья! А гуси, лебеди и утки на что? Они мои лучшие друзья, плечи мне подставляли.

Птицы и звери, окружившие путешественницу, похоже, не верили ни единому лягушкиному слову. Белочка дотронулась до зеленой холодной спинки и воскликнула:

— Ой! Какая же ты голая! Возьми хоть травой обмотайся, а то стыдно на тебя смотреть.

— Мне и так хорошо! — сказала лягушка. — Я живу в озере, как рыба. Могу и на суше быть, но больше люблю воду. Поэтому не нужны мне ваши бахрамушки!

— Вот уродина: зеленая, страшная. И как только такие на свет появляются? — фыркнул заяц.

— На себя посмотри, — вышла из себя лягушка. — Сам урод: ушастый, косоглазый, а туда же! — Показала зайцу язык и прыгнула в воду.

Сплетницы-кедровки разнесли по всей округе, что в озере живет зеленая рыба. Медведь пришел посмотреть на диковину, да и волк не удержался, а лисе захотелось поиграть с невиданной зверушкой. Однако Ква не проявляла к ним интереса, барахталась в воде и громко квакала. Многим это нравилось. Лягушке льстило всеобщее внимание. Ведь здесь, на Севере, она была одна такая — зеленая и голосистая.

Перелетные птицы уже вырастили птенцов, научили их летать. Подошло к концу короткое северное лето. Если

днем Ква еще резвилась и распевала незатейливые песенки, то по ночам она цепенела от холода. Утром бросалась к птицам, умоляя поскорее вернуть ее в теплые края.

Настала пора отлета. Вот уже птичья стая делает круг над холодной землей, оглашая ее благодарными кликами. Лягушка, сидя на спине гуся, тоже прощается с тундрой, озером, кричит из поднебесья остающимся зверям и птицам:

— До свидания, до свидания! Я еще прилечу к вам в гости, обязательно!

Однако, вернувшись на родину, она никогда уже не помышляла о новом путешествии на Север.

Да и птицы больше не звали ее с собой.

МЕДВЕДЬ И ЛОСЕНОК

Аосенку по имени Лобик было два месяца от роду, когда он потерял маму: та ушла и не вернулась. Лобик искал ее, звал, плакал, продираясь сквозь заросли карликовой березки, и вдруг наткнулся на медведя. Бурый был старым и добрым зверем. В молодости отличался смелостью, и не одно поколение его детей бродит по тайге и тундре. Состарившись, он стал всех избегать.

— Мама, мама, — звал Лобик и тыкался в теплый бок медведя.

— Никакая я тебе не мама! — ворчал Бурый.

— Папа, папа!

— Еще чего не хватало! Папу нашел! Уноси ноги, пока цел! Скажи спасибо, что в лесу полно ягод и я сытый.

Но Лобик боялся остаться один и упрямо твердил:

— Никуда я от тебя не пойду, возьми меня в сыновья!

— Нашелся родственничек, — засмеялся Бурый и легонько шлепнул малыша.

— Я от тебя не отстану, — осмелел лосенок. — За тобой ходить буду.

Медведь припустил прочь от Лобика, да где ему, старику, с лосем тягаться!

— Что за наказание на мою голову, — ворчал Бурый, переводя дух. — Иди своей дорогой, — заорал он и затопал лапами. — Оставь меня в покое.

Из глаз Лобика покатались крупные слезы.

— Вот найду маму, все про тебя расскажу, — всхлипнул он и скрылся в чаще. Медведь посмотрел вослед лосенку и покачал головой. Тут вдруг из кустов выбежала росомаха, погналась за малышом. Медведь, неожиданно для себя, подскочил да как влепит росомахе затрещину! Та кувырком в кусты, зарычала от боли и бежать.

— Ну вот. Значит, все-таки ты мой папа! — воскликнул лосенок.

— Папа, папа, — недовольно пробурчал Бурый. — Болтай меньше да по сторонам смотри, чтобы не съели. — Лобик принялся носиться вокруг медведя, наперегонки с бабочками.

— Смотри, не убегай далеко, — наказал медведь.

Со временем Бурый привык к Лобикку, заботился о нем, оберегал его, а лосенок благодарно облизывал приемного отца шершавым языком. Какой он ласковый, мне с ним так хорошо, — думал медведь.

Лобик подрос, но так и не научился быть осторожным. Однажды он провалился в глубокую яму и закричал, что было мочи:

— Папа! Папа! Помоги мне!

Бурый залез в яму, вытолкал названного сыночка наверх, а потом и сам кое-как выбрался. Тут пробежали мимо волк с лисой.

— Ха-ха, — засмеялся серый, — не хватало тебе приключений, так нашел на свою голову.

Лиса же, хитро подмигнув медведю, пропела:

— Ты ведь, мишенька, как лосенок подрастет, нас угостишь? Вместе скушаем, да?

— Что-о! — взревел медведь, да так, что деревья зашатались. — А ну, пошла прочь, не то на мелкие клочки порву. Посмейте только тронуть моего сына!

Притихли волк с лисой: медведь — хозяин тундры, его слово закон.

Пришла зима, лосенок хотя и подрос, но еще нуждался в заботе и защите.

— Пора мне в берлогу ложиться, спать до самой весны, — рассуждал медведь. — Но куда же тебя деть?

— Папа, папа, не оставляй меня одного! — зарыдал лосенок.

— И за что такое наказание? Из-за тебя, выходит, мне не спать всю зиму? Ел бы ты, сынок, все подряд: рыбу, мясо, давно бы вырос и стал самостоятельным. — Глаза у медведя сами собой стали закрываться. Он выбрал место поудобнее и уснул. Вскоре пошел снег, укрыл землю.

Лосенок бродил один по лесу, ему было грустно без папы-медведя. А Бурый вдруг проснулся от беспокойства. Попробуй поспи: душа болит, как там Лобик, без опеки и защиты. Вылез медведь из берлоги и видит: бежит лосенок изо всех сил, а за ним гонятся волки. Как зарычит медведь, как затопает! Волки не ожидали увидеть хозяина тундры в эту пору, переполошились и кинулись врассыпную.

— Сынок, сынок, ты не ранен? — ревел медведь.

— Все в порядке, папа. — Лобик подбежал и положил голову на плечо Бурому. Слезы закапали медведю на нос, и у того запершило в горле. — Папа, не оставляй меня, без тебя так плохо!

— Нет, не оставлю, угомонись, — успокоил лосенка отец, и они вместе пошли в чащу леса.

КОТЕЛОК ДЕДА ПАЧИ

Амача пас небольшое стадо оленей и жил с женой Авдокой небогато. Подросла у них дочка Хетани, и родители уже подумывали о ее замужестве. Мать с дочерью шили свадебный наряд. А где возьмешь серебряные украшения, как не на ярмарке? Хорошо, что Амача в свободное время любил поохотиться и за несколько зим накопил немало трофеев. Собрал он всю пушнину, отвез на ярмарку, совершил удачный обмен и возвращался домой с хорошим настроением — напевал песню, погоняя оленей. Ехал и мечтал: вот выдам дочь замуж, зять станет помощником. А там и внуки пойдут.

И вдруг заметил посреди тундры костер, приблизился, глядь: старик у огня.

— Здравствуй, дедушка. Что ты здесь делаешь? Один, посреди тундры, и даже юрту не поставил? Голодный, небось?

— Ты обо мне не слыхал? Меня зовут Пача. Жду не дождусь, чтобы кто-нибудь накормил.

Амача подвесил котелок над огнем, достал из мунгурки мясо, сварил и поужинал со стариком, почаявничал.

— Спасибо, Амача, за твою доброту. Многие мимо проезжали, никто не остановился. Всех пугал мой странный вид. А ты меня пожалел и достоин награды. Видишь котелок — возьми. Он хоть и старый, но ты его береги. Если догадаешься, как с ним поступить, разбогатеешь.

Сел Амача на оленей, немного отъехал, оглянулся на деда, а того и след простыл. И костра как не бывало.

Долго ли, коротко, приехал Амача домой, стал вытаскивать из мунгурки обновки, которые привез с ярмарки: Авдоке ситец и платок, дочке Хетани — бисер и серебряные украшения. Мать с дочкой радовались подаркам и хвалили главу семейства: не зря съездил. Вытащил Амача и котелок.

— Какой старый, — скривилась жена. — Где подобрал?

— Дед Пача дал, велел беречь: мол, оттого будет нам крупный прибыток.

— Варить в нем, конечно, уже нельзя. Пусть лежит в углу, пить-есть не просит.

Амача простыл в дороге, занедужил и не смог подняться, чтобы пасти оленей. Волки разогнали и задрали все его стадо, голодно стало, и семейство решило перекочевать поближе к реке, чтобы заняться рыбалкой. Дело пошло, река кормила.

Как-то заварил Амача травяной чай, сел у очага. Поднес кружку к губам и вдруг заметил, что туда попал кузнецик. Вытащил Амача крохотное существо, хотел раздавить, но услышал тонкий тихий голосок:

— Пощади меня. Я открою тайну котелка.

Пусть прыгает, жалко, что ли! — подумал Амача и разжал пальцы. Кузнецик, расправив помятые усики, сказал:

— Сделай так: поставь котелок на стол и обратись к нему: «Котелочек, дружок, дай мне, пожалуйста, мяса». И котелок наполнится. Надоест мясо, попросишь рыбы, ягод, лепешек, чаю. Смотри только, никому не проговоришь, а то неприятностей не оберешься. Ну, прощай, — и ускакал.

Вернулась жена с дочкой от богатого соседа Ханчалана, они ходили мять шкуры, чтобы получить за работу хоть два оленьих ребрышка. Амача развел очаг, подвесил над огнем чайник и сказал, не скрывая радости:

— Ну, женушка и доченька, придвигайтесь к столику поближе, покушаем сейчас.

— Смеешься? Ничего мы не принесли, хоть и трудились весь день до вечера. Сосед обещал во время забоя рассчитывать, — грустно ответила хозяйка.

Амача поставил на стол дырявый дедовский котелок и обратился к нему:

— Котелочек, дружок, дай мне, пожалуйста, мяса.

Котелок запыхтел, и в нем появилась вареная оленина.

— Ой, — Авдока всплеснула от удивления руками. — Хорошо, что мы его не выбросили!

Накинулись они на мясо и не остановились, пока не доели его до последнего кусочка.

— Котелочек, дружок, дай мне, пожалуйста, лепешек, — сказал Амача, и тотчас появилась горячая ароматная стряпня.

— Спасибо деду Паче! — радовалась Авдока. — Вот бы с кем встретиться.

Глядь, а дед рядом, у огня сидит. Амача давай его угощать, чаем потчевать.

— Живи с нами, Пача, — предлагает хозяйка. — Не пожалеешь.

Тепло, сытно и весело в юрте. Но земля, как известно, слухом полнится. Не понравилось богачу-оленеводу Ханчалану, что семья Амачи плечи расправила, принялся он выведывать, что почем, прознал про котелок, решил его присвоить. Пришел в юрту и все на чудесную посудину поглядывает.

— Послушай, Ханчалан, — предупредил его Пача, — дотронешься до котелка — потеряешь человеческий облик.

А богачу неймется: хватанул посудину и обернулся филином. Поделом ему!

КАММА-СПАСИТЕЛЬНИЦА

Унянга была дочерью зажиточных оленеводов. Деревянных и тряпичных кукол у нее имелось вдоволь, и она охотно делилась своими богатствами с подружками. А когда подросла, отец привез ей с ярмарки серебряные сережки.

— Это тебе, доченька, к свадьбе, — сказала мать и спрятала украшения в женскую сумку-авсы.

Однажды Унянга взяла ведро, прибежала к реке и видит: в лужице мечется малек мальмы, видно, волной выбросило. Бьет хвостом, широко разевает рот, а воды в лужице не больше котелка. Девочка отнесла малька в пригоршне, выпустила в реку:

— Плыви, Камма!

С тех пор так повелось: когда Унянга приходила по воду, Камма подплывала поближе. Девочка любила разговаривать с мальмой, поскольку та умела слушать, как никто другой.

Как-то в гости к Унянге заглянула Агапча, дочка шамана Чибо. Сели чайку попить, о девичьих тайнах пошептаться. Унянга показала подруге, какой вместе с мамой шьет красивый наряд на свадьбу, какие сережки привез отец. Подруга взяла украшения, прищурилась и говорит:

— Представляю, как они сверкают на солнце. Давай выйдем из юрты, получше рассмотрим. — Когда вышли, Агапча уронила сережки в грязь и воскликнула: — Ой! Я нечаянно! Схожу-ка на речку, помою их.

Сбегала и выбросила украшения в реку. Вернулась к Унянге вся в слезах:

— Прости! Я уронила твои сережки в воду.

— Ой, — испугалась Унянга, — что я родителям скажу!

Быстро высохли у Агапчи притворные слезы. Ушла, довольная. А Унян-

га бродила по воде, в надежде отыскать потерю. Замерзла, села на камень и заплакала. Вдруг выплывает мальма и подает сережки.

— Спасибо, Камма, — сказала обрадованная Унянга. Побежала домой и положила украшения на место. Вечером пришла Агапча:

— Ну, нашла сережки?

— Нашла!

Огорчилась дочка шамана: мало того, что дети предпочитают играть с Унянгой, так еще и сережки неведомым образом вернулись со дна реки. Злость взяла Агапчу, улучила она момент, схватила свадебный наряд Унянги, отнесла на берег и бросила в реку.

На следующий день мать спросила Унянгу, куда та девала рукоделье, там ведь почти все готово, осталось ляпочки пришить. Стали они вдвоем искать потерю. И вот Унянга взяла ведро и пошла на речку. Выплыла к ней рыбка и говорит:

— Вот, возьми одежду. Это Агапча выбросила. Гадости тебе делает из зависти.

— Она мне завидует? — удивилась Унянга. — Сама дочка богача, а я кто? Разве так бывает?

— Держись от нее подальше. Зависть до добра не доводит.

Прошло время. Выросли подруги, стали невестами. К Унянге приехали богатые сваты, с молодым красавцем Ханаром. Сговорились с родителями, что через несколько дней поженят молодых. Узнала об этом Агапча, почернела от зависти и решила сгубить подругу. Позвала Унянгу на речку и столкнула в омут.

— Наконец-то я от тебя избавилась! — засмеялась Агапча от удовольствия, но тут же одернула себя. Притворяясь, что плачет, пошла в стойбище: — Какое горе! Моя лучшая подруга утонула!

Но Унянга не погибла: Камма спасла. Позвала своих сородичей — рыб, и вместе они вытолкнули девушку на берег.

Унянга незаметно пробралась домой, предупредила родителей:

— Не говорите никому, что я жива!

Тем временем Агапча ходила по стойбищу и, как ни старалась, не могла скрыть злорадства:

— Скоро приедет жених Унянги, а та утонула. Вот поплачет!

Когда появился Ханар с родителями, все стойбище вышло навстречу, не зная, чем утешить несчастного жениха.

— Бедный парень, еще не знает, что лишился невесты, — перешептывались они. Как же удивились и обрадовались люди, когда Унянга с Ханаром вышли из юрты, взявшись за руки. А Агапча и ее отец-шаман почернели от злости и обратились в камни.

Все стойбище гуляло на веселой свадьбе Унянги и Ханара. Развели костер, пели песни, танцевали. В котлах варилось мясо на всех. Люди ели оленину и пили чай, желали молодым счастья. Мальма Камма со своими сородичами подпрыгивала над водой, чтобы посмотреть на невесту и жениха.

На следующий день Унянга пошла к реке, поблагодарить мальму за добрые дела.

ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Бегали по лесу мальчишки, резвились: бросали камни в бурундуков, пугали белок, свистели вдогонку зайцам. И набрали на осиное гнездо. Таркачан стукнул по нему палкой и ждет, что будет. Вылетела оса, просит:

— Таркачан, не тронь, пожалуйста, гнездо, там же детки. Пощади их, а я тебе еще пригожусь.

Послушался мальчик, закинул палку в кусты, побежал домой чай пить. Сел к очагу и говорит:

— Дедушка, разве у ос бывают дети?

— А как же ты думал, внучек? Ко-

нечно, бывают. А почему ты спросил?

— Я стукнул палкой по осиному гнезду.

— Дальше можешь не рассказывать. Осы, конечно, вылетели и покусали. Впредь знай, что они своих деток охраняют. У всех птиц, зверей есть детеныши. Не обижай их.

— Дедушка, можно, я принесу к юрте то гнездо? Я тогда его лучше смогу защитить.

— Не надо его трогать. Пусть будет там, где есть. Это мы кочуем, а осы любят жить на одном месте. Они сами знают, где им безопаснее.

Дед Егор часто беседовал с внуком, рассказывал ему о жизни таежников: рыбаков, охотников.

— На охоте, рыбалке всякое случается, надо знать, как вести себя. Главное, никогда не отчаивайся.

У Таркачана был друг Апока, вместе мальчишки бегали, стреляли из лука. Бывало, и дрались, не без того, но быстро мирились. Прошло несколько лет, подросли друзья, на охоту стали вместе ходить. Добычу делили пополам.

Жила в соседнем стойбище Нека — красивая, стройная девушка: брови густые, глаза веселые, губы алые, в черные косы вплетены красные ленточки. Всем парням девушка нравилась, Апока был от нее без ума. Но взаимностью красавица ответила Таркачану. Апока не хотел уступать Неку кому бы то ни было и решил избавиться от соперника. Выждав удобный момент, столкнул Таркачана в глубокую яму, которую охотники вырыли для ловли сохатого. Таркачан сильно побился и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он звал друга, не дозволялся, так и замерз насмерть.

Закончился охотничий сезон. Апока собрал пушнину и вернулся в стойбище.

— А где Таркачан? — спрашивает Нека.

— Он ушел от меня, один охотит-

ся, — отвечает Апока. — Разве еще не вернулся?

Ждала, ждала Нека любимого парня, не дождалась да и вышла за Апоку.

Тем временем тепло стало в тундре, птицы запели, цветы распустились, деревья надели зеленый наряд. Бабочки порхают, кузнечики скачут, осы перелетают с цветка на цветок. Тут увидела оса недвижимого Таркачана, узнала его и стала жужжать над ухом, чтобы разбудить. А тот не шевельнется. Поняла она, в чем дело, покликнула сородичей:

— Надо спасти парня, он того заслуживает.

Полетели осы к диким пчелам, выпросили воска и меда. Слетали к Горячим ключам и принесли целебной воды. Обмазали Таркачана воском, разбавили мед целебной водой и влили в рот. Ожил Таркачан, огляделся, ничего не поймет.

Села ему на нос оса, рассказала обо всем. Таркачан с горечью узнал о предательстве лучшего друга.

Апока, взяв в жены девушку, о которой мечтал, был счастлив, но недолго. Осознав, что поступил плохо, бросив друга в беде, он лишился покоя, стал приходить к родителям Таркачана, помогал им, чем мог.

— Апока нам как сын, — говорили они: не знали, что случилось с их наследником.

Вернулся спасенный Таркачан в родную юрту — родители, вне себя от счастья, встретили его слезами. Узнав от них, что Нека вышла за Апоку, парень решил посмотреть бывшему другу в глаза. Подошел к его юрте, звал, звал, не дозволялся. Хотел, было, уйти, но увидел за юртой Апоку: лежит тот с ножевой раной, весь в крови, хоть и живой.

— Мне стыдно, что я так поступил с тобой, — проговорил раненый, — дай мне умереть.

Таркачан осмотрел рану, обработал

ее, перевязал. Рана была неглубокая.

— Ты меня прощаешь? — шептал Апока.

— Жаль, но у меня теперь нет друга, — сказал Таркачан и ушел.

Вскоре он женился на хорошей, доброй девушке, Элрике. Та любила петь песни, и поэтому вечерами в их юрте было весело, празднично.

КОЛЕЧКО С КАМНЕМ

Который год Кирик собирает выкуп за невесту, прикидывает, не упустил ли чего?

— Сынок, ты должен подарить своей суженой серебряное колечко, — заботливо напоминает мать.

Съездил будущий молодожен на ярмарку, привез чай, муку, табак, иголки, купил и заветное серебряное колечко. Веселенькое такое, с красным камешком, который, играя в лучах солнечного света, радует сердце. Кирик уже приглядел в соседнем стойбище славную девушку по имени Мангруни. И матери она понравилась. У Кирика пятьдесят оленей, половину отдаст отцу невесты, а ей самой преподнесет колечко с камешком.

— Мама, положи его так, чтобы не потерялось. На днях поедem к невесте.

Мать давно уже держит колечко в женской сумке-авсы. Проводив Кирика, решила перепроверить, хорош ли подарок. Вытряхнула сумочку, а колечка нет. Смотрит: в донышке дырка.

— Наверное, мышка похозяйничала, утащила в норку, — опечалилась мать: видно, теперь свадьбе не бывать, вон какая плохая примета.

И впрямь, мышинный самец прогрыз кожаное донце, утащил украшение в норку, вдернул нитку и понес своей невесте Серушке в подарок. Надел ей на шею и говорит:

— Теперь ты моя жена, перебирайся ко мне жить.

Вернулся с оленьего выпаса Кирик. Мать, в слезах, рассказала о пропаже.

— Пусть бы мне пришлось переловить всех мышей, но колечко я найду, чтобы не остаться холостяком, — воскликнул Кирик, и они с матерью стали по очереди караулить возле норки. Высунулась из норки первая мышка. Кирик схватил ее и пригрозил:

— Утоплю тебя, серая, если не принесешь украденное колечко!

Пойманный мышинный самец отвечает:

— Ничего не брал, ничего не знаю.

Кирик бросил его в ведро с водой:

— Тони, коль не хочешь помочь.

Тут выглянула из норки другая мышь, жалобно пропищала:

— Кирик, отпусти, пожалуйста, моего мужа. Твое колечко — вот оно.

Парень вытащил пленника из воды, и тот юркнул в норку.

Обрадовалась мать, что пропажа нашлась, стала наводить в юрте порядок, постелила новые ветки, вычистила посуду. Назавтра поехали за невестой и привезли красавицу Мангруни. Мать обвела молодых вокруг костра, посадила на мягкие шкуры и принялась потчевать праздничными кушаньями. Радовалась, что теперь у нее будет хорошая помощница, а у сына — славная жена, подарила невесте свой серебряный пояс. Мангруни он пришелся в пору, к лицу оказались и бусы свекрови.

Кирик надел перчатки, сшитые невестой, насыпал табаку в новый, расшитый бисером кисет, а наутро весело побежал в стадо.

Мангруни на все вещи мужа пришла по голубой бусинке, на удачу. Она любила носить Кирику обед в стадо, когда муж был занят на выпасе. Вечером Мангруни клала колечко на стол, и красный камушек освещал юрту. Сколько ни привозил ей потом других украшений муж, первое колечко с красным камушком оставалось у Мангруни самым любимым.

КУКЛА И МЯЧИК

Весной к бабушке Мэлэни и деду Этыкану приехали охотники, привезли новости. Старики, вне себя от радости, не знали, куда посадить дорогих гостей, какое выставить угощение. Охотники прибыли из тех далеких краев, куда судьба занесла сына стариков, Омача. Богатый тесть оставил его при своих оленях.

— Мальчик у них родился, Коркопий, дочка Чина подрастает, — рассказывал один из охотников. — Омач велел передать, что когда дети подрастут, он привезет их. Заодно вас и с женой познакомит.

Попили гости чаю, отведали мяса, рыбы, похвалили угощение и засобирались в дорогу.

— Еще порадуя вас, — сказал молодой охотник Ноли. — Чуть не забыл: сын вам передал подарки. — Деду Этыкану он дал трубку и красивый кисет, а бабушке Мэлэни большой платок с кистями и бусы. Порадовались старики, что сын не забыл их. Проводив гостей, остались вдвоем у огня, пили чай и всю ночь вспоминали молодость, мечтали о встрече с внуками, сыном и невесткой.

— Сошью-ка я ребятам игрушки: вдруг приедут, а играть нечем! — решила бабушка, сделала для Коркопия мяч, набила оленьей шерстью, а Чине спишила куклу и красивую кукольную одежду. Год за годом проходит, ждут игрушки маленьких хозяев. В конце концов, умная кукла и говорит мячу:

— Давай поищем ребят!

Вышли они из юрты и побрели себе. Идут лесом, вдруг видят: медвежата. Только хотела кукла у них спросить про Коркопия с Чиной, подбежали косяластые и давай мяч пинать! Пока не наигрались, не отпустили мячик. Идут игрушки дальше, встречают белочку. Чего от нее-то ожидать?

— Ой, какая маленькая девочка! —

говорит белка. Выскочили бельчата, стали водить хоровод вокруг куклы, потом за мячик взялись. Прибежали и зайчата, тоже вступили в игру — гоняли мяч, пока не надоело. Тут и просит кукла зайчиху:

— Отвези меня, ушастенькая, к моей хозяйке Чине!

— Садись, — согласилась та и понеслась с куклой, только ветер в ушах. А зайцы следом скачут, пинают мяч.

Вдруг навстречу лиса. Побросали зайцы и куклу, и мяч, припустили наутек, спасаясь бегством, а игрушки лисе достались.

— Ой, какой мяч! — обрадовалась лиса и подбросила его вверх. Высоко полетел он, а когда падал, застрял в ветвях дерева. Покружила лиса под деревом, да где ей до мяча добраться. Оглядела куклу: — Ну, уж тебя я не упущу! — Но только дотронулась, белка тут как тут: подхватила куклу, запрыгнула с ней на дерево и усадила на ветку, рядом с мячом. Лиса повертелась, попрыгала, видит: делать нечего, убежала прочь. Не выдержала кукла переживаний, заплакала:

— Зачем только мы ушли из бабушкиной юрты? Там было так хорошо!

Услышала её причитания любопытная сорока, спрашивает:

— Куда-куда вы идете с мячиком?

— Хозяев своих ищем.

Пробежал мимо волк, остановился у дерева спину себе почесать. Потерся о шершавую кору, качнулась ветка — и мяч упал, прямо волку по носу. Больно! Рассердился серый и давай тряпичного обидчика зубами рвать.

— Ой, ой, — запричитала кукла. — Нашел, кого обижать! — Прыгнула волку на голову и ну его за уши таскать.

— Что это? Кто это? — недоумевает волк. Сбросил куклу и умчался в лес.

— Бедный мячик, — посочувствовала кукла, — тебе больно?

Но мячик почему-то надулся и промолчал.

За происходящим следила сверху любопытная сорока, захотелось ей вмешаться. А тут пролетал мимо ворон.

— Ворон, ворон, черное крыло, — спрашивает сорока, — ты высоко поднимаешься, далеко летаешь, многое видишь. Не встречал ли мальчика Коркопия и девочку Чину?

— Знаю, о ком речь, — пробурчал ворон. — Но до них только орлу по силам долететь: далеко живут. А хотите поговорить с орлом, ищите его на той скале.

Долго ли, коротко ли, вскарабкались кукла с мячиком на скалу, где жил орел.

— Орел, орлик! Отвези меня с мячиком к Коркопию и Чине, пожалуйста, — попросила кукла и для убедительности захныкала.

Орел согласился, пристроил куклу с мячом себе на шею. Те вцепились в перья: попробуй не сорваться при сильном встречном ветре, когда орла бросает то вверх, то вниз. У куклы хоть руки есть, а мячу как быть — он круглый. Сорвался: хорошо еще, орел успел поймать бедолагу.

Долго они летели, орел даже устал. Наконец, вдали показалось стойбище.

— Дальше нам не по пути, своим ходом добирайтесь, — сказал птичий царь, опустившись за стойбищем, по-

дальше от людей. Мячик обрадовался, что вернулся на землю, и припустил так быстро, что кукла едва за ним поспевала. Добрались они до юрты Коркопия и Чины. Дети еще спали. Мяч подкатился к мальчику, а кукла под села к девочке. Проснулись брат с сестрой и обрадовались игрушкам.

— Здравствуйте, Коркопий и Чина, — сказала кукла. — Привет вам от бабушки Мэлэни и деда Этыкана. Они ждут не дождутся вас к себе в гости.

Дети в один голос стали просить родителей, чтобы те отвезли их к дедушке и бабушке, которых брат с сестрой еще ни разу не видели и которые прислали замечательные игрушки.

— А ведь пора! — весело сказал Омач жене Элрике. — Детишки подросли, самое время стариков навестить, а то они нас заждались. Да я и обещание давал.

Привел верховых оленей, погрузили они с женой поклажу и тронулись в путь. Первым ехал Омач, за ним Элрика, потом Коркопий с мячом, за ним, на маленьком оленшке, Чина с куклой. Последним шел олень, навьюченный вещами и едой. Через несколько дней приехали в стойбище Этыкана. Мячик прыгнул и покатился к юрте:

— Бабушка, дедушка, встречайте гостей!

Вышли старики, увидели внуков, сына с невесткой, заплакали от радости. Мэлэни обняла Элрику, и все пошли в юрту.

— Куда вы пропали? — с упреком спросила бабушка куклу. — Мы с Этыканом вас искали.

— Разве непонятно? Если бы мы с мячом не нашли ваших внуков, вы бы до сих пор их не увидели.

— П-пра-вильно мы сделали, — подержал подружку мяч. — Теперь вот все радуется.

Коркопий взял мячик и побежал погонять его с мальчишками, а Чина повела свою нарядную куклу Эдяму

знакомиться с куклами и девочками стойбища.

Погостив несколько дней, Оmach собирался в дорогу. Его старики огорчались, хотя и старались не подавать виду. Но слезы выдавали их с головой. Однажды отец не выдержал, проронил, не скрывая печали:

— Умрем мы — кто без тебя нас похоронит, сынок?

— Папа, мама, — не выдержала Элрика, — хватит вам грустить! Ну-ка быстрее собирайтесь, с нами поедете. Будете внуков уму-разуму учить.

Оmach с признательностью посмотрел на жену: вот как просто порой решаются неразрешимые задачи. Коркопий с отцом помог уложить пожитки деда и бабушки. Взяв из погашенного очага пепел, старый Этыкан насыпал его в мешочек и бережно спрятал на дно мунгурки. Ну, теперь и в путь пора! Караван двинулся по тропе, старики позади всех. На прощание Этыкан оглянулся: лишь примятая трава остается там, где он прожил всю жизнь. В один миг промелькнула перед глазами молодость.

— Не терзай душу, — шепнула Мэлэни. — Гляди вперед.

КРАСНАЯ БУСИНКА

ил в тундре Нуклин с женой Энде и сыном Пилимоном. Отцу не терпелось увидеть мальчика взрослым, он сделал ему лыжи, подклеил камусом. Знатные лыжи получились. Приготовил отец Пилимону и колчан со стрелами. Стрелы настоящие, охотничьи: с острыми наконечниками — для крупной добычи, а для мелких зверьков предназначались тупые наконечники, ими можно было попасть в голову, оглушить, не попортив шкурку. Заботливая мама пришила по большой голубой бусинке на колчан, кисет, охотничью сумку

сына: на удачу. Пилимон был смел и добычлив в охоте — сказывалась отцовская выучка. А вот на рыбалке парень не мог добыть ни одного хвоста и лишь огорченно вздыхал.

Друг Пилимона, Ханар, напротив, легко ловил рыбу, промыслял нерпу. Удачливый рыбак часто делился уловом с другом. В тайге же Ханар становился беспомощным, охота не приносила ему радости.

Мама Ханара давно пришила на вещи сына красные бусинки — с той нитки бус, что привез с торга в молодости муж. Подарок с годами пришел в негодность: нитка перетерлась, вот хозяйка и пустила красные бусинки в дело, а голубых бусин, как у Энде, у нее не было.

Настала зима, друзья ушли охотиться в тайгу. Пилимон что ни день добывал лис, соболей, белок. Ханару же не везло. Как-то за весь день он добыл лишь одного зайца да куропатку, расстроился и решил, было, вернуться в охотничье зимовье. В этот момент подвернулся ему горноста́й, и охотник оглушил зверька тупой стрелой.

— Эх, — разочарованно вздохнул Ханар. — Надо бы радоваться, да что толку от единственной шкурки! Одно расстройство.

Тут горноста́й зашевелился и говорит:

— Не убивай меня, Ханар, я тебе пригожусь.

Пожалел Ханар зверушку, стал ее выхаживать. Пилимон посмеивается над другом:

— Делать тебе больше нечего — горностаю раны зализывать.

Горнашка, такое имя дал зверушке Ханар, ожила, прыгала по столику, по мунгуркам, взбиралась на плечо охотника, а однажды открыла тайну:

— Знаешь, Ханар, почему тебе не везет? Мама пришила тебе на все вещи красную бусинку. Она похожа на икринку и притягивает к себе рыбу.

Поэтому ты хороший рыбак, но никудышный охотник. По обычаю, охотникам пришивают на удачу не красную, а голубую бусинку. Я принесу тебе таких бусинок: пришей по одной к колчану, кисету, к охотничьей сумке — только обязательно снаружи, а красные перешей вовнутрь. Сам увидишь, что будет.

Ханар так и сделал.

— Вот теперь иди на охоту, — сказала Горнашка.

И действительно, удача улыбнулась Ханару: он добыл две лисы, пять белок, три соболя, а на следующий день — волка, три зайца, соболя.

— Почему ты стал приносить больше

моего? — удивляется уязвленный Пилимон.

— Потерпи немного — приедем домой, расскажу. Может, даже порадуешься, а сейчас без толку болтовню разводите. Только воздух сотрясать.

Горнашка сидела на плече Ханара и ухмылялась.

Всю зиму друзья прожили в одной юрте, часто обсуждали знакомых девушек, над какими-то подтрунивали, по другим вздыхали.

— Помнишь, Ханар, как Ундя-толстуха споткнулась и упала в лужу?

— Смеху-то было! А бедняжку Хаяни родители отдали за старика. А Агап-

ча — вечно какая-то сонная да ленивая. Вот Киндаку красивая, ничего не скажешь, но крикливая и злая.

— К Элрике вообще не подступишься, богатая невеста.

Так они коротали за разговорами зимние вечера. Горнашка слушала, слушала их и однажды не выдержала:

— Знаете, ребята, а ведь вам пора жениться.

Наступила весна, охотники засобирались домой, стали паковать изрядно потяжелевшую поклажу. Ханар посадил свою зверушку за пазуху:

— Едем домой.

Горнашка не возражала. Она привязалась к Ханару и считала его своим другом.

Вернувшись в родное стойбище, парни порадовали родителей. Особенно Ханар. Совсем взрослые стали ребята за зиму, настала для них пора любви и желаний. Только и разговоров было, что о женитьбе. Девчата, узнав о возвращении охотников, принаряжались и не скрывали своего к ним интереса. Вечером молодежь собиралась попеть у костра. Далеко разносились по тундре молодые голоса.

Ханар не знал, кого выбрать в жены. Горнашка предложила ему свою помощь:

— Я побываю во всех юртах, посмотрю, чего стоит каждая девушка.

Несколько дней ее не было дома. И вот раздался голодный писк. Ханар взял зверушку на руки, накормил рыбой. Горнашка насытилась и стала рассказывать:

— Я бегала в соседнее стойбище. Там все девушки хороши собой и умелые хозяйки. Больше всего мне понравилась Мирхани. Девушка она некрасивая, но добрая и работящая. На ней все хозяйство держится: мама у нее больная, сама требует ухода. Понял, на ком жениться?

Ханар с отцом поехал в то стойбище, где жила Мирхани. Горнашка

показывала дорогу. Девушка понравилась охотнику: спокойная, деловая. Договорились сыграть свадьбу через две недели. Не теряя времени, Ханар отправился на торг: обменять пушнину на женские украшения.

За другом увязался и Пилимон. Ему тоже срочно потребовались украшения, он собрался жениться на Губичан.

Сыграли свадьбы. Семейная жизнь не расстроила дружбы — наоборот, и жены подружились. Настало лето, Пилимон вспомнил зимний разговор с Ханаром. Или это была шутка?

— Ханар, что ты мне собирался тогда рассказать?

— А-а, — вспомнил Ханар, — пойдем к моей матери, она поможет. Только ты не удивляйся, со временем поймешь, что к чему, когда рыба тебе валом повалит.

Пришли они в юрту, Ханар попросил мать, чтобы пришила по красной бусинке на вещи Пилимону. Мать исполнила просьбу.

Лето было в разгаре, красная рыба огромными косяками шла на нерест из моря в реки. Прибрежная полоса кишела нерпами, рыбой, моллюсками, крабами, медузами, звездами. Настала пора рыбалки, и все эвены, от мала до велика, занимались заготовками на зиму.

Присоединились к ним и два неразлучных друга. Пилимон, сам того не ожидая, стал удочкой-самоделкой вытаскивать рыбу, одну за другой. Никогда с ним такого не бывало. Раскраснелся от азарта, запыхался.

А Ханар смеется:

— Ну, догадался? Это красная бусинка тебе помогает! Она же похожа на икринку, не замечал? Потому и обладает волшебной силой.

Так что не случайно испокон веков эвены верили в силу амулетов и оберегов. Эта вера помогала им выживать в тайге и в тундре.

 Ханар с Мирхани дружно живут, душа в душу. Он рыбачит, охотится. Она, как водится, по хозяйству хлопочет. Бывает, навещает в гости тестя — зажиточный оленивод, и не с пустыми руками: радует свою кровиночку серебряными украшениями. Зятя тоже вниманием не обходит: нравится ему смелый приветливый парень. То нож привезет в подарок, то топорик, а такие вещи в тундре дорого ценятся. Детями молодожены еще не обзавелись, и вечерами их забавляет Горнашка — веселый белый горноста́й: прыгает по юрте и такое выделывает, что смотреть без улыбки невозможно.

Однажды Мирхани сняла с себя перед сном украшения, но не спрятала в сумочку, как обычно, а оставила на столике. Утром проснулась и испугалась, не найдя их. Заплакала и побежала к свекрови. Стали искать вдвоем — ничего, одно расстройство. Вернулся с рыбалки Ханар, видит: жена чернее тучи, мать тоже печалится. Принялся расспрашивать их, соглашается: потеря значительная.

Мирхани, хоть и не в настроении, а дело свое знает: сварила уху из свежей рыбы, напекла лепешек. Не успела семья за стол сесть, как все ахнули: из-за мунгурки вышла Горнашка с сережками в ушах, бусами на шее в два ряда, кольцами на лапках. Что-то выплясывает и напевает в такт.

— Ах ты, воображуля, — рассмеялась свекровь, глядя на довольную Горнашку. Украшения для горноста́я были тяжеловаты, пришлось их снять и отдать хозяйке.

— Хочешь, сделаю тебе из бисера сережки и бусы? — предложила расстроганная Мирхани.

— Конечно. Ведь я тоже молодая и хочу хорошо выглядеть.

На том и порешили. Теперь, если

приходили гости, они с умилением смотрели на нарядную Горнашку, которая щеголяла в сережках и бусах.

Еще забавнее стало, когда родились крохотные горностайки. Балуюсь, малыши поломали все мамины украшения, но та не обижалась, была заботливой и нежной. Когда детки подросли, семейство горностаев ушло в лес.

Ханар никогда не охотился на горностаев, в каждом ему виделась верная помощница Горнашка.

СЕЛЕЗЕНЬ

На Север пришла весна. Вернулись из теплых краев перелетные птицы. На озерах, реках, болотах раздавались теперь их радостные клики:

— Как хорошо вернуться домой!

Начались любовные игры. И перелетные, и зимующие птицы — лебеди, куропатки или сороки, никто из них не хотел остаться одиноким, каждый стремился обзавестись семьей.

Когда пернатые разбились на пары, всех их позвал на совет орел. Прилетели парочками гуси, сороки, чайки, куропатки, глухари, вороны, только уток нет — выясняют отношения. Самец сердится: как я полечу в своем сером, невзрачном наряде? Уточка и хохолок ему причесала, и бусинку черную, что нашла в лесу, на ниточке надела на шею, а он все недоволен.

— Нет, нет и нет, это мне не нравится. Сама-то вон как вырядилась: перышки у тебя ярко-зеленые, переливаются — загляденье! А я на кочку похож.

— Не знаю, чем тебе, муженек, и угодить, — вздыхает уточка.

— А ты дай мне свой наряд, на совет слетать, вернемся — опять одежками поменяемся.

— Ой, правда! Как же я сама не догадалась?

Надел самец наряд уточки, и так сам себе понравился — заважничал, загордился:

— Ну, теперь мне все завидовать будут.

Почистил он перышки, распушил хвост и стал еще ярче зеленью отливать.

— Пусть птицы отныне зовут меня Селезнем!

Уточка в мужнем наряде стала сенькой, невзрачной, но даже обрадовалась этому, поскольку по натуре была скромной и простодушной. С опозданием прилетели утки на совет. Собравшиеся удивленно смотрели на самца в ярко-зеленом оперенье. Тот важно подошел к орлу и сказал:

— Жена подарила мне свой наряд. Я прошу отныне величать меня Селезнем.

Уточка поддакнула:

— Пусть муж мой будет красивым. А мне так даже лучше: когда стану высиживать птенцов, буду незаметной.

— Будь по-вашему, — провозгласил орел. — А теперь слушайте меня, пернатые! Я собрал вас для того, чтобы наставить всех совместно оберегать гнезда! Не ссорьтесь, помогайте друг другу в трудную минуту! Учите тому и ваших будущих детей!

И все с этим согласились.

КАМЛЕЕЧКА НЕРИГИ

Ульяну уважали в стойбище за умелые руки, за умение расшить разноцветным бисером одежду, сделать ее нарядной. Когда дочурке рукодельницы, Нериге, исполнилось десять зим, мама подарила ей камлеечку из ровдуги. Голубой, белый, черный и красный бисер украшал грудь и подол одежды. Начищенные серебряные бляшки сверкали на солнце, а колокольчики, пришитые к подолу, тонко позвякивали. Ульяна осталась довольна своей работой. Нерига померила кам-

леечку и сказала, что наденет ее на праздник, а пока надо вынести обновку на улицу: пусть проветрится, чтобы вечером спрятать ее в мунгурку до праздника.

Повесила Ульяна камлейку на жердочку и пошла с дочкой собирать dro-вишки. Неожиданно налетел ветер, сорвал камлеечку, поднял выше деревьев и унес неведомо куда. Нерига, обнаружив пропажу, очень огорчилась, даже заплакала.

Камлейка упала на кустарник. Мимо пробегал волк, увидел одежду, решил на себя примерить. Только на голову натянул, а тут медведь — как пнет серого, тот кубарем в кусты. Отряхнувшись, выглядывает: кто это его обидел? Вон кто: медведь, примеряет камлеечку, а та ему на нос не лезет.

— До чего же люди малы ростом, — разочарованно вздохнул медведь и забросил камлейку далеко в заросли смородины. А там как раз сидел заяц: тоже не смог удержаться, примерил — великовата ему камлеечка. Ускакал ушастый. Пробегала мимо модница лиса, примерила и она. Впору! Обрадовалась рыжая, закружилась, танцуя — только колокольчики на подоле зазвенели.

— Ой, до чего красивая одежда!

Пошли девочки, с ними Нерига, за ягодами и увидели на поляне лису — нарядно одетую, очень довольную собой. Заяц, волк и медведь, разинув рты, зачарованно смотрели на ее выкрутасы. Нерига сразу узнала на лисе свою вещь и бегом к рыжей, не побоялась даже волка и медведя.

— Лиса-лисичка, отдай мне, пожалуйста, мою камлейку.

— Самой нужна, — отвечает лиса. — В ней так удобно, тепло! А до чего красивая вещь!

Не удержалась Нерига, заплакала. Медведь укоризненно покачал головой и говорит лисе:

— Ну, рыжая, ты и нахалка: чужие вещи носить! Сейчас же отдавай девочке ее одежду!

С медведем не поспоришь. Сняла лиса камлеечку, нехотя отдала Нериге. Та надела обновку и сразу повеселела:

— Дядя волк, тетя лиса, давайте споем, станцуем. Подойдите ближе!

Звери и птицы, следившие за происходящим, встали в круг: кто хлопал лапками, кто крыльями, а заяц барабанил по пеньку.

Нерига приглашала на танец то волка, то лису. Вот и медведя позвала, тот подхватил ее и так затоптал, что земля задрожала.

За всем этим из кустов наблюдали девочки, не шевелясь — словно в землю вросли, а когда испуг прошел, с криками помчались домой: мол, подружку хотят съесть хищные звери.

Нерига не удержалась, дала поносить свою нарядную камлеечку лисе. Та надела наряд и тоже пустилась в пляс на поляне, под одобрительные возгласы. И тут девочка вдруг поняла, как она устала.

— Мне пора домой! — грустно сказала она.

— Приходи еще, — наперебой отозвались звери и птицы. — С тобой так весело!

Тем временем мать и отец Нериги прибежали спасать дочку. С радостью обнаружили ее целой и невредимой. В юрту возвращались втроем.

С тех пор Нерига ходила в лес с особым удовольствием. Птицы помогали ей собирать ягоды, а белки и бурундуки приносили шишки.

— Мама, папа, у меня в лесу много друзей, — говорила девочка, возвращаясь с полным лукошком.

ЮРТА МЕДВЕДЯ

ришла зима, да такая малоснежная, что медведи никак не могли залечь в свои берлоги. Ноябрь в лесу, а они все бродят — ждут,

что вот-вот выпадет снег. Медведь Будын, как и остальные, ходил вялый: очень уж хотелось на боковую. И волкам это было бы кстати: завалится лесной хозяин в спячку — можно похозяйничать вволю. Серые разбойники собирались стаями и держали совет, как усыпить косолапого увальня.

— А что, если сделать ему шалаш? Пусть только ляжет, а там и сон придет. На ходу ведь не уснешь.

— Нет, нет, — вразумляет лиса. — Шалаш летом хорош, а сейчас в нем замерзнешь. Проснется медведь от холода, он нам устроит разгон.

Ворон, которому уже стукнуло двести лет, молчал, молчал да и прокаркал:

— Постройте огромную юрту. Пусть Будын заляжет в нее, а звери укроют сверху ветками, чтоб тепло было. Ветки — не хуже снега.

— Где ты раньше был? — прорычали волки и стали таскать жерди. Привели медведя, усадили на пенек, объяснили, что для него стараются.

— Делайте юрту поскорее, — взрывает косолапый. — Поторапливайтесь, я спать хочу, спать хочу. — Наконец, работа была закончена.

— Будын, вот тебе юрта вместо берлоги, отдыхай! — приступили к медведю волки. — Укладывайся поудобней, ни о чем не беспокойся. Захочется покусать, стукни лапой три раза по земле, и мыши принесут тебе орешков и корешков. Ложись, ложись, ты устал, — нащептывали волки медведю прямо в уши.

Завалился тот в юрту и захрапел так, что земля задрожала. Волки, не таясь, радостно заплясали вокруг юрты:

— Мы теперь хозяева! Что хотим, то и делаем! Держитесь, звери и птицы, не дадим вам спуска. Нам теперь никто не указ.

Через несколько дней пошел густой пушистый снег. Земля и деревья укрылись толстым белым одеялом.

— Вовремя мы хозяина уложили, — радовались волки. — Теперь уж точно: до весны нам полная свобода.

После снегопада замела метель — света белого не видать. А в стойбище неподалеку вышел как раз по надобности из юрты мальчик Хуркан. Подхватила его под руки пурга и утащила далеко в лес. Заблудился он, не знает, в какую сторону идти. Всю ночь пурга толкала Хуркана в спину, смеялась в лицо, завывала в глубине леса. Когда стало светать, мальчик заметил незнакомую юрту и — к ней: раскопал вход, залез внутрь. И вдруг увидел там спящего медведя. От страха сел и замер, боясь шевельнуться. Будын буркнул сквозь сон:

— Кто здесь?

— Это я, Хуркан. Не бойся: мне всего девять лет. Была пурга, я заблудился. Прости, что побеспокоил тебя, хозяин тайги. Я и не знал, что медведи спят в юртах.

— Снега не было. Вот и залег в юрту. Ложись рядом, я тебя не обижу. Скажи, Хуркан, а снег выпал?

— Землю, деревья — все замело. Много снега, а теперь пуржит.

— Ты, наверное, проголодался?

— Ничего, потерплю. Главное, в тепле.

Будын постучал лапой по земле. Выбежали мышки из норки, спрашивают тонюсенькими голосками:

— Что тебе, хозяин тундры, нужно?

— Принесите покусать моему другу, Хуркану!

Мышки притащили орехов и корешков. Хуркан поблагодарил их, поел и лег, прижавшись к теплому медвежьему боку. Несколько дней выла пурга, наконец, утихла. Выглянул мальчик наружу и говорит:

— Совсем тихо. Пойду-ка я домой, а то родители, наверное, меня потеряли.

— Иди. Я не держу. А то оставайся, мне с тобой веселее.

Вылез Хуркан из юрты и, радост-

ный, помчался по снежному насту со всех ног. Родители, как чуяли, вышли навстречу.

— Мама, папа, не беспокойтесь, со мной все в порядке.

— Сынок, — сказала сквозь слезы мать. — Ты нас так больше не пугай. Не отлучайся один.

— Я не хотел. Само вышло. Думаете, где я был? — И он рассказал, как пурговал с медведем в юрте.

— С кем пурговал? — удивился отец. — Медведи, сынок, в берлоге зимуют.

— Думаете, мне почудилось? Пойдемте, покажу.

Пошли они к медвежьей юрте, легко нашли ее по следам мальчика.

— Будын, друг, ты спишь?

— Конечно, сплю. Не буди меня до весны.

— Ну, спи себе, а меня дела ждут.

И впрямь его ждали дела: пора на охоту, сезон открывается. Встал Хуркан на лыжи с отцом и — в путь.

ВОЛШЕБНАЯ БАБОЧКА

Встойбище эвенов приехали американцы, привезли на обмен красные, синие ткани, стальные ножи и топоры, посуду, а из продуктов — муку, чай, табак, соль, спички. И взрослые, и дети с любопытством разглядывали товары. Малышка Ченгэ нашла у приезжих маленький грязный лоскуток, подняла, побежала к реке и постирала. На лоскутке проступила нарисованная бабочка.

— Ой, какая она яркая и красивая, — сказала Ченгэ. Когда ткань высохла, девочка взяла мамину кроильную доску и вырезала ножом из лоскутка бабочку. С тех пор носила ее с собой в кармашке. Девочки смотрели на подружку с завистью. Ченгэ не расставалась с бабочкой даже ночью, укладывала ее в изголовье и мечтала:

— Вот бы ожила, я бы с ней играла.

Однажды Ченгэ проснулась оттого, что кто-то щекотал ей лицо. Открыла глаза и увидела множество красивых бабочек, которые порхали по юрте. Одна из них села на ладонь девочки и сказала:

— Меня зовут Мэгги. Злой колдун заколдовал меня.

— А что такое колдун? — спросила девочка.

— Это как злой шаман, — ответила бабочка. — А я волшебная и делаю только добро.

— Что такое волшебная? — спросила Ченгэ.

— Это значит хорошая.

— А-а, поняла. А откуда ты взялась?

— Я ожила благодаря тебе. А эти бабочки — мои детки.

— До чего же они все красивые и нежные, — прошептала девочка, откинула полог, и бабочки разлетелись из юрты в разные стороны: какая в лес, а какая в тундру.

— До свиданья, Ченгэ, мне тоже пора, надо обжиться в ваших краях.

Девочка махала бабочке рукой, пока та не скрылась из виду. Потом Ченгэ часто вспоминала о случившемся и рассказывала своим подружкам. Те смеялись и говорили:

— Почему же волшебная бабочка не подарила тебе новое платье или платок?

— А я не просила. Ведь она такая маленькая, как бы шитье осилила?

Прошло несколько лет, Ченгэ ни разу не видела Мэгги. Сама она выросла так, что трудно узнать. Подружки Ченгэ почти все повыходили замуж, а у Ченгэ не оказалось свадебного наряда. Мать иногда плакала, отец печалился молча — из-за бедности, оттого, что не может помочь дочери. И вот наступил праздник рождения первого олененка. Все девушки пошли на гулянье, а Ченгэ осталась: не в чем выйти. Сидит в юрте, слышит голоса парней, девчат и плачет.

Вдруг ей на плечо села бабочка Мэгги.

— Не плачь, Ченгэ, иди, в чем есть. На празднике ты будешь самой нарядной.

Послушала ее девушка, причесалась, отряхнула одежду и вышла из юрты. Оглядела себя и глазам не поверила: камлейка и торбаса на ней расшиты красивым узором из бисера, в косах яркие ленточки, красные бусы на шее горят. Девчата и парни, увидев ее, онемели от удивления.

— Где ты украла вещи? — громко спросила Окча, дочь шамана.

— Это подарок бабочки Мэгги!

— Что ты выдумываешь? — напустилась Окча. — А ну, отдавай одежду. Я тебе сейчас покажу бабочку! — Хотела силой отобрать наряд, как вдруг налетели бабочки, сели ей на лицо, и она превратилась в уродину.

— Ой, ой, что со мной? Почему у меня такое корявое лицо?

— Окча, обидчица, плохо твое дело. Проси прощения у Ченгэ, — сказала бабочка Мэгги. — Тогда станешь прежней.

— Прости, Ченгэ, — застонала Окча, — прости, я не буду тебя больше обижать. Стану хорошей подругой. — А сама зубами скрипит.

Мэгги махнула крылышками, и вот она, прежняя Окча. Вернее, даже лучше, чем была: добрая, приветливая.

— Ченгэ, я до сих пор не одарила

тебя, — сказала бабочка Мэгги. — Так прими же подарок. — И тотчас бабочки, что были с ней, превратились в стадо оленей.

Вскоре Окча и Ченгэ вышли замуж, завели детей, но продолжали дружить семьями и помогали друг другу.

А на Севере появилось много красивых бабочек — это Мэгги оставила после себя потомство.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

По весне у волчицы появилось на свет шесть волчат. Отец-волк помогал растить детенышей, кормил и охранял семейство, любил поиграть с малышами. Однажды волчата заболели, и выжил лишь один. Волчица не верила, что дети мертвы, теребила их, пока не поняла, что ничем уже не поможешь горю. Тогда она оставила логово, перетащила выжившего щенка в другое место. Но продолжала бегать к умершим, переворачивала их и дышала в мордочки. Волк стоял в сторонке и печально смотрел на опустевшее логово. Много ночей был слышен тоскливый вой волчицы и волка.

Выжившему волчонку досталась вся любовь и забота родителей. Когда Серый стал взрослым, мать привела его в прежнее логово.

— Здесь ты родился. Твои братья и сестры умерли, один ты выжил.

Серый помнил эти слова и позже, когда стал волком-одиночкой. Однажды он вернулся к родному логову, как раз в день рождения. Увидел ворона и спросил:

— Скажи-ка, ворон, ты ведь везде летал, многое видел, как отмечают день рождения?

— Очень просто. Надо пригласить друзей и повеселиться.

— Друзей? Но у меня их нет, — озадачился волк. — Жаль. Значит, не будет у меня праздника?

— А ты обзаведись друзьями, — подсказал ворон. — Вон в лесу: кого только нет!

— Точно! — обрадовался волк. — Ну, я побежал!

Увидел он зайца и погнался за ним, а тот припустил от страха, только пятки засверкали.

— Постой, длинноухий, постой, — крикнул вдогонку волк, но зайца и след простыл. Увидел волк мышку и к ней, а та — шмыг в норку. Подошел Серый к лосю, ласково, как мог, обратился к нему:

— Друг, выслушай меня.

— Какой я тебе друг! — возмутился лось и так лягнул бедолагу, что Серый завалился в кусты. Очухался, погнался за глухарями.

— По-мо-ги-те, — закричали те и взлетели на дерево.

Сел именинник на пенек и заплакал от обиды.

— Вау-ва-й-й-й, — выл волк, — никто со мной не хочет разговаривать, все боятся.

Звери с любопытством выглядывали из кустов, пытаясь понять, что случилось с хищником. Прилетел ворон, взгромоздился на толстую ветку и объявил громко, на весь лес:

— Эй, звери и птицы, сегодня у Серого день рождения. Он хочет пригласить вас всех на полянку, отметить праздник. Сегодня он добрый, не надо его бояться!

— Вы только посмотрите на него: сидит один и плачет от обиды, — подхватила лиса. — Давайте веселиться, и нечего бояться волка. Лично я его не боюсь.

— И я-я его не боюсь, — заикнулся заяц.

— А мне все-таки чуть-чуть страшно, — призналась белочка.

Тут и увалень медведь пришел. Бурундуки прибежали, птицы налетели.

— Ну-ка, все сюда, — скомандовал медведь. — День рождения в нашем лесу не часто отмечают.

— Надо волка поздравить, — предложил ворон. — Он это заслужил.

Вышли звери на полянку. Глухарь взлетел и с высоты пропел, как мог:

— Поздравляем Серого с днем рождения!

— Поздравляем! Поздравляем! — закричали звери хором. И всем стало хорошо, весело. Сердце волка размякло, он отер слезы и впервые в жизни поблагодарил:

— Спасибо! Спасибо! — помолчал и добавил: — Друзья!

Сорока принесла имениннику букетик цветов, белочка — грибов, зайцы — веточек, бурундуки — орешков, куропатки — ягод, лиса — рыбки. Медведь подытожил:

— Серый, тебе каждый подарил то, что сам ценит. Не все подарки для тебя съедобны, но вручены они от чистого сердца.

— Хорошо, что бывает на свете день рождения, который делает нас добрее! — вконец растрогался волк.

Выглянуло солнышко из-за туч и улыбнулось, посылая теплые лучи веселой звериной компании.

ПОЧЕМУ МОРЕ СТАЛО СОЛЕНЫМ

На берегу моря жила дружная семья: муж, жена и маленький сын. Глава семейства Кирик ловил рыбу, добывал и нерп, из их шкур делал мавуты и подошвы торбасов. Когда пастухи подгоняли свои стада ближе к морю, он обменивал улов и свои изделия на мясо и оленьи шкуры.

Кочевые эвены с удовольствием приобретали спитые из рыбьей кожи плащи, бродни, чехлы для рукоделия, на которые была мастерица Хэндя.

К зиме Кирик поставил новую юрту, покрыл ее нерпичьими шкурами. Тепло, хорошо. Вон малыш Амача, двух месяцев от роду, лежит в бэбэ и мирно

посапывает. Папа с мамой его очень любят.

Кирик с Хэндей молоды и счастливы, живут безбедно, своим трудом. Вечерами мечтают о будущем. Чего еще желать?

Однажды весной Кирик рискнул пойти за нерпой, хотя лед уже был непрочный. Это окончилось тем, что на оторвавшейся льдине охотника унесло в открытое море. Много дней Хэндя ходила искать пропавшего мужа. Кончились припасы, и ей пришлось, взяв с собой маленького сына, отправиться рыбачить. Амача лежал в кукуле на льду, а мать тем временем забрасывала снасти. Вдруг раздался треск, оторвалась льдина и понесла мальчика. Мать пыталась дотянуться до нее шестом, но было уже поздно. Так младенец оказался в открытом море.

— О! Горе мне, — запричитала Хэндя на весь берег. — Море, почему ты такое жестокое: забрало у меня мужа, а теперь и сына!

Плачет несчастная, слезы льются в море ручьями. Выглянула рыба, просит:

— Хэндя, не плачь, пожалуйста. Море от твоих слез станет соленым, и тогда вся рыба погибнет.

Но женщина все плакала и плакала, никак не могла уняться.

— Хэндя, — обратился к ней дух

моря, — перестань убиваться, а то море слишком соленым станет.

— Был у меня любимый муж, был у меня любимый сын, а теперь никого нет. И ты, дух моря, говоришь, чтобы я не плакала? Верни мне мужа, верни сына. Тогда я стану радоваться.

— Не могу, — сказал дух моря. — Им хорошо у нас. А ты найдешь себе другого мужа, родишь еще много детей, не горюй.

Но Хэндя продолжала оплакивать близких и в конце концов от горя превратилась в скалу. Она и сейчас стоит на том же месте, напоминая очертаниями плачущую женщину, склоненную над морем. А море от слез Хэнди и вправду стало соленым.

ОГНЕВКА

Собрались однажды лисы: чернубурка, крестовка и сиводушка совет держать. А случилось вот что: появилась в тундре особенная лиса, не как все: бежит ночью, и сияние от нее исходит, озаряет округу. Какое, казалось бы, до этого дело остальным кумушкам? Но в один голос возмущаются: что за жизнь устроила нам выскочка! И так волки покоя не дают, а совы и филины мышей из-под носа выхватывают. Целыми днями по лесам рыскаешь, чтобы хоть какую-то еду добыть. А теперь из-за лисы-огневки и ночью забудь о покое. Вот ведь свалилась на нашу голову.

— Давайте отыщем ее и прогоним, — сказала сиводушка.

— Прогоним! Прогоним! — согласились остальные.

Разбежались в стороны. Сказать-то легко, а сделать? Не скоро отыскивали возмутительницу спокойствия, стали выспрашивать, из каких она мест и что ей здесь надо? Огневка была настроена мирно:

— Друзья, — говорит, — я ведь вам

вреда не причиняю. Днем отлеживаюсь и лишь ночью, когда звери и птицы спят, выхожу на охоту. Мне не нужно солнце, без него все хорошо видно. Прихожу в стадо: все олени спят. Озаряю их своим светом и выбираю, который мне под силу. Лягу рядом и шепчу на ушко, приговариваю: «Ты самый хороший, красивый». А сама впиваюсь ему в глотку. Олень и умирает — легко, без звука. Утром стадо переходит на другое место, а моя добыча остается. Так и живу.

— Ах, какая ты умная, — сказала сиводушка, и ее подружки тоже сменили гнев на милость: — Давай, огневочка, дружить!

— Нет уж! И без вас проживу. День ваш, а ночь моей будет. Так что, дорогие сестрички, живите, как жили. Днем я вам дорогу не перебегаю, а ночью вся тундра моя. И зла на меня не держите.

Лисы не знали, что и ответить, молча глядели огневке вслед и очень ей завидовали.

НАПЕРСТОК

Хаей обшивала всех, кто ни попросит, и хорошей была мастерицей: кухлянку, торбаса, рукавицы так изготовит, что залюбуешься. Муж ей под стать: ни охотой, ни рыбалкой не занимается, зато делает костяные иглы, выбивалки для снега, скребки. Живут в достатке. Взрослый сын перенял ремесло отца, дочь — у матери научилась швейному делу.

Как-то Хаей попросила мужа подарить ей стальную иглолку: костяной уж больно трудно управляться, пальцы быстро устают.

— Не на что ее выменять, — возразил тот. — Расшей бисером коврик, тогда у нас будет, что предложить.

Хаей стала шить, дочка Мангруни — нанизывать бисер. Через месяц коврик был готов. Вышитые бисером, перели-

вались на нем лес, сопки, олени. Когда приехали на торг американцы, Апока предложил им семейное рукоделие.

— Что, у тебя пушнины нет? — выказал недоумение американец Джон.

— Нет.

— Ну, за эту вышивку я могу дать только одну иглолку, — сказал, кривя губы, торговец.

Апока спрятал иглолку как самую дорогую вещь и отправился домой.

— Теперь у меня еще одна помощница есть, — воскликнула Хаей, вне себя от радости. Новой иглолкой она управлялась гораздо быстрее, и заказчицы были довольны.

Тем временем наперсток, который обычно лежал в сумочке-авсы, возмнил, что лишь благодаря ему у хозяйки спорится работа. Стальная игла возразила:

— Век мой короткий, в любой момент могу сломаться, но ты, наперсток, без меня ничто!

— А вот и не так, — заспорил наперсток. — Без меня вообще бы ничего не вышло.

— Хорошо, — сказала игла. — Сам шей, без меня. Посмотрим, что у тебя получится.

Иглолка спряталась, но так, чтобы видеть, что будет дальше. Вот в юрту вошла Хаей с заказами, достала свою сумочку-авсы, глянула — а иглолки нет.

— Неужели обронила? — заплакала она от досады. Вылез наперсток из сумочки:

— Я здесь!

Хаей только рукой на него махнула.

Обиделся наперсток и, пыхтя, спрятался. А Хаей, знай, причитает:

— Иголочка, красавица, что же я буду без тебя делать?

— Хаей, я здесь!

Обрадовалась хозяйка. Схватила иголку — крепко, чтобы не выронить:

— Кормилица моя, спасительница!

Наперсток все это видел, и стало ему стыдно за свое хвастовство. Вылез из сумки и повинился:

— Прости, иголочка! И правда, я без тебя ничто. Давай не ссориться.

Так и зажили, в дружбе и согласии: иголка шьет, наперсток ей помогает, работа спорится, и потому Хаей за рукоделием распевает песни.

РУКАВИЦА

Состарился пес Челкан, холодно ему стало спать на снегу, вот и решил он взять что-нибудь у хозяев, на подстилку. Когда в юрте угомонились, прошмыгнул внутрь, схватил, что попало, и обратно. Подстелил под бок: вроде теплее. Утром хозяин спрашивает жену:

— Нека, не видала мою рукавицу?

— Нет.

Стали вместе искать — как сквозь землю провалилась.

— Что ты за хозяйка никудышная, — ворчит хозяин, — вещи мужа не можешь прибрать как следует.

Заплакала Нека от обиды, побрела к соседям — просить рукавицы взаймы. Челкан услышал, что хозяева ругаются, закопал рукавицу в снег и помчался с хозяином в стадо.

Тем временем бежала мимо мышка. Учужала, что в снегу что-то зарыто, от-

копала, а это рукавица. Утащу-ка в норку, все сгодится в хозяйстве, — решила она. Увидел мышку заяц — как она упирается, выхватил рукавицу, рассмотрел получше и говорит:

— Вообще-то зачем она мне нужна? — И принялся пинать рукавицу, будто мячик.

— Эй ты, косой, зачем портишь вещь? — заворчала сорока. — Тебе не нужна, так другим сгодится.

— Может, ты, старая, на свои когти напаялишь? — засмеялся заяц и зафутболил рукавицу аж на куст жимолости. Сорока схватила рукавицу — и лететь с ней. А навстречу ворон.

— Отдавай добычу, — напустился он на сороку. Та не уступает, впиалась обеими лапами, а лететь с грузом трудно. Сцепились птицы, рукавица сорвалась и упала на дерево, где жила белка.

— Ой, что это? — испугалась та, но, разглядев вещь, успокоилась и даже обрадовалась, занесла в дупло и постелила на дно. Сразу стало теплее.

Вот как попала рукавица в беличье гнездо.

ПОДАРОК

Челкан, хоть и не молода уже, замужем никогда не была и не знала радости материнства. Не имела она и своего очага, обреталась в

чужих юртах, помогая то одной хозяйке, то другой.

Хелкачан трудно было назвать красавицей: оспины на лице, перекошенные губы. Их она старалась прикрывать платком, людей избегала, а за ягодами можно и одной ходить. Забрела как-то в чащобу, заблудилась. Когда поняла, что на одном месте кружит, села на пенек и расплакалась.

— Никто меня искать не будет, никому я не нужна, — рассуждала Хелкачан вслух, поскольку привыкла разговаривать сама с собой. Но в лесу она оказалась не одна: на ветке сидела белка.

— Хелкачан, — говорит белка, — на, возьми-ка платок, он тебе пригодится. Только береги его, никому не показывай и рот держи на замке.

Взяла Хелкачан старенький, выгоревший платок, растерянно поблагодарила:

— Спасибо тебе, добрая белочка. В жизни еще мне не дарили подарков. — И побрела, куда глаза глядят. Хоть и устала, уходить из леса ей уже как-то не хотелось. И вдруг из чащобы медведь! Встал на задние лапы и к ней. Идет, земля колышется. Хелкачан хотела бежать, да ноги словно приросли к земле. Только и смогла, что платком отмахнуться. И тотчас огромный лесной зверь замер, на всем ходу. Обрадовалась женщина своему спасению, повязала белкин подарок на шею и продолжила путь. И вдруг случилось новое чудо: переменялась одежда на ней, стала как новая. Преобразилось и лицо, только откуда ей было о том знать? Вышла, наконец, Хелкачан к стойбищу и поняла, что люди ее не узнают. Наверное, новая одежда ее так изменила. Встретилась ей женщина, спрашивает ревниво:

— Откуда ты, красавица?

Хелкачан покраснела: думала, розыгрыш, и прикрыла лицо платком.

— Неужели не узнала? Это же я,

Хелкачан. А одежду в лесу нашла.

— Трудно узнать. Как такое может быть — была дурнушкой, а стала вон какая!

Радовалась Хелкачан, что с ней ведут разговоры, и чуть не проговорилась, да вовремя вспомнила, что белочка не велела раскрывать тайну платка. И объяснила уклончиво:

— Я заблудилась в лесу, проголодалась, поела какой-то ягоды. Наверное, от ягоды все и случилось.

Двинулась, было, Хелкачан дальше, а куда податься, бездомной, не знает. Пока была уродиной, не очень жаловали, станут ли теперь привечать? Вдруг появилась белочка, говорит:

— Положи платок посреди стойбища, и у тебя появится своя юрта и все, что надо в хозяйстве.

Так Хелкачан и сделала. Выросла как из земли юрта, в ней красавица и поселилась. Новость быстро разнеслась по стойбищу. Мужчины наперебой стали свататься к Хелкачан, но та не могла забыть прежних насмешек и отказывала женихам. Многие женщины приходили выведать, какую она ела ягоду, отправлялись в лес и пробовали все подряд, да без толку.

Сидит как-то Хелкачан, сама с собой разговаривает: уродиной была — ни мужа, ни детей не имела, а теперь-то за чем дело стало?

Вдруг слышит рядом топот и мужской голос:

— Здесь хозяйка?

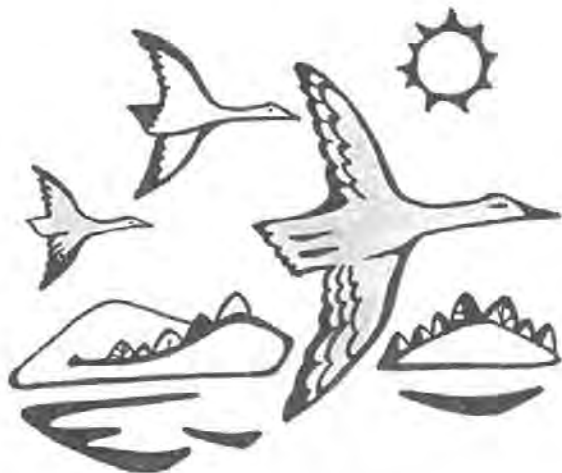
— Дома я, — отвечает Хелкачан. Зашел в юрту мужчины, молвит:

— Ты хотела мужа? Так принимай. Вот он я. Давай знакомиться.

Усадила хозяйка гостя, чаем наполнила, накормила. И стали они с Нелканом жить да поживать. Когда родилась девочка, назвали Унянгой. Недобрые люди поговаривали, что Хелкачан помог злой дух, и всю их семью надо сжечь, с юртой. Готовились к этому, ждали случая. Прознав об опасности, белочка предупредила Хелкачан:

— Твою семью хотят погубить. Если будет нужда, махни платочком. И не другие вас не достанут.

Однажды ночью загорелась юрта. И выйти нельзя: вход заложен снаружи. Махнула платком Хелкачан и тотчас

оказалась с мужем и дочкой в далеком стойбище. Местные жители душевно с ними разговаривают, будто давно знакомы, зовут на чай. В этом стойбище семья Хелкачан и поселилась, живя в достатке, мире и согласии.

ПТИЦЫ — ДЕТИ РАДУГИ

 Бабушка, дедушка! — кричат Харлам с Неригой. Бегут наперегонки к юрте, толкаясь, заходят в нее: никого!

— Где они?

— На озере. Где же еще? Бежим туда.

Юрта поставлена неподалеку от озера: старикам нравится ходить к воде. Сядут среди кочек, затаятся, наблюдают за птицами.

— Вон они, — издалека радуется Харлам. Бабушка с дедушкой видят, как он мчится к озеру, стремясь обогнать старшую сестренку. Ну, вылитый отец в детстве! Нерига толкнула Харлама, мальчик упал. Сестра, запыхавшись, первая добежала до стариков. Харламу обидно, что проиграл девочке.

— Иди, Нерига, помоги братцу, ведь он младший, — сказала бабушка.

Нерига вернулась, стала поднимать Харлама, но тот толкнул ее и бежать. Теперь заревела девочка.

Бабушка, покачав головой, позвала внуков и сказала:

— Вы своим ревом распугаете нам птиц. Сидите тихо.

Дети замолкли, птицы на озере успокоились.

— Бабушка, откуда они взялись, птицы? — вдруг спросила Нерига.

— Правильно, внучка, интересуйся, а мы расскажем, что знаем. Давно это случилось. На земле уже был лес, и звери в нем водились, только чего-то недоставало. Вышла тогда на небо радуга и послала на землю птиц. Каждую расцветила и дала ей неповторимый голос. И сразу стало на земле веселее. Нам с дедом нравится любоваться птицами, слушать их разговоры. Вон, посмотрите: утка с выводком идет к озеру, один птенец отстал, и мама-утка подгоняет: не отставай, поторопись!

Тем временем дед развел костерок, поставил чайник. Когда вода вскипела, вчетвером уселись пить чай. В это время над ними пролетели, бранясь, сорока с вороном.

— Опять проныра белобокая что-то стащила, — догадался дед.

Вдали слышалось уханье филина: видно, медведь его потревожил.

— А кто из птиц как разговаривает? — спрашивает Харлам.

— Гуси гогочут, — начала перебирать бабушка, — вороны каркают, филины ухают, утки крикают. В природе у каждого свой голос, своя расцветка. Любят птицы и звери принаряжаться, менять наряды: зимой в одном щеголяют, летом в другом.

— Зимой, что ли, белые, а летом зеленые? — выпалил Харлам. Дед Нуклин рассмеялся:

— Где же ты, внучек, видел зеленого зайца? Заяц — он зимой белый, а летом серый.

— Дедушка, — перебила Нерига, — а какие птенцы бывают? У орлов, наверное, они большие, а у уток маленькие?

— Я охотник, всяких птенцов повидал. Они разные. Утята, гусята вылупляются шустрыми, глазастыми, в густом пуху. И сразу, как появятся на свет, могут и бегать, и плавать. У могучего орла птенцы рождаются голыми и слабыми, два месяца не покидают гнезда. Родители кормят их, обогревают, пока не вырастят. А кукушка свои яйца не насиживает — подкладывает в чужие гнезда. Лебеди год за годом живут парами, сохраняют верность друг другу. Утки, лебеди, гуси на зиму улетают в теплые края. А с нами остаются зимовать глухари, совы, куропатки, вороны, кедровки. Вон, посмотрите, сколько на озере птиц, и всем хватает и места, и корма.

Стал накрапывать дождик. Харлам взял за руку деда, Нерига — бабушку, и старики с внуками заторопились домой.

ЧУВАНЕЦ АМЭНТО

Встойбище эвенов появился веселый, работающий парень Амэнтто. — По национальности, — говорит, — я чуванец. На наше стойбище

напали коряки, мужчин убили, а женщин и детей увели с собой.

— Да, — печально сказал дед Хуркан, — так уж водится. Коряки — народ воинственный, мы знаем. Это они от грибов такие: объедятся мухоморами и в бой. Многие из них погибают в битвах. Но, видать, много еще их осталось на свете, если все воюют и воюют.

— Я несколько лет прожил в корякском стойбище, — продолжил рассказ Амэнтто. — Мы с сородичами работали на них. Когда вырос, сбежал. И вот я здесь.

Девчата заглядывались на чуванца, да кто отдаст дочь за чужака, к тому же неимущего? Однако нашелся такой отец: богатому оленеводу Болдухину приглянулся работающий смелый парень, отдал богач за него свою дочь, Дарью:

— Пусть в жилах моих внуков течет свежая кровь.

Тесть любил разговаривать с зятем, уважал за расторопность, был доволен его рассудительностью. Амэнтто рассказывал об обычаях своего народа:

— У нас, чуванцев, такое поверье: нельзя в реку ронять железные вещи, иначе хозяин реки не даст ни одной рыбки. Ты должен угостить его, если пришел на рыбалку. Нельзя палкой добывать пойманную рыбу — она может обидеться.

Настала пора, Дарья сказала, что ждет ребенка. Все ожидали сына, но родилась дочь. Амэнтто радовался малышке. Он взял отрезанную пуповину, завязал в нее иголку, наперсток, женский деревянный ножичек и все это оставил в лесу на дереве: пусть девочка будет помощницей и нянькой. Дочку он назвал по-чувански, Авай.

— Когда родится сын, дам ему имя Чочоль, а в пуповинку завяжу детский лук со стрелами и деревянный ножичек, чтобы рос смелым и удачливым.

Родители жены не перечили зятю. Он отец, пусть называет детей, как

хочет, лишь бы в семье был мир. А уж как Дарья любила своего неугомонного мужа!

Прошло много лет, у Амэнта с Дарьей один за другим появлялись дети, и каждый раз счастливый отец уносил пуповину в лес и привязывал к дереву. На своей родине он так больше и не бывал, но помнил и чтит обычаи чужанского народа.

КАМУСНЫЕ ЛЫЖИ

днажды зайцы стащили у охотника одну лыжу и приладились кататься на ней с горы. Конечно, одной лыжи на всех было маловато. Утащили и вторую. Белки к зайцам присоединились, стало еще веселей. Вот заволокли они лыжи на гору, а там — лиса. Тут уж не до смеха. Белки-то прыг на деревья и спасены, зайцам бежать без оглядки приходится. Лиса не стала ни за кем гнаться, заинтересовалась лыжами, обнюхала с видом знатока. Говорит:

— Ну, что от вас толку? Вы мне вовсе не нужны, — и пошла себе дальше.

Наступила весна, снег подтаял, в медвежью берлогу затекло. Проснулся медведь в луже. Вылез, недовольный. Смотрит, на кого бы рассердиться. Снегу-то еще много, можно бы дольше поспать. Сердитый, поднялся он на

гору и вдруг увидел лыжи. Странно: кто их здесь оставил? Сел на пенек, вздохнул, задумался.

— Эх, зачем я так рано проснулся? Горы в снегу, под деревьями сугробы. Скоро кушать захочется, а где взять?

На ветке большой лиственницы, как раз над медведем, сидел ворон. Он слышал причитания хозяина тундры и не смог удержаться от сочувствия:

— Бедолага, поднялся рано, и зачем только солнышко тебя разбудило?

Медведь, похоже, уже начал просыпаться всерьез. Ему подумалось: «А лес в эту пору не так уж и плох. В нем немало забавного, например, эти лыжи».

— Скажи, ворон, а что здесь лыжи делают?

— Зайцы притащили. Катались, катались, бросили.

— Прокачусь-ка и я, — решил медведь. — Все равно делать нечего. Разомну косточки.

Лыжи были широкие, камусом обшитые, будто специально для него.

— А ты, мишенька, кататься умеешь? — спросил ворон.

— Что ты умничаешь? Хозяина тайги учить? Как это я не смогу? Запросто скачусь.

— Ну, извини, я только спросил. Ты у нас хозяин тундры, жаль, что лыжи этого не знают.

Надел медведь лыжи, затянул завязки на лапах и — по-ехал! Белки, вороны, куропатки с ужасом следили за его спуском по крутому склону. Сначала косолапый катился медленно и кричал от удовольствия, потом осмелел, развеселился:

— Ха-ха-ха! Чего тут не уметь? — Но лыжи набирали скорость, и медведю стало страшно. — Ой! — ободрал он шкуру о кусты. — Ой! — задел пеньки. — Ох! — врезался туловищем в дерево. Тут уж заревел во весь голос. Больно: набил шишек, вывихнул лапу. Сидел он и лил горькие слезы. Сбежались на его рев звери, принялись сочувствовать,

утешать. Одни лишь волки промолчали, ехидно улыбаясь. Медведь позвал зайцев и стал их распекать:

— Зачем вы, лопоухие, лыжи на горе бросили?

— Нас лиса напугала.

— А ты, рыжая, почему бегаешь где попало, всех пугаешь? Пусть бы зайцы себе катались, а не бросали лыжи в неподобающих местах.

— Да ну вас, — говорит лиса. — Если я не умею, так и не берусь с горы спускаться. Я эти лыжи видела, но не тронула. И некоторым не надо было трогать. Вот и скажите, кто из нас умнее.

— Это я-то дурак? — возмутился медведь. — Я — хозяин тундры, хочу — катаюсь, хочу — валяюсь. И вообще я бы еще спал, если бы не солнышко. Больно уж пригревает.

— Ну, разобрался, миша. Нашел крайнего! — хитро улыбнулась лиса и подмигнула ворону. Страхнув с себя хвостом снежинки, побежала прочь, не оглядываясь.

ШАМАНЫ

Якутский шаман Хидмучан погнал стада оленей на север, поскольку в Якутии на пастбищах стало мало корма. Эвенский шаман Когань тем временем кочевал с оленями в сторону Якутии.

И вот в один из дней лицом к лицу встретились два шамана на пастбище, богатом ягелем. Оба сильны в своем шаманском деле. Просто так, без борьбы, никто не хотел уступать. Оба полны решимости стоять до конца. Но как помериться силами?

Когань предложил:

— Эй, Хидмучан, давай устроим состязания. Кто победит, тот и останется на пастбище!

— Давай. Я предлагаю такие усло-

вия. Кто подбросит бубен до неба, превратит мышку в птицу и сделает так, чтобы полетел олень, тот победит.

Оба надели на себя устрашающие погремушки. На поясе у каждого болтались зубы медведя, когти орла, клыки волка, скелеты птиц. День и ночь, сменяя друг друга, шаманы пели у костра магические песни.

В те давние времена солнце и луна были квадратными. Подбросили шаманы свои бубны: один улетел на солнце, другой на луну, и дневное, и ночное светило стали круглыми.

Видит Хидмучан: мышка бежит, — превратил ее в куропатку. А Когань другую мышку — в орла.

— Силен ты, однако, Когань, — говорит якутский шаман.

Осталось третье испытание. Взвился у Хидмучана олень в поднебесье. Вздохнул Когань и говорит:

— Пусть твои стада, вместе с тобой, улетают подальше от этого места. — И взлетел шаман Хидмучан со своими оленями, высоко поднялся и понесся неведомо куда. Только и успел крикнуть:

— Видал я сильных шаманов, но такого, как ты, Когань, вижу впервые.

Так эвенский шаман Когань остался победителем.

ЗАВИСТЬ

Грубое лицо, две тонюсенькие косички, хрипловатый голос, тяжелая походка – это Гарпани. Хоть и богатая невеста, но никто на нее не зарится.

Старая нянька Нохут очень хотела что-нибудь сделать, чтобы девушка стала привлекательнее: заставляла мазать лицо шикшей, волосы мыть речным илом, говорить тихо, передвигаться на цыпочках. Гарпани слушалась, но красивее не становилась, только злости набиралась все больше и больше. Однажды даже сорвалась, накричала на Нохут:

– Что ты все выдумываешь со своими примочками! Иди-ка, старая, отсюда, поищи мне средство получше, – и вытолкала няню из юрты.

– Гарпанюшка, – заплакала бабка, – куда же я пойду?

– Иди, куда хочешь, но приведи мне шамана. Может, хоть от него прок будет.

Много дней прошло, и вот однажды видит девушка: подъезжает на верховом олене незнакомец – судя по одеянию, шаман. Отец зовет его в юрту, сажает на мягкие шкуры, потчует вкусной едой.

– Я – шаман Чимга. Меня прислала Нохут, чтобы помог Гарпани.

Увидел шаман девушку, хмыкнул: и правда, кому нужна такая уродина? Гарпани оглядела шамана с головы до ног и тоже хмыкнула:

– Правда ли, Чимга, что ты силен в шаманстве?

– Да-а.

– Посмотри на меня, Чимга: никому я не нужна такая, а замуж хочется. Вон у моей соседки, Окчи, косы густые – мне бы их. А у Хаей лицо красивое, Киндаку поет хорошо. Ты бы все это у них забрал, а мое – им! Сделай, и отец даст тебе стадо оленей.

– Ложись спать, утром сама уви-

дишь, что будет, – ответил Чимга. Всю ночь он стучал в бубен, пел, стонал, шептал. Гарпани еле заснула от грохота, а утром проснулась в новом обличье. Взяла ведра и побежала через все стойбище к реке. Женщины оглядывались на нее, удивлялись: что за красавица объявилась в юрте богача, кто она такая? Гарпани с улыбкой прошептывала мимо легкой походкой, черные густые косы туго заплетены, к ним подвязаны колокольчики, лицо красивое и чистое. Никто из стойбища не узнал Гарпани. Та смеялась от счастья и не могла налюбоваться, до чего звонким был смех.

– Теперь и я могу на тебе жениться, – предложил шаман.

– Ну-ну, Чимга, поищи себе невесту в другом месте, – гордо промолвила Гарпани. – Мне нужен муж молодой и красивый, как я сама.

Богач кликнул шамана, оба отправились посмотреть подарок – стадо оленей. Осталась Гарпани одна, но не надолго: Нохут вернулась, в юрту вошла.

– Ой, – всплеснула руками нянька, – какая ты, Гарпи, красавица стала. Молодец Чимга!

Тем временем три друга – Чандр, Ноли и Гераул – помогли пастухам перегнать стадо на свежее пастбище и возвращались домой, к молодым женам. Все они женились недавно и никак не могли налюбоваться на своих избранниц. Вернулись друзья в стойбище, каждый в свою юрту, но тут же собрались вместе. Оказывается, их молодые жены внезапно подурнели: у Окчи вместо кос какие-то хвостики торчат, у Хаей лицо стало страшным, а у Киндаку голос погрубел. Переглядываются друзья, никак не поймут, что произошло. Вдруг Ноли слышит в юрте богача женское пение – судя по голосу, это Киндаку. Что она там делает? Пришел он туда, увидел незнакомку, спрашивает:

– Почему ты поешь голосом моей жены?

— Да куда твоей жене до меня! — отвечает красавица. — Вон отсюда!

Вернулся он к друзьям. Поговорили они и поняли, что эта красавица — Гарпани. Грубость манер ее выдала. Но почему так вдруг похорошела уродина? Пошел Чандр в юрту богача, изумился: узнал волосы своей жены. В их стойбище лишь у Окчи были такие красивые косы. У Гераула тоже глаза на лоб полезли: у Гарпани оказалось лицо его жены. Наверное, злой дух вселился в дочь богача, — решили друзья и потащили Гарпани к реке, чтобы

утопить. Бабка Нохут вступилась за воспитанницу:

— Ее такой красивой сделал шаман Чимга!

Видят друзья: идет чрезвычайно довольный собой шаман, вместе с ним отец Гарпани.

— Ах ты, злая твоя сила, что ты сделал с нашими женами! — возмутились парни и принялись колотить Чимгу. — Верни нашим женам то, что украл у них.

Видит Чимга, дела плохи: надо свою шкуру спасти. Принялся шаманить, чтобы возвратить украденную красоту. Стала прежней Гарпани, заревела во весь голос:

— Не хочу быть уродиной!

А шаман сел на оленя и давай его погонять. Гераул бросил в него мавут,

поймал, но шаман превратился в птичку и улетел.

— А-а, — все ревела и ревела Гарпани, — верните мою красоту! — и вдруг превратилась в грудку булыжников. Так до сих пор и валяется в тундре.

ДАР СКАЗИТЕЛЕЙ

Эх, Эчен, Эчен, — говорила мать сыну, — почему ты такой непоседливый! Все бродишь от стойбища к стойбищу, людей смешишь, небылицы рассказываешь. Вон твои ровесники пасут оленей и охотятся, переженились все, а ты что себе думаешь?

— А я не тороплюсь, — весело отвечал Эчен. — Нет у меня ничего, чтобы за невесту выкуп отдать. Я такую хочу, чтобы сама меня полюбила. И чтобы была веселой и разговорчивой!

— Да с чего веселиться, когда юрта у нас — дырка на дырке!

— Ничего, мать, подлатаю, а голодом мы не сидим. Людям нравятся мои шутки и рассказы, и я люблю веселить людей.

Многие называли Эчена лентяем и болтуном, хотя на самом деле он был неплохим пастухом и охотником.

Но порой вселяется в него какая-то игривость, когда ни о чем ином не может думать, кроме как людей развлекать. С собой совладать не может. И получается у него, как ни у кого другого. Помнится, медвежью пляску показал, люди до сих пор вспоминают и потешаются. Пока был молодой, люди посмеивались над его неловкостью.

Повзрослел Эчен и стал нарочно ломать комедию — понял, что без улыбок и смеха тяжелее на свете живется. Когда он уезжал в другие стойбища, люди приносили матери еду и интересовались, когда вернется весельчак, уж скорее бы.

Едет он как-то на своем верховом олене. Весна, а снега еще много. Песни распевает, тундрой любитесь, а проголодается — подстрелит дичь. Выехал на бугорок, видит: бежит раненый человек, а за ним подстреленная росомаха, след кровавый за ней тянется. Погнал он оленя наперерез, чтобы спасти человека. Олень фыркает, упирается, чуя росомаху.

Тогда Эчен привязал оленя к дереву и с копьем побежал к раненому. А тот уже упал, выбившись из сил. Прежде, чем росомаха набросилась, Эчен успел метнуть копье и убил зверя. Облегченно вздохнул и поспешил к раненому. Перевернул лицом вверх, а это женщина.

Открыла она глаза, стала рассказывать:

— Меня зовут Гедани, я ехала к матери, и вдруг увязалась за мной росомаха. Олень сбросил меня и убежал. Росомаха, видимо, была очень голодна — не погналась за оленем, а набросилась на меня. Я выхватила нож и ранила ее. Отскочила она с ревом, зализывает рану. Я бежать. А она вдогонку: хоть и раненая, не отставала. Тут ты нас и увидел.

— Сама-то ты откуда?

— Жила в стойбище, с мужем и детьми, их забрала болезнь. Вот иду к матери. Который день не встречала ни души. Сама я из богатой семьи. Бабушка научила меня петь, рассказывать сказки.

— Я тоже сказочник. Видно, судьба нас свела. Стань моей женой, Гедани. Моя мама будет рада тебе.

Рана оказалась неопасной. Удалось Эчену и оленя убежавшего отыскать. Все складывалось как нельзя лучше. Два сказочника поехали вместе. На ночь остановились на опушке леса, развели костер, чай вскипятили, поставили на огонь котелок с мясом. Вдруг из темноты к костру подошла незнакомая женщина, просит:

— Добрые люди, накормите меня, пожалуйста, я такая голодная.

Эчен с Гедани удивились необычной гостье, пригласили к огоньку. Женщина отведала чаю и оленины и поведала:

— Я здешняя шаманка, давно умерла и вот брожу теперь ночами по лесу. Очень хочу с кем-нибудь поговорить, а еще больше — послушать сказки и небылицы.

Эчен в первый момент испугался: не каждый день встречаются на пути умершие женщины, но облегченно вздохнул, когда понял, чего она ждет:

— Мы много тебе за ночь расскажем сказок.

Шаманка возразила:

— Не за ночь. Вы должны меня забавлять три ночи подряд. Я вознагражу.

И началось: Эчен рассказывал, Гедани подхватывала, и так они проговорили три дня и три ночи. Наконец, шаманка поблагодарила их, дала бусы и наказала:

— Когда приедете в свое стойбище, порвите низки, бусинки раскатятся и станут оленями. Сама я была доброй шаманкой и даю вам особый дар сказительства. Люди будут вас уважать за сказки, пробуждающие надежду, вселяющие уверенность в жизни. А теперь слушай внимательнее, Гедани: когда приедешь в юрту мужа, то родишь дочь. Назови ее Мирхани. Так звали и мою дочь. Вот вам десять оленей, чтобы доехать до дома. — Эчен с Гедани поклонились шаманке. — Я не забуду ваших сказок. В следующий раз, когда будете проезжать это место, привезите мне бубен, а то мой совсем уж старый, потерял прежнюю звонкость.

Прошло много лет. На одной из оленьих тропок можно и теперь увидеть бубен, висящий на дереве. Эчен с Гедани оставили его для доброй шаманки. Но никогда больше не встречали ее.

ГУРИЙ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Гурий рос пытливым мальчуганом, в свои пятнадцать зим интересовался всем, что его окружает. То и дело спрашивал маму и других членов семейства о том, о сем. Например, почему птицы летают.

— Не знаю, — пожимала плечами мать и принималась за свои дела.

— Бабушка, почему птицы, бабочки летают, а люди нет?

— Всякому своя участь, — отвечала бабушка. — Кому летать, а кому ходить.

Внук морщил лоб и все-таки задавал свой вопрос в третий раз — дедушке.

— Все зависит от небесного хозяина, — вразумлял дед. — Он так решил.

— Дедуля, я хочу летать!

— Что за глупости ты говоришь!

Гурий не унимался, никому не давая покоя, даже шаману.

— Что за ерунда! Где это видано, чтобы люди летали? — накричал на него шаман.

Однажды Гурий заметил, что на высокой горе прилегли тучи. Побежал туда, поднялся на вершину и... растерялся. Это только снизу казалось, что тучи лежат на самой горе, на самом деле они висели гораздо выше. Ворон, который жил неподалеку от юрты и наблюдал за мальчишкой, сказал:

— Гурий, успокойся, зачем тебе это надо?

— Я хочу летать, — объяснил мальчик. Тогда ворон дал ему дельный совет:

— Видишь, на бугорке растет тополь? Ему не хватает воды. Если будешь каждый день поливать его, он быстро вырастет, до облаков. Смешной ты. Зачем тебе летать? Мы вон летаем, и что хорошего?

Гурий схватил ведра и давай носить из речки воду, лить на тополиные корни. И правда, тополь стал быстро расти. На его кроне полюбили отдыхать

облака. Вот тогда-то Гурий, взяв с собой лепешек и юколы, решительно полез на дерево. Целый день лез, а вечером встретил белочку. Та плакала, поранив лапку. Гурий перевязал ей ранку.

— Спасибо тебе, добрый человек. Возьми этот большой гриб: если захочешь кушать, брось его сверху, и я принесу тебе еды.

Лезет путешественник дальше, видит глухаря. Тот сидит в слезах, просит:

— Гурий, вытащи мне соринку из глаза!

Отчего не вытащить? Вынул. А глухарь говорит:

— Возьми палку: если тебе что-нибудь понадобится, постучи по дереву, я и прилечу.

Добрался Гурий до самой вершины тополя, а там ворон поджидает.

— Молодец, Гурий — добился своего!

Дни были солнечные: ни облачка. Гурий целую неделю на дереве просидел. Бросил сверху гриб, белочка принесла ему орешков и ягод. Постучал палкой по дереву, прилетел глухарь, принес ему в клюве воды и говорит:

— Ты все лепешки не ешь, оставь для небесного хозяина!

Вот и облако село отдохнуть на ветвях тополя. Гурий обратился к небесному хозяину, подкинул лепешку вверх, чтобы его задобрить.

— Хозяин небесный, сделай так, чтобы я полетел на облаке.

— Благодарю за угощение, — послышалось сверху. — Будь по-твоему.

Облако наполнилось ветром, — видно, собралось лететь дальше. Залез на него Гурий и полетел. Пролетая мимо стойбища, увидел мать и крикнул:

— Мама, мама, я скоро вернусь. Жди!

Увидев сына, мать побежала за облаком. Не догнала, упала и громко заплакала, глядя вслед. Увидит ли она своего сына еще раз?

Настала ночь, Гурий уснул. Тепло

ему, мягко. Облако плавно опустилось на землю в какой-то долине. Осмотрелся Гурий: все вокруг зелено, а вдалеке высокие горы в снегу. Слез он с облака, просит:

— Облако пушистое, ты без меня не улетаешь!

Пошел Гурий в долину, видит: человек баранов пасет. Попытались разговаривать, а никак не поймут друг друга. Отошел Гурий в сторонку, подбросил лепешку в небо и попросил:

— Хозяин небесный, помоги мне, сделай так, чтобы я всех людей понимал.

— Благодарю за угощение, — услышался голос сверху. — Будь по-твоему.

Вернулся Гурий. Понятно ему, чему незнакомец удивлялся:

— Вай, вай, дорогой, почему ты весь в бахрамушках? Пойдем, я тебе другую одежду дам. — Выложил сапоги, папаху, рубаху. Оделся Гурий, а в новом неудобно. Но он об этом не решился сказать, а спросил о другом:

— Почему у тебя собаки кучерявые?

— Это не собака, баран называется. Хочешь, адын подарю?

— Спасибо, — поблагодарил Гурий и засобиравшись домой.

Дал ему грузин мяса вареного, сыра, живого барашка, и полетел Гурий дальше. Летит, летит, видит внизу жилище людей. Опустилось облако, сошел он и стал по-украински с людьми разговаривать:

— У вас такие смешные и огромные юрты — чтобы обогреть их, много, однако, дров надо! И до чего же у вас жарко!

— Даними ты с себя эту шкуру, — предложил один из местных жителей. — Как тебя зовут?

— Гурий.

— Значит, Грицко. А меня Тарасом кличут. Пошли в баню, мыться. Потом я тебя по-нашему приодену.

Войдя в парную, Гурий не смог выдержать и минуты, выскочил и заорал:

— Не хочу я в котле вариться.

Тарас глаза вытаращил:

— Ты что, ни разу в бане не мылся?

— А зачем это надо?

Гурий ополоснулся холодной водой и пошел одеваться. Надел шаровары, еле-еле напялил рубаху-косоворотку, а кушак на шею намотал.

— Какая у вас одежда неудобная, — проворчал он.

Повел его Тарас в сад. Гурий удивился: зачем столько мячиков на дереве развесили?

— Это яблоки. А дальше вон груша растет.

Увидев вишню, Гурий удивился:

— Видно, кому-то делать было нечего: столько красных бусин привязали на ветки.

Тарас по дороге срезал арбуз.

— Зачем мяч несешь? — спрашивает Гурий.

— Мы этот мяч разрежем и съедем. Не по себе Гурию:

— И столы у вас большие, неудобные. И животные страшные, коровами называются. Не нравится мне здесь: больно жарко. Полечу-ка я лучше домой.

Взяв с собой еды, подаренных курочку с петушком, он продолжил путь. Надел свою эвенскую одежду, и так ему хорошо в ней стало! Облако устало и летело низко. Тут Гурий увидел сверху, как человек землю пашет. Опустилось облако, подошел путешественник к пахарю:

— Разве можно портить лицо земли?

— Я землю вспашу, зернышко посажу. Вырастет пшеница — из нее муку смею.

— А вот мы на Севере землю не портим.

— Ишь, ты откуда. Как тебя зовут?

— Гурием.

— Значит, по-нашему Григорием. А я Никита.

— А что это у тебя за животное — не лось, не олень?

— Это лошадь. Хорошая скотинка, работающая.

— А кто там так громко орет?

— Да свинья хрюкает...

— Какие они страшные, — говорит Гурий. — Хорошо, что у нас такие не водятся.

— Лучше снимай свою шкуру — до чего она у тебя невзрачная. И пойдем мыться. Потом дам тебе рубаху, брюки, кирзовые сапоги.

— Нет, я больше не буду чужую одежду надевать. Моя вполне меня устраивает — теплая. Забери и эту, что мне давали.

Дал Никита ему еды и двух жеребят — на разведение, а Гурий курочку с петушком ему оставил. Полетел путешественник обратно и опустился на землю в якутском селении. Зашел в кузню, а там стук, дым. Поздоровался Гурий, спрашивает:

— Что вы тут делаете?

— Мы серебряных дел мастера. Вот наши изделия: серьги, кольца, пояса. Надо, так мы топор скуем или ножи из стали.

— Давайте договоримся: я вам — жеребят, а вы мне — серебряные украшения и топорик с ножом.

Оставил путешественник жеребят и улетел с подарками. Так появились в Якутии лошади.

Вернулся Гурий на облаке в родные края, узнает сверху места, где рос. Подлетело облако к тополи, спустился Гурий по дереву на землю и скорее домой. Увидели его родственники, заплакали. Раздал он подарки: матери — серьги, бабушке — бусы, деду — нож, а себе оставил топорик. Стал Гурий рассказывать, где был, что видел.

— Везде так интересно, но чужая одежда такая неудобная, наша лучше и теплее. Я, дедушка, скоро опять на облаке полечу.

Спать легли поздно. Мать, как узнала, что Гурий собирается в новый полет, побежала к тополи и подожгла его.

Всю ночь дерево горело гигантским костром. Утром мать говорит:

— Сынок, я спалила твой тополь. Никуда ты больше не полетишь.

Прибежал Гурий, а тополь догорает.

— Зря ты, мама, я бы везде побывал и прилетел обратно!

— Лучше, если ты всегда будешь со мной, сынок!

КАЛЕНДАРЬ

ыл у деда Кирика календарь: небольшая дощечка, почерневшая от времени, с дырочками и палочкой. Год за годом отмечали на календаре ход рыбы на нерест, время оленей и наступление Нового года, оно у эвенов отмечается 21 июня. Всякий раз, когда старик брал в руки эту дощечку, он вспоминал события своей долгой нелегкой жизни. Однажды от воспоминаний старика оторвала жена Нука:

— Что там на календаре, Кирик?

— Иди, что-то покажу интересное. — Нука подошла поближе, а Кирик взял палочку и передвинул на несколько дырочек вперед.

— Зачем ты это сделал? Ведь сегодня только пятнадцатое июня, а ты на двадцать первое палочку передвинул.

— Запомни: я в этот день умру. Мне уже много лет, я устал жить на свете и готов к неизбежному. Когда ты меня похоронишь, уходя от могилки, положи жерди крест-накрест, чтобы я не торопил тебя за собой. Ты еще крепкая женщина, поживи покуда.

— Зачем ты такое говоришь? — оторопела Нука. — Надумал тоже! Оставишь меня одну, с бедами и заботами?

— Проверь-ка лучше мою смертную одежду, все ли готово? — перебил ее Кирик.

Нука накричала на мужа и, не в силах сдерживаться, побежала к реке,

чтобы там, в тишине, успокоиться. Опустила в воду подрагивающие руки, умыла лицо.

Да, сейчас им с Кириком под восемьдесят лет. А ведь было время, жизнь только начиналась.

— Кирь-ка-а, — кричала она и бежала к нему, раскинув руки.

— Нуу-ка! — бросив все, мчался и он к ней навстречу.

Жили в любви и согласии, растили детей, внуков. Недавно болезнь отняла всех. Жизнь пролетела, как один день. Может, тяжесть лет заставляет мужа предугадывать свою смерть? Эх, Кирик, зачем ты тревожишь душу такими разговорами? Ишь, что задумал, — оставить меня одну! Ладно уж, пойду посмотрю его одежду, и свою заодно — может, и правда, чего не хватает. Если Кирик что-то решил, он от своего не отступит.

Бережно перекладывала она вещи, вышитые еще двадцать лет назад. Вот шапочка, фартук, камлейка, чулки, торбаса, перчатки, сумочка-авсы, в ней лежат украшения. Все вроде бы есть.

Кирик сидел и смотрел на жену издали, но когда Нука стала его одежду перекладывать, подошел:

— Торбаса, кухлянка, малахай, штаны, рукавицы, перчатки, кисет, две птички, вырезанные из дерева. Все, что положено, на месте. Ой, Нука, ты палец на правой перчатке обрежь, чтобы не мешал, когда я на том свете пойду на охоту. Ничего, все будет хорошо.

Через два дня пришла из ближайшего стойбища Мули — подруга Нуки, подарки принесла: Кирику — кисет, хозяйке — гребенку. Сели подруги чаю попить, поговорить. Не выдержала Нука, проворчала:

— Мужчины — народ слабый. От невзгод могут заболеть, от боли умереть. Порой хрупкая женщина на своих плечах тянет и мужа, и всю семью.

— Да, — согласилась Мули. — Они бы без нас не выжили. Мы их опора и

поддержка! — и негромко рассмеялась.

— Вот мой старик умирать надумал, хорони его теперь. А меня кто похоронит?

— Гони от себя такие мысли!

— Гони не гони, а жизнь прошла — ни детей, ни внуков. Лучше бы нас болезнь забрала, а молодых пощадила. Смотрим с мужем друг на друга, двое ворчливых стариков, ругаемся, а как один без другого?

— Да что мы все о печальном да о печальном? — встрепенулась Мули. — На днях Новый год наступит, двадцать первого июня. Наше стойбище будет отмечать его у реки. Костер разведем, молодые будут силами мериться. И вы приходите.

— Может, и придем, — сказала Нука и спросила, потеплев лицом: — А как там Хаяни?

— Да у нее десятый внук уже родился. У Молоту жена ждет прибавления, Гераул сына младшего женил, а шаман Тук вторую жену взял. — Мули ждала этих вопросов и торопилась поделиться радостными новостями.

В юрту вошел Кирик, поздоровался с гостьей, поговорил о том, о сем.

— А вчера смеху было! — продолжила свой рассказ Мули. — Хуркан по нужде в лес пошел, а навстречу медведь. Испугался Хуркан, рванулся бежать — пришлось потом штаны выбросить. Все стойбище над ним потешалось.

Кирик с удовольствием посмеялся над услышанным, а о Нуке и говорить нечего. Мули тоже смеялась, уж в который раз.

— Ладно, — сказала гостья, — пора мне домой, а вы на праздник приходите, буду ждать.

Прощаясь, Нука подарила подруге красивый платок: носи на здоровье. Дала плитку чая и юколу. Мули поблагодарила и ушла, забыв о печальном.

Минуло три дня, Кирик занемог и попросил жену помочь ему надеть смер-

тную одежду. Нука глянула на календарь. Завтра будет двадцать первое июня. «Неужели Кирик завтра умрет?» – тревожно думала она. Одеда мужа, как он просил, и тот спокойно лег спать. Всю ночь она прислушивалась к бормотанию Кирика. Сердце ее трепетало от испуга, когда она несколько раз за ночь переставала слышать неровное дыхание больного. «Я без него не могу жить, я живу ради него!» – шептали старые губы. Горестные слезы текли по морщинистому лицу.

– Я хочу быть с ним всегда, – сказала Нука вслух. Прибралась в юрте, надела смертную одежду, легла рядом с Кириком, обняла мужа и уснула с ним навеки – заставила свое сердце замолчать. В руках у Кирика и Нуки остались зажаты деревянные птички, которые унесут их души на небеса.

Это произошло 21 июня, как и отметил Кирик на своем календаре.

НЕНУЖНЫЙ МУЖ

Случилось, что стал селезень красавцем.

– Ты, милая, – говорит уточке, – теперь на кочку похожа. Пойду-ка я другую, красивую жену себе искать.

– Селезень, а как же наши детки? Им без тебя будет плохо.

– Вот еще! Свою красоту на них тратить! Сама выкармливай, а я пошел. Прощай!

Идет, довольный, глазами вертит, чтобы как-нибудь себя рассмотреть, полюбоваться. Но и по сторонам успевает зыркать, невесту завидную ищет. Встретил гусыню – и к ней:

– Гусынюшка, лапушка, выходи за меня замуж!

– Ах ты, хлыщ, – зашипела гусыня. – Вот позову гусака, он твои зеленые перья повыщиплет.

Испугался, удрал селезень. Присел

отдышаться, видит: кукушка на ветке сидит, он к ней:

– Кукушечка-душечка, давай поженимся!

– Еще чего не хватало! – возмутилась та. – Я привыкла к вольной жизни. Гнезда не вью, обременяться семьей не собираюсь!

Увидел селезень куропатку и, не утратив прежнего пыла, к ней:

– Куропаточка-рябушка, хочешь, мужем тебе буду?

– Сегодня муж, а завтра в теплые края улетишь. Зачем мне такой, который зимы боится? Ступай-ка своей дорогой, красавец!

Птиц в лесу много, только получил селезень отпор у куропатки – сорока тут как тут. Что красавцу терять? Попытка – не пытка:

– Сорока, сорока, соглашайся – будь моей женой!

– Нет уж, – протрещала та. – Ты все мои побрякушки на себя нацепишь, а они мне самой нужны! Модник!

– Странно, почему они все от меня отказываются? – удивляется селезень. – Ведь я такой красивый! Конечно, эта лесная мелочь не может меня оценить по достоинству. Мне нужна птица большого полета. – Метался он, метался да подкатился к орлице: – Орлица, могучая птица, возьми меня в мужья!

Схватила орлица селезня когтями,

только кровь брызнула — понесла на съедение орлятам. Еле вывернулся несчастный, упал на траву, отлежался и поковылял к озеру. А там встретил лебедушку. Вот какая нужна жена: красивица! Почистил перышки, распушил хвост и — к ней:

— Лебедушка-краса, давай поженимся!

Лебедушка, хоть и красивая, и нежная, но строгая — принялась его стыдить да бранить:

— Вот удумал! И не стыдно? Как стал красавцем, так семью бросил. Твоя жена, бедная уточка, одна детей воспитывает, а ты все женихаешься. Иди к ней, прощения проси!

Покраснел селезень от стыда: проняла его лебединая речь.

— Спасибо тебе за добрый совет, — прокрякал.

Тут и величавый лебедь прилетел, обнял крылом свою любимую, и чета заскользила по озерной глади.

Селезень вернулся к уточке и повинулся:

— Прости меня, жена! Никому я, оказывается, не нужен, кроме тебя!

Утятя радостно запищали, увидев отца, полезли ему на спину. Уточка скромно молчала — простила мужа ради детей.

Селезень никогда больше не искал себе другую жену.

СЛЕЗЫ ЭЛРИКИ

Элрики умерла зимой мать, оставив дочку круглой сиротой. Села девочка у могилки на снег и плачет. Женщины зовут ее с собой, но Элрика не соглашается:

— Хочу побыть тут, с мамой. Потом сама найду дорогу.

Что ж, так тому и быть.

— Мама, — шепчет девочка, — ты оставила меня одну, я не знаю, как жить дальше. Ведь у меня никого из

родных нет. — Слезы катятся из глаз, превращаясь на морозе в крупные светящиеся бусинки.

Пришла за ней бабушка Ханьгами.

— Погоревала и хватит. Иначе плохо будет матери на том свете. — Помогла подняться девочке со снега. — Живи у меня, вместо внучки будешь. — На том и порешили.

А куда деваться? Спасибо за доброту. Опустела юрточка Элрики — никто в ней не живет, холодно, пусто там без хозяйки. Выйдет Элрика от бабушки, глянет на свое жилище и тут же на могилку матери бежит, плачет. Опять ее бабушка к себе приводит. Детское горе — словно нож в горле.

После нескольких пасмурных дней выглянуло солнышко, озарило тундру. Пригляделась бабушка Ханьгами, протерла подслеповатые глаза: там, на могилке, что-то светится.

— Ой, внученька, посмотри-ка! Это мама превратила твои слезки в разноцветные бусинки! Давай соберем.

Принесли они бусинки и положили в женскую сумочку-авсы, бабушка стала понемногу нанизывать их на жилку. Нанизывает, нанизывает, а бусинки не кончаются. Бусы получаются красивые, разноцветные: красные, желтые, синие — радость для глаз.

Элрика повеселела и тоже стала нанизывать. Много получилось связок.

— Теперь мы сможем обменять их на одежду и еду. Бусинок не убывает, это тебе мама помогает.

Пошла бабушка по стойбищу, предлагает бусы на обмен. Женщины с радостью их берут. Так старушка с сиротой и кормилась.

У старого шамана Чимбо была молодая жена Хэвдя, жадная и завистливая. Увидела бусы и захотела присвоить. Для начала накричала на бабушку:

— У кого украли, старая? Торговца обчистила?

Надо бы промолчать, но от злого

напора шаманской жены проговорила старая:

— Нет, это мать Элрики превратила в бусы ее слезы, а мы нанизали на жилку. Пошла Хэвдя к ним в юрту — убедиться, правду ли говорит старуха. Глянула в сумочку-авсы, а в ней полно разноцветных бусинок.

Жадность помутила рассудок у шаманской жены.

— Это мои бусинки, — закричала она, вырвала сумочку и ушла, прихватив вдобавок несколько готовых связок, и тут же расхвасталась на все стойбище, какие у нее богатства. Элрика пошла на могилку матери, рассказала о беде. И услышала родной голос:

— Доченька, если Хэвдя придет, брось в нее голубые бусы. Увидишь, что будет. Закинь в тундру зеленые бусы — появится стадо оленей, потом белые бусы — заживете с бабушкой хорошо.

Ночью бусы чудесным образом вернулись к хозяйке. Утром Хэвдя подняла шум: мол, обокрали ее. Вышла Элрика из юрты, бросила ей в лицо голубые бусы, и Хэвдя стала ледяной. Брошенные в тундру зеленые бусы превратились в стадо оленей, а белые — в новую юрту. Все, что надо для жизни, теперь у Элрики с бабушкой есть. И тут девочка услышала голос матери:

— Извини, доченька, что оставила тебя одну. Будь счастлива и береги бабушку Ханьгами!

— Спасибо, мама, — прошептала сирота, — я тебя никогда не забуду.

НЯНЬКА

Постарела сова Вэл, вместо обычных пяти-шести птенцов растила в этот год всего троих. Она смотрела на деток большими желтыми глазами, тяжело вздыхала и ворчала: уж скорее бы вырастали, сил больше нет.

На соседнем дереве сидела сорока. Сова перелетела поближе к ней:

— Подруга, что твои детки делают? — спросила Вэл.

— Спят, — отвечает сорока.

— А мои все кричат, хоть няньку нанимай.

— А ты вон к кукушке обратись, ей все равно делать нечего. — Может быть, сорока шутила, как знать, но сова и впрямь полетела к кукушке:

— Кукушечка, голубушка, понянься с моими детками.

— Опомнись, милая, — рассмеялась кукушка, — я и своих-то детей в чужие семьи подкладываю, на усыновление, еще бы мне твоих нянчить! Отодвинься, не мешай работать!

— А что ты делаешь?

— Как это что? Кукую!

Летит сова дальше. Глядь: глухарь.

— Глухарь, дружок, понянь моих детей!

— Еще чего не хватало! Я своих-то не воспитываю, не то, что чужих.

Полетела сова, куда крылья принесли, и попала к кулику на болото.

— Кулик, славная птичка, будь добр — иди ко мне в няньки!

— А что, я согласен, — ответил кулик, не задумываясь. — Только пусть твои детки со мной на болоте живут.

— Что ты, что ты, — замахала сова крыльями, — утонут ведь!

Села сова не пенек, вздыхает, печалится. Видит: мышка бежит, — схватила ее и решила отнести деткам на забаву. А мышь не испугалась, говорит сове ласково:

— Совушка, пеструшечка, ты такая красивая. Глазки у тебя большие, как луна. Хочешь, я стану нянькой твоим деткам?

— Ой, — обрадовалась сова. — Наконец-то, я нашла, что искала. Смотри, не обмани меня!

Посадила мышку в гнездо, стала та совам песни петь. Птенцы заслушались ее и успокоились.

— Как им хорошо с тобой, — радовалась Вэл. — Полечу-ка я, с птицами пообщаюсь, новости узнаю. А ты смотри не удери, не то поймаю — плохо будет.

Улетела сова, а птенцы опять раскричались. Мышка сбегала, принесла зерен, стала кормить крикунов. Птенцы поперхнулись и задохнулись. Прилетела сова, видит: мышки нет, птенцы спят. Отыскала мышку, спрашивает:

— Мышка, мышка, почему мои детки так долго спят?

— Они еще долго будут спать.

Прошло много дней, а птенцы не шевелятся.

Поняла сова, что детки умерли, и поклялась:

— Ну, мышка, за это я уничтожу твой род.

С тех пор мыши, завидев сову, прячутся в норку, зная, что встреча с пернатой хищницей не сулит им ничего хорошего.

ДРУЗЬЯ НАВЕКИ

Той весной народилось много оленят — бывают в тундре такие годы. Мамы-оленихи кормили, вылизывали и оберегали малышей. Утэ своего беленького олененка, с черной меткой на лбу, назвала Небати, что значит белый. Он оказался шустреньким малым: не слушался, часто убежал и в конце концов потерялся. Испугался и во весь голос стал звать маму. На зов малыша пришла молодая олениха и предложила:

— Потерялся? Не беда. Пойдем, вместе поищем твою маму. А это, познакомься, мой сыночек Ханра.

Утэ бегала по стаду и оглядывала каждого олененка, искала неслуху Небати. Когда сын обнаружился, очень обрадовалась.

— Хорошо, что ты за ним присмотрела, — сказала она оленихе. — Я уж испугалась, что его волк съел.

Важеньки разговаривали, а Ханра и Небати резвились рядом, бодая друг друга маленькими рожками.

— Утэ, а ведь когда твой сын вырастет, он станет вожаком стада! Знаешь же: люди щадят белых оленей, считают их священными. А вот мой черненький, Ханра.

Оленята продолжали бодаться и нечаянно толкнули маленькую Анчипу.

— Ой! Мы не хотели тебя обидеть.

— Я и не обиделась. Давайте дружить втроем, — сказала Анчипа.

— Давай.

Небати и Ханра играли, баловались, а если порой обижали друг друга, то их всегда мирила подружка. Из голенастых нескладных оленят друзья со временем превратились в красивых оленей. Небати возмужал, его шкура, как снег, блестела на солнце, а черное пятно на лбу было заметно издали. Все понимали, что ему уготована особая роль. Ханра был черным, но тоже мечтал сделаться вожаком. Анчипа ста-

ла красавицей, ее глаза с длинными ресницами заставляли друзей замирать в смущении. Небати и Ханра возмужали, их головы украсились большими красивыми рогами. Каждый из них стремился завладеть вниманием Анчипы. Небати приглашал ее на самый лучший ягель, а Ханра приносил ей грибы и бросал на спину веточки рябины.

Пришла пора любви. Анчипа не знала, кому из друзей отдать предпочтение.

— Моя Анчипа, — гордо говорил Небати.

— Нет, моя, — возражал Ханра.

Они затеяли поединок, и костяной стук рогов далеко разносился по лесу. Ханра боднул Небати, сбил с ног, но тот рывком вскочил. Глаза у обоих налились кровью, пена хлопьями валила изо рта.

— Друзья, давайте не будем ругаться, — стала их мирить Анчипа. — Лучше я уйду к другому оленю, только не деритесь. — Она металась между друзьями, но так и не сумела их унять, в смятении ушла в стадо.

— Ты, Ханра, должен мне подчиниться! — требует Небати.

— Ну уж нет! — отвечает черный олень.

Второй день бьются друзья-соперники. В какой-то миг рога их так переплелись, что не разнимешь. Так и стояли олени, пока не повалились от усталости. Анчипа плакала, глядя на них:

— Друзья, кто же принесет мне грибов, кто найдет сладкий ягель?

Прошло несколько дней, друзья ослабели и лежали, не шевелясь. Переплетенные рога не давали им смотреть никуда, кроме как в небо. До чего же все глупо получилось!

И смерть не разделила друзей. Переплетенные рога их до сих пор лежат на том же месте, только заросли густым кустарником.

НЕПОСЛУШНЫЕ ТУЧКИ

Большая грозовая туча показалась из-за дальних сопок, за ней плыло несколько тучек поменьше, как дочки за мамой. Им не хотелось плестись в хвосте, они баловались и гонялись друг за другом. Туча возмущалась:

— Почему вы такие непослушные? Смотрите, накажу! Не хочу, чтобы вы были легковесными, как перистые облака: те хоть и летают высоко, но настоящей влаги в них нет. А вы — тучи грозовые, серьезные, должны нести дождик туда, куда надо!

Когда мать ругалась, дочки прикидывались смиренными и послушными, но стоило ей отвернуться, беготня продолжалась, то и дело вспыхивал смех. Мама грозно хмурилась и шумела:

— Ведите себя прилично, не берите пример с кучевых облаков, им до нас далеко!

Тем временем игры тучек были замечены с земли.

— Эй, Молоту, — крикнула девочка Хаей, — посмотри-ка на небо. Видишь, тучица плывет, а за ней ее детки.

— У туч детей не бывает.

— Бывают, мне дедушка рассказывал.

— Ну, тогда скажи: а у солнца есть дети?

— Конечно, есть. Дочь солнца — луна, а у луны много детей: это звезды!

— Я и не знал... Ой, бежим, а то дождик замочит!

Тем временем тучки мало-помалу удалились от мамы, и она, схватив свое тяжелое платье, помчалась вослед. Поймав детей, принялась их колотить.

— Ой, ой, больно! — захныкали те, проливая слезы. Туча спохватилась:

— Ой! Что же я наделала! — ей стало жаль детей, и она тоже заплакала. Дождь полил, как из ведра. Молоту и Хаей едва успели заскочить в юрту, как по ней заструились дождевые потоки.

Несколько дней лило с неба: это мама-туча плакала вместе с непослушными детьми.

ПРАЗДНИК

Однажды зимой случилось вот что. Приближалось первое января. Люди во многих странах покупали подарки, елки, яркие игрушки, хлопушки, шили карнавальные костюмы. Только в эвенской тундре не наблюдалось оживления. Взгрустнулось месяцу, спустился он в стойбище, присел на дерево, а когда люди сбежались на него посмотреть, спросил, почему эвены не празднуют Новый год.

— Как не празднуем? — ответили старейшины. — Новый год мы встречаем летом — 21 июня.

— Дело ваше, — сказал месяц. — Но большинство людей на земле празднует его зимой. Присоединяйтесь, не похалеете.

Старейшины сразу же согласились: летом и так хорошо, а зимой, в холода, надо поднимать людям настроение.

— А как отмечают Новый год зимой? — спросил самый уважаемый старейшина.

— Завтра я вам покажу, как это делается.

Прошел день. Вечерело. На небе показался месяц. Он принес в стойбище елочку, нарядил ее звездочками, снежинками, развесил на ветвях снеж-

ные завитки. Вышли из юрт люди, удивились: зачем наряжать дерево?

— Это красивый обычай. Вам понравится. Смотрите, какие я принес новогодние шары, хлопушки.

А дети без объяснений поняли, зачем нужны украшения, и помогли развесить блестящие игрушки, подаренные месяцем.

— Теперь возьмитесь за руки, ведите хоровод вокруг елки и пойте со мной песенку про елочку, — сказал месяц.

Когда люди всего стойбища собрались в одном месте, разом взялись за руки и стали кружиться в хороводе, всех охватила светлая радость. Месяц улыбался каждому по отдельности и всем вместе, наполняя морозный, с ароматом еловой хвои, воздух своими серебряными лучами.

Многое повидал он из небесной дали: страны и народы, страсти и войны, труд и веселье. Он радовался, что и на Севере теперь отмечают Новый год вместе со всеми, с морозцем и снегом, яркими игрушками и веселыми хороводами.

КАК ДУХИ ГАРКИНА ПРОУЧИЛИ

Пятнадцатилетнего Гаркина сверстники недолюбливали: парень из зажиточной семьи, забияка и хвастун. Отец с матерью тоже были недовольны парнем: хоть кол на голове теши, от своего не отступится. Старик, завидев Гаркина, качали головами:

— Видно, за провинности злые духи послали родителям такого неслуха.

Однажды дедушка хотел рассказать Гаркину об берегах и обычаях эвенов, но не тут-то было: Гаркин оскорбительно рассмеялся старому человеку в лицо:

— Только глупцы верят в духов и следуют каким-то там обычаям. А меня это вовсе не касается. Почему я должен отдавать лучший кусок мяса огню?

Пусть лучше ест дрова. Зачем первую пойманную рыбу нужно возвращать в реку, там без того рыбы много! Отчего я должен делать подношение духу природы, если его нет?

— Не говори так: обидишь духов, они не простят.

Гаркин лишь отмахнулся, выбежал наружу. На бегу толкнул бабушку, повалил ее и не потрудился даже извиниться. Хорошо, что рядом оказался Ханькан, сверстник Гаркина. Жил он в юрте, на краю стойбища, в дружной семье. В отличие от Гаркина, рос сильным и смелым, был справедлив. Увидев, что бабушка упала и не может встать, помог ей подняться, проводил до юрты, а потом вернулся к Гаркину — потолковать по душам.

— Да что ты переживаешь, — огрызнулся тот. — Это же не твоя бабушка.

— Если слов не понимаешь, отведай моих кулаков!

Поколотил Ханькан грубияна, но урок тому не пошел впрок. В этот же день Гаркин взял у маленькой Апоки перчатку и забросил на дерево. Ханькан отобрал у оболтуса его собственные рукавицы и отдал девочке. Тогда Гаркин натолкал Хайею снегу за шиворот, за что получил от Ханькана такую затрещину, что рухнул лицом вниз. Бахтаясь в сугробе, пригрозил:

— Скажу отцу, он тебе задаст!

Дети подняли забияку на смех, и тот ушел, затаился.

Прошло какое-то время, отправился Гаркин в лес, дичь пострелять. Слышит, кто-то его окликает в глубине леса. Пошел на зов, а голос все дальше и дальше. В такую чащобу забрел парень, что заблудился. Растерялся, снял лыжи, сел под дерево и скоро стал замерзать. Подошел кто-то страшный, молвит:

— Гаркин, ты говоришь, что не надо чтить духа леса? Нарушаешь обычаи предков, не уважаешь старших? Заберу-ка я тебя с собой.

— Прости меня, дух леса, — взмолился Гаркин. — Я буду уважать старших. А тебя на всю жизнь запомню!

— Ну, смотри же! Вот тебе древесный обрубок, держи при себе и не забывай нашу встречу.

В это время с охоты возвращался Ханькан. Увидел Гаркина и, не держа зла, подошел, спросил, что тот делает вдалеке от стойбища. Так и замерзнуть недолго. Гаркин обрадовался появлению Ханькана, который и не думал на него сердиться. Домой пришли вместе, и никто не узнал, что один парень спас другого в тайге.

Как-то Гаркин остался в стаде, караулить оленей ночью. Хотел развести огонь, да не получалось. Вдруг появился маленький огонечек и упрекнул:

— Так ты говоришь, я должен кушать только дрова, а подношения мне не обязательны? Вдобавок еще обижаешь слабых и всем грубишь? Так вот же: ты никогда не разведешь костер! Это я тебе говорю, дух огня.

Упал Гаркин перед огоньком на колени, взмолился:

— Прости меня, дух огня, прими самый лучший кусок мяса! Никогда в жизни не буду обижать слабых и грубить старшим.

— Хорошо, — смиловился дух огня. — Но смотри: не сдержишь слово, пеняй на себя! Возьми этот красный камешек, он будет напоминать о твоём обещании.

Настало лето — пора заготовки рыбы. Каждый рыбак бросал первую пойманную рыбу обратно в воду, а Гаркин сказал:

— Что я — дурак, что ли? Пойманное отпускать! — Едва это сказал, как споткнулся на ровном месте и упал в воду, течение подхватило его и понесло. Дух воды шепнул ему в самое ухо:

— Гаркин, за то, что ты жадный, ленивый, я заберу тебя к себе. Будешь жить на дне, пока не научишься исполнять заветы предков.

— Прости меня, дух воды, я исправлюсь, стану примерным рыбаком!

Дух воды вытолкнул Гаркина на поверхность и сказал:

— Поверю. Возьми горсть рыбьей чешуи и помни нашу встречу.

Пришел Гаркин в юрту, сел у огня, задумался. А через некоторое время говорит деду:

— Дедушка, оказывается, духи есть. Они дали мне кусочек дерева, красный камень и горсть чешуи, чтобы я не забывал обычаи эвенов.

С тех пор Гаркин очень переменялся: помогает отцу, ходит на охоту. Мать не нарадуется: наконец-то сын повзрослел. Ханькан и Гаркин стали настоящими друзьями. Никто не догадывается, что парня перевоспитали духи. В старом кисете он хранит древесный обрубок, камешек и рыбью чешую, иногда достает эти дары и благодарит духов за науку.

НОВЫЙ ГОД У ЗВЕРЕЙ

идели на дереве вороны, целая стая. Одна из ворон, самая молодая, говорит:

— Ой, до чего люди смешные! Срубят в лесу елку, принесут домой, украшают. Только вот что дальше делают, не знаю. Давайте полетим, посмотрим, поучимся.

Прилетели вороны к дому, облепили окно. Глазам своим не верят: вокруг елки водят хоровод дети, наряженные лисами, зайцами, волками. Не ссорятся, не ругаются друг с другом, да еще песни красивые поют. Птицам это зрелище очень приглянулось, решили они хоть одну елочку нарядить прямо в лесу и всех зверей собрать на праздник. Полетели по лесу и такой переполох устроили, что звери сбежались, как на пожар. Узнав, в чем дело, одобрили затею ворон. Тогда самая бойкая из ворон принялась командовать:

— Эй, белочка, неси-ка грибочки и орешки, елочку украсим. А вы, куропатки, тащите рябиновые гроздья. Сорока-белобока, поделись своими блестящими побрякушками. У тебя в гнезде всего полно.

— А у меня ничего нет. Как быть? — спрашивает заяц.

— Ты в пень барабанить будешь: какой праздник без музыки!

Украсили звери елку, а вороны распоряжаются, что дальше делать, чтобы как у людей вышло. Те наряжались зверями, а лесному народу этого не требуется: заяц — он и есть заяц, а лиса — сама по себе лиса.

— Давайте встанем теперь в круг и споем про елочку.

Старый ворон, который дольше всех прожил на свете, а такого еще ни разу не видывал, говорит:

— Уважаемые звери! Сегодня у нас Новый год. В этот день звери и птицы не должны обижать друг друга!

— Ура! — закричал заяц. — Я сегодня лису не боюсь.

Звери встали вокруг елки: лиса возле зайца, олененок возле волка, белочка возле совы. Росомаха усадила бельчат на спину. На рогах сохатого расселись куропатки.

— Вот всегда бы так, — прошептала мышка.

От шума и смеха зверей лес гудел до утра. Лишь медведь все проспал в своей берлоге, но даже то, что он уловил спросонья, ему очень понравилось.

ОДУВАНЧИКИ, НЕСУЩИЕ ДОБРО

ед Коркопий говорил внуку Харламу:

— Люди стали сердитые, недовольные. Добра не хватает в их душах, и никто не может им его дать.

— А где оно находится, это добро?

— Далеко в море есть острова, на их скалистых берегах растут желтые цветы, одуванчиками называются. Когда они созревают, то становятся белыми, как седая голова, и готовы нести добро. Но вот беда — зонтики-пушинки никак не могут перелететь через море, тонут в волнах. Если бы нашелся кто-нибудь, чтобы перенести эти цветы с острова, они бы здесь расцвели, а от них пошло добро. Люди бы помягчили душой, стали терпимее. Но у одуванчиков есть враги, склевывающие семена, это черные птицы.

Харлам был смелым парнем и сказал:

— Дедушка, я пойду и принесу одуванчики, чтобы добро поселилось на земле!

— Обратись к орлу, он поможет.

Пришел Харлам к орлу, тот перенес парня через море, на скалы. Смелчак выкопал одуванчики с корнем, привез в стойбище, посадил возле своей юрты и стал охранять от птиц. Вскоре одуванчики увенчались белыми пушистыми шариками, и в каждом их крохотном зонтике зрело добро. Однажды появились черные невиданные птицы, устремились к одуванчикам, чтобы склевать семена. Харлам взял лук и убил несколько птиц, остальные улетели в страхе.

Поднялся сильный ветер, и тысячи легчайших зонтиков разлетелись по тундре, а с ними и добро. Теперь одуванчики растут по всей земле, и люди стали добрее. Но зло не исчезло, так или иначе оно дает себя знать.

— Дедушка, а как со злом бороться? — спрашивает Харлам.

— Не знаю, — отвечает дед. — Много облаков и туч летает по небу, и есть среди них такие, на которых сидят злые духи. Так зло и разносится по всей земле.

— Дедушка, я пойду на самую высокую гору, возьму лук и буду стрелять по тучам.

— Нет, внучек, твои стрелы до них не долетят. Только сердцем человек может понять, где зло, а где добро. И только сам он способен его победить, в своем сердце.

ЛУЧИК СОЛНЦА

Балихачу было всего пять лет, когда его родителей и всех остальных людей стойбища унесла страшная болезнь. Оставшись один на белом свете, он шел по снегу от юрты к юрте, плакал, звал маму, но никто не отзывался, и от вымершего поселения сирота побрел, куда глаза глядят. Солнышко вышло из-за заснеженных сопков и печально осмотрело опустевшее стойбище. И вдруг увидело маленькую одинокую фигурку.

Балихач шел, пока не выбился из сил, промерз, сел под кустом и задремал. Солнышко пожалело сиротку, протянуло два самых теплых луча, и мальчик отогрелся. Лучи растопили снег до земли, появились кустики брусники с ягодами.

— Ой, — удивился Балихач. — Что это вдруг среди зимы ягодки появились? — Набрал горсть брусники, отправил в рот и улыбнулся солнышку, а оно своими лучами погладило его по лицу.

— Малыш, я буду показывать тебе дорогу к людям. Поторопись, а то я скоро спрячусь за сопку, ночь наступит, и ты опять останешься один в холодной тундре.

Вот и вечер приблизился, Балихач все еще шел за двумя лучиками. Потом солнышко развело для мальчика костер и скрылось, сказав на прощание:

— До завтра, малыш! Утром вернусь, двинемся дальше.

Балихач остался у костра коротать зимнюю ночь, скоро его сморил сон. Костер погас. Тем временем настало утро. Солнышко хотело выйти и обо-

греть землю, но тяжелые снеговые тучи не пропускали его. Рассердилось солнце:

— Ну-ка, расступитесь, я хочу видеть Балихача!

— Отдохни, солнышко! Тебе бы только работать!

Солнышко стало расталкивать тучи, но они сгрудились еще плотнее. Взмолилось солнце:

— Тучки, красавицы, выпустите, пожалуйста, на волю хоть один лучик. Я очень хочу помочь осиротевшему мальчику!

— Ну что же, — сердито ответили тучи, — один мы пропустим.

Яркий лучик стал искать мальчика в тундре — глядь, а тот свернулся калачиком и не дышит.

— Проснись, Балихач, — воскликнул лучик и стал вдыхать жизнь в маленькое тельце, отогревать мальчику сердце, пока тот не ожил. — Посиди немного, я скоро вернусь, — сказал лучик и помчался по тундре искать людей. Видит: едет на оленях Унянга. Как раз то и нужны мальчику ласковые женские руки!

— Иди за мной, добрая женщина, спаси сироту. Поторопи оленей, а то я скоро погасну.

Лучик помчался впереди упряжки, показывая дорогу. Увидела Унянга малыша, взяла на руки, и тот заплакал от радости. Солнечный лучик стал слабеть, Балихач и Унянга помахали ему

вслед и поехали в стойбище. Женщина торопила оленей — ради мальчика. Подъехав к юрте, Унянга позвала:

— Долдан, скорее, я привезла тебе сына!

Долдан выскочил из юрты, схватил малыша и стал его тискать от радости. Балихач почувствовал, что беда отступила. Родительские чувства переполняли сердца Долдана и Унянга.

Целый месяц стояла пасмурная погода, а когда появилось из-за туч солнце, оно первым делом принялось разыскивать малыша. Балихач выбежал из юрты раздетый, радостно закричал:

— Солнышко доброе, солнышко яркое! Благодарю тебя — за то, что спасло меня, спасибо и за обретенных родителей! Я их очень люблю!

Солнце ласково погладило его по голове лучами:

— Малыш, я верю: ты станешь хорошим человеком. Чти своих родителей!

ХИТРОСТЬ

Не всегда лиса хитрой была. Однажды, в давние времена, найдя мышиную норку, стала рыжая землю рыть, чтобы добраться до мышки. Рыла, рыла и вырыла какой-то клубок. Тот сразу же покатился под уклон, лиса за ним, схватила, чтобы съесть. Тьфу: несъедобный! Выплюнула, но за клубком, однако, поспешает — смириться не может, ворчит:

— Трудилась, трудилась, поймала, а осталась голодной. Что за клубки тут катаются вместо мышей?

— Упокойся, лисонька, я не просто клубок. Я — хитрость.

— Знать не знаю, что такое хитрость, — пропела лиса, на всякий случай сбавив тон: — Клубочек, дружок, я же хорошо себя веду? А хитрости у меня ни капельки. Обделена я.

— Не подлизывайся. Тебе одной я не могу принадлежать, надо хитрость

на всех разделить. Давай-ка собери лесных жителей, а я на пенечке подожду.

Оббежала лиса ближайший лес, позвала мышку, горностая, бурундука, волка, оленя, белку, росомаху, медведя. Все собрались к пеньку, на котором поджидала хитрость, а птицы сами прилетели, без приглашения, и на ветках расселись.

— Уважаемые лесные жители, поднимите лапу: кому из вас нужна хитрость? — спрашивает клубок.

Дружно поднялись вверх лапы, а птицы вскинули крылья. Стал клубок всех оделять хитростью. Как ни хоро-

вила лиса побольше получить, именно ей-то меньше других досталось.

— Какая несправедливость! — возмутилась рыжая. — Я и клубок нашла, я и зверей созвала, а как дошло до раздачи, так мне меньше всех!

— Больше не могу, надо же и людям хоть немножко оставить, — сказал клубок и покатился в сторону стойбища. Лиса опустила на пенек, заплакала. Пожалела ее белочка, добрая душа: отдала рыжей свою долю. Обрадовалась лиса, схватила хитрость и говорит:

— Если бы не я, вы все бы остались простаками. А теперь каждый может схитрить. Да и чего это я вам толкую, некогда мне! — Хитро улыбнувшись, она удалилась с поляны, помахивая хвостом. Звери и птицы тоже разбежались кто куда. Осталась одна белочка.

— Главное, чтоб ум был в голове! — сказала она. — А хитрость не так уж важна!

Вы не согласны?

КИСЕТ

омна, ты, в конце концов, зашьешь мне дырки в кисете? — упрекал Кирик жену.

— Да лучше новый сошью, — ответила та.

Но не сшила и старый не заштопала. Кирик в сердцах бросил кисет на столик и ушел. А Домна вышла из юрты по делам. Тем временем по столу пробегала мышка. Увидела кисет и говорит:

— Унесу-ка с собой, зернышки в нем буду таскать!

Сказано — сделано: унесла кисет, насыпала зерен, а они в дырку просыпались.

— Плохой кисет, — разочаровалась мышь и выбросила непригодную вещь. Пролетала мимо сорока.

— Ой, какой красивый кисет — блестящий, бисером расшит, — восхищенно протрещала она. — Сложу-ка в него все побрякушки, перенесу в новое гнездо.

Сказать-то легко, а на деле — будто воду в решете носить. Все безделушки из кисета повыпадавали.

— Такой красивый, а дырявый. Выбросить его — и дело с концом.

Подобрал кисет бурундук — шишки в нем хранить. Но и шишки высыпались.

— Эх, — вздохнул бурундук, — зря я на эту рвань польстился, — оставил кисет под деревом. Увидела его там белочка, подняла, осмотрела. Взяла иголку и зашила все прорехи — крепко-накрепко, прочной жилкой. Стала белка в кисете грибочки да ягодки носить. Увидела это мышка, возмутилась:

— Ну-ка, отдавай мою вещь!

— Твою? — перебила сорока, — это мой кисет!

— Нет, мой, — пискнул бурундук.

— Ах вы, бездельники! Рванный он никому не нужен был, а сейчас всем зандобился. Только не ваш он и не мой! Следует вернуть его настоящему хозяину.

Тут и сам кисет голос подал, о том же попросил. Принесла белочка кисет в юрту, положила на место. Вернулся из стада Кирик, видит: кисет аккуратно зашит. «Наконец-то», — обрадовался он и похвалил жену. Еще бы не дорожить ему кисетом: это подарок матери.

Домна удивленно молчала, не в силах понять, что произошло. Целый день она безуспешно искала кисет, чтобы починить. «Кто же его заштопал?» — удивилась она. Так и не догадалась, что это белочка помирила их с мужем.

УДАЧА

Чувьткин жил с Губичан давно. Его жена, замечательная женщина, была хорошей охотницей, а вот радости материнства не познала. Может, поэтому супруги были так легки на подъем: не сиделось им на одном месте — кочевали, охотились, рыбачили.

Собрались однажды на охоту, Губичан и говорит мужу:

— Знаешь что, Чувьткин? Давай-ка позовем старого Апоку, пусть погадает нам перед отъездом на лопатке оленя.

Пошел Чувьткин к соседу, обменял кусок мяса на оленью лопатку, очистил ее, обсушил, затем позвал Апоку. Стал старик лопатку над огнем держать, трещины рассматривать.

— Ехать вам придется далеко. Только на пятые сутки поставите юрту там, где будете охотиться. Какой окажется охота, сказать не могу, но в конце вас ждет прибыль. Все закончится хорошо.

Обрадованная Губичан угостила старого Апоку сырой печенью, напояла крепким чаем с копэчэ — жареной мукой, на прощание дала вяленой рыбы — юколы. Старик ушел довольный.

На другое утро первыми в стойбище проснулись Чувьткин и Губичан, выехали на двух собачьих упряжках. Долгий преодолели путь, делая кратковременные передышки, и лишь на пятые сутки остановились в незнакомом месте. Поставили юрту, привязали собак и решили охотиться — больно уж местность подходящая. Утром супруги, встав на лыжи, разошлись в разные стороны. Каждого сопровождала лайка.

Пушнины собралось много. Добывали лис, белок, соболей, выделявали шкуры, складывали в мунгурки.

И так до самой весны. Теплом повеяло — стало быть, домой пора. И тут вечером сел на крышу юрты черный ворон: кар, кар! Губичан, встревоженная его криком, сказала мужу:

— Давай уедем отсюда, что-то на душе беспокойно.

Быстро снялись и в путь. К вечеру на кромке леса опять вылетел к ним навстречу с тревожной песней ворон. Чувьткин как раз повернул упряжку в лес, за ним жена. И тут собаки подняли лай. Оказалось, заметили

юрту. Чувяткин слез с нарты, осторожно заглянул в незнакомое жилище.

Очаг в юрте не горел. Присмотревшись, Чувяткин различил в сумраке трех детей, сидящих в кукулях.

— Почему вы одни? Где родители?

В юрту вошла Губичан, развела огонь, поставила чайник. Дети рассказали, что их семья приехала сюда три дня назад. Отец поставил юрту, чтобы переночевать, а сам поехал через реку, чтобы осмотреть дальнейший путь, лед проломился, мать стала вызывать отца, и оба утонули.

У Губичан от волнения потемнело в глазах и сильно забилося сердце: конечно, жаль, что трое ребят осиротели, но она, Губичан, и ее муж, Чувяткин — бездетные немолодые люди — волей судьбы могут, наконец-то, обрести детей! А как иначе: не выживут сироты одни зимой, в лесу. Старшей, Ульяне, было десять лет, Чандру семь, а малышке пять. Чувяткин радовался, что у него появился сын, которого можно учить всему, что сам умеешь — а знает и умеет он многое.

Новоявленные родители поблагодарили добрых духов, с благодарностью вспомнили старого Апоку, переночевали на приметном месте и рано утром отправились в свое стойбище — впятером.

Чувяткин до преклонных лет жил с Губичан в мире и согласии. Они старились, а их приемные дети выросли, оберегали родителей: не хотели второй раз терять опору. Хорошая, дружная была семья. Чувяткин и Губичан нянчили множество внуков и были счастливы.

ДЯДЯ ГЕРАУЛ

тарая Амамич жила с девятилетним внуком Эченем. Она часто рассказывала про дядю Гераула, который скоро должен приехать.

Время уже ему вернуться из путешествия, в которое он отправился, чтобы посмотреть, как живут другие народы.

В один из дней, попив чаю с горячей лепешкой, Эчен пошел гулять с мальчишками. Была зима, и одетые в кухлянки дети походили на медвежат. Вдруг издали послышался звон колокольчиков. Мальчики встревожились. Пара запряженных оленей промчалась мимо, с ними на привязи еще два. Люди высыпали из юрт — посмотреть, что за богач приехал.

Олени остановились у жилища бабушки Амамич. Вышла она, узнала путника и пригласила в юрту. Эчен видел это и побежал пособирать дровишек. Когда он появился с дровами, в юрте уже горел очаг, в котле варилось оленьё мясо. Эчен поздоровался с мужчиной.

— Ну, здравствуй, племянник, — радостно ответил тот. — Присаживайся, пообедаем.

Бабушка достала из котла мясо, и дядя Гераул принялся его есть, ловко орудуя ножичком у самых губ.

— Ой, дядя, губы не обрежь! — предостерег Эчен.

— Не беспокойся. Придет время, и ты так научишься.

С этого дня жизнь изменилась: в юрте поселился мужчина. Дядя Гераул подзадоривал Эчена, боролся с ним, и тот заливисто смеялся: хорошо с таким сильным и веселым другом. Гераул играл с ребятней в снежки, катал детей на нартах. Усадив племянника на плечи, носил его, подбрасывал вверх. Людей стойбища удивляли такие забавы. У эвенов не принято баловать детей, так же, как и ругать их. Но взрослым понравилось непривычное поведение Гераула:

— Какой он большой и смешной!

У других народов Гераул видел: с детьми можно бегать, прыгать и смеяться, надо их любить, быть с ними рядом. Теперь дети стойбища каждый

день ждали, когда их старший друг займется с ними. Чтобы ощутить его силу, набрасывались всей толпой, Гераул поводил плечами, дети разлетались, как мячики. Смех и визг разносились по стойбищу.

Как-то подошла к Гераулу маленькая девочка, попросила подбросить ее вверх. Взлетая выше людей и даже выше юрт, она визжала от страха и восторга.

— Как зовут тебя, малышка?

— Аячан. Мне шесть зим, и я сирота.

Бережно опустив девочку на землю, Гераул пошел к людям, у которых жила Аячан, и попросил отдать малышку ему в дочери.

— Бери. Может, с тобой ей счастье улыбнется.

Привел Гераул девочку в юрту Амамич:

— Гляди, сестра, я дочку себе нашел. — Амамич одобрительно кивнула. — Не хочешь поехать жить ко мне? Много я краев повидал. Однажды в пургу спас оленей шамана — остановил на краю обрыва. Шаман Пачча дал мне за это пятьдесят олешков, и теперь у меня их около тысячи. У меня добрая, хорошая жена — Агапча, а дети умерли. Я приехал за вами: Эчен будет мне сыном, Аячан дочерью.

Перед отъездом из стойбища Гераул пошел по юртам, раздал семьям мясо, попрощался с каждым оленеводом. Люди пожелали ему добра, вышли проводить за стойбище. Когда Гераул с детьми и старенькой Амамич добрались до места, Агапча с радостью приняла всех. Сама она была веселого нрава и любила хлопотать по хозяйству. Поступком мужа была довольна, вместе с бабушкой принялась шить детям одежду. Амамич повеселела, часто напевала за работой, рассказывала внукам сказки. Эчен души не чаял в своем дяде, перенимал от него премудрости охоты. Однажды Гераул подвернул в лесу ногу, и Эчен нашел его, полузамерзшего, дру-

гой раз выручил, раненного в схватке с медведем.

— Надежный ты парень, я рад за тебя! — с гордостью сказал Гераул.

Аячан стала надежной помощницей Агапча, а когда выросла, полюбила Эчена. Парень только того и ждал. Они поженились, а когда родилась дочь, назвали ее Амамич — в честь бабушки.

ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ НЁЛТЭН

Этим пас оленей шамана. Жил он вдвоем с матерью. Небогато у них в юрте, но мать с сыном на судьбу не жаловались. У шамана Кэлы была дочь Нохут — некрасивая, хромая, никто не хотел брать ее замуж. За Этима отдам, — решил шаман: парень работающий, толковый, хотя и бедный, но это поправимо. Сам я богат, могу стать завидным тестем. И стал он раз за разом зазывать пастуха, о делах толковать и однажды поведал о планах насчет дочери. Этим — парень честный и бесхитростный — ответил, не размышляя:

— Извини меня, Кэла. Не обижайся, я не люблю твою дочь, хотя, возможно, она неплохая девушка.

— Ну при чем здесь любовь! Юрту вам новую поставлю, оленей дам — ты-

сячу голов. Прошу тебя, женись. Ведь мне нужны внуки!

Поклонился Этим шаману и молча вышел из юрты, направился запасти дровишек для очага. Набрал вязанку, понес к своей юрте, вдруг слышит: гусь гогочет, да беспокойно так.

Подошел Этим к кустам, и что же: гусыня в петлю попалась, гусак от нее не отходит. Увидел парня и говорит:

— Добрый человек, помоги, мы оплатим добром!

Жаль Этому птиц, — вызволил он гусыню, и та поспешила к деткам. Гусь Га поблагодарил Эчена и спрашивает:

— Сам-то ты, вижу, не женатый? Почему?

— Да никак жену не найду.

— Странно. Парень ты хороший, добрый. Хочешь, на следующий год со-сватаю тебе жену издалека? Волосы у нее — как лучи солнца, глаза — голубые озера. — И принялся рассказывать, что в тех краях, где зимуют гуси, много всяких чудес, и люди живут не так, как на Севере. У них есть волшебные вещи — ковер-самолет и шкатулка, которая делает людей богатыми и счастливыми.

Этим растерянно улыбался: он даже представления не имел о таких вещах. Пришла осень, птицы собирались в стаи, чтобы улететь в теплые края. Гусак Га вместе с гусыней Гу и детьми прилетел к юрте Этима, чтобы проститься.

— До свидания, друг наш, — сказал Га, — жди нас весной!

— Счастливого пути!

Долго тянется северная зима, но рано или поздно приходит и в тундру весна, ее приносят на крыльях перелетные птицы. Однажды в небе показалось большое пятно, которое приближалось к стойбищу. Это летела в сопровождении гусей девушка Ната, на ковре-самолете.

По пути гусь Га рассказывал Нате об Этиме и его народе — о том, что живут

эвены в юртах, пасут оленей, охотятся, что ее будущий муж — молодой и красивый парень. Ната с трепетом ждала встречи.

Ковер подлетел к стойбищу, и все увидели на нем девушку. Этим вышел из юрты навстречу гусям и девушке. Га сказал:

— Этим, мы тебе привезли невесту, ковер-самолет и шкатулку! Это в благодарность за то, что спас мою жену.

Гусиная пара поднялась и улетела на озеро, к своему гнезду.

Люди обомлели, глядя на златовласую девушку, глаза у которой были синими, как небо. Назвавшись Натой, она шагнула к Этому и подала ему шкатулку:

— Прими подарок, жених мой!

Люди с любопытством разглядывали незнакомку, ее одеяние. Этим взял Нату за руку и повел в юрту к матери. Так и стали они жить семьей. Нате нравились и Этим, и его мать. Она радовалась новой, необыкновенной жизни, с людьми была вежлива и обходительна. Ее задорный смех вызывал ответную улыбку. Всею стойбищу девушка пришлась по душе. Ее стали ласково называть Нёлтэн (Солнышко).

Шаман Кэла хотел забрать ее себе в жены. Нёлтэн хитро сощурила глаза, покрыла ковер-самолет шкурой и сказала:

— Выйду за тебя замуж, если сможешь усидеть на этой шкуре.

Шаман смело расположился на шкуре, а когда она вдруг подняла его высоко в воздух, испугался, неуклюже забарахтался и, свалившись с высоты, разбился насмерть.

Помогала молодой семье и шкатулка. Что ни просила у нее Нёлтэн, та давала, поэтому Этим с матерью скоро забыли о своей бедности. Вскоре у молодоженов родилась дочь, похожая на мать. Люди прозвали ее Осикат — Звездочка.

ЖАДНОСТЬ

днажды у глухарки появился необычный детеныш. Всех птенцов повыкидывал из гнезда, один все поедал, что приносила мать. Глухарка устала его кормить и как-то пожаловалась вороне:

— Знаешь, чернушка, птенец меня совсем замучил. Будто бы не мой он: страшный, круглый, а до чего прожорливый — не знаю, в кого, только дай и дай.

Ворона полетела взглянуть на птенца и тоже не могла сдержать удивления:

— Ой, откуда такой взялся? Кто ты?

— А я жадность.

Глухарка задрожала от страха: оказывается, кормит она даже не чужого детеныша, неизвестной породы, а гораздо хуже — жадность.

— Ну, что же теперь делать? — с надеждой спросила она ворону.

— Полетим к орлу, пусть подскажет. Орел выслушал их и посоветовал:

— Глухарочка, зачем тебе не твой детеныш? Надо его отдать людям, пусть оциплют и съедят. Не нужен в нашем птичьем мире такой урод.

Схватил орел странного птенца в когти, полетел с ним в стойбище. А там как раз праздновали приход Нового года, когда день на убыль начинает идти. Много людей собралось на праздник, кто пришел, кто верхом на олене приехал. Стали женщины варить в большом котле мясо на всех. Орел полетел к костру и бросил птенца вниз, тот и разбился. Дед Афоня приглядывал за костром, он и оципал птицу, бросил в котел:

— Зачем пропадать мясу!

Перья птенца разнесло в разные стороны ветром. Их подобрали птицы, зверушки и растащили по гнездам и норкам. С той поры в них вселилась жадность. А птенец сварился, вместе с мясом оленя. Жадность разварилась в

котле и досталась каждому человеку, кто был на празднике: одному больше, другому меньше. Жадность поразила людей, как болезнь.

И только сильные духом люди могут ее из себя изгнать.

ЗАВЕТЫ МЕСЯЦА

Разговорились как-то солнце и радуга.

— Чтобы всегда было тепло, пусть люди носят украшения из золота, его цвет похож на мои лучи, — говорит солнце.

— А я хочу, чтобы люди были красивыми, — возразила радуга, — чтобы украшали себя драгоценными камнями разных цветов: они напомнят обо мне!

Наступил вечер, появился на небе месяц и сказал:

— Пусть люди Севера носят мои серебряные украшения. Серебро — это сердечность, справедливость, счастье!

С тех пор эвены, якуты, чукчи, коряки, чуванцы, эскимосы полюбили серебряные украшения. Месяц стал разбрасывать свои блески, люди собирали их. И до сих пор северяне любят серебро, которое, верят они, исцеляет от недугов.

СИЛАЧ ПОНОН

Весной по всему Северу — по Колыме, Чукотке и Якутии — полетела весть, что якутский шаман Камэн в середине января проводит большие состязания по борьбе, бегу, стрельбе, бросанию мавута. Самые сильные мужчины получают призы: борец — сотню оленей, стрелок — восемьдесят, бегун — пятьдесят, ловец мавутом — двадцать.

Молодые мужчины и холостые парни стали готовиться к состязанию за-

года. Все лето и осень бегали, таскали тяжести, стреляли из лука, ловили мавутом оленей.

И вот настал долгожданный день. Со всех уголков Севера поспешили силачи в Якутию. Кто верхом на оленях, кто на собачьих и оленьих упряжках, — прибыли на место состязаний. Могущественный шаман Камэн, выходя из своей юрты, с любопытством осматривал каждого приезжего. Его тешили такие сборища. На сей раз богач расщедрился на призы в честь любимой младшей дочери Индигиры. Есть в Якутии могучая красивая река Индигирка, в ее честь была названа девочка, которая уже выросла, став прекрасной и желанной невестой.

Утром начались поединки. Первыми вышли борцы. Сбросив кухлянки, голыми по пояс начали борьбу. Валили соперника на снег, барахтались, вскакивали и вновь бросались друг на друга, сила сокрушала силу. Победенные выбывали из борьбы, победители готовились посостязаться вновь. И вот остались два сильнейших борца — якут Никулай и эвен Понон.

Ловок и силен Никулай. Под стать ему и Понон. Пар валит от голых тел. Понон изловчился и бросил Никулая спиной на снег. Победа! Возгласы возмущения и одобрения раздались из толпы. Вышел Камэн и объявил:

— Я рад, что наши соседи из эвенского края оказались такими сильными. Сто голов оленей я вручаю силачу Понону.

Через два дня после этого начались состязания по стрельбе. На вершине высокого дерева закрепили чучело белки. Стрелы летели вверх, проносились возле цели, ударяли в белку, но никто не мог угодить ей в глаз. Лишь коряк Хайятан с третьего раза попал. И получил восемьдесят оленей.

Назавтра состязались бегуны. Им пришлось преодолевать глубокий снег. Многие обессилели и отстали, только

якут Ивандя мчался как ветер и стал первым. Победитель даже обморозился, но был счастлив: он всем доказал, что якуты — народ сильный и выносливый. Довольный Камэн отдал Иванде пятьдесят оленей.

Наступил вечер, и все разбрелись по юртам ужинать. Взрывы смеха разносились по тундре, когда парни вспоминали, что забавного случилось за день. У Рэненто развязался шнурок на торбасах, и он упал в снег, а когда поднялся, бегунов и след простыл. Тут же новый взрыв смеха сотрясает юрту: вспомнили, как у Буквухая ремень на штанах лопнул...

Утром началось состязание в ловкости: кто отловит мавутом больше оленей. Пастухи и зрители окружали стадо плотным кольцом. Замелькали мавуты, мягкой петлей затягивая рога оленей. Парни ловили и выпускали животных, отсчитывая попадания. Оленя за оленем вытаскивал мавутом из стада ловкий якут, Горча, от него не отставал эвен Хэвынэ, но победителем стал жилистый чукча Тынэль: он поймал тридцать пять оленей. Снег до земли был вытоптан людьми и оленями. Шаману Камэну очень понравился Тынэль, и он решил увеличить приз до тридцати пяти оленей — столько тот отловил. Решение шамана было встречено радостными хлопками.

— Я знаю, что участники устали, — сказал Камэн, — но назначаю еще одно состязание: кто дальше всех бросит копье. Пусть участвует каждый, кто захочет. Тому, кто победит, даю пятьдесят оленей. — Он вывел из юрты свою дочь и объявил: — Сегодня я отдам в жены Индигиру — тому из парней, кого она выберет сама.

Все залюбовались красавицей. Длинные ресницы, добрая улыбка, ямочки на щеках, толстые черные косы, нарядная одежда и серебряные украшения Индигиры — лучший приз. Каждый мечтал видеть девушку своей же-

ной. Оленеводы вышли на линию с копьями, стали бросать, кто дальше. Эскимос Выргин угодил копьем в дерево, едва видимое на горизонте. Копье якута Иванди долетело до дальней сопки. Но всех превзошел силач Понон. Индигира облегченно вздохнула: ей давно приглянулся этот парень. Победители выстроились в линию, и шаман Камэн прокричал:

— Теперь моя дочь выберет себе мужа!

Индигира остановилась возле Понона.

— Я рад выбору Индигиры, — сказал шаман. — Хочу, чтобы в жилах моих внуков текла такая же сильная кровь, как у этого молодца.

Не откладывая, сыграли свадьбу, которая оказалась самой многочисленной и самой веселой за многие годы. В круг вышли якутские девушки и ослепили всех красотой, зачаровали звонкими песнями и необыкновенно подвижными танцами. Серебро звенело и сверкало на их нарядах. Парни смотрели на танцующих, затаив дыхание. На третий день шаман Камэн взял в руки бубен и запел песню, призывая на присутствующих удачу. Потом пожелал всем доброго пути.

Силач Понон увез якутскую красавицу в свои края, сородичи-эвены помогли ему перегнать большое стадо. До сих пор эвены помнят о Пононе и рассказывают о нем детям и внукам.

ДВЕ МУНГУРКИ

обрый парень Аванник нашел в лесу мунгурку и очень удивился: кто бы мог потерять такую большую сумку? Открыл, а там зло: выскочило оно и принялось лупить парня. Но тот не растерялся, схватил палку и отдубасил зло так, что оно отстало — обратно в сумку спряталось.

Идет Аванник и думает: кто же обронил мунгурку со злом? Увидел зайца, спрашивает:

— Зайчик-побегайчик, не ты ли потерял зло?

— Нет-нет, не я, — пролепетал заяц. Встретилась Аваннику белка.

— Белочка, красавица, не ты ли зло обронила?

— Зло? Мне оно без надобности, — вежливо ответила белка.

Тут на глаза парню попалась росомаха. Она беседовала с лисой и волком на поляне. Аванник обратился ко всем:

— Звери лохматые, не вы ли потеряли зло?

— Мы, мы потеряли! А где ты его нашел?

— Да там, под деревом — в мунгурке.

Не дослушали звери, побежали к дереву, схватили и давай тянуть сумку, каждый на себя. Росомаха и волк урвали по большому куску зла, лисе меньше досталось. С тех пор росомахи и волки — самые злые звери в тундре.

Идет Аванник дальше, опять видит под деревом мунгурку. Подобрал палку и ну по сумке колотить!

— Ой, ой, не бей меня, добрый человек. Это я здесь сижу — добро.

Аванник открыл мунгурку, добро оттуда и выскочило.

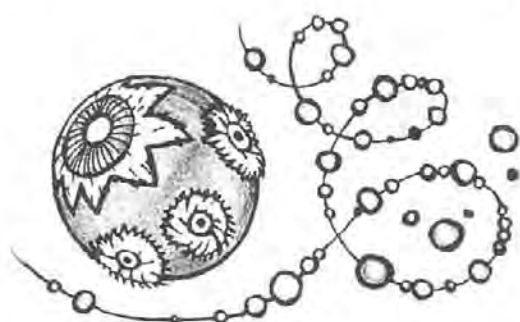
— Спасибо, что выпустил меня, — и стало расти. Звери и люди прослышали, что в лесу живет добро. Кто хотел, приходил и брал кусочек добра, а оно не убывало.

Долго думал Аванник, как помочь людям, которые живут далеко и не могут добраться до дерева, и решил обратиться к луне:

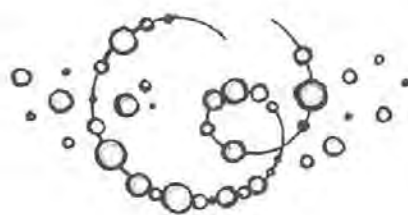
— Луна бледнолицая, красавица небесная, возьми, пожалуйста, мунгурку и вытряхни из нее добро сверху, чтобы оно рассеялось по всей земле.

Луна так и сделала. Каждому человеку досталось по частичке добра: и мне, и вам, и нашим детям, и внукам.

ВЕСЕЛЫЕ

ИСТОРИИ

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВЕСЕЛЬЧАК ДЕД КУЗЬМИЧ

ДАРМОВАЯ РЫБА

 ивут в нашей деревне разные люди. В основном труженики, но и лентяев, у которых травы в огороде – по пояс, тоже хватает. Есть весельчаки, которые любят петь на свадьбах и прочих праздниках. Есть и шутники-хохмачи, которые соврут – дорого не возьмут, а правду порой так подадут, что поверить в нее бывает очень трудно. Потом вся деревня со смеху умирает.

...Был у нас дед Кузьмич, талантливый рассказчик. Знаешь, что врет, а не поверить невозможно. Все наше население за нос водил.

Однажды сидят мужики на бревнах, о весне, о природе толкуют. Видят: Кузьмич с мешком идет, куда-то торопится, кричат ему:

– Эй, Кузьмич, соври что-нибудь.

Остановился он, отер рукавом лоб и говорит:

– Чего пристаєте? Делать нечего? А я спешу, некогда мне. Прошлой ночью река из берегов вышла да опять зашла, рыбы на берегу осталось немерено, вот и бегу ее собирать. И себе хватит, и на базар снесу. – Мужики вскочили и скорее за мешками, а Кузьмич вдогонку: – И на мою долю парочку прихватите!

Прибежали мужики с мешками на берег, а никакой рыбы и в помине нет. Только Кузьмич сидит на берегу, трубку курит.

– Вы ж просили соврать. Вот я и соврал! Понравилось?

ДЕНЬГОДЕЛАТЕЛЬНАЯ МАШИНКА

 дняжды Кузьмич в каталажку загремел. А дело было так. В 1961 году меняли старые деньги на новые: денежную реформу проводили. Вот пошел Кузьмич за десять километров в район, за пенсией. Когда получал ее, попросил кассиршу разменять 50 рубликов новенькими пятаками. Пришел домой и говорит старухе:

– Когда придут гости и я крикну тебе: «Лукерья, выдай пятачок», – ты стучи утюгом по печке и выноси пятаки.

Был праздник, у Кузьмича собрались гости, посидели и говорят:

– Ну, Кузьмич, пора тебе соврать что-нибудь!

– Эх, ребята, жисть-то у меня хорошая настала, сделал я себе деньгоделательную машинку.

– Да ну!

– А вот смотрите! Лукерья, выдай нам три пятака!

Лукерья пошла за занавесочку, стукнула о печку утюгом три раза и вынесла три новых пятака.

– Ух ты! – удивились гости. А Кузьмич не унимается:

– Лукерья, выдай гостям десять пятаков!

Лукерья пошла за занавесочку, стукнула десять раз и принесла десять пятаков, а потом и весь мешочек с монетами. Ох, и шуму было в деревне! На другой день к Кузьмичу пришел милиционер:

– Ну-ка, отдавай государству свою деньгоделательную машинку!

Кузьмич клянется и мамой, и Богом, что нет у него никакой такой машинки.

— А деньги тогда откуда, целый мешок? — строго спрашивает милиционер.

Пытался Кузьмич объяснить, как дело было, но милиционер не поверил и забрал его в район. Просидел шутник в каталажке две недели, пока с ним разобрались.

— Что, дошутился, дед? — смеялись сельчане.

Происшествие не выбило Кузьмича из колеи. Он не унимался, продолжал хохмить — без шутки жизнь в деревне такая скучная!

ПАЛЕЦ

Идет Кузьмич по деревне — печальный, с забинтованной рукой, а мужики на завалинке языки чешут. О том, о сем балаболят.

— Эй, Кузьмич, соври нам: что у тебя с рукой?

— Стыда у вас нет: все соври да соври. Я вот чистую правду вам скажу. Пошел в сарайку, поросят посмотреть, а один шустрик — цап меня за палец! Как бритвой отхватил.

— Ну, дела! — вздыхают мужики. — Не поросята у тебя, а волки. На, закуривай. Легче станет.

На следующий день идет Кузьмич в магазин, а там на крыльце мужики толкуются, курят.

Задымил с ними и Кузьмич. Смотрят, а рука-то у него не забинтована. И палец на месте.

— Кузьмич, ты же говорил, что поросенок тебе палец оттяпал.

— Конечно, оттяпал, только он за ночь-то отрос.

Поняли мужики, что Кузьмич опять их надул.

БРАГА

днажды вечером Кузьмич сказал комбайнерам:

— Вы на своей технике ездите, а там в земле бомба зарыта. Шипит, как бы не взорвалась.

И правда, шипит. То ли в милицию заявлять, то ли самим разобраться. Комбайнер Петька рыжий подбил раскопать самим. Копнули раз, другой, а там бочка зарыта, пивным духом от нее шибает, и пена ползет. Как водится, в первую секунду все окаменели, потом приняхались и поняли: бражка. И пошел пир горой. До ночи комбайнеры стояли у дома Кузьмича. Двигатели не отключают, такой шум-гам!

Председатель колхоза бросил дела и лично отвез Кузьмича в район: подержите, мол, этого хохмача дня три, а то всю уборку мне сорвет.

КОШЕЧКА

Сидит Кузьмич на завалинке, дремлет. Жара на улице, вот и разморило. Идут мужики на обед, громко спорят. Кузьмич проснулся, подзывает их. Те заранее улыбаются, предвкушая очередной прикол.

— Ну, что на сей раз соврешь?

— Правду скажу, истинную правду.

— Ладно, так и поверили. Бреши дальше.

— Была у меня кошечка, Манька. Игривая. Прыгнула сегодня с печки, поверх кадки с квасом. Не допрыгнула, бедняжка, упала в кадку и утонула.

— Да ну тебя, дед. Ты сегодня не в ударе. Раньше интересней выдумывал.

— Истинную правду вам говорю, — клянется Кузьмич, и такой у него вид, что мужики готовы всему поверить. Но не сдаются: знают, что это очередной розыгрыш. На мякине не проведешь,

научены. Посидели, покурили, а жара на улице. Кузьмич и говорит:

— Ванька, вынеси кадку с квасом, попьем!

Пьют мужики квасок, нахваливают. Вдруг Ванька что-то цепляет черпаком. Смотрят, а это кошка. Всем сразу от кваса дурно стало. А Кузьмич как будто не при чем:

— Я же вам истинную правду говорил, а вы не верили!

СПОРИЩИК

Приехал в деревню новый бригадир и скоро прослыл большим спорщиком. Никто в деревне не мог его одолеть в споре. Вот и вспомнили Кузьмича: на него одного надежда. Пришел Кузьмич на пилораму со своим сыном, Гринькой.

— А-а, — говорит бригадир, — будем спорить или схохмишь? Выбирай.

— Да я лучше правду скажу, даже на это поспорить могу.

— Давай, Кузьмич! — подначивают мужики.

— На что будем спорить? — спрашивает бригадир.

— На пять килограммов конфет.

Ударили по рукам.

— У всех людей на руках и ногах по двадцать пальцев, — говорит Кузьмич. — Спорим, что у моего Гриньки девятнадцать.

— Не может такого быть, — переглянулись мужики, а бригадир глаза сощурил, будто уже выиграл конфеты. Смотрят: руки у парня как у всех. А вот когда он правый сапог снял, оказалось, на ноге только четыре пальца.

— Ну вот, опять вы мне не поверили. А ведь я говорил вам чистую правду. Это Гринька, когда катался босым на велосипеде, срезал цепью большой палец. Неужели не помните? Видно, чужое горе быстро забывается.

Бригадир прямо спал с лица, а что

поделаешь: проиграл, покупай мальчишке конфеты.

Мужики были довольны, что Кузьмич победил. А то, гляди, приехал новенький, всех задирает. Нет же, знай наших!

КИВИ — ЗАМОРСКИЙ ФРУКТ

Поехал Кузьмич в район, внуков проводить. Пробыл там несколько дней, а когда вернулся, привез заморский фрукт — киви. Зимой в деревне дел мало, вечерами все валят в клуб — кино смотреть.

Стоит народ в тамбуре, ждет, когда в зал будут запускать. Пришел и Кузьмич с Лукерьей, прихватив с собой несколько штук киви. Ну, сейчас сморозит, — заранее улыбаются сельчане, поглядывая на Кузьмича.

— Ох, и зима нынче лютая, — не заставляя себя ждать, начинает шутник. — У меня от мороза вся картошечка шерстью покрылась.

Все, кто был в клубе, не могли удержаться от смеха.

— Давайте смейтесь, да погромче. Опять мне не верят, — вздохнул Кузьмич и достал из кармана заморский фрукт. Все так и опешили от неожиданности, увидев волосатую картошку. — Мало, что волосатая и зеленая, так еще и сладкая сделалась.

Шутник съел киви и не поморщился. Люди остолбенели. Через несколько мгновений одна из женщин опомнилась:

— Бабы! Что же мы тут стоим? Картошка померзла!

Кино в этот вечер смотрели только два человека — Кузьмич и Лукерья. Остальные бросились спасать картошку. Потом целую неделю не могли успокоиться. Шибко бабы на Кузьмича обиделись: из-за его волосатой картошки пропустили душевный индийский фильм.

Стоят бабы у колодца, видят: Кузьмич куда-то поспешает.

— Кузьмич! Соври что-нибудь.

— Врать не буду, бабоньки, скажу чистую правду. Устроился я на ответственную работу, в ЦРУ. Поэтому спешу.

— Как это в ЦРУ?

— Истинно так.

Одна ехидная баба тут же побежала к участковому:

— Вы тут сидите, а Кузьмич шпионом в ЦРУ устроился работать.

— Как это в ЦРУ? — всполошился милиционер и трусцой к Кузьмичу. Арестовал его и в район отвез. Там спрашивают:

— Скажи, Кузьмич, где ты работаешь?

— В ЦРУ.

— Ах, в ЦРУ? Посиди-ка у нас денька три, подумай.

Через день опять спрашивают, где работает.

— В ЦРУ, — смеется Кузьмич.

Хорошо еще, Лукерья за мужа похлопотала — объяснила, что работает он в центре ритуальных услуг, сокращенно: ЦРУ.

Долго еще судачила вся деревня про американского шпиона Кузьмича.

БАГОР

Пришел Кузьмич в контору с багром. Мужики предлагают:

— Ну, соври, что багром рыбу ловил. И то: лед-то на реке уже тронулся.

— Сам ты тронулся. Рыбу не ловил, врать не буду, а вот пацанов — да.

— И как — хорошо клевало? Уморил ты нас, Кузьмич, своими выдумками.

— Верьте, не верьте, мне это без разницы. Вижу, пацан соседский, Ванька, на льдине плывет, орет благим матом.

А багор-то при мне, подцепил я льдину — и к берегу. Соскочил Ванька — сопли до пояса, домой греться побег.

— Ври, ври да не завирайся, — рассердились мужики. Кулаки сжали — и к Кузьмичу придвинулись. Вдруг глядят: татарин Илька бежит, кого-то ищет. Увидел Кузьмича, обнял — со слезами благодарит за то, что спас сына и дает от чистого сердца две пачки «Казбека»: кури, мол, на здоровье. Мужики опешили, а Кузьмич и глазом не повел, дорогими папиросами угощает. На всех хватило.

1 АПРЕЛЯ

Зто было как раз перед первым апреля. Кузьмич ушел в район и остался там ночевать у своей внучки. Просит ее:

— Внученька, Верунька, я приболел. Вызови подводу из деревни!

Вскоре прибыла подвода за Кузьмичом. Положили на нее охающего старика и повезли. Увидела его Лукерья, заплакала, а муж ей подмигивает: давай, мол, реви громче. Ну, уж это она может: завопила что есть мочи. Отнесли деда домой, а тот, знай, стонет — не хочешь, а пожалеешь.

Вечером Лукерья побежала по соседям: Кузьмич, дескать, хочет со всеми проститься. Пришли соседи, видят:

лежит Кузьмич, почернел – видно, уходит.

– Односельчане, – просит пришедших, – не посчитайте за труд, приведите соседскую собаку, Бобика. Может быть, он меня вылечит.

Народ насторожился, ожидая подвоха. Собаку привели. Никто не знал, что Лукерья вымазала ноги мужа сметаной. Вот почему Бобик принялся с удовольствием его лечить – вылизывать. Дед повеселел, велел умыться. Лукерья смыла сажу с физиономии мужа, придела его. Умиравший вскочил с кровати, схватил балалайку и давай наяривать. И Бобик с ним веселится – прыгает, скулит от счастья. Люди глазам не верят: ожил Кузьмич, говорят:

– Гости дорогие, на сей раз я вас действительно обманул. Сегодня же первое апреля, прошу к столу!

В другой комнате заранее был накрыт стол. Допоздна просидели гости в доме Кузьмича, пели песни и громко смеялись, радуясь, что есть в деревне человек, умеющий поднять настроение.

БРЮХАТАЯ

днажды Кузьмич совершил прогул, не вышел на работу. Вызывает его бригадир:

– Пиши заявление на увольнение. Нам прогульщики не нужны.

– У меня жена брюхатая, – жалобно стонет Кузьмич.

– Ну и что? Из-за этого, значит, можно на работу не выходить?

– Так она брюхата не от меня.

– Как это? – опешил бригадир. Замаялся: жалко ему стало мужика: – Ладно, иди работай.

После обеда заявляется Лукерья, рычит, как разъяренная росомеха. Хватает молоток и на Кузьмича:

– Я тебе покажу: брюхатая! Я тебе покажу: от другого!

– В чем дело? – бросается к ней бригадир.

– Да он же наврал, что я беременная. А вы ему поверили, уши развесили!

Весь день бригада подтрунивала над Кузьмичом. Но с работы его не выгнали – чего он, собственно, и добивался.

КОТЛЕТЫ

Пришел Кузьмич в район за продуктами. А там чего только на прилавках нет. Видит: фарш куриный, в целлофановой обертке. Ой, – думает, – сколько курей жизни лишили. Дай-ка куплю – попробуем с Лукерьей, что за деликатес такой.

Возвращается домой через лес и вдруг замечает с тропинки: змея дохлая валяется. Взял за хвост, волочит по земле. А как раз сенокосная пора начинается, мужики неподалеку косами машут. Подходит Кузьмич, здоровается. Косари первым делом змею замечают:

– А это тебе зачем?

– В хозяйстве все сгодится. Не буду вам объяснять. Лучше знаете, что? Как пошабашите, вечером приходите ко мне, побазарим.

Любили мужики у Кузьмича гостевать: весело у него, сплошная комедия!

И вот настал вечер. Явились усталые сенокосчики, выпили, о сенозаготовке толкуют. Скучно Кузьмичу. Зовет Лукерью, чтобы та принесла огурчиков и котлет. Жуют мужики, аж за ушами трещит, нахваливают: котлеты, дескать, прямо во рту тают. И удалось же хозяйке сготовить такую вкуснотищу!

— Скажу вам всю правду, — торжественно объявляет Кузьмич. — Так вот, эти котлетки — из той самой змеюки. Не беда, что видом неказиста, зато по вкусу — чистая курица.

Не дослушали его гости, выскочили на улицу — желудки опорожнять. Так их полощет, что захлебываются. Дух перевели, орут благим матом:

— Ты что, охренел, что ли? Ну и шуточки у тебя, Кузьмич! Надо же меру знать. Удумал: змеей накормить! Сам-то хоть ел или нет?

— Да уймись вы. Присядьте, самогончику выпейте. Уж простите, не обесудьте.

Расселись гости, успокоиться не могут. А Кузьмич им и говорит:

— Да, друзья... Какие вы все-таки легковверные! Неужели думаете, что я вас стал бы дохлой змеей потчевать? Эх, мои дорогие, эти котлеты Лукерья из куриного фарша состряпала.

— Тыфу ты, жаль, что мы такую вкуснятину съели. Без толку продукт перевели.

БАНАНЫ

Внучка Кузьмича, Лена, все по заграницам моталась, по ученой части. Всякие заморские штучки, непривычные деревенскому глазу, привозила, дивила людей. Однажды бананов привезла.

Кузьмич видел бананы впервые в жизни. Очень радовался гостинцу и чему-то своему улыбался. Короче говоря, взял несколько бананов и пошел домой. На тропинке через гороховое поле догоняет компанию: бабы с лукошками направляются за грибами и ягодами. Только увидели они шутника, как тот сел на корточки и бормочет:

— Чок-чок-чок, появись, большой стручок!

— Ты что, дед, рехнулся?

— Нет, моя внучка, Ленка, научила меня заграничным заклинаниям, чтобы горох большим рос.

— Да будет тебе врать-то!

А Кузьмич еще раз пробормотал свое «чок-чок», вытащил из листьев гороха банан и говорит:

— Вот, смотрите, какой стручок гороха вымахал.

Бабы и глаза вытаращили, пошли в лес, судачат. А Кузьмич, встретив в деревне мужиков, стал угощать их заморской диковинкой, приговаривая: «Чок-чок-чок, появись, большой стручок!». Попробовали мужики угощение: ягода не ягода, вкуса никакого, трава какая-то. Как только едят за границей такую ерунду?

Вернулись бабы из леса с полными лукошками — и скорее к себе на огороды. Мужики глядят: что это с ними, — с ума посходили, что ли, бормочут: «Чок-чок-чок, появись, большой стручок!».

А их так Кузьмич научил!

— Дуры вы, дуры, нашли, кому верить. Кузьмич угощал нас большим стручком. Банан называется.

Осерчали бабы на Кузьмича за обман, да женское сердце отходчиво — тут же и простили.

ЕЛОЧКА

Перед Новым годом лесхоз продавал елочки населению, с крестовинами. Кузьмич раньше всех купил елочку и унес в укромное место, украсил игрушками, конфетами. Взял свою собаку, Шарика, запряг в сани, закрепил на санях елочку стоймя и отправил Шарика домой. Бежит пес, лает от радости. Следом за ним Кузьмич идет, на балалайке играет, песни распевает. Народ недоумевает: что это он так развеселился?

— В лесхозе дают елки, уже украшенные, тем, кто споеет и спляшет. Мне вон какую красавицу выдали.

Многие поверили, помчались в лесное ведомство и очень удивили его работников своими песнями и плясками. Те друг на друга смотрят, ничего понять не могут.

— Елки давай! Или вам не нравится, как пляшем и поем?

— С чего мы должны вам елки давать? Деньги платите и берите.

— Какие деньги? Вы же Кузьмичу за песни и пляски наряженную дали, в игрушках. Своими глазами видели.

— Ах, Кузьмичу! Ну, тогда все ясно. Обманул он вас!

Это был первый новогодний прикол Кузьмича. А сколько он их еще придумает!

САНТЕХНИК

Вышел Кузьмич утром на крыльцо, глянул через забор, а там соседский Витька цветы поливает. Вернулся, стало быть, из города в родительский дом, с учебы. Здоровенный вымахал детина, не сразу узнаешь.

Быстро времечко летит. Виктор тоже увидел Кузьмича, подошел, поздоровался.

— Ну, скажи, сосед, на кого же ты выучился?

— Зоотехником стал, — отвечает Виктор.

— Это хорошо, что ты теперь ученый, — похвалил Кузьмич. — Ну, отдыхай пока, а я пошел в контору. Отвык, небось, от родного дома?

Пришел Кузьмич в контору, рассказывает главному бухгалтеру:

— Мой сосед, Витька, на сантехника выучился, человеком стал.

Бухгалтер одобрил:

— Весьма кстати. После обеда зайду к нему: мне на кухне кран поменять надо.

Прошло полдня, главбух разыскал Кузьмича:

— Ты опять соврал, по своему обыкновению? Насчет соседа, Витьки?

— Что ты, Семеныч! Я честную правду сказал.

— Он же зоотехник, а ты его в сантехники записал. Думать надо.

— А какая разница? Лично для меня никакого различия, что зоотехник, что сантехник. Техник — он и Африке техник. Не инженер же.

ДИКОБРАЗ

Вноябре у Кузьмича сгорела сарайка. Хорошо хоть, успел борова Борьку вытащить из огня. Забивать хряка не стал: не было еще настоящих морозов, чтобы тушу хранить. Решил поддержать Борьку до декабря в холодном сарае. Натаскал сена чуть ли не до потолка — пусть скотина покуда жизнью наслаждается.

Грянули декабрьские морозы, а Кузьмич на недельку уехал в район — пенсию оформлять. Думает: вернусь и борова забью. Морозы, как волки голодные, грызут, углы дома от них толь-

ко так трещат. Приехал Кузьмич через неделю, пошел Борьке кормежку дать, а из сена дикобраз выныривает. Дед в первый момент даже остолбенел от неожиданности, а потом понял, что это Борька: оброс от холода густой щетиной.

Управился Кузьмич по хозяйству, пошел к мужикам в гараж, толкует о пенсии, о политике, о том, о сем.

— Кузьмич, а сегодня что ты нам соврешь?

— Скажу правду, мужики: уезжал я в район, борова оставлял в сарае, приезжаю, а там дикобраз сидит, шерсть у него сантиметров десять.

— Ну тебя, Кузьмич, нас не проведешь. Дикобразов в нашей местности не водится.

— Да? Спорим на пять пачек «Казбека»!

Ударили по рукам. После работы всей компанией пошли к Кузьмичу. Выгнал он Борьку на улицу, только пар повалил. Мужики, увидев страшилище, бросились врассыпную.

— Ой, Кузьмич, Кузьмич, на сей раз твоя правда.

Что ж, слово не воробей: вылетит, не поймаешь. Пришлось спорщикам пять пачек дорогих папирос складчину покупать.

КОЧЕРГА ВМЕСТО ВЫКЛЮЧАТЕЛЯ

ожила деревня до великого события: во все дома провели электричество. Народ порадоваться не может. А бабка Авдотья боится свет включать, всегда зовет кого-нибудь пособить ей. Тут-то Кузьмич возьми и присоветуй:

— Ты, Авдотья, не трусь, свет включай кочергой.

— Вот спасибо, что подсказал, а то обидно в темноте сидеть, когда все при свете.

На другой день приходит бабка в контору и просит поставить ей выключатель. Послали монтера, поставил той выключатель. Ночь прошла, Авдотья снова тут как тут, с той же проблемой. Опять поставили ей выключатель. Через две недели она снова в конторе.

— Что тебе, Авдотья, выкладывай. Глаза нам намозолила. Будто без тебя делов нет.

— Мне бы выключатель, значит, сил нету в темноте сидеть. Привычка к свету образовалась.

Тут уж пошел разбор на полную катушку:

— Ешь ты их, что ли? На тебя, мать, выключателей не напасешься, — негодует председатель.

— Дык я, Иваныч, свет-то кочергой включаю. Рукой боюсь трогать. Говорят, убить может, нечистая сила! Как кочергой жажну, так и загорается. Против черта кочерга — первое средство.

— Кочергой, говоришь? С ума спятила! С нашим народом, точно, не заскучаешь. То у нас Кузьмич воду мутит, то ты теперь.

— Кузьмич, он и есть. Спасибо, подсказал мне про кочергу, а то насиделась без света.

— Вот оно что! — заорал председатель. — Позвать мне Кузьмича!

А наш весельчак тут как тут. Разве без него обойдется? Увидел бабку, понял все без слов.

— Иваныч, я-то и подумать не мог, что эта дока-Авдока мой совет за чистую монету примет. Надо же, кочергой!

— Ах ты, хохмач чертов, все у тебя шуточки-прибауточки. А ты не подумал, что на одних выключателях колхоз разоришь? Пеняй на себя! — Вызвал секретаршу, велит: — Пиши приказ, чтобы за три, нет, за пять выключателей удержали у Кузьмича из полочки. Не будет морочить людям голову. Умник!

— Эх, — вздохнул Кузьмич. — Мог бы тебе, Иваныч, и соврать, комар бы носу не подточил. А я, как честный человек, все рассказал, все обстоятельства выложил. А ты меня к высшей мере. Не смешно.

ТАРАКАН

Приехал к Кузьмичу его давний приятель и привез с собой собачку. Необыкновенную, надо сказать. Мало того, что кличка у нее заметная: Таракан, так ведь это «насекомое» может петь, приносить папиросы, стаскивать по будильнику одеяло и кусать за пятки. Очень понравилось Кузьмичу забавное животное, и дед упросил оставить ему Таракана.

Пришел Кузьмич на полевой стан. Мужики обсуждают историю с Авдочкой и выключателем, подтрунивают над Кузьмичом:

— Ну что, не пропал у тебя пыл-жар на вранье? Давай, сморозь, а мы послушаем.

У Кузьмича не дрогнул на лице ни единый мускул.

— Врать я теперь никогда не буду. Это точно. А правду скажу. Ее же не скроешь — всегда наружу выплывет. Поселился у меня дома Таракан. Я кормлю его, вычесываю. По утрам он песни поет, а то за пятки кусает, не дает спать. Умеет и папиросы приносить. Хоть и Таракан, а как человек, все понимает. Только что не разговаривает.

— Фу, таракан, — зафыркали бабы. — Кузьмич, случаем, Авдока тебе кочергой ум не отбила? — Повозмущались, а потом и заинтересовались: вдруг да бывают на свете такие ученые тараканы. Не мешало бы убедиться. Пошли вечером к Кузьмичу. Самогончику с собой прихватили, а кузьмичова Лукерья выставила закусь. Сели, выпива-

ют, курят, то да се, не сразу и вспомнили, зачем пришли.

— А где ж таракан твой хваленый, показывай.

— Ребята, вы зря глазенки щурите, в углы заглядываете. Таракан у меня большой, зубастый. Ноги на лавку задерите, а то цапнет ненароком.

Забрались мужики на лавку с ногами — под хмельком были, заранее рожи корчат от смеха. И то: всякие насекомые бывают, а уж у Кузьмича — тем более. Может, и убежать придется.

— Таракан, тащи курить! — кричит Кузьмич.

И что же: выбегает собачонка, тащит пачку «Казбека». Народ веселится, визжит от удовольствия, будто в цирке. А Таракан уже исполняет свои рулады, ожидая от хозяина поощрения. Похвалил его Кузьмич, угостил сахарной косточкой:

— Молодец, Таракан!

— Ой, Кузьмич, уморил ты нас! Какой у тебя замечательный ученый Таракан! Живи долго! Без тебя в деревне не жизнь, а скука.

БАБА В КАРМАНЕ

Вовка, внук Кузьмича, отслужил в Германии и привез оттуда диковинные вещи: шариковую ручку музыкальную, атласные цветные карты, подтяжки, да мало ли чего еще.

— Дедуля, видишь: ручка, а в ней девушка — если перевернуть, то заиграет музычка, и девушка будет танцевать.

Ушел Вовка, а ручку на столе оставил. Взял ее дед, разглядывает: и правда, в ней баба сидит, перевернул. Писклявая мелодия полилась, а баба голышом затанцевала.

Кузьмич и оторопел: как это можно — такие цацки делать? Да он свою Лукерью за всю жизнь заголенной не видел, а здесь на тебе: в натуральном

виде, да еще танцует. Ни стыда, ни совести.

— Вот германцы, вот что придумали, — возмущается Кузьмич, а сам между тем часа два с сувениром прозабавлялся.

Взял он диковинку, положил в карман и пошел к магазину. Там всегда мужики на крыльце толпятся.

— Эй, Кузьмич, куда направляешься?

— Да вот, иду в милицию — бабу сдавать.

— Ка-ак это бабу? Что она натворила, Кузьмич? Ты вообще-то без синяков, или как? Не ожидали такого от Лукерьи. Скалкой, что ли? Небось, к Авдоке приревновала?

— Ничего подобного. Я иду чужую бабу сдавать.

— Опять врешь, Кузьмич. Что-то не видно твоей бабы. Вроде один идешь. Где она? Или в шапке-невидимке?

— В кармане.

— В кармане? Здоров ты баки заливать.

— Честное слово, в кармане.

Поспорили на пиво, и Кузьмич предъявил бабу, поначалу одетую.

— Ну и что? Мы-то думали...

Перевернул Кузьмич ручку — раздалась музыка, баба заголилась и затанцевала.

Мужики так и ахнули. Долго крутили ручку туда-сюда, не уставая удивляться: до чего техника дошла, срамота.

А потом и высказался один, самый шустрый:

— Ты, дед, эту бабу в милицию не сдавай. Мы тебе каждый день будем пиво ставить, только ты ее с собой приноси.

— Убедились? Правду я вам сказал, что баба у меня в кармане?

— Убедились, убедились, только ты о нашем уговоре не забудь.

ШАМПАНЬ

оскливо жить, если ты на пенсии и вдобавок начальство сухой закон придумало на летнее время. Народ как-то посерьезнел, хватается за что ни попадя. Когда Нюрка, дочка Кузьмича, из города привезла отцу шампунь, тот, конечно же, не собирався его пить. Только посмеялся названию: очень уж на шампанское походит. Не думал, что к слову придется.

Утром Кузьмич на пилораму пошел от нечего делать — прогуляться, на живых людей посмотреть. Мужики как мужики: за ночь их никто золотом не покрыл. Только Афонька выделяется, ко всем пристаёт — дай ему хоть каплю: опохмелиться. К Кузьмичу тоже подкатил с просьбой. А что у того — винокурный завод дома, что ли? Разговорился Кузьмич с мужиками да между прочим обмолвился:

— Знаете, ко мне на днях Нюрка приезжала, шампунь привезла.

— Ага. Шампанское, значит, — смекнули мужики.

— А не врешь, дед? Что Нюрке-то — сухой закон не писан?

— Честное слово, мне самому вчера бутылку шампуни подарила.

— Ой, Кузьмич, не дай умереть, — простонал Афоня.

Принес Кузьмич флакон, Афоня у него из рук вырвал, отвинтил пробку и отхлебнул три глотка. Пока глотал, изменился в лице и ну орать, а изо рта пена полезла. Мужики подскочили к нему: что случилось? Схватили флакон, разбираться стали. Читать все умеют, неграмотных давно нет:

— Шам-пунь. — Это крупными буквами. Тут же помельче: — Для волос. — И совсем незаметно: — Жидкое мыло.

Три дня Афоня из туалета не вылезал. Появился чуть живой. Председатель набросился на него, а Афоня ни в какую не признает своей вины:

— Это Кузьмич мне подстроил: три прогула! И придумали же чертов сухой закон, а мне через него страдай!

А Кузьмичу хоть бы что — смотрит, как невинный младенец:

— Ребята, я не говорил, что у меня шампанское есть. Я и сказал: шампунь, а Афоня сразу глотать. И чего только в городе не придумают! А зачем, спрашивается, нужна эта шампунь, когда есть же водка, и есть хозмыло, не перепутаешь?

ТУРМА

Внук Вовка, уезжая, диковинную ручку у деда забрал, зато оставил игральные карты:

— Смотри на здоровье, любуйся. Только слюной не захлебнись.

— Что я, карты не видел? — оставшись один, подумал вслух Кузьмич. — А ну-ка, что эти германцы еще выкинули? — Рассыпал на столе, и на него глянуло 36 голых женщин. — Ух ты! — Даже жар по телу прошел. — А что, как Лукерья вдруг увидит? — Собрал срамные карты. Пошел в домашнюю столярочку, очки с собой захватил — и обычные, и темные — проволочкой прикрепляются сверху к обычным. Сел за верстачок, надел очки, а чтобы не так стыдно было, и темные поверх присобачил. С очками-то еще живее вышло: стыдоба бабская выпуклее предстала. — Что у нас, своих баб нету, что ли, чужую срамоту привозить? — Смотрел-смотрел и решил, что бабы германские, конечно, красивые, но вроде как не настоящие. — Может, куклы? Не будет же баба в своем уме так голяком под аппарат подставляться. — Он вспомнил, как снимался один раз, и фотограф, который ездил по деревням на подводе, обманул его, что вылетит птичка.

Пошел на улицу, а ноги сами привели к магазину. Мужиков на крыльце

собралось много, и вроде все только его и ждали.

— Задерживаешься, Кузьмич! Придется тебе опоздание записать. Где твоя авторучка?

— Без нее обойдемся. Я сегодня каждому могу по бабе дать.

— Зачем нам чужие, когда свои есть? Ну да, коль обещал, давай. Правду говоришь?

— Истинную. — И вытащил колоду.

Мужики, окружив Кузьмича, замерли от изумления, а потом заорали, запричитали на разные лады, даже про пиво забыли. Продавщица Дуська, сгорая от любопытства, подкралась к шумной компании и краем глаза ухватила, над чем мужики потешаются. Не сдержалась и заорала, будто раненый зверь:

— Ах вы, сволочи! И где же вы такое нафотали? — рванула в магазин и всех баб на уши поставила.

Высыпали бабы из магазина — глаза своим охальникам выцарапывать, а кто и полено уж прихватил. Дуська на том не остановилась, участкового разыскала и ну орать:

— Сидишь, Ованесян? Все тебе до лампочки? А Кузьмич мужиков голыми бабами совращает!

Ованесян — мужчина в годах, степенный армянин, милиционер с большим стажем. Такой не подскочит по первому крику взбалмошной бабы, хоть она и продавщица. Дед с какими-то бабами мужиков совращает. Подумаешь — преступление. Не убийство же.

Участковый наведлся к Кузьмичу вечером и потребовал пояснения по существу дела: чем правонарушитель развлекал мужиков у магазина, вызвав возмущение общественности в лице женского населения? Кузьмич нехотя достал колоду и, смущаясь, протянул Ованесяну.

Тот лишь глянул — и дар речи потерял, будто подавился куском сала.

Когда отдышался, с трудом вымолвил, утирая пот:

— Вай-вай! Как можно смотреть такое? Кузьмич, тебе ужэ сэмдэсят лэт. Ты что, турма захотэл?

— Только тюрьмы мне не хватало, — проленетал Кузьмич.

— На свой баба, в огонь бросай, иначе турма.

Кузьмич с перепугу тут же и бросил карты в печурку.

Потом опомнился, а что толку — хоть локти кусай.

— Не надо было тебе Ованесяну правду говорить, остались бы наши бабы целы, — сочувствуя, укоряли мужики у магазина.

— Вот за что и пострадал, — соглашался Кузьмич. — За правду.

СКОВОРОДКА

По соседству с Кузьмичом поселилась молодая семья. С утра до ночи шум и ругань. Никак не угомонятся. Пришел к ним Кузьмич знакомиться.

Хозяин маленький, плюгавенький, Борюсиком назвался. Жена у него нерусская — полная, смуглая, лицо круглое.

— Это Чаротка, — представил ее Борюсик. — А чтобы легче запомнить, Сковородкой кличь.

— Ну что ж, Сковородка, так Сковородка, — рассудил Кузьмич. Как говорится, хоть горшком назови, только в печь не ставь. От соседей он отправился по поселку пройтись. Возле трактора стояли мужики, собирались куда-то ехать.

— Эй, Кузьмич, выложи нам правду.

— Скажу, да вы же не поверите. Смотрите: вон Сковородка побежала.

— Какая же она сковородка? Баба и есть баба.

— Это только так кажется. А на деле — самая настоящая Сковородка. Вот смотрите. — Соседка как раз про-

ходила мимо них, направляясь к магазину. — Эй, Сковородка, здравствуйте!

— Здравствуйтесь, — кивнула та на ходу.

— Надо же, Кузьмич! — опешили мужики. — Твоя правда.

Окончательно добил их незнакомый плюгавый мужичонка. Труся мимо, спросил на ходу:

— Кузьмич, не видели мою Сковородку?

— Да вон она, в магазин зашла!

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА

Внучка Верка привезла из самой Москвы подарки: бабе Лукерье фартук и платок, а Кузьмичу туалетную воду.

— Внученька, а что оно такое, во флаконе? — спросил Кузьмич.

— Туалетная вода. По-нашему, одеколон.

Кузьмич надел очки и стал читать: «Туалетная вода. Фирма «Париж». Положил флакончик в карман и пошел к магазину, а там бабы в очередь за барахлом выстроились.

— Привет, бабоньки. Гляньте: мне Верка привезла из Москвы туалетную воду, фирма «Париж», — с ходу выложил Кузьмич. — До чего докатились иностранцы: берут из туалета воду и нам продают.

— Как это из туалета? Вечно ты, Кузьмич, что-нибудь выдумаешь.

— Не верите? Убедитесь: нате, читайте. — Он вытащил флакон, пустил по рукам. Точно! Надпись не вызывала сомнений. А тут еще Кузьмич подначил: нажал на кнопку, и на всех свежестью повеяло.

— Ой, бабы! Какой запах! Как у одеколona. Давайте, мы свои уборные иностранцам отдадим. Сколько они туалетной воды наделают! А то жаль — такое добро у нас пропадает.

СТРАШНЕЕ ЗЛОГО ДУХА

ТА-РАХ-ТОР

Дед Цибин однажды вот что рассказывал. Когда создали колхоз, сказали: теперь и у вас трактор будет. Ждите. Никто не знал, что это такое. Мол, как увидите, сразу поймете. Что объяснять, только слова тратить.

Зимой, когда замерзли реки и болота, его пригнали в село. Своим шумом он очень испугал эвенгов. Те никогда не слышали столь оглушительных звуков. Впервые в жизни они видели большое, черное, шумливое, дымящее в трубу существо. И земля под ним дрожит, — как бы не провалилось. Конечно, оно живое, копь движется, — сомнений нет.

— Ой, ой! — на разные голоса вопили бабки, женщины, дети, выглядывая из юрт и домов и тут же прячась. А страшилище подкатило к конторе, из него выскочил человек и крикнул:

— Люди, выходите, я вам трактор пригнал! — Но никто не решился выйти, боялись. Тракторист догадался, в чем дело, достал здоровенный гаечный ключ и принялся с силой стучать по трактору: — Не бойтесь, он не живой.

И правда: если бы с такой силой ударить по оленю или по лосю, тот бы упал замертво, а этот стоит, как ни в чем ни бывало. До чего все-таки страшный... трах-тарарах... та-рах-тор! — шептали эвенги.

ПОЛОСКИ

Тракторист пригнал из района трактор по льду реки. Иного пути просто не было. Дед Нуклин — он тогда еще молодым был — шел из оленеводческой бригады в село. Увидел на льду реки зарубки от гусениц и очень удивился: что за полосы — длин-

ные, ровные, прямо к селу ведут? Ввалился домой и говорит:

— Знаешь, Домна, какой-то дурак на речке ножом полоски нарезал. Не одну, не две, а не знаю сколько, со счета сбился. Долго, однако, ему пришлось стараться. Сразу видно, что делать дураку нечего было.

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ

Было когда-то: впервые трактор притащил большие груженные сани в стойбище. Едва огромное рычащее чудовище показалось вдали, поднялась паника. Бабки заорали:

— Это злой дух! Спасайтесь! — И припустили во все лопатки. За ними все жители стойбища бросились от страха подальше в тундру.

На тракторе приехал председатель колхоза, чтобы поговорить с оленеводами, но не нашел ни людей, ни даже собак. Все будто вымерло. Стал он осматривать местность в бинокль и увидел вдалеке убегающих. Надел лыжи и погнался за колхозниками. Немалых трудов стоило уговорить их вернуться в стойбище и познакомиться с техникой. С заглушенным двигателем еще куда ни шло — можно было вытерпеть присутствие трактора. Но только заводили его, как старики разбегались: не могли справиться со своим страхом.

— И как только русские не боятся его, еще и ездят на нем!

ЛАМПОЧКА ИЛИСЯ

Председатель колхоза объявил, что вечером в каждом доме загорится лампочка Ильича. Молодежь быстро освоилась, как обращаться с электричеством, а бабки по привычке все дули на лампочку, как на свечу, и очень удивлялись, что та не гаснет. Может, дыхание ослабло? По-

шла Домна к соседке — узнать, как гасить свет. А та и сама не знает, тоже дует на лампочку.

— Давай вдвоем попробуем, — предложила Домна. Стали вместе дуть, бесполезно. Хорошо, внук пособил: щелкнул выключателем.

— Лампочка Илися дуть не надо, сама гаснет, — закивали головами старушки.

МАГНИТОФОН

Волениводческую бригаду приехал корреспондент Виктор, привез с собой маленький магнитофон «Тоника», чтобы записать репортаж об оленеводах, а заодно песни бабушек и дедушек, в их исполнении.

Собралась в юрте большая компания. Первой бабушка Улита запела. Маленький магнитофон стоял перед ней, тихо шуршал пленкой. Ничего особенного. Вот смолкло пение, Виктор перемотал пленку и включил звук. Бабушка Улита, услышав свой слегка искаженный голос, наклонилась к магнитофону и, перебивая собственное пение, затараторила:

— Ой, ой, ой! Как это я, такая большая, смогла залезть в такую маленькую коробку? — Взяла магнитофон в руки, подняла его, осмотрела. Потрясла, поднесла к глазам. Но так ничего и не поняла.

— Хватит, а то сломаешь, — строго сказал Виктор. — Теперь пусть нам дед Коркопий споет.

Спел дед. Когда стали прослушивать запись, старики долго не могли прийти в себя: как это Коркопий таким прытким оказался — втиснулся в совсем маленькую коробочку.

Они пожимали плечами, качали головой и смеялись.

ЭВЕН ДЯДЯ КОЛЯ ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

ОЙ, СКОЛЬКО МЯСА!

Аяде Коле было пятьдесят лет, когда он впервые поехал с нами в отпуск, в Краснодар. Три дня мы прожили в Москве. Я решила показать сыновьям зоопарк. Дядя Коля, разумеется, и тут не отстает. Экскурсия была незабываемая. Когда мы остановились у клетки со слоном, дядя просто остоленел. Не скоро к нему вернулся дар речи.

— Надо же, сколько мяса даром пропадает, — вымолвил, наконец, этот почтенный бригадир оленеводов. — Если завалить такого зверя, можно целое стадо оленей сохранить. От них польза есть, а от этого какая?

Слон шевелил большими ушами и будто понимал, что разговор идет о нем. Набрал воды хоботом и окатил тундровика.

— Ой, извини, — сказал дядя Коля. — Я не знал, что ты такой умный.

ВОЛКИ

Идем дальше по зоопарку, видим: волки за решеткой. Дядя Коля возмущен:

— Да этих тварей убивать надо, а не нянчиться с ними. Они же оленей загрызают. Один вред от них в тундре. Эх, нет карабина, задал бы им жару!

ШЕРСТЯНЫЕ ЛЮДИ

Зашли мы в обезьянник. Дядя Коля к клетке устремился и как закричит:

— Чина, да это же люди! Только они шерстью почему-то обросли. — Долго еще смотрел на обезьян, потом задумчиво сказал: — Знаешь, Чина, поехали-ка лучше обратно в Магадан. А то и мы здесь от жары шерстью покроемся.

видев ползущих змей, дядя Коля оцепенел от ужаса. Я припомнила поговорку: смотрит, как кролик на удава. Так он глядел на змей. Наконец, вздохнул и сказал:

— Ой, как хорошо, что таких больших и страшных канатов у нас, на Севере, нет.

СТРАШИЛИЩЕ

ри виде большой жабы дядя Коля сморщился и говорит:

— Зачем людям всяких страшилищ показывают, да еще за деньги?

Я ВАС ЗАБЕРУ ДОМОЙ

амая замечательная встреча была впереди. Подошли мы к вольеру, а там с колокольчиком на шее стоит печальный северный олень, рядом еще два. Увидев их, дядя Коля застыл от неожиданности, потом протянул за решетку руку и стал разговаривать с родными каждому звену существами:

— Олешки, дорогие, — дядя Коля даже прослезился. — Как вам здесь плохо, как жарко! Хотите домой?

Олени, должно быть, почувствовали близкого человека, стали своими нежными губами трогать дядины ладони. Мол, очень им хочется в родные края.

— Чина, Чина, давай увезем их домой! Видишь, как плачут! — И в самом деле, у оленя с колокольчиком на ресницах зависла большая слеза. — Эх, бедняжки, в тундру бы вас, на белые снега!

Долго дядя Коля не хотел уходить от оленей. Сидел возле вольера и плакал вместе с ними.

ыйдя из зоопарка, мы направились в гастроном, чтобы купить детям газировки. За нами заняла очередь африканка — высокая, стройная, в белом костюме. У дяди Коли от ее вида челюсть отвисла. Стал он вокруг виться, рассматривать женщину со всех сторон.

— Чина, почему она такая черная? Неужели не моется? — спрашивает громко, во весь голос. Подошел поближе, взял руку незнакомки, поплевал и стал оттирать. Африканка вырвалась и прочь из магазина, сама лопочет на своем языке. — Посмотри-ка, еще и возмущается. Мыться надо, однако! — отчитал ее дядя Коля вдогонку.

Хорошо еще, без международного скандала обошлось!

ЧЕРНИЛОМ ПОЛИВАТЬ БУДУ

знывая от жары, сели мы на лавочку в аллее, в тени деревьев. Вдруг дядя Коля заметил голубые елочки и говорит:

— Чина, посмотри-ка: их, наверное, чернилом поливают. Приеду домой, куплю чернил и буду поливать стланник — может, тоже голубым станет.

ХОЧУ В МАВЗОЛЕЙ

риехали мы на Красную площадь, а там большая очередь. Дядя Коля оживился:

— Смотри, Чина, сколько народу. Видно, дефицит дают.

— Это очередь к Ленину.

— Я тоже хочу к Ленину, — дядя Коля побежал к Мавзолею. Вклинился в очередь и принялся всех распахивать: — Пустите, пустите меня, я хочу к Ленину.

Я поспешила следом, на выручку, а когда добралась с детьми, дядю Колю уже выводил милиционер:

— Пойдемте, гражданин. На пятнадцать суток вас определим, за нарушение порядка в общественном месте.

Что предпринять? И вдруг меня осенило: коверкая слова, я стала убеждать стража порядка:

— Товалиса милиционера, отпустить дядя Коля. Мы приехать из тундра, нисего не понимать.

— Правда, из тундры?

— Тундра, тундра, — закивала я, и дядя Коля тоже.

Милиционер смягчился: отпустил нас и даже штрафа не взял.

— Эй, тундра!.. — не сдержалась я, поглядывая на дядю Колю, и мы пошли на станцию метро.

ПРОКОЛЕТ! ПОМОГИТЕ!

Протискиваемся в метро, бросаем пять копеек в турникеты, шагаем на эскалатор. А где дядя Коля? Вот он: топчется за турникетами.

— Чина, я боюсь проходить! Меня железяки проткнут.

— Бросай монету и иди, не проткнут.

Монету он бросает, а проходить не решается:

— Боюсь! Проколют! По-мо-ги-те!

Смотрела на него вахтерша, смотрела: нет, вроде не придуривается — в самом деле боится. И провела дядю Колю в обход турникета.

УМНАЯ МАШИНА

В метро стояли тогда разменные автоматы: монеты достоинством в 10, 15 и 20 копеек меняли на пятак.

Дяде Коле очень нравилось разменивать мелочь. Бросит 15 копеек — получит три пятачка, опустит 20 копеек — выскакивает четыре пятачка. Бросит гривенник, получит два пятака.

— Ой, какая умная машина. Ни разу не обманула. И где только ее грамоте учили?

Собственно отпуск мы проводили на Кубани, в поселке. Там дядю Колю очень удивляли заборы выше человеческого роста.

— И зачем они так закупориваются? — недоумевал он. — Друг к другу в гости не ходят, не разговаривают. Разве так можно жить? Вот у нас, на Севере: выйдешь на крыльцо — и все видно. Витька по делам идет, детишки в школу бегут, Аксинья за водой торопится, Владимир Петрович с фермы ковыляет, бабы возле магазина судачат. Не жизнь, а красота. Если и заборы у нас, то невысокие, чтобы только коровы не забредали. А здесь, на Кубани, позагораживались, один другого боится. Поедем домой, пока я за забором совсем не зачах.

ОГОНЕК ЛЕТАЕТ

Вечером сидел дядя Коля на лавочке во дворе. Вдруг летит на него светлячок, потом другой. Испугался тундровик, зовет:

— Чина, иди сюда! Выручай скорее: огоньки хотят меня сжечь!

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

Немного выпил дядя Коля и прилег в беседке, подремать. И тут потемнело, небо затянулось тучами. Загрохотал гром, засверкали молнии. Жуть! У нас на Севере такого не бывало. Дядя Коля проснулся от грохота да как завопит:

— Чина! Война началась! — Я его успокаиваю, а он и верит мне, и не верит. Когда гроза утихать стала, говорит: — Отправь меня домой. Страшно здесь, на материке.

Пришлось переоформить ему билет до Магадана. Не передать, как радовался дядя Коля, что скоро окажется в родных краях.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Данилушкин. Сказки Чины	3	Мсть медведицы	40
ЭВЕНСКИЕ СКАЗКИ И БЫЛИ	7	Две бабушки	41
Медведь-друг	9	Как торбаса хозяина искали	41
Лось и олень	9	Лиственница-мама	42
Шаман Кычу	10	Красавица Ключ	43
Почему у кулика длинный нос	10	Мудрый орел	44
Мама нерпа	11	Отчим	45
Золотой бубен	12	Меховая лапка	45
Луна	12	Нарты	46
Три камня у озера	13	Лиса-воображала	46
Совестливый бурундук	14	Льдинка	46
Самый первый подснежник	15	Чудо-туман	47
Горностай-художник	15	Парень-вулкан	47
Девушка-рыба	16	Холодный и горячий ручьи	48
Собака и пастух	17	Элрика и Арэ	48
Скалы-сестры	17	Подарки зайчика	49
Мама-морозка	18	Чина – любимица радуги	49
Торбаса помирились	18	Снежный ком	50
Красавец мухомор	19	Медведь Кын	51
Лиственница-листьянка	19	Три сестры	51
Хаяни	20	Ненужное золото	51
Песни Аячан	20	Чайка Ка	52
Мэлэни	21	Северное сияние	53
Гора Ах	22	Зайчик и мышка	53
Стланник-хвостун	22	Нука и Анэй	54
Вот так дурак!	22	Кочка, пень и мухомор	54
Звездный ковер	23	Злость шамана	55
Месяц-победитель	23	Ружье-хвастунишка	56
Подарки молодым	24	Ледяной шарик	56
Микос и Ульяна	24	Ворона	57
Дурная слава	25	Золотая росомаха	57
Добрая Хурканэ	26	Любопытные лыжи	58
Умный старик	26	Медведь и мальчик	58
Умелый Коркоп	27	Заяц-задавака	59
Волки-разбойники	28	Красавица медуза	59
Луна-мама	29	Месяц-нянька	59
Священный белый олень	30	Серый ворон	60
Бубен шаманки Баны	31	Нелкан – нужный человек	61
Смелая Кэтчэ	32	Веселые друзья	62
Ошибка Спиридона	33	Краб-жених	62
Двойняшки	34	Капризная невеста	63
Осикат-звездочка	35	Звездочка-огонек	64
Подружились	35	Хвастливая чашка	64
Сварливая хозяйка	36	Ох, уж эта лиса!	64
Игла-скорошвейка	37	Дарья-охотница	65
Дух огня	37	Три лисы	66
Папа папоротник	38	Красные камни	67
Бабушка Ачийнат	38	Озеро Алики	68
		Любовь шаманки	69

Радуга	69	Нерпочка по имени Пи	117
Сорока по имени Гар	70	Лодочка деда Ханара	118
Дымчатый песец	71	Любовь Ильчан	119
Ленивые дети	71	Рыжее Пятно	121
Перчатка Нюркани	72	Пача и его друзья	123
Добрый волк	73	Ночная шаманка	125
Спрятанные крылья	75	Три орешка	127
Цветы радости	75	Великий мастер	128
Про белочку и заячье спасибо	76	Лебединое перо	129
На льдине	76	Конь Чори	130
Слоненок детства	78	Щенок по имени Карик	132
Глупая нерпа	79	Встреча	132
Любопытная незабудка	79	Сила шаманов	134
Неумеха	80	Лягушка на Севере	134
Свадебный наряд	81	Медведь и лосенок	136
Шкура белого волка	82	Котелок деда Пачи	138
Лиственница и тополь	83	Камма-спасительница	139
Чумазаа компания	83	Осиное гнездо	140
Мудрый дед	84	Колечко с камнем	142
Ханчалан – сын шамана	85	Кукла и мячик	143
Дырявый котелок	86	Красная бусинка	145
Бабушки-подружки	87	Горнашка	147
Серебряная ложечка	87	Селезень	148
Дивное зеркальце	87	Камлечка Нериги	148
Верная подруга	88	Юрта медведя	149
Этэргэ-муравей	89	Волшебная бабочка	151
Победа белого шамана	90	День рождения	152
Брачный наряд Ке и Та	91	Почему море стало соленым	153
Зайчик-сынок	91	Огневка	154
Запреты предков	92	Наперсток	155
Серебряная стрела	93	Рукавица	156
Опозоренные седины	94	Подарок	156
Беззвучный колокольчик	95	Птицы – дети радуги	158
Жалостливая белочка	96	Чуванец Амэнта	159
Ильчан – красавица реки	97	Камусные лыжи	160
Сыновья память	98	Шаманы	161
Собачья верность	99	Зависть	162
Побежденный страх	100	Дар сказителей	163
Зерна бурундучка Ку	101	Гурий-путешественник	165
Приемные родители	103	Календарь	167
Детские забавы	104	Ненужный муж	169
Веселая посуда	105	Слезы Элрики	170
Эхо – дух земли	106	Нянька	171
Дулган – серебряный мастер	107	Друзья навеки	172
Кями – заботливая нянька	109	Непослушные тучки	173
Росомаха и лось	110	Праздник	174
Гульчан – украденная невеста	111	Как духи Гаркина проучили	174
Глухаринные песни	112	Новый год у зверей	176
Праздник в юрте	113	Одуванчики, несущие добро	176
Булуйан, спасшийся на дереве	113	Лучик солнца	177
Орел – друг	115	Хитрость	178

Кисет	179
Удача	180
Дядя Гераул	181
Девушка по имени Нёлтэн	182
Жадность	184
Заветы месяца	184
Силач Понон	184
Две мунгурки	186
ВЕСЕЛЫЕ ИСТОРИИ	187
Деревенский весельчак, дед Кузьмич	189
Дармовая рыба	189
Деньгоделательная машинка	189
Палец	190
Брага	190
Кошечка	190
Спорщик	191
Киви – заморский фрукт	191
ЦРУ	192
Багор	192
1 апреля	192
Брюхатая	193
Котлеты	193
Бананы	194
Елочка	195
Сантехник	195
Дикобраз	195
Кочерга вместо выключателя	196

Таракан	197
Баба в кармане	197
Шампань	198
Турма	199
Сковородка	200
Туалетная вода	200
Страшнее злого духа	201
Та-рах-тор	201
Полоски	201
Спасайся, кто может	201
Лампочка Илися	201
Магнитофон	201
Эвен дядя Коля впервые в Москве	202
Ой, сколько мяса!	202
Волки	202
Шерстяные люди	202
Живые веревки	203
Страшилище	203
Я вас заберу домой	203
Африканка	203
Чернилом поливать буду	203
Хочу в Мавзолей	203
Проколет! Помогите!	204
Умная машина	204
Заборы	204
Огонек летает	204
Война началась	204

Литературно-художественное издание

Чина МОТОРОВА
(Зинаида Владимировна САМСОНЕНКО)

ЗВЕЗДНЫЙ БИСЕР

*Эвенские сказки и были.
Веселые истории*

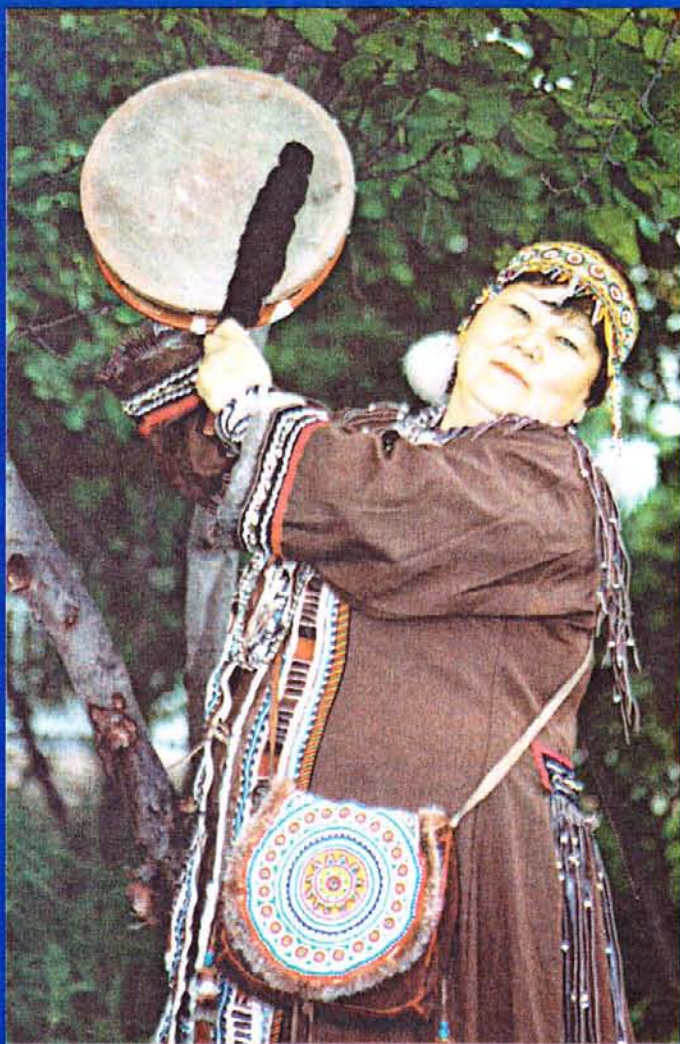
Литературная обработка *В. И. Данилушкина*

Редактор *С. Р. Бахвалов*

Художник *В. А. Борисова*

Корректор *И. В. Штульберг*

Верстка *В. Н. Бобылевой*

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Где бы ни жили люди: в Австралии или Гренландии, в Америке, не говоря уж об Азии и Европе – нет на планете народа, который бы не сочинял своих сказок, легенд, песен. Со сказок начинается жизнь человека, его детство, вхождение в большой мир. Не исключение и мой народ – звены, испокон веков живущие на Крайнем Севере, на берегу Охотского моря, в долинах чистых, быстрых колымских рек, в тайге и тундре нынешней Якутии. Много лет назад, когда я была еще ребенком, я слышала сказки от своего дяди Прокопия Павловича Машанова, от наших стариков и бабушек. В них был крик мудрого ворона и поступь хозяина леса – медведя, посвист вьюги и плеск морской волны. Сказки таились в темном уголке юрты, в огне очага, в дорожной сумке-мунгурке, в которой мы перевозили свою поклажу на новую стоянку, во всей нашей жизни.

Я с детства мечтала стать сказочницей, со школьной скамьи, как и многие, писала стихи, печатала статьи в газетах. Но сочинить сказку, скажу я вам, совсем не просто, для этого как бы требуется понимать язык зверей и птиц, песенку ручья, шепот очага и голос ледохода. Не так-то просто порой бывает понять и человека, самое сокровенное в нем, что до поры до времени скрыто и открывается лишь после долгих раздумий.

Я взялась за перо, чтобы передать опыт, мудрость моего народа. Мне хотелось прибавить к сказанному в течение веков и свое слово, частичку пережитого. Мой маленький народ любит природу, оберегает ее, поклоняется ей, поэтому не переводится в наших краях ни зверь, ни птица, ни рыба. Теперь наша с вами общая забота – сохранять и впредь леса и реки Севера, сохранять богатой нашу Родину, а душу северянина – чистой и отзывчивой на доброту. Надеюсь, что мои сказки полюбятся читателю и помогут в решении этой важной задачи.

Чина МОТОРОВА